ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ John W. Campbell Award

ФИНАЛИСТ ПРЕМИЙ Hugo и Nebula

Кори Доктороу

МЛАДШИЙ БРАТ

Это чудесная, очень важная книга, важная настолько, что недостатков ее, даже если они вдруг и находятся совершенно случайно, вы просто не замечаете.

Нил Гейман

Младший брат
Кори Доктороу

Аннотация
Кори Доктороу. Младший брат
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Эпилог
Послесловие Брюса Шнейера
Послесловие Эндрю «Банни» Хуана, хакера икс-бокса
Библиография

Аннотация

«Младшие братья» — против всемогущего Старшего Брата. Семнадцатилетний хакер и его команда — против Системы. Они — короли Сети, они уверены, что могут все.

Но Система следит за каждым из нас…

И каждый из нас в одночасье может попасть в ее когти.

Свобода давно уже стала мифом. Люди — пешки в Большой игре правительств и спецслужб.

И каждому, кто хочет нанести Системе ответный удар, надо быть не только отчаянно смелым, но и очень, очень умным…

Кори Доктороу
Младший брат

Посвящается Элис, делающей меня полноценным.

Глава 1

Я живу в районе Мишн-дистрикт солнечного Сан-Франциско и учусь в выпускном классе средней школы Сезар-Чавес. А это означает, что за мной установлена такая слежка, какой подвергаются немногие люди в целом мире. Меня зовут Маркус Йаллоу, но в начале этой истории кое-кому я был известен под ником *w1n5t0n* — произносится «Винстон».

То есть не «Дабл-ю-уан-эн-файв-ти-зироу-эн», как прочитал бы какой-нибудь заторможенный дисциплинарный чиновник из системы образования, который настолько не в теме, что до сих пор называет Интернет информационной магистралью.

Я лично знаю одного такого тормоза. Это Фред Бенсон, по должности один из трех замдиректоров нашей школы, а по призванию — ядовитая змея, пригретая на ученической груди. Но если уж к вам приставили надзирателя, пусть лучше он будет лохом, чем экспертом.

В пятницу утром его голос проревел на всю школу по системе общего оповещения:

— Маркус Йаллоу!

Мало того, что через наши вокзальные матюгальники ничего не разберешь, так Бенсон еще имеет привычку говорить, будто рот кашей набил. В результате из динамиков раздались нечленораздельные звуки, больше смахивающие на урчание в желудке, который силится переварить несвежий буррито. Но человек обладает способностью улавливать собственное имя при любых шумовых помехах — свойство, приобретенное благодаря инстинкту выживания.

Я тут же схватил свою сумку, на три четверти прикрыл крышку ноутбука — не хотелось терять то, что уже успел скачать — и приготовился к неизбежному.

— Немедленно явитесь в административный офис!

Мисс Галвез, преподаватель обществоведения, посмотрела в мою сторону, многозначительно закатив глаза, и я ответил тем же. Бенсон все время придирается ко мне только из-за того, что я дырявлю файерволы школьной сети, как мокрые бумажные салфетки, ломаю программу, распознающую учеников по походке, и вывожу из строя «стукачей» — чипы в нагрудных бейджиках, посредством которых отслеживаются

все наши передвижения. Зато Галвез в отличие от замдиректора нормальная тетка и не ищет повода осложнить мне жизнь (может, потому, что я всегда помогаю ей связаться по веб-мейлу с братом, который сейчас в командировке в Ираке).

Проходя мимо Даррела, моего лучшего корефана, я получил от него тычок кулаком в задницу. Мы с Даррелом дружим еще с тех пор, когда вместе пешком под стол ходили и смывались с занятий группы дошколят. Из-за меня он то и дело попадает во всякие переделки, хотя я же нередко его и выручаю. Я потряс руками над головой, будто боксер перед боем, вышел из кабинета обществоведения и поплелся к административному офису.

На полдороге зазвонил мой телефон — еще одно грубое нарушение правил, так как мобильники в нашей школе *muy prohibido*.[1] А мне плевать на запреты. Я мгновенно свернул в туалет и заперся в средней кабинке (дальняя самая загаженная, поскольку многие сразу направляются именно к ней в надежде, что там их обоняние и слух подвергнутся меньшим испытаниям, однако наиболее приемлемый уровень санитарии,

[1] Примечания: 1
Под строгим запретом *(исп.). — Примеч. пер.*

как и выгоднейшее решение, всегда находится посередине). Мой домашний комп сообщил на мобильник по е-мейлу о начале очередного этапа в самой прикольной из когда-либо придуманных игр — «Харадзюку-Фан-Мэднес».

Я даже улыбнулся. Вот здорово! Отличный предлог свалить с занятий; все равно торчать в пятницу в школе — это извращение.

Я рысью преодолел остаток пути, проскользнул в кабинет Бенсона и с порога приветственно махнул ему рукой.

— О-о, да это же Дабл-ю-уан-эн-файв-ти-зироу-эн собственной персоной! — произнес Фредрик Бенсон — номер карточки социального страхования 545-03-2343, дата рождения 15 августа 1962 года, девичья фамилия матери Ди Бона, место рождения поселок Петалума. Вдобавок он намного выше меня ростом. Я со своим метром семьюдесятью двумя просто коротышка в сравнении с его двумя метрами. А поскольку университетская баскетбольная команда осталась для Бенсона в далеком прошлом, его грудные мышцы превратились в обвислые сиськи, что очень заметно под тонкими халявными теннисками, которые он постоянно носит, рекламируя чьи-то товары. Рядом с Бенсоном возникает ощущение, будто

ему ничего не стоит свернуть тебе голову своими длинными ручищами и запихнуть ее в баскетбольную корзину вместо мяча. А еще Бенсон любит театрально повышать голос и вообще давить на психику, но после того, как с ним пообщаешься, перестаешь обращать внимание на все его закидоны.

— Извините, не знаю никакого R2D2, о котором вы говорите, — прикинулся я шлангом. — Кто он, этот тип?

— W1n5t0n, — поправил он, повторив по буквам мой ник, и стал ждать, когда я задымлюсь под его испепеляющим взором. За несколько лет существования «Винстон» фактически стал моим вторым именем. Я подписывался им еще в те времена, когда размещал на форумах предложения в области прикладных исследований по обеспечению безопасности. Ну, знаете, типа как смыться с уроков, чтобы тебя не застукало электронное устройство, следящее за местонахождением твоего телефона. Но Бенсон никак не мог знать, что подпись моя. Об этом было известно немногим людям, которым я доверял, как себе.

— Хм, нет, никогда не слышал ничего подобного, — сказал я как ни в чем не бывало. W1n5t0n известен как автор великих достижений, кото-

рыми я по-настоящему горжусь. Чего стоят одни только разработанные мной убийцы электронных «стукачей»! И если Бенсону удастся доказать, что Винстон и я — одно и то же лицо, мне не поздоровится. Никто в нашей школе, даже мои самые близкие друзья, не называют меня этим именем или даже буквосочетанием w1n5t0n. Для всех я только Маркус и никак иначе.

Бенсон уселся за письменный стол и нервно постучал своим университетским кольцом по пресс-папье. Он всегда стучал кольцом, если у него что-то не склеивалось. В покере даже особый термин есть — «дать наколку», когда игрок своими телодвижениями нечаянно выдает сопернику то, что творится у него в голове. Я изучил все бенсоновские наколки вдоль и поперек.

— Маркус, надеюсь, ты понимаешь, насколько это серьезно!

— Пойму, как только вы объясните, в чем дело, сэр! — Я всегда добавляю «сэр», общаясь с власть имущими, если мне грозят неприятности — это уже моя собственная наколка.

Бенсон угрожающе покачал головой, глядя на меня в упор, потом опустил глаза — еще одна наколка: теперь в любую секунду он может разораться.

— Ну вот что, сынок. Пора тебе осознать тот факт, что нам известно о всех твоих проделках, и мы не собираемся и дальше терпеливо сносить их. И если ты не вылетишь из школы до завершения нашей беседы, считай, тебе повезло. Ты вообще хочешь получить аттестат о полном среднем образовании или нет?

— Мистер Бенсон, вы так и не объяснили мне, в чем, собственно…

Он грохнул раскрытой ладонью по столу и ткнул в мою сторону указательным пальцем.

— Дело в том, мистер Йаллоу, что вы участвуете в преступном заговоре с целью вывести из строя систему безопасности школы и снабжаете остальных учеников устройствами, предназначенными для осуществления этой диверсии! На прошлой неделе, как вы знаете, мы исключили Грасиелу Уриарте за применение на практике одного из ваших устройств! — Да, Грасиеле вставили по максимуму. Она купила глушилку у барыг возле станции метро на Шестнадцатой улице и врубила ее в школьном коридоре. Я тут ни при чем, но Грасиеле сочувствую.

— А почему вы решили, что это я всучил ей передатчик помех?

— У нас есть надежные сведения, что ты — тот

самый w1n5t0n! — Бенсон снова произнес мой ник по буквам. Судя по всему, он и в самом деле не просек, что «1» означает «i», а «5» — «s». — И мы знаем наверняка, что именно w1n5t0n в прошлом году взломал защиту школьной сети и выкрал типовые контрольные. — Вообще-то это сделал не я, но хак был классный, и то, что его приписывают мне, польстило моему самолюбию. — И если не перестанешь отпираться, мы можем засадить тебя за решетку на несколько лет!

— Сэр, а что это за «надежные сведения», позвольте полюбопытствовать?

Бенсон, похоже, готов был меня ударить.

— Подобным поведением ты только усугубляешь свое положение!

— Сэр, если вы действительно располагаете достоверными уликами, то, думаю, вам следует незамедлительно довести их до сведения полиции. Дело, очевидно, очень серьезное, и мы, как мне кажется, не вправе отсрочивать проведение всестороннего расследования органами власти, уполномоченными на то в законном порядке.

— Значит, ты хочешь, чтоб я вызвал полицию?

— И моих родителей тоже. Так будет даже лучше.

Мы уставились друг на друга поверх стола.

Бенсон явно рассчитывал, что стоит ему сбросить на меня свою бомбу, я сразу расколюсь. Не дождется! Кроме того, у меня отработан прием, как переглядеть таких зануд, типа Бенсона. Я смотрю не прямо в глаза, а чуть-чуть левее, и при этом повторяю в уме слова старинной ирландской народной песни, из тех, в которых сотни по три куплетов. В результате мое лицо приобретает совершенно невинное и безмятежное выражение.

А крыло на птице, а птица на яйце, а яйцо в гнезде, а гнездо на листе, а лист на побеге, а побег на ветке, а ветка на суку, а сук на дереве, а дерево на болоте, а болото в долине, о-о-о! Там, о-о-о, на страшном болоте, а болото там в долине, о-о-о…

— Можешь пока вернуться в класс, — не выдержал Бенсон. — Когда приедет полиция, я тебя позову.

— Зачем же? Звоните в полицию, а я пока подожду.

— Прежде чем пригласить полицию в школу, необходимо выполнить кое-какие формальности. Я надеялся, что нам удастся уладить это дело быстро и без постороннего участия, но раз ты настаиваешь…

— Не обращайте на меня внимания, — подбод-

рил я его. — Звоните в полицию!

Бенсон опять забарабанил пальцами, и я приготовился к новому взрыву.

— Убирайся! — заорал он. — Убирайся ко всем чертям из моего кабинета, ты, жалкий мелкий…

Я убрался, сохраняя на лице невозмутимое выражение. Бенсон не станет вызывать полицию. Если бы он располагал твердыми доказательствами, то сделал бы это сразу, не теряя времени на разговоры. Просто я для Бенсона как бельмо на глазу. Видимо, он услышал где-то краем уха ничем не подтвержденные сплетни и решил взять меня на пушку, надеясь расколоть в два счета. Не дождется!

В отличном настроении я быстро зашагал по коридору, стараясь ступать ровно и размеренно под объективами видеокамер системы идентификации личности по походке. Их установили всего лишь год назад, но я успел полюбить эту систему за ее откровенный идиотизм. Прежде у нас почти на каждом углу стояли камеры распознавания по лицам, но их убрали решением суда, признавшего, что они нарушают наши конституционные права. Тогда Бенсон и ему подобные шизоиды из администрации потратили кучу долларов из школьного бюджета на дурацкое оборудование,

чтобы следить за нами по различиям в том, как мы передвигаем ноги! Каково?

При моем появлении в классе мисс Галвез тепло приветствовала меня и разрешила сесть. Я раскрыл свой скулбук — казенный ноутбук с самой предательской из всех существующих школьных программ. Она фиксирует каждое нажатие клавиши и полностью отслеживает сетевой трафик, отыскивая подозрительные слова; регистрирует все щелчки мыши и доносит о любом обмене даже самой малозначительной информацией. Новенькие ноуты нам вручили еще в первом классе, и уже через пару месяцев их блестящие корпуса пообтерлись и потускнели. Как только мы дотумкали, что эти «бесплатные» коробки работают на дядю — и подсовывают нам прорву совершенно дурацкой рекламы, — они вдруг стали казаться очень тяжелыми и заморочными.

Кряк появился в Интернете уже через месяц после выпуска новых машин. Все, что требовалось сделать — это скачать DVD-образ, записать его на болванку, засунуть диск в скулбук и загрузиться, нажав одновременно несколько разных клавиш. Остальную работу выполнял инсталлятор, записанный на DVD. Так можно незаметно установить целую кучу программ, которые останутся

невидимыми даже для ежедневных проверок периферийных машин, проводимых городским советом по образованию с центрального сервера. Время от времени мне приходится тратиться на очередные апдейты, чтобы обходить защиту контрольных программ, запускаемых учебной частью, но ради возможности самостоятельно распоряжаться своим ноутом стоит пойти на некоторые издержки.

Я запустил IM Paranoid, специальный мессенджер, которым пользовался, когда хотел втихаря переговорить с кем-нибудь прямо посреди занятий. Даррел уже вышел на связь.

> Ди, этап начался! Мне только что комп сбросил на мобилу сигнал с «Харадзюку-Фан-Мэднес». Ну что, дернем?

> Не! Если меня в третий раз поймают, то выпрут, ты же понимаешь. Давай лучше после уроков!

> Сейчас будет большая перемена, а потом у нас самостоятельные занятия, так? Это целых два часа. Мы сто раз успеем расколоть задачу и вернуться. Нас никто не хватится. А я пока свистну остальных.

Я уже говорил, что «Харадэюку-Фан-Мэднес» из

всех игрушек — самая классная, и готов лишний раз повторить это. Она относится к ИАР — играм в альтернативной реальности. Суть ее заключается в том, что команда японских подростков ищет в храме на Харадзюку чудотворный целительный камень. Вообще Харадзюку — это район Токио, где в основном тусуются продвинутые японские пацаны и откуда берут начало все сколь-нибудь значительные подростковые субкультуры последнего десятилетия. Так вот, за подростками охотятся злые монахи, безжалостная якудза (японская мафия), враждебные инопланетяне, налоговые инспекторы, недобрые родители и обнаглевший искусственный интеллект. Команда подбрасывает игрокам закодированные сообщения, которые мы должны расшифровать, чтобы обнаружить скрытые в них подсказки, а японские партнеры шлют новые сообщения с очередными наводками.

Что может быть лучше, чем в ясный денек рыскать по городским улицам, встречаться с необычными людьми, помешанными, как и ты, на игре; отыскивать непонятные записочки на фонарных столбах и автобусных остановках, заглядывать в допотопные магазинчики? Добавьте к этому чуть ли не археологические раскоп-

ки, когда просматриваешь непонятные старые фильмы, вслушиваешься в тексты незнакомых песен, изучаешь интересы и особенности жизни подростков в странах всего мира на протяжении многих лет. Плюс ко всему дух соревнования и борьбы за главный приз команде-победительнице из четырех человек — поездка в Токио на десять дней. Я давно мечтаю побалдеть на сумасшедшей тусовке на мосту Харадзюку, оторваться в компьютерном рае Акихабары, увезти домой сувениров на сколько бабла хватит, на память об Астро-Бое (правда, в Японии его зовут «Атом-Боем»).

Вот что такое «Харадзюку-Фан-Мэднес»! И стоит вам решить одну-другую загаданную в ней головоломку, вы уже не сможете остановиться.

> Нет, чувак! Нет и точка! НЕТ. Даже не проси.

> Ты мне нужен, Ди. Ты лучший в моей команде. Клянусь, проведу тебя из школы и обратно так, что никому и в голову не придет. Ты сам знаешь, что я это умею, верно?

>Да, знаю, ты это умеешь.

> Значит, ты со мной?

> Нет, черт возьми!

> Ну же, Даррел. Когда придет твой смертный час, ты не станешь жалеть об упущенной возможности лишний раз позаниматься на самостоялке.

> В мой смертный час я также не стану жалеть об упущенной возможности лишний раз погамиться в ИАР.

> Зато в твой смертный час ты наверняка пожалеешь, что упустил лишнюю возможность пообщаться с Ванессой Пак.

Ван тоже играет в моей команде. Она учится в частной женской школе в Ист-Бэй, но я не сомневался, что ей удастся удрать с занятий и принять участие в игре. Даррел начал реально сохнуть по ней буквально годы назад — еще до того, как половая зрелость щедро одарила ее многими прелестями. Он втюрился в Ван по уши — грустно, но факт.

> Ты меня достал.

> Ты идешь со мной?

Даррел обернулся, посмотрел на меня и отрицательно мотнул головой. Потом медленно покивал. Я подмигнул ему и стал налаживать

связь с остальными членами моей команды.

Я не сразу пристрастился к ИАР. Должен признаться, что раньше мне больше нравились настоящие ролевые игры, в нашей реальности. Это занятие в целом соответствует своему названию — надеваешь костюм, какой полагается по роли, и коверкаешь собственную речь, изображая супершпиона, или вампира, или средневекового рыцаря. Кипежу не меньше, чем в игре «Завладей флагом», только с примесью школьного драмкружка, поскольку все участники носятся в театральных прикидах. С особым кайфом мы отрывались в бойскаутских лагерях под Сономой и на Пенинсуле. Трехдневная ролевая эпопея для кого-то становилась серьезной проверкой на хилость, поскольку все это время мы проводили в пеших походах, геройски сражались бамбуковыми мечами в пенопластовой оболочке, с воплем «Молния!» бросались пакетиками с фасолью — выводили противника из строя «заклятием» — и творили еще много чего такого. В общем, здорово прикалывались, хотя если посмотреть со стороны, то, наверное, дурдом. Впрочем, на мой взгляд, заниматься ролевыми играми не более стремно, чем, скажем, обсуждать очередной каверзный замысел твоего эльфа, сидя в придурковатой

компании за столом, уставленным банками с диетической колой и рисованными картинками. И для здоровья гораздо полезнее, чем торчать, будто в коме, дома перед компьютером за какой-нибудь мультигеймерской игрой.

Неприятности у меня начались после одной из ролевых игр, которые мы изредка устраивали в гостиницах. Всякий раз, когда у нас в городе собиралась конференция писателей-фантастов, кто-то из наших активистов уговаривал их разрешить нам организовать в арендуемых ими гостиничных помещениях одну-другую небольшую потасовку часиков этак на шесть. Восторженная беготня ватаги юнцов, наряженных монстрами, добавляла конференции необычного колорита, а мы вовсю куролесили в окружении взрослых, у которых крышу сносило не хуже, чем у нас, подростков.

Трудность заключалась в том, что далеко не все постояльцы гостиниц обожают ходить на голове или помешаны на научной фантастике. Среди них встречаются и нормальные люди, например, приезжие из штатов, названия которых начинаются и заканчиваются на гласные буквы, отпускники.

Естественно, что кое-кто из гостей неправиль-

но истолковывал суть нашей забавы.

Но давайте оставим пока эту тему, ладно?

Урок закончился через десять минут, и времени на подготовку у меня практически не было. Первым делом требовалось позаботиться об этих идиотских камерах идентификации по походке. Как я уже сказал, поначалу у нас в школе установили систему распознавания по лицам, но ее признали неконституционной. Насколько мне известно, еще ни один суд не вынес решения относительно незаконности «шагомерной» системы, а значит, пока нам приходится с ней бороться.

Вообще походка человека проявляется не только в том, как он передвигает ноги. В следующий раз, когда вам доведется выбраться на природу с ночевкой, обратите внимание, как на ходу прыгает луч света от фонарика в руке неразличимого в темноте спутника. Вы наверняка признаете его по этим характерным колебаниям, в которых наши обезьяньи мозги автоматически угадывают многократно виденные и запавшие в память телодвижения при ходьбе стародавнего приятеля.

Программа идентификации по походке следит за перемещением человека, стараясь создать его силуэт, а затем сопоставляет полученное изобра-

жение со своей базой данных в попытке понять, известен ей этот объект или нет. Принцип тот же, как при любой другой биометрической идентификации личности, например, по отпечаткам пальцев или строению сетчатки глаза, однако по сравнению с последними двумя при распознавании по походке гораздо выше вероятность коллизий. Биометрическая коллизия возникает в тех случаях, когда полученное значение соответствует параметрам более чем одного человека. Отпечатки ваших пальцев неповторимы, зато особенности при ходьбе могут совпадать с десятками других людей.

Ну, не в точности, конечно. Никто не сможет идти так же, как вы, сантиметр в сантиметр. Однако заморочка тут еще в том, что походка может меняться в зависимости, к примеру, от степени усталости человека, от неровности места, куда ступает нога, и не потянулась ли лодыжка на уроке физкультуры, не трут ли новые ботинки. Поэтому программа как бы вычисляет вас из множества людей, которые ходят приблизительно так же, как вы.

На свете полно людей, которые ходят приблизительно так же, как вы. Более того, нет ничего проще, чем изменить свою походку — достаточно

снять один ботинок. Естественно, что в таком случае вы будете ходить, как всегда ходите в одном ботинке, а значит, программа в конце концов поймет, что это все-таки вы. Вот почему в противоборстве с камерами наблюдения я использую фактор случайности: подсыпаю в каждый ботинок по горсти мелкого гравия. Дешево и сердито — двух шагов одинаковых не сделаешь. Вдобавок бесплатно получаешь великолепный рефлексологический массаж обеих стоп! (Не верьте, я придуриваюсь. Рефлексология как наука полезна примерно так же, как идентификация личности по походке.)

Поначалу камеры включали тревожный сигнал всякий раз, когда на школьную территорию ступала нога незнакомого им человека.

Это был дурдом.

Сигнал срабатывал каждые десять минут, стоило в школу заглянуть почтальону или явиться чьим-то родителям, или если ремонтная бригада принималась наводить порядок на баскетбольной площадке, или когда кто-то из учеников щеголял в новой обуви.

Поэтому систему перепрограммировали, и теперь она пытается следить, где и когда мы находимся. Если во время уроков кто-то покидает

кампус, камеры тут же проверяют, не смахивает ли его походка, хотя бы приблизительно, на чью-либо из школьников, и в случае совпадения — вуп-вуп-вуп! — начинают бить тревогу.

Дорожки на территории Сезар-Чавес посыпаны мелким гравием. У меня в сумке всегда припасена пара горстей — на всякий пожарный. Я молча пересыпал в ладонь Даррелу штук десять — пятнадцать маленьких камешков с зазубренными гранями, и мы оба зарядили наши ботинки.

Урок вот-вот закончится, а я до сих пор не посмотрел на сайте «Харадзюку-Фан-Мэднес» место проведения сегодняшнего этапа игры. Слишком зациклился на организации побега и не позаботился о выборе *направления,* в котором надо бежать.

Я вновь обратился к своему компьютеру и застучал по клавишам. Наши скулбуки снабжены браузером, который представляет собой напичканную шпионскими модулями гнилую майкрософтовскую версию интернет-эксплорера. Ни один здравомыслящий человек, не достигший сорокалетнего возраста, не станет добровольно работать с такой дерьмовой программой.

У меня есть копия браузера Firefox на флешке, встроенной в мои наручные часы, но этого еще

недостаточно. На скулбуке установлена древняя операционная система Windows Vista4Schools. Она спроектирована так, чтобы школьные администраторы тешились иллюзией своего полного контроля над софтом, с которыми работают ученики.

Однако Vista4Schools — свой собственный худший враг. В нее заложены многочисленные кейлогеры и цензорские программы. По идее, у нас не должно быть доступа ко всем этим примочкам, чтобы мы не смогли их закрыть. Вот почему они функционируют в особом режиме, который делает их невидимыми не только для пользователя, но и для самой системы.

Для операционной системы любая прога, чье название начинается с SYS, вроде бы и не существует вовсе. Она не значится ни в директориях жесткого диска, ни в списке процессов диспетчера задач. Поэтому, когда я запустил свою копию Firefox под именем SYSFirefox, она стала невидимой как для Windows, так и для всех установленных в системе шпионских программ.

Теперь, когда в моем распоряжении имелся автономный веб-браузер, требовалось найти способ обеспечить для него индивидуальный канал связи с Интернетом. Школьная система фикси-

рует каждый вход и выход из сети, а это никуда не годится, если вы надумали заглянуть на сайт «Харадзюку-Фан-Мэднес» в разгар учебного дня.

Чей-то изобретательный ум нашел решение и этой задачи с помощью АПС, анонимных прокси-серверов, которые еще называют «анонимайзерами». Первый принимает ваше задание на связь с сайтом и передает его другим АПС, а те, в свою очередь, все новым АПС, пока один из серверов не решит, наконец, отправить вам нужную страницу обратно через сотню «луковичных одежек». Запрос пересылается в зашифрованном виде; это означает, что его содержание останется тайной для школьной администрации, а маршрутизаторы не узнают личность заказчика. Система АПС имеет миллионы пересечений и ответвлений. Ее создало научно-исследовательское бюро ВМС США, чтобы помочь своим людям в таких странах, как Сирия и Китай, обойти рогатки цензорских программ. Следовательно, она прекрасно подходит для использования в американской средней школе.

И эта система работает благодаря тому, что черный список «нехороших» адресов, на которые нам запрещено заходить, не может меняться с такой скоростью, как адреса АПС. Школьные

администраторы просто физически не способны отслеживать все анонимайзеры. Firefox и АПС совместными усилиями превратили меня в человека-невидимку, неуязвимого для электронных доносчиков учебной части Сезар-Чавес. Я запросто связался с сайтом «Харадзюку-ФМ» и выяснил, в чем дело.

Вот она, новая вводная задача, которая состоит, как всегда, из трех частей — онлайновой, интеллектуальной и физической. Онлайновая составляющая — это головоломка, которую надо решить, ответив на серию закрученных вопросов по сюжетам додзинси — самодельных японских книжек-комиксов. Их рисуют любители манги, обычных комиксов, издаваемых в Японии. Внешне додзинси могут быть такими же большими, как издательская манга, но гораздо прикольнее, с пересекающимися сюжетными линиями и подчас совершенно дурацким содержанием и песенками. Многие из них, конечно, о любви. Всем хочется видеть свои любимые картинки на экране монитора.

Придется заняться решением головоломок позже, когда я вернусь домой. Вообще лучше делать это вместе со всей командой; так легче перелопачивать тонны файлов додзинси и прочесывать

их в поисках ответов на поставленные вопросы.

Я едва успел собрать в кучку все вводные, как прозвенел звонок, и мы с Даррелом приступили к осуществлению плана нашего побега. Первым делом я незаметно подсыпал гравия за высокие, до щиколоток, края своих «бландстонов» — австралийских шорт-бутсов, в которых очень удобно бегать и карабкаться, а также проскальзывать через ныне вездесущие металлодетекторы, так как благодаря отсутствию шнурков их можно легко и быстро снять и снова натянуть на ноги.

Естественно, нам не следовало попадаться на глаза учителям, но выполнять эту задачу становится все проще с установкой каждого очередного пояса наблюдательного оборудования — все эти звонки и свистки убаюкивают бдительность работников школы, вселяя в них абсолютно ложное чувство надежности и покоя. В толпе учеников мы пробирались по коридорам к моему излюбленному боковому выходу. Где-то на полдороге Даррел вдруг сокрушенно простонал:

— Вот дерьмо! Совсем забыл, у меня в сумке библиотечный учебник!

— Ты что, обалдел? — зашипел я и втолкнул его в ближайший туалет. В обложки всех библиотечных книг вклеены арфиды — радиочастотные

маячки. С их помощью выдача учебников регистрируется считывающим устройством на библиотечной стойке, и можно определить, все ли книги на полках и какие отсутствуют.

Но эти маячки также позволяют школьным электронным доносчикам все время следить за тобой — еще одна лазейка в обход закона. Суд запретил бы использовать арфиды для наблюдения за *учениками*, но не за библиотечными *учебниками* — а значит, и за теми, у кого на руках находится та или иная книга.

Я всегда ношу с собой «мошонку Фарадея» — кожаный футлярчик, в стенки которого вшита тонкая медная сетка, непроницаемая для электромагнитных волн, а потому эффективно заглушающая радиомаячки. «Мошонка Фарадея» удобна для нейтрализации электронных транспондеров вроде удостоверений личности или карт оплаты проезда через мосты, но никак не учебников типа…

— «Введение в физику»?! — простонал я. Этот талмуд был размером с толковый словарь.

Глава 2

— После школы я хочу изучать физику в Беркли, — сказал Даррел. Его отец преподавал в Калифорнийском университете в Беркли. Это означало, что Даррелу полагалось бесплатное обучение, если он туда поступит. А то, что он станет туда поступать, у него дома считалось делом решенным — тут и вопросов быть не может.

— Молодец, а что тебе помешало изучать ее в онлайне? — поинтересовался я.

— Папа велел прочитать этот учебник. А кроме того, я не планировал сегодня совершать никакого преступления.

— Прогулять урок — еще не преступление. Это нарушение дисциплины. Чувствуешь разницу?

— Ладно, что нам теперь делать, Маркус?

— Ну, если нельзя заглушить арфид, придется его ликвидировать. — Убийство арфида требует навыков в области потаенных ремесел. Ни один продавец не хочет, чтобы злонамеренный покупатель разгуливал по торговому залу, оставляя за собой горы товара с уничтоженным невидимым штрих-кодом. Поэтому производители

отказались от создания источника «киллерского» сигнала, с помощью которого можно было бы отключить арфид. Есть оборудование для перепрограммирования радиомаячков, но у меня рука не поднимется подвергать подобной лоботомии книги из библиотеки. Это почти так же плохо, как вырывать из них страницы. Книга с перепрограммированным арфидом превращается в иголку в стоге сена, ее уже не отыскать.

У меня не оставалось иного выбора, кроме как уничтожить эту штуку. Тридцать секунд в микроволновой печи убивают практически любой существующий арфид. Когда Ди придет в библиотеку сдавать учебник физики, считывающее устройство не получит никакого сигнала. Поэтому они просто изготовят новый арфид, закодировав в нем нужную для каталога информацию о книге, и спокойненько водрузят ее обратно на полку.

Теперь не хватало только микроволновки.

— Через две минуты закончится перемена, и в учительской не останется ни души, — сказал я.

Даррел схватил свой учебник и направился к выходу из туалета.

— И думать забудь! Я пошел заниматься.

Я вцепился ему в локоть и затащил обратно.

— Стоп, Ди, не дергайся! Все будет в порядке!

— Чтобы я поперся в учительскую комнату? Ты что, не слышал меня? Если я попадусь еще хоть раз, меня выгонят! Понимаешь ты это? Выго-нят!

— Да не попадешься ты! — заверил я его. Если где и не будет ни одного учителя во время следующего урока, так это в учительской. — Мы войдем через заднюю дверь. — Комната для отдыха учителей в действительности представляла собой тесную кухоньку с отдельным входом, чтобы преподаватели могли заскочить на минутку попить кофе. Тут же, поверх маленького холодильничка, стояла микроволновка, пропахшая попкорном и пролитым супом.

Даррел обреченно застонал. Я продолжал его убеждать.

— Слушай, звонок уже прозвенел! Если сейчас припрешься на самостоялку, тебе запишут опоздание. Лучше уж вообще там не показываться. Послушай, Ди, я могу незаметно проникнуть в любое помещение на школьной территории и так же незаметно исчезнуть, ты сам знаешь. Со мной ты в безопасности, брат!

Он опять застонал. Это одна из его наколок: как только Даррел начинает стонать, значит, готов

сдаться.

— Ну все, понеслись! — скомандовал я, и мы выскользнули в коридор.

Все шло без сучка без задоринки. Мы прокрались мимо учебных кабинетов, спустились по боковому пролету на цокольный этаж и очутились у основания центральной лестницы прямо перед дверью в учительскую. Оттуда не доносилось ни звука. Я осторожно повернул круглую дверную ручку, впихнул внутрь Даррела, вошел сам и бесшумно закрыл за собой дверь.

Громадный учебник едва поместился в чреве микроволновки, которая находилась в еще более плачевном антисанитарном состоянии, чем в последний раз, когда я пользовался ею. Я добросовестно обернул книгу в бумажные полотенца, прежде чем сунуть ее в эту грязь.

— Чувак, какие же свиньи наши учителя! — возмущенно прошептал я. Бледный и настороженный Даррел ничего не ответил.

Арфид приказал долго жить в великолепном фонтане искр (но все же не таком красивом, как салют, производимый взрывом замороженной виноградины — он не поддается описанию, его надо видеть!).

Теперь нам предстояло совершенно инкогнито

испариться со школьной территории на желанную свободу.

Даррел тихонько отворил дверь, собираясь ступить в коридор, я следом за ним. Но не прошло и секунды, как он уже топтался каблуками по моим ногам, тыкал меня в грудь острыми локтями и судорожно пятился обратно в кухоньку, узкую, как стенной шкаф.

— Назад! — испуганно прошипел он. — Быстрее! Там Чарльз!

Мои отношения с Чарльзом Уокером, мягко говоря, не сложились. Мы учимся вместе с первого класса, и я знаю его так же давно, как Даррела, но на этом наша общность заканчивается. Чарльз — типичный амбал, и всегда был таким. А теперь, когда он играет в американский футбол и достиг половой зрелости, вообще превратился в мордоворота. Чарльз по жизни шизанутый и подвержен приступам неудержимой ярости — в третьем классе один из его припадков стоил мне молочного зуба. Однако он нашел способ избегать неприятных последствий своей крезы — стал первым в школе стукачом.

Когда молотило начинает еще и барабанить, это кирдык. А Чарльз явно вошел во вкус и доносил школьной администрации о любых, даже

самых мелочных проступках своих же товарищей. Бенсон не мог на него нарадоваться. Чарльз взял себе за правило отпрашиваться во время урока в туалет под предлогом неизвестного недомогания внутренних органов, а сам шнырял по школьным коридорам, высматривая, на кого бы накапать.

В конечном итоге именно из-за его стукачества я был вынужден расстаться со своим увлечением ролевыми играми. И сейчас мне вовсе не светило, чтобы Чарльз опять меня заложил.

— Что он делает?

— Сюда топает, вот что делает! — ответил Даррел, трясясь всем телом.

— Ладно, — сказал я. — Ладно, раз так, пойдем на чрезвычайные меры. — Я уже давно придумал этот фокус. Чарльз больше никогда не сможет достать меня. Я вынул мобильник, связался со своим домашним сервером, и тот начал действовать.

Прошло несколько секунд, и с телефоном Чарльза стало твориться что-то невообразимое. Он звенел, сигналил, щебетал и верещал на все голоса, извещая о поступающих на него одновременно десятках тысяч звонков и текстовых сообщений. К моему великому сожалению, чтобы

осуществить этот наезд, мне пришлось прибегнуть к помощи ботнета, но ради достижения благой цели все средства хороши.

Ботнеты — это загробные миры, где обитают души компьютеров, инфицированных вирусами и червями. Когда ваш компьютер поражает зараза, он посылает сообщение по каналу чата на сервер IRC — ботмастеру, который и подпустил вам червя. Теперь ботмастер знает, что ваш компьютер готов исполнять все его повеления. Ботнеты обладают почти сверхъестественным могуществом, поскольку имеют в своем подчинении тысячи, даже сотни тысяч быстродействующих домашних компьютеров, разбросанных по всему Интернету и подключенных к нему современными высокоскоростными соединениями. В обычной ситуации эти компьютеры продолжают работать на своих владельцев, но стоит ботмастеру пожелать, они тут же восстанут, как зомби из могил, по первому его зову.

В Интернете скопилось так много зараженных компьютеров, что рухнула цена их почасовой аренды в ботнете. В большинстве случаев они работают на спамеров — распространителей рекламы в Интернете — в качестве дешевых, широко рассредоточенных спамботов, подбрасывая

вам в электронный почтовый ящик предложения купить что-нибудь вроде таблеток для эрекции или инфицируя вашу машину новыми вирусами и тем самым вербуя ее в ряды агентов ботнета.

Я арендовал всего лишь десять секунд рабочего времени трех тысяч компов, и каждый из них послал по сети текстовое сообщение или IP-телефонный вызов на мобильник Чарльза, чей номер мне удалось надыбать во время одного судьбоносного посещения офиса Бенсона (стикер с номером был прилеплен у него на столе).

Естественно, телефон Чарльза оказался неприспособленным для того, чтобы справиться с такой нагрузкой. Сперва память мобильника захлебнулась в потоке эсэмэсок, и он перестал выполнять обычные операции вроде подачи звукового сигнала и регистрации фальшивых номеров входящих звонков (кстати, изменить свой номер на определителе принимающего телефона очень просто — наберите «spoof caller id» в поисковой строке Google, и вы узнаете пятьдесят способов, как это сделать).

Сначала Чарльз тупо уставился на зашедшийся в истерике мобильник, сосредоточенно шевеля кустистыми бровями, потом принялся яростно тыкать в него пальцем, пытаясь изгнать бесов,

вселившихся в его самый близкий и любимый электронный прибор. Пока все шло, как задумано — за исключением того, что Чарльз медлил со своими дальнейшими, логически обоснованными действиями: найти укромное местечко, сесть и разобраться с помешавшимся телефоном.

Даррел тряхнул меня за плечо, я отвернулся от щели в двери и посмотрел на него.

— Ну, что он делает? — прошептал Даррел.

— У него мобила накрылась, но он только пялится на нее и никуда не уходит. — Да, перезагрузить эту штуку с переполненной памятью ему будет нелегко. Придется потрудиться, чтобы ввести нужный код и очистить ее от кучи мусора — тем более что в телефоне Чарльза отсутствовала функция «удалить весь список» для текстовых сообщений, и ему предстояло вручную стереть одну за другой тысячи эсэмэсок.

Даррел оттащил меня от двери, а сам прильнул к щели одним глазом. Мгновение спустя его плечи затряслись, и я испугался, подумав, что у него началась истерика. Но когда Даррел обернулся, оказалось, что он просто ржал, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не загоготать во весь голос, даже слезы потекли по щекам.

— Галвез застукала Чарльза! Ты бы видел, как

она его распекала. Теперь ему влетит за то, что шляется по коридорам во время уроков и пользуется телефоном в школе. Уж Галвез доставит себе это удовольствие!

Мы торжественно пожали друг другу руки, прошмыгнули в коридор, потом спустились по лестнице к боковому выходу, выскочили за школьную ограду и очутились на залитой полуденным солнцем улице Валенсии. Родной Мишн-дистрикт выглядел великолепно, как никогда. Я посмотрел на часы и охнул.

— Бежим! За двадцать минут надо добраться до фуникулера. Там встречаемся с нашими.

Ван заметила нас первой. Ее саму было трудно различить в толпе корейских туристов. Она чаще всего маскировалась таким способом, когда сбегала из школы. С тех пор как открылся мобильный школьный блог для доносов на прогульщиков, среди владельцев магазинчиков и прочих «елейных лицемеров» появилось много желающих совать свой нос в чужие дела и брать на себя лишнее. Им ничего не стоит сделать с мобильника фотку замеченного подростка, сачкующего во время уроков, и послать ее через Интернет на рассмотрение к школьным администраторам.

Ван отделилась от толпы и направилась к нам.

Даррел сохнул по ней всю свою сознательную жизнь, а она очень мило притворялась, что понятия об этом не имеет. Ван по-дружески обняла меня, затем подошла вплотную к Даррелу и легонько ткнулась губами в щеку, отчего тот зарделся до кончиков ушей.

Вместе они смотрелись забавно. Даррел склонен к полноте, хотя его это не портит; лицо у него розовое, а когда он бегает или волнуется, на щеках выступают красные пятна. Уже в четырнадцать лет у него стала расти борода, однако, слава богу, он сбрил ее после непродолжительного периода, известного в нашей команде как «годы Линкольна». И еще Даррел высокий. То есть очень высокий. Прямо как баскетболист.

Ван, наоборот, худющая и всего на полголовы ниже меня. У нее красивая кожа бронзового цвета, карие глаза и прямые черные волосы, заплетенные в немыслимые косички какими-то изощренными способами, надыбанными ею в Интернете. Ван обожает нанизывать на руки огромные круглые стеклянные браслеты, похожие на разноцветные бублики, которые постукивают и пощелкивают, когда она танцует.

— А где Джолу? — спросила она.

— Как дела, Ван? — произнес Даррел сдавлен-

ным голосом. Он часто говорил невпопад в ее присутствии.

— У меня все в порядке, Ди. А как ты ощущаешь себя вообще и в мелких подробностях? — Ох, и заноза эта Ван! Даррел чуть в обморок не грохнулся.

В то же мгновение появился Джолу и спас Даррела от публичного позора. Джолу — это Джозе-Луис Торрес, недостающий член нашей великолепной четверки. Он красовался в кожаной куртке, которая была ему велика, в крутых кроссовках и бейсболке с сеточкой на затылке и начертанным спереди именем нашего общего любимца, мексиканского борца, выступающего в маске, — Эль-Санто Джуниор. Джолу учился в сверхстрогой католической школе в Аутер-Ричмонде, и вырваться из нее на свободу нелегко. Но нашему Джолу это неизменно удавалось — никто не умел лучше него преодолевать препятствия. Ему нравилась его чересчур длинная куртка — во-первых, это считалось очень стильным в известных районах Сан-Франциско; а кроме того, она скрывала под собой причиндалы ученика католической школы, которые для длинноносых дятлов с закладкой на школьном моблоге в их мобильниках все равно что красная тряпка для

быка.

— Ну, готовы? — спросил я, когда мы обменялись приветствиями. Потом вынул мобильник и вывел на дисплей предварительно скачанную мной схему городских улиц района, прилегающего к заливу Сан-Франциско. — Насколько я понял, нам надо опять топать к «Никко», затем еще квартал в сторону О'Фаррел и налево по направлению к Ван-Несс. Где-то там мы должны обнаружить излучатель радиосигнала.

Ван недовольно поморщилась.

— Ну и местечко выбрали!

Тут ей не возразишь. Эта часть района Тендерлойн считается одной из самых стремных. Если выйти на улицу через парадные двери отеля «Хилтон», то взгляду откроется город, каким его обычно показывают туристам — конечная остановка канатного трамвая, семейные ресторанчики и прочее. Но стоит вам покинуть ту же гостиницу с противоположной стороны, и вы в Тендерлойне — «злачном месте», где собираются все проститутки-трансвеститы со свежими дырками от внутрянок, прилипчивые сутенеры, по-змеиному шипящие торговцы наркотой и опустившиеся бомжи. Никто из нашей четверки еще не дорос до того, что здесь продавалось или по-

купалось (хотя в Тендерлойне можно встретить уйму наших ровесниц, торгующих своим телом).

— Во всем надо уметь видеть хорошую сторону, — сказал я. — Никто из остальных игроков не решится отправиться туда в темное время суток, поэтому они будут на месте не раньше завтрашнего дня. Значит, у нас есть то, что мы, специалисты в области ИАР, называем *чудовищной форой!*

Джолу с улыбкой посмотрел на меня.

— Твоими бы устами да мед пить! — Да уж, это получше, чем лопать уни!

— Если будете столько трепаться, мы никогда не выиграем! — вмешалась Ван. Она, конечно же, была самой отчаянной фанаткой «Харадзюку-ФМ» в нашей команде — после меня. Победа значила для нее очень, очень многое.

И мы вчетвером пустились в путь к тому месту, где был заложен радиотайник, к нашей победе — и к безвозвратной потере всего, во что верили и чем дорожили.

Физической составляющей сегодняшней вводной задачи был набор GPS-координат — для всех крупных городов, где проводилась игра «Харадзюку-Фан-Мэднес», имелись свои координаты, — в которых нам предстояло отсканировать, запе-

ленговать и разыскать источник Wi-Fi сигнала. Этот сигнал умышленно заглушался другим установленным неподалеку передатчиком, замаскированным в виде брелка для ключей и защищенным от обычных вайфайндеров. С их помощью обычно отыскивают работающие поблизости точки доступа к Wi-Fi сети, чтобы на халяву попользоваться Интернетом.

От нас требовалось найти спрятанный передатчик, ориентируясь на мощность маскирующего передатчика, определяя место, где сигнал резко ослабевал без явной на то причины. Там же мы отыщем и очередную наводку. В прошлый раз это было дежурное фирменное блюдо в «Анзу», роскошном суши-ресторане гостиницы «Никко», принадлежащей японской авиакомпании «Джапан эйрлайнз», спонсору игры «Харадзюку-Фан-Мэднес», и расположенной в Тендерлойне, злачном районе Сан-Франциско. Когда мы все-таки обнаружили наводку, работники ресторана принялись обхаживать нас, накормили супом мисо в больших пиалах и дали попробовать уни — те же суши, только с икрой морского ежа, похожей по консистенции на слишком мягкое сливочное масло, а по запаху — на не слишком твердое собачье дерьмо. Но на вкус — объедение!

Так по крайней мере сказал мне Даррел. Я эту гадость есть не стал.

Радиопеленгатор, встроенный в мой мобильник, поймал сигнал, когда мы миновали почти три квартала по улице О'Фаррел, чуть-чуть не доходя до перекрестка с Гайд-стрит, как раз напротив входа в сомнительного вида «Салон азиатского массажа» с красной мигающей надписью «Закрыто» в окне. Определитель входящего звонка выдал на дисплей надпись «Харадзюку-ФМ», и мы поняли, что находимся в нужном месте.

— Я в эту дыру заходить не собираюсь, — заявил Даррел.

— У всех включены вайфайндеры? — спросил я.

Мобильники Даррела и Ван имели встроенные пеленгаторы. Джолу был слишком крут, чтобы носить с собой телефон по размеру больше мизинца, поэтому пользовался автономным брелочком.

— Хорошо. Значит так, сейчас рассредоточимся и прочешем это место. Мы ищем точку резкого ослабления сигнала и направление, в котором радиоприем последовательно ухудшается.

Я попятился и наступил на чью-то ногу. У ме-

ня за спиной охнул женский голос, и я быстро обернулся, испугавшись, что сломал каблук какой-то местной обкуренной шлюхе, и она меня за это сейчас типа на перо посадит или еще чего-нибудь.

Однако вместо шлюхи я увидел прямо перед собой девчонку моего возраста с ярко-розовой шевелюрой и острым крысиным лицом в огромных темных очках практически такого же размера, как на шлемофонах военных летчиков. На ней было черное старушечье платье, увешанное маленькими японскими побрякушками на булавках, изображающими персонажей мультфильмов, известных государственных деятелей и эмблемы заграничной газировки. Внизу из-под подола торчали ноги в полосатых колготках.

Девчонка подняла фотоаппарат и щелкнула меня вместе с командой.

— *Чи-из,* — протянула она. — Считайте, что вы уже среди прогульщиков на школьном моблоге.

— Так нельзя, — запротестовал я. — Ты не можешь…

— Могу, — невозмутимо ответила девчонка. — Через тридцать секунд администраторы моблога будут разглядывать ваши лица на снимке, если вы четверо не уберетесь отсюда немедленно. А

наводку отыщет моя команда. Можете вернуться через час, и тогда делайте, что хотите. Думаю, для вас это очень великодушное предложение.

Только теперь я увидел позади нее еще трех девчонок в точно таких же прикидах, только волосы разные — у одной синие, у другой зеленые, у третьей лиловые.

— Да кто вы вообще такие — группа «Карамельки»?

— Мы — команда, которая надерет задницу вашей команде и победит в «Харадзюку-Фан-Мэднес», — ответила она. — А я — та самая, кто *сию же секунду* загрузит в сеть вашу фотку, и вы окажетесь в таком дерьме…

Я спиной почувствовал, как Ван двинулась вперед. Об их девчоночьей школе ходила дурная слава из-за потасовок, которые случаются там постоянно. Я не сомневался, что Ван всерьез намерена настучать этой курице по башке.

И в то же мгновение мир переменился навеки.

Сначала мы ощутили знакомое всем калифорнийцам тошнотворное чувство, когда цементная поверхность тротуара уходит из-под ног — землетрясение! Естественно, мой первый порыв был спасаться бегством — «если страшно, непонятно — деру дай, вопя невнятно!». Однако я тут же

сообразил, что мы фактически находились в самом безопасном месте — не посреди дороги, куда обычно сверху выстреливают обломки опорных конструкций, и над нашими головами не было потолка, который мог бы на них обрушиться.

Землетрясения пугают еще тем, что происходят — или по крайней мере начинаются — совершенно бесшумно. Но сегодняшнее было вовсе не бесшумным, а громким, даже слишком громким. Такого оглушительного рева я не слышал никогда в жизни. Звук оказывал такое подавляющее воздействие, что я упал на колени — и не я один! Даррел потряс меня за плечо и показал куда-то поверх крыш домов. И тогда я увидел ее — громадную черную тучу, затмившую небо на северо-востоке, со стороны залива.

Снова зарокотало, и, будто в привычных с детства кинокадрах, в воздух взметнулись клубы черного дыма. Только это действительно был взрыв, и нешуточный.

Грохот и сотрясение почвы повторились несколько раз. Из окон домов вдоль улицы выглядывали встревоженные лица. Все молча смотрели на облако в форме гриба.

И тут завыли сирены.

Я неоднократно слышал эти сирены в полдень

по вторникам, когда проводились тренировки гражданской обороны. Но чтобы вот так, без расписания, как будто объявлена воздушная тревога и сейчас прилетят вражеские самолеты сбрасывать бомбы на город — подобное я видел только в старых фильмах про войну да в видеоиграх. От этого заунывного воя происходящее казалось еще фантастичнее.

— Немедленно укройтесь в убежищах! — прогремело, будто глас божий, отовсюду одновременно. Прежде я никогда не обращал внимания, что на отдельных фонарных столбах установлены громкоговорители. Теперь они включились все разом.

— Немедленно укройтесь в убежищах!

Какие еще убежища? Мы растерянно посмотрели друг на друга. Черная туча медленно и неотвратимо растекалась по небу. Может, она радиоактивная, и мы доживаем наши последние минуты?

Девчонка с розовой шевелюрой схватила за руки своих подруг, и они сломя голову понеслись под гору в направлении станции метро.

— НЕМЕДЛЕННО УКРОЙТЕСЬ В УБЕЖИЩАХ!

Началась паника. По улице с криками и визгом бежали люди. В толпе беспорядочно метались

туристы — вы всегда можете узнать туристов, для которых КАЛИФОРНИЯ = ТЕПЛО, и потому они мерзнут в Сан-Франциско в своих футболках и шортах.

— Надо сматываться! — заорал мне в ухо Даррел, едва перекрывая всю эту какофонию, к которой присоединились еще и такие родные полицейские сирены. Мимо нас с завыванием промчалось с дюжину патрульных машин.

— НЕМЕДЛЕННО УКРОЙТЕСЬ В УБЕЖИЩАХ!

— Пошли к метро! — выкрикнул я. Все согласно кивнули, и мы тесной кучкой быстро зашагали вниз по улице, круто спускающейся под уклон.

Глава 3

Мы видели много разных людей, пока добирались до станции метро «Пауэлл-стрит» — идущих и бегущих, с бледными лицами и молчаливых, кричащих и охваченных паникой. К дверям подъездов жались бомжи, испуганно наблюдая оттуда за бедламом. Высоченный негр-трансвестит орал что-то двум усатым молодчикам.

Чем ближе к метро, тем плотнее смыкалась толпа. У самого входа образовалась давка; люди толкались и пихались, протискиваясь вниз по узкой лестнице. Меня прижали щекой к колючему ворсу чужого пиджака, мне в спину упирался чей-то локоть.

Даррел по-прежнему держался рядом со мной; с таким росточком оттеснить его непросто. Джолу следовал за ним по пятам, уцепившись за его талию. Ванессу людским потоком отнесло на несколько ярдов в сторону.

— Ах ты, ублюдок! — вдруг послышался ее рассерженный голос. — Убери от меня свои лапы, мурло!

Я с трудом обернулся. Какой-то прилично оде-

тый старикашка в толпе прижимался к Ван, а она с перекошенным от омерзения лицом лихорадочно рылась в своей сумочке. Мне сразу стало ясно, что у нее на уме.

— Не газуй его! — выкрикнул я поверх всеобщего гомона. — Нам всем достанется!

Услышав меня, старикашка заметно струсил и как бы утонул в толпе, или, скорее, она поглотила его, не переставая увлекать за собой. Чуть впереди женщина средних лет, одетая в хипповское платье, оступилась и упала. Раздался душераздирающий крик, я видел, как она силилась подняться, но ее постоянно сбивали с ног напирающие сзади люди. Приблизившись, я наклонился, чтобы помочь ей, и меня самого чуть не опрокинули. Толпа понесла меня дальше, и второпях я нечаянно наступил женщине на живот, но она, по-моему, уже ничего не чувствовала.

Мне стало страшно, как никогда. Вокруг то и дело раздавались истошные вопли, под ногами валялось все больше бесчувственных тел, но людская масса продолжала катиться неумолимо, как лавина, подминая по себя новые жертвы.

Нас вынесло в просторный зал, где стояли турникеты. Однако легче от этого не стало. Под сводчатым потолком многократно отраженное

эхо превратило человеческие голоса в оглушительный рев, от которого голова у меня пошла кругом. Я задыхался от тесноты и спертого воздуха. Во мне нарастало паническое чувство. Прежде я никогда не замечал за собой предрасположенности к клаустрофобии.

Людской поток продолжал стекать по ступеням лестницы, просачивался сквозь турникеты на эскалаторы и выплескивался на платформы метро, наполняя их, как подземный резервуар. Я понял, что добром это не кончится.

— Тебе не кажется, что нам надо прорываться обратно наверх? — спросил я Даррела.

— Блин, еще как кажется! — ответил он. — Здесь нам хана!

Я оглянулся на Ванессу — она была слишком далеко, чтоб услышать меня. Изловчившись, я вынул мобильник и отправил ей сообщение:

> Мы возвращаемся.

Я видел, как она почувствовала вибродозвон, прочитала сообщение, обернулась ко мне и отчаянно закивала. Тем временем Даррел ввел Джолу в курс дела.

— Что будем делать? — выкрикнул он прямо мне в ухо.

— Пробираться к выходу! — выкрикнул я в ответ, показывая большим пальцем назад через плечо на сплошную стену человеческих тел.

— Не получится!

— Вот окажемся за турникетами, тогда точно не получится!

Даррел только пожал плечами. К нам с большим трудом подгребла Ван и схватила меня за руку. Я вцепился в Даррела, он — в Джолу, и мы начали проталкиваться обратно.

Сказать, что это было нелегко — не сказать ничего. Поначалу мы преодолевали дюйма три в минуту, потом, когда выбрались на лестницу, и того меньше. Спускающиеся навстречу люди не желали уступать нам дорогу. Пара человек обругала нас, а один, очевидно, хотел меня ударить, но не смог даже поднять руки. Мы переступили через три растоптанных тела, которым явно уже ничем не поможешь. Впрочем, к тому времени мне стало не до помощи пострадавшим. Все мои мысли были сосредоточены на выборе перед собой местечка, куда мы могли бы втиснуться, и на моей ладони, онемевшей от мощного рукопожатия Даррела, и на ладони Ван, которую я сжимал смертельной хваткой.

Прошла целая вечность, прежде чем мы выско-

чили, как пробки от шампанского, на серый от дыма дневной свет, показавшийся нам ярким до рези в глазах. Воздушная тревога не смолкала, но еще громче звучали сирены машин «скорой помощи», мчащихся вдоль Маркет-стрит. Улицы стали совсем безлюдными, если не считать последних желающих попасть в метро. Многие из них плакали. Я заметил в сторонке несколько скамеек — обычно они служили местом сборища грязных алкашей — и направился к ним.

Моя команда последовала за мной, пригибаясь и приседая от густого дыма и режущих уши завываний сирен. Мы уже почти дошли, когда Даррел неожиданно упал ничком.

Все закричали наперебой, а Ванесса наклонилась и перевернула Даррела на спину. С краю на его рубашке стремительно расползалось красное пятно. Ван задрала рубашку, и мы увидели в пухлом боку Даррела длинную и глубокую резаную рану.

— Какой-то гад ударил его ножом в толпе! — со злостью процедил сквозь зубы Джолу, сжимая кулаки. — Вот сволочи, прости господи!

Даррел застонал, посмотрел на нас, потом на свой бок, опять застонал и бессильно уронил голову.

Ванесса сняла с себя джинсовую куртку, затем стянула через голову хлопчатый джемпер с капюшоном, скомкала и прижала к боку Даррела.

— Приподними ему голову, — сказала она мне, а Джолу велела свернуть свою кожаную куртку и подложить Даррелу под ноги, чтобы те тоже находились в приподнятом положении. Джолу тут же повиновался. Мать Ванессы работает медсестрой, а сама Ван каждое лето ездит в лагерь, где их обучают оказывать первую медицинскую помощь. У нее есть бзик подмечать ошибки и прикалываться над актерами всякий раз, когда в кинофильмах кому-то оказывают первую помощь. Сейчас я испытывал особую радость из-за того, что Ван в моей команде.

Некоторое время мы сидели вокруг Даррела, прижимая к его боку хлопчатый джемпер. Ди твердил, что с ним все в порядке, чтоб мы его отпустили и позволили встать, но Ван каждый раз приказывала ему замолчать и лежать тихо, пока она не пнула его по заднице.

— Может, позвонить по девять-один-один? — предложил Джолу.

Я мысленно обругал себя идиотом, выхватил мобильник и набрал 911. В ответ прозвучал даже не сигнал занятой линии — скорее это было

стенание агонизирующей системы телефонной связи. Так скулить можно только в том случае, если до одного и того же номера пытаются дозвониться сразу три миллиона человек. Кому нужны ботнеты, когда в дело вступают террористы?

— А если попробовать «Википедию»? — снова предположил Джолу.

— Нет связи — нет информации.

— Вон тех можно попросить помочь, — сказал Даррел, поднимая руку и показывая ею куда-то в сторону улицы. Я обернулся, отыскивая глазами кого-нибудь типа полицейских или санитаров с носилками, но не увидел ни души.

— Ладно, старик, просто лежи и отдыхай, — сказал я Даррелу.

— Да нет же, балда, *копы* в машинах! Вон, смотри!

Действительно, каждые пять секунд мимо проносилась машина с полицейскими, пожарными или неотложка. Конечно, кто-нибудь из них поможет нам! Какой же я все-таки идиот!

— Давайте подойдем ближе к улице, — предложил я, — чтоб они могли видеть Даррела. Тогда наверняка кто-нибудь остановится.

Ванессе моя идея не понравилась, но я решил, что в такой сумасшедший день даже полицей-

ские вряд ли обратят внимание на подростка, голосующего на тротуаре. Только вид крови может стать для них серьезным основанием, чтобы задержаться. Мы с Ван начали было спорить, но тут Даррел с трудом поднялся на ноги и самостоятельно заковылял к Маркет-стрит, положив тем самым конец нашим препирательствам.

Первой мимо нас под вой сирены пронеслась неотложка, даже не притормозив. За ней проследовали патрульный автомобиль, пожарная машина, потом еще подряд три машины с копами. Даррел совсем заплохел — лицо белое, дышит тяжело. Джемпер Ванессы насквозь пропитался его кровью.

Настал миг, когда мое терпение кончилось, и когда на Маркет-стрит появился очередной автомобиль, я вышел на середину дороги, замахал руками над головой и крикнул: «СТОЙ!» — Машина начала замедлять ход. Только теперь я увидел, что это не полиция, не «скорая помощь» и не пожарные.

Тачка была похожа на армейский джип типа бронированного «хаммера», но без всяких обозначений. Дернувшись, она остановилась вплотную передо мной; я инстинктивно отскочил назад, потерял равновесие и грохнулся на асфальт. Тут

же послышался звук открываемых дверей и в мою сторону затопали несколько пар ног, обутых в армейские ботинки. Меня окружили парни в комбезах, как у военных, и противогазах с тонированными стеклами; в руках они держали большие навороченные винтовки.

Не успел я опомниться, как стволы винтовок уставились на меня. Впервые в жизни меня держали на мушке, и я понял, что все байки об ощущениях, какие при этом испытываешь, соответствуют действительности. Время останавливается, тело перестает слушаться, а сердце колотится так, что в ушах отдается. Я открыл рот, потом закрыл, не издав ни звука, и очень медленно поднял руки ладонями перед собой.

Безликий, безглазый вооруженный мужчина хладнокровно целился прямо мне в голову. Я даже дыхание затаил. Ван что-то закричала, и Джолу закричал, и я на секунду перевел на них взгляд. В это короткое мгновение кто-то нахлобучил мне на голову шершавый мешок и затянул его веревкой на шее так быстро и безжалостно, что я только охнул. Меня, как бревно, перекатили на живот, заломили руки за спину, дважды обмотали запястья чем-то вроде упаковочной бечевки и тоже стянули так туго, что она больно впилась

в кожу. Я вскрикнул, и в мешке мой голос прозвучал непривычно глухо.

Теперь меня окружала кромешная тьма. Я напрягал слух, пытаясь понять, что происходит с моими друзьями. Их голоса приглушенно доносились сквозь плотную мешковину. Меня вдруг поставили на ноги, сильно и грубо потянув вверх за связанные запястья; острая боль пронзила вывернутые руки и плечевые суставы.

Кто-то взял меня за плечо, провел несколько шагов, потом пригнул за голову, и я очутился в «хаммере». Вслед за мной в машину затолкали кого-то еще.

— Ребята! — позвал я и тут же получил удар кулаком по голове. В ответ послышался голос Джолу, а затем звук удара, который достался и ему. Голова моя звенела, как колокол.

— Послушайте! — обратился я к солдатам. — Мы просто школьники. Наш друг ранен, у него кровотечение. Его пырнули ножом в толпе. Я вышел на дорогу, потому что никто не останавливался. — Неизвестно, насколько членораздельно моя речь звучала через мешок, но я продолжал говорить: — Послушайте, это недоразумение! Нам нужно поскорее доставить нашего друга в больницу!

Я опять получил удар по голове, но на этот раз, кажется, дубинкой. Так жестоко меня били впервые в жизни. Мое сознание помутилось, на глазах выступили слезы, от боли перехватило дыхание. Через несколько секунд я оклемался, но язык прикусил — урок пошел мне впрок.

Откуда взялись эти отморозки? На форме у них нет никаких знаков различия. Может, они террористы? До сих пор я слабо верил в террористов — то есть я знал, что они существуют, но где-то очень далеко и реальной опасности для меня не представляют. Ежедневно я подвергался миллионам других рисков. Например, меня мог сбить пьяный водитель, с безумной скоростью несущийся по Валенсии. Это была гораздо более вероятная и непосредственная опасность, чем террористы. От их рук гибнет меньше людей, чем в результате несчастных случаев, таких как падение в ванной или удар электрическим током. Каждый раз, когда речь заходила о террористической угрозе, я воспринимал это приблизительно как опасность попасть под молнию.

Но сейчас, сидя в тряском кузове «хаммера» с мешком на голове, со связанными за спиной руками и с растущими шишками, я вдруг осознал, что терроризм в действительности намного

опаснее, чем казалось мне раньше.

Машину качнуло, после чего дорога пошла вверх — мы въезжали на холм. Похоже, наш путь лежал через Ноб-Хилл, и, судя по уклону, путь был выбран не самый пологий. Наверное, едем по Калифорнийской улице, подумал я.

Начался не менее крутой спуск. Если меня не обманывала пространственная память, мы направлялись вниз к Рыбацкой пристани. Для террористов маршрут вполне логичный — там можно сесть на катер и скрыться. Но какой интерес им похищать обычных школяров?

Меня качнуло вперед, и машина остановилась все еще на склоне холма. Двигатель замолчал, двери отворились. Кто-то выволок меня наружу, потом толчком в спину заставил шагать, спотыкаясь, по мощеной дороге. Через несколько секунд я наткнулся на металлическую лесенку, больно ударившись голенью о нижнюю ступеньку. Невидимая рука опять толкнула меня в спину, и я начал осторожно взбираться, не имея возможности взяться на перила. Миновав три ступеньки, я стал искать ногой четвертую, но ее не было. Если бы меня не подхватили спереди еще чьи-то руки, я бы навернулся носом. Меня протащили по металлическому полу, потом

принудили опуститься на колени и пристегнули наручниками мои связанные за спиной руки к какой-то железяке.

По соседству со мной послышались шарканье и топот ног, щелчки наручников. Приглушенные стоны и возня. Смех. Потом время для меня будто остановилось. Потянулись бесконечные минуты в слепом сумраке наедине с собственным дыханием и мыслями.

Я даже ухитрился задремать, все так же стоя на коленях, с омертвевшими без притока крови ногами, сморенный тьмой и духотой полотняного капюшона. В течение получаса в мою кровь впрыснулась годовая порция адреналина, которой хватило бы, чтоб гору свернуть или на скаку табун коней остановить, но затем неизбежно последовало что-то вроде тяжелого похмелья.

Проснулся я оттого, что кто-то сдернул мешок с моей головы. Не то чтобы это сделали грубо или неосторожно — просто… безразлично. Так же, как, наверное, лепят гамбургеры на кухне «Макдоналдса».

Я зажмурился от ослепительного света, потом осторожно приоткрыл веки до щелочек, затем еще шире и, наконец, сумел хорошенько осмотреться.

Мы все находились в крытом кузове большого восьмиосного грузовика: в полу вдоль бортов через равные промежутки выступали колесные арки. Здесь устроили что-то вроде передвижного командного пункта и одновременно тюрьмы. К обеим стенкам были приделаны стальные столы, а над ними в несколько рядов — шикарные плоские мониторы на шарнирных кронштейнах, так что их можно было расположить дугой вокруг оператора. Перед каждым столом стояло обалденное офисное кресло с рычажками и ручками для подгонки сиденья и спинки с точностью до миллиметра по высоте, углу наклона и сектору вращения.

В передней части кузова, дальней от дверей, находилась тюремная половина. Тут к стенам были привинчены болтами стальные стержни, а к ним наручниками прикованы люди.

Я сразу отыскал глазами Ванессу и Джолу, но Даррела не увидел. Наверное, он затерялся в глубине среди еще дюжины пленников, многие из которых бессильно повисли на своих путах и загородили его от меня. В воздухе стоял запах человеческого пота и страха.

Ванесса испуганно посмотрела на меня и жалобно прикусила губу. Мы с Джолу тоже манд-

ражили — я видел, как он затравленно озирается, сверкая белками глаз. Вдобавок ко всем бедам меня одолевало нестерпимое желание отлить.

Деваться некуда — мне пришлось в упор посмотреть на тех, кто посягнул на мою свободу. До сих пор я не осмеливался даже исподтишка покоситься в их сторону; примерно так же на всякий случай избегаешь заглядывать в темный угол кладовки, где, возможно, прячется воображаемое чудище — лучше вообще не знать, там оно или нет.

Но я хотел хорошенько рассмотреть придурков, которые похитили нас, и понять — это террористы? У меня не было четкого представления, как выглядит террорист, хотя телевидение изо всех сил насаждало в моем сознании образ темнокожего араба с окладистой бородой, в вязаной шапочке и мешковатом халате, свисающем до щиколоток.

Однако эти не имели ничего общего с подобным стереотипом. Они запросто могли сойти за массовиков, заводящих зрителей в перерыве матча за суперкубок по американскому футболу. Правильные подбородки, аккуратные стрижки, но не такие короткие, как у военнослужащих. Белые и темнокожие, мужчины и женщины от-

крыто улыбались друг другу на своей половине грузовика, отпускали шуточки и попивали кофе из пластиковых стаканов. Они скорее смахивали на туристов из Небраски, а вовсе не на афганских «духов».

Я уставился на белую девушку с каштановыми волосами, почти мою ровесницу, судя по внешности. Военная форма сидела на ней очень ловко и в то же время придавала весьма внушительный вид. Если упорно пялиться на человека, он когда-нибудь, да обернется. Девушка посмотрела на меня, и ее лицо мгновенно преобразилось, приняло бесчувственное, непроницаемое выражение, прямо как у терминатора. От недавней улыбки не осталось и тени.

— Привет, — обратился я к ней. — Послушайте, я не понимаю, что здесь происходит, но мне позарез надо сходить по-маленькому. Понимаете?

Девушка продолжала молча смотреть сквозь меня, будто не слышала.

— Нет, серьезно, если я сейчас не отолью, случится непоправимое. Здесь будет плохо пахнуть.

Она повернулась к своим сослуживцам, все трое склонились друг к другу, образовав тесную кучку, и начали совещаться тихими голосами, которых не было слышно за гулом компьютер-

ных вентиляторов.

Наконец девушка выпрямилась и сказала:

— Придется потерпеть еще минут десять. Тогда каждый по очереди воспользуется туалетом.

— Боюсь, меня не хватит на десять минут, — настаивал я, добавив в свой голос чуть больше паники, чем ощущал на самом деле. — Нет, на полном серьезе, леди, промедление смерти подобно!

Она презрительно покачала головой и посмотрела на меня, как на жалкого неудачника. Всесильный триумвират опять посовещался, после чего со своего места встал мужчина и подошел ко мне. Он был постарше, лет тридцати; широк в плечах — наверное, качался — и, судя по азиатской внешности, китайского или корейского происхождения — даже Ван иногда затрудняется найти различие — но что-то, чему я сам не смог бы дать определение, выдавало в нем коренного американца.

Мужчина многозначительно отвернул полу спортивной куртки, демонстрируя развешанный под ней целый арсенал из пистолета, тазера, газового баллончика, заряженного то ли мейсом, то ли перечной смесью, и еще многого, чего я не успел разглядеть прежде, чем край куртки опять

опустился.

— Без шуток, — сказал мужчина.

— Без шуток, — согласился я.

Он коснулся чего-то у себя на поясе, и кандалы за моей спиной неожиданно разомкнулись, так что руки бессильно упали. Прямо какая-то бэтманская портупея — даже наручники отпираются с пульта дистанционного управления! Наверное, в этом есть смысл: а то наклонишься с обычным ключом над пленником, а он возьмет да выхватит твой пистолет зубами, да нажмет языком на спусковой крючок! В таком ремесле лучше перебдеть, чем недобдеть!

Руки у меня оставались связанными за спиной упаковочной бечевкой, но поскольку я уже не висел, как мешок, на наручниках, обнаружилось, что ноги мои от долгого пребывания в неизменном положении стали как глиняные. Короче, я повалился лицом в пол и только слабо подергивал нижними конечностями, в которые будто впились тысячи иголок, безуспешно пытаясь подтянуть их под себя и принять вертикальное положение.

Мужчина одним рывком поставил меня на ноги, и я потешно заковылял в самый конец грузовика, к тесной кабинке установленного там

переносного туалета. По пути я отыскивал глазами Даррела, но не нашел. Он мог быть любым из пяти или шести бесчувственно обмякших людей. Либо никем из них.

— Заходи! — скомандовал мужчина. Я дернул руками за спиной.

— Развяжите меня, пожалуйста! — Собственные пальцы казались мне толстыми, негнущимися сосисками после многочасовой кабалы пластиковых наручников.

Мужчина не пошевелился.

— Послушайте, — начал я, стараясь не выдать голосом своей злости или сарказма (что было нелегко). — Послушайте. Либо вы освободите мои руки, либо вам придется направлять за меня струю. Посещение туалета заведомо предполагает, что без чьих-то рук не обойтись!

Кто-то в грузовике хохотнул. По тому, как у мужчины на щеках заиграли желваки, я понял, что не нравлюсь ему. Эти люди были просто отморозками!

Он снова потянулся к ремню, вынул до предела навороченные универсальные пассатижи и раскрыл лезвие ножика довольно стремного вида, коим и перерезал бечевку, стягивавшую мне запястья. Мои руки опять стали моими.

— Спасибо, — произнес я вполне искренне.

Мужчина впихнул меня в кабинку. Кисти моих рук безжизненно повисли. Я с трудом пошевелил пальцами и с шипением втянул сквозь зубы воздух, ощутив в ладонях легкий зуд, быстро переросший в болезненное жжение. Опустив сиденье, я снял штаны и уселся, не доверяя своим ногам.

Вместе с мочой на волю хлынули слезы. Я плакал, скуля неслышно, шепотом, раскачиваясь на унитазе взад-вперед, размазывая сопли по лицу рукой, прижатой ко рту, чтоб не зарыдать в голос и не доставить удовольствия этим гадам.

К тому времени как я опорожнился и выплакался, мужик уже барабанил в дверь. Минута ушла на то, чтобы кое-как промокнуть лицо обрывками туалетной бумаги и спустить их в унитаз. Я покрутил головой в поисках умывальника, но нашел только пластиковую бутылку с сильнодействующим средством для санитарной обработки рук. На этикетке имелся длинный, напечатанный мелкими буквами список болезнетворных организмов, против которых оно предназначалось. Я выдавил немного густой, пахучей жидкости себе на ладонь и натер ею обе руки, после чего вышел из туалета.

— Чем ты там занимался? — спросил меня мой

конвоир.

— Отправлял естественные надобности, — ответил я. Он бесцеремонно развернул меня к себе спиной, схватил за руки и снова нацепил на них пластиковые наручники. Распухшие, покрасневшие запястья отозвались резкой болью, но я стерпел и не подал виду, чтобы не радовался, гад.

Охранник приковал меня на старом месте и взялся за следующего узника, которым оказался Джолу. Только теперь я разглядел, что лицо у него распухло и перекосилось от жуткого кровоподтека на щеке.

— Что с тобой? — Едва я произнес эти слова, мой новый знакомый с бэтманской портупеей ухватил меня палицами за лоб и сильно треснул затылком по металлической стенке грузовика, так что она зазвенела, как часы, пробившие час.

— Не разговаривать! — донеслось до меня сквозь туман помутившегося сознания.

Нет, эти люди определенно мне не нравились. И я тут же решил, что когда-нибудь они заплатят за все издевательства.

Один за другим охранник отводил пленников в туалет и возвращал обратно, а когда закончил, вернулся к своим друзьям и стаканчику с кофе,

который они наливали из большого картонного контейнера «Старбакс» за разговором о чем-то очень забавном, потому что то и дело смеялись.

Через какое-то время дверь в конце грузовика отворилась, и снаружи повеяло свежим воздухом, ароматизированным примесью озона, без привычной горечи городского смога. Прежде чем дверь опять захлопнулась, я успел заметить в щель, что уже стемнело и идет дождик — обычный для Сан-Франциско мелкий дождик, похожий на мокрую пыль.

Вошедший в грузовик мужчина был в военной форме. В американской военной форме. Он по-уставному отдал честь тем, что не носили знаков различия, а те отсалютовали ему в ответ. И тогда я понял, что мои похитители никакие не террористы. Меня взяли в плен Соединенные Штаты Америки.

Они отгородили угол кузова шторкой, затем отстегивали нас по очереди от железных скоб в стене и отводили за эту шторку на допрос. По моим прикидкам — я отсчитывал секунды в уме: один гиппопотам, два гиппопотама… — каждый допрос длился около семи минут. У меня стучало в голове от обезвоживания организма и кофеинового голода.

Меня допрашивали третьим. За шторку меня отвела женщина, у которой волосы были подстрижены, что называется, «под горшок». Вблизи она показалась мне утомленной — под глазами наметились мешки, в уголках рта пролегли суровые складки.

— Спасибо, — с механической вежливостью произнес я, когда дама с топорной стрижкой посредством пульта на поясе открыла мои наручники и рывком помогла подняться на ноги. Я тут же возненавидел себя за такое пижонство, однако вытравить из меня мое воспитание они еще не успели.

На непроницаемом лице Топорной Стрижки не дрогнул ни один мускул. Она повела меня впереди себя в конец грузовика. За шторкой стоял единственный складной стул, и я плюхнулся на него. Те двое — Топорная Стрижка и качок с бэтманской портупеей — взирали на меня со своих эргономичных суперкресел.

На столике между нами было разложено содержимое моего бумажника и рюкзака.

— Привет, Маркус, — сказала Топорная Стрижка. — У нас к тебе есть несколько вопросов.

— Я арестован? — перебил я ее. Вопрос, кстати, далеко не праздный. Если вы не арестованы, то у

копов существенно связаны руки относительно того, что они могут сделать с вами. Во-первых, им нельзя надолго задерживать вас, иначе придется получать санкцию на арест, предоставлять вам возможность сделать телефонный звонок, встретиться с адвокатом и все такое прочее. Хотя с адвокатом я поговорю в любом случае, это уж будьте уверены!

— Для чего это? — спросила женщина, показывая мне дисплей моего мобильника. На нем висело обозначение ошибки, возникающее, когда кто-то многократно пытается ввести неверный пароль. Обозначение, конечно, грубоватое — изображение общеизвестного жеста, подаваемого рукой с поднятым пальцем. Мне нравится персонализировать свои рабочие системы.

— Я арестован? — повторил я тот же вопрос. Если вы не арестованы, они не могут заставить вас отвечать на их вопросы, но обязаны ответить на ваш вопрос, арестованы вы или нет. Таковы правила.

— Вы задержаны департаментом национальной безопасности.

— Я арестован?

— Маркус, тебе придется дать нужные нам показания, иначе… — Она не стала произносить

вслух «хуже будет», но это и так было ясно.

— Вам придется свести меня с адвокатом, — сказал я. — Вам придется объяснить, в чем меня обвиняют. Вам придется предъявить мне свои служебные удостоверения.

Дээнбисты переглянулись.

— Полагаю, вам следует изменить свое поведение, — холодно заявила Топорная Стрижка. — И немедленно. Мы обнаружили при вас несколько подозрительных устройств. Мы задержали вас и ваших сообщников в непосредственной близости от места совершения самого страшного террористического акта в истории нашего государства. Два этих факта вместе взятые свидетельствуют не в вашу пользу, Маркус. Либо вы честно обо всем расскажете, либо очень и очень пожалеете. Итак, для чего это?

— Вы меня за террориста держите? Да мне всего-то семнадцать лет!

— Самый подходящий возраст для «Аль-Каиды». Они часто вербуют себе агентов из незрелых, впечатлительных идеалистов. Мы, кстати, следили за вашей деятельностью в Интернете. Вы разместили там немало провокационных материалов.

— Я хочу поговорить с адвокатом, — сказал я. Топорная Стрижка посмотрела на меня, как на

насекомое.

— У вас создалось ошибочное впечатление, будто вы арестованы полицией по обвинению в совершении преступления. Забудьте об этом. Вы задержаны правительством Соединенных Штатов как потенциальный участник враждебной военной акции. На вашем месте я бы хорошенько подумала, как убедить нас, что вы не тот, кем вас здесь считают. Подумайте, Маркус! Потому что военнослужащих противника в случае целесообразности просто убирают. Для них приготовлены глубокие черные дыры, и в одной из них можете исчезнуть и вы, Маркус — навсегда! Вам понятен смысл сказанного мною, юноша? А теперь объясните, почему вы находились на улице во время вооруженного нападения на Сан-Франциско? Что вам известно об этой акции? А также разблокируйте этот телефон и раскодируйте файлы, содержащиеся в его памяти.

— И не подумаю, — сказал я этой дуре. В памяти моего мобильника хранилось слишком много личного — фотки, письма, небольшие программки и примочки, которые я сам установил. — Для вас там нет ничего интересного.

— Вам есть что скрывать?

— У меня есть право на защиту от вторжения

в личную жизнь, — сказал я. — Требую предоставить мне возможность поговорить с адвокатом.

— Даю тебе последний шанс, сынок. Честным людям нечего скрывать.

— Я хочу говорить с адвокатом! — Моим родителям это влетит в зелененькую, однако на всех справочных веб-сайтах однозначно рекомендуется на случай ареста полицией требовать встречи с адвокатом, что бы тебе ни говорили и ни делали. В отсутствие твоего адвоката держи язык за зубами, иначе ничего хорошего от копов не жди. Хоть эти двое и открестились от принадлежности к полиции, но если я не арестован, то что же?

Позже я не раз пожалел, что сразу не разблокировал тогда свой мобильник.

Глава 4

Меня снова посадили на цепь и надели на голову капюшон. Прошло довольно много времени, прежде чем грузовик тронулся с места и покатил под гору. Тут меня опять рывком подняли на ноги, но я не удержался и упал ничком.

Затекшие ноги стали бесчувственными, как две глыбы льда, только колени после долгого стояния на них распухли и болезненно отзывались на малейшее движение.

Чьи-то руки подхватили меня за плечи и за ноги, подняв, как мешок с картошкой. Вокруг раздавались невнятные голоса, плач, ругательства.

Меня перенесли куда-то недалеко, опустили и снова приковали к какой-то железяке. Резь в коленях была нестерпимой; я неловко повалился вперед и бессильно повис на наручниках, свернувшись калачиком.

Скоро движение возобновилось, только не так, как в грузовике. Пол подо мной мягко покачивался и вибрировал от работы мощных дизелей. Я понял, что мы на судне. В животе у меня похолодело. Меня увозят с американского берега

неизвестно куда! А может, это *куда* где-нибудь у черта на куличках? До сих пор мне было страшно, но теперь я по-настоящему запаниковал. На несколько минут у меня из сознания исчезли все мысли, кроме той, что я никогда больше не увижу своего города, дома, родителей. Мне стало так тошно, что на самом деле чуть не вырвало. Я начал хватать воздух ртом, но никак не мог восстановить нормальное дыхание в тесном мешке, а еще из-за того, что находился в скрюченном положении.

На мое счастье мы плыли не очень долго. Мне показалось тогда, что целый час, но в действительности, как я теперь знаю, минут пятнадцать, не больше. Двигатели сбавили обороты, подводя судно к причалу, по палубе затопали ботинки, послышались щелчки наручников — начали уводить пленников. Когда подошла моя очередь, я попытался встать, но не смог, и меня опять понесли — все так же бесцеремонно, грубо.

С головы моей сняли мешок, и я увидел, что нахожусь в тюремной камере.

Она была старая и обшарпанная и пахла морем. Единственное окошко располагалось очень высоко, и его перекрывала ржавая решетка. Снаружи еще стояла ночная мгла. Прямо на полу валялась

подстилка; к стене был приделан металлический унитаз без сиденья. Охранник, снявший с меня капюшон, ухмыльнулся и вышел, заперев за собой тяжелую стальную дверь.

Я принялся осторожно массировать окоченевшие ноги, шипя от боли по мере того, как восстанавливалось кровообращение. Наконец я сумел встать и начал потихоньку ходить из угла в угол. До меня доносились голоса, крики, причитания. Я тоже изо всех сил заорал в воздух:

— Джолу! Даррел! Ванесса! — Мои вопли подхватил весь тюремный блок, выкрикивая имена и грязные ругательства, прямо как пьяный базар в подворотне. Наверное, мой голос точно так же звучал для обитателей соседних камер.

Охранники принялись стучать в двери камер, приказывая всем замолчать, отчего гвалт только усилился. Мы вопили до исступления, до хрипоты, будто у нас крыша съехала. Ну и что, какого черта? Чего нам терять?

Когда меня опять повели на допрос, я мечтал только о горячей ванне, еде и нормальной постели. За мной явилась все та же дама с топорной стрижкой, но в сопровождении трех незнакомых мне быков — негра и двух белых, хотя один из них смахивал на латиноса. Они пихали и вертели

меня, как мясники баранью тушу. Все четверо были вооружены пистолетами. Наверное, со стороны зрелище напоминало действие игры «Контрстрайк» на фоне стремной рекламной картинки фирмы «Бенеттон».

Прежде чем вывести меня из камеры, они надели кандалы на мои запястья и лодыжки, соединив их одной цепью. По дороге я присматривался и прислушивался к окружающей обстановке. Снаружи доносился шум прибоя, и я даже подумал, что, возможно, нахожусь на Алькатрасе — какая ни на есть, а тюрьма, хотя уже на протяжении нескольких поколений служит туристической достопримечательностью: в ней отсиживал свой срок Аль Капоне и другие знаменитые гангстеры тех времен. Но я бывал на Алькатрасе со школьной экскурсией и помню разъеденное морским воздухом допотопное здание. Эта тюрьма тоже не новая, но все же построена не в колониальную эпоху, а, скорее, где-то в период Второй мировой войны.

На дверях камер, помимо номеров, были приклеены стикеры со штрихкодами, отпечатанными на лазерном принтере, но больше никакой информации, свидетельствующей, кто или что находится внутри.

Комната для допросов выглядела вполне современно — флуоресцентные лампы, эргономичные стулья с мягкой обивкой (впрочем, не для всех — мне достался складной садовый стульчик из пластмассы) и большой деревянный стол для заседаний. В одну стену было вставлено большое зеркало, прямо как в полицейских фильмах; наверное, кто-то невидимый стоит сейчас в соседнем помещении и наблюдает через него за ходом допроса. Дама с топорной стрижкой и ее спутники по очереди подошли к боковому столику и налили себе кофейку из стоявшего там термоса (в ту минуту я был готов совершить убийство ради глотка кофе). Передо мной поставили пенопластовый стакан с водой, не освободив скованные за спиной руки — мол, пусть помучается! Ха-ха-ха.

— Привет, Маркус, — начала Топорная Стрижка. — Ну как, ты подумал над своим поведением?

Я промолчал.

— Все, что тебе пришлось испытать до сих пор, еще только цветочки, — продолжила Топорная Стрижка. — Считай, что закончился *хороший* период твоего существования. Даже если ты соблаговолишь сообщить нам то, что мы хотим знать, даже если сумеешь убедить нас, что ты случайно очутился в неподходящее время в

неподходящем месте, на тебе навсегда останется наша метка. Отныне ты будешь жить у нас под колпаком и не сделаешь ни единого шага, ни единого движения без нашего ведома. Тебе есть что скрывать, Маркус, и нам это не нравится.

Стыдно признаться, но в ту минуту мой мозг зациклился на одной только фразе: «ты очутился в неподходящее время в неподходящем месте». Мне казалось, это самое страшное, что могло со мной приключиться. Никогда прежде я не испытывал такого страха и обреченности. Эти слова, «в неподходящее время в неподходящем месте», эти шесть слов вращались в моей голове, как приговор, пока я безвольно барахтался, пытаясь удержаться на поверхности собственного сознания.

— Маркус! — Топорная Стрижка пощелкала пальцами у меня перед лицом. — Маркус, очнись! — У нее на губах играла довольная улыбочка, и я разозлился на себя за то, что выдал ей свой испуг. — Учти, Маркус, дело может обернуться для тебя гораздо хуже. Ты сейчас находишься не в самом дерьмовом месте. Если мы сочтем целесообразным, то упечем тебя в такую дыру, что мало не покажется.

Топорная Стрижка нагнулась и достала из-под

стола чемоданчик. Опустив его на стол, она извлекла из чемодана и разложила перед собой мой мобильник, арфидный клонер, вайфайндер и карты памяти.

— Итак, от тебя требуется следующее. Сегодня разблокируй свой телефон. Если сделаешь это, выпустим тебя во двор для прогулок и предоставим возможность помыться в душе. Завтра опять встретимся здесь, и ты расшифруешь для нас информацию на картах памяти. Сделаешь — получишь полноценный обед в столовой. Послезавтра нам понадобятся пароли к твоей электронной почте, за это разрешим тебе пользоваться библиотекой.

Меня так и подмывало сказать «нет», прямо язык чесался, но вместо этого я промямлил:

— Но почему?

— Мы хотим быть уверены, что ты тот, кем стараешься казаться. Речь идет о безопасности, в том числе и твоей, Маркус. Предположим, ты ни в чем не виноват. Это возможно, хотя лично мне непонятно, для чего невинному человеку вести себя так, будто ему есть что скрывать. Но предположим, что так, и ты мог бы стоять на том мосту, когда он взорвался. Или твои родители, друзья. Ты хочешь, чтобы те, кто напал на тебя, на

твой дом, были схвачены и понесли наказание?

Прикольно, но эти ее «предоставим возможность», «разрешим» напугали меня больше всего и лишили воли к сопротивлению. У меня возникло ощущение, будто я в натуре отчасти виноват в *чем-то,* из-за чего и попал сюда, и теперь должен как-то загладить свою вину.

Но стоило даме с топорной стрижкой начать свистеть о «безопасности», я сразу очухался.

— Уважаемая, — сказал я ей, — вы говорите о нападении на меня и мой дом, но, насколько я понимаю, вы единственные, кто напал на меня в последнее время. Я думал, что живу в стране с действующей конституцией. Я думал, что живу в стране, где у меня есть права. А по-вашему получается, чтобы защитить мою свободу, надо растоптать основной закон Соединенных Штатов!

У нее на лице мелькнула тень раздражения и исчезла.

— Слишком мелодраматично, Маркус. На тебя никто не нападал. Твоя родина подверглась самой серьезной террористической акции, когда-либо осуществленной на этой земле. И ты был задержан правительством США в рамках расследования совершенного преступления. У

тебя есть возможность принять участие в войне против врагов нации. Хочешь, чтобы соблюдалась конституция? Тогда помоги нам остановить злодеев, которые взрывают твой город! А теперь я даю тебе ровно тридцать секунд, чтобы разблокировать свой телефон, после чего ты отправишься обратно в камеру. Нам еще предстоит допросить очень много людей сегодня.

Она стала смотреть на свои часы, а я тряхнул кистями рук, загремел цепью, которая не давала мне дотянуться до мобильника и разблокировать его. Да, я сделаю это. Дама с топорной стрижкой указала мне путь к свободе, к нормальной жизни, к родителям, и в мою душу вселилась надежда. А теперь она угрожает отправить меня обратно, закрыть дорогу к освобождению, и я сейчас был готов на все ради того, чтобы вернуть себе эту надежду.

Я продолжал греметь цепью, желая получить мой мобильник и разблокировать его, а Топорная Стрижка все так же невозмутимо смотрела на меня, держа перед собой часы.

— Пароль… — произнес я, догадавшись наконец, чего она от меня добивалась. Она хотела, чтобы я не просто разблокировал телефон, но сказал вслух пароль в присутствии ее помощников,

чтобы можно было занести его в протокол допроса. Она хотела, чтобы я покорился ее воле, признал ее превосходство, выдал ей все сокровенное, что у меня есть, отказался от неприкосновенности своей личности. — Пароль… — повторил я и назвал ей пароль. Господи помилуй, я покорился ее воле.

Губы Топорной Стрижки опять скривились в холодной улыбочке, видимо, означающей у нее выражение триумфа, и охранники повели меня прочь. У дверей я оглянулся; она склонилась над телефоном и старательно нажимала кнопки, вводя пароль.

Как бы мне хотелось сказать, что я предвидел подобную ситуацию и создал фальшивый пароль, которым в моем мобильнике открывался совершенно безобидный и ненужный раздел. Но, к сожалению, мне не хватило на это ума и/или шизы.

Вам, наверное, уже не терпится узнать, что за сокровенные тайны я храню у себя на телефоне, флешках и в письмах? Какие вообще секреты могут быть у обычного пацана?

Если по правде, то тайн у меня множество, и в то же время ни одной. Из записей в моем мобильнике и картах памяти можно почерпнуть

довольно обширную информацию о моих друзьях, и моем отношении к ним, о всяких приколах и примочках, которые мы творим. Там хранятся электронные копии наших споров и раздоров, компромиссов и примирений.

Дело в том, что я ничего не стираю из памяти моих машин. А зачем? Информация кушать не просит, а понадобится она когда опять, нет ли — кто знает? Иногда даже самая дурацкая информация становится необходимой. Знаете, бывает, сидишь в метро, и вдруг на ум приходит какая-нибудь давнишняя ссора с другом и все гадости, которые ты ему наговорил. Обычно в действительности все не так страшно, как кажется после. И это здорово, если есть возможность вернуться в прошлое к тому неприятному случаю и с облегчением понять, что зря ты почитал себя последней сволочью. У нас с Даррелом таких ссор было столько, что и не счесть!

И дело даже не в этом. Просто я знаю, что мой телефон — это мой, личный телефон. И флешки тоже мои и ничьи больше. На то и существует криптография — шифрование сообщений. В основе криптографии лежит старая добрая математика, а значит, и тебе, и мне доступны те же принципы шифровального дела, какими

пользуются, скажем, банки или Агентство национальной безопасности США. То есть для всех существует одна криптография, а потому она общедоступна и открыта для применения каждым человеком. Иначе от нее не было бы толку.

Есть что-то окрыляющее в том, что какой-то уголок твоей жизни принадлежит только тебе, и никому, кроме тебя, негоже заглядывать в него, поскольку это примерно такое же интимное деяние, как раздеться догола или сесть на толчок. Все мы время от времени обнажаемся и вынуждены ходить в туалет по-большому, и нет в этом ничего постыдного, аморального или стремного. Но вообрази, если я объявлю тебе, что отныне всякий раз, когда твой организм захочет избавиться от порции дерьма, ты должен испражняться в помещении с прозрачными стенами, возведенном посреди Таймс-сквер, и при этом будешь гол как сокол!

Даже если у тебя идеально сложенное тело — а кто из нас может похвастаться этим? — надо быть извращенцем, чтобы обрадоваться подобному завороту мозгов. Большинство начнет громко протестовать. Многие будут терпеть, пока не лопнут.

Потому что речь идет не только и не столько о

чем-то постыдном, но прежде всего об интимном, личном. О том, что это твоя жизнь, и она принадлежит исключительно тебе.

А дээнбисты по кускам отнимали у меня мою жизнь. Поделом мне, думал я, шагая обратно в камеру. На моем счету накопилось немало нарушений и проступков, которые, в общем, сошли мне с рук, так что теперь, возможно, настало справедливое возмездие. Наверное, сейчас мне откликается то, что аукнулось в прошлом. Ведь и здесь я оказался в конечном итоге потому, что сбежал с уроков.

Меня отвели в душ, а потом на прогулку по закрытому двору, где был только квадрат неба над головой да воздух такой же, как в зоне залива Сан-Франциско — и никаких иных, более точных признаков моего местонахождения. Никто из других заключенных не попался мне на глаза за все время прогулки. Очень скоро мне наскучило ходить по кругу. Я напрягал слух, пытаясь по звукам понять, что это за дыра, но ни отдаленный шум проезжающего автомобиля, ни случайные голоса, ни даже рев двигателей приземляющегося поблизости самолета ничего мне не сказали.

Меня покормили в камере половинкой пирога с начинкой пеперони из пиццерии «Гоут-Хилл-

Пицца», что по дороге на Портеро-Хилл. Я не раз покупал там пиццу и теперь с грустью разглядывал знакомую упаковку и цифры 415, с которых начинался номер телефона; они напомнили мне, что еще вчера я был свободным гражданином свободной страны, а сегодня сижу за решеткой. Меня очень беспокоило, как там Даррел и все остальные. Может, они повели себя покладистее, чем я, и их отпустили? Тогда мои родители уже все знают и, наверное, названивают во все концы, разыскивая меня.

А может, и нет.

Камера казалась фантастически голой, пустой, как моя душа. Я стал воображать, что стена напротив моей лежанки — экран монитора, а я хакаю систему защиты, чтоб отпереть дверь. Еще мне вспомнился мой верстак и незаконченные домашние поделки — переносная магнитола с сюррaунд-звуком в корпусе из пустых консервных банок, и летучий змей с аппаратом для воздушной фотосъемки, и ноутбук собственной конструкции.

Я не хотел оставаться здесь. Я хотел домой, в школу, к друзьям и родителям, я хотел обратно в свою жизнь. Я хотел идти туда, куда пожелаю, а не метаться из угла в угол в тесной камере.

На следующем допросе я дал им пароль доступа к содержанию USB-флешек. У меня там хранились кое-какие интересные выступления на онлайновых дискуссионных кружках, несколько записей с разговорных чатов, рекомендации и советы умельцев, помогавших мне разобраться с разными делами. Всю эту информацию можно, конечно, отыскать через Google, хотя данный факт вряд ли зачтется в мою пользу.

Днем меня опять вывели на прогулку, и на этот раз я увидел во дворе товарищей по несчастью — шестерых мужчин и двух женщин различных возрастов и расовой принадлежности. Похоже, они, как и я, поступились неприкосновенностью своей личности ради получения «разрешений».

Мне дали на прогулку полчаса, и я попытался завязать разговор с чернокожим парнем примерно одного со мной возраста, с коротким «афро» на голове. Из всех остальных он выглядел наименее пришибленным. Но стоило мне представиться и протянуть ему руку, парень испуганно покосился на камеры, со зловещим молчанием взиравшие на нас сверху из каждого угла огороженного высокими стенами дворика, и прошел мимо, будто не заметив меня.

Перед самым окончанием прогулки, когда че-

рез громкоговоритель сначала называли мою фамилию, а затем отводили в камеру, дверь вдруг отворилась, и во двор вышла — Ванесса! Никогда еще я не испытывал такой радости при виде знакомого лица. Она выглядела утомленной, несчастной, но, главное, была живая и здоровая. Заметив меня, Ван вскрикнула и бросилась навстречу. Мы крепко обнялись; я почувствовал, как она дрожит всем телом, и тут же понял, что и меня трясет, будто в лихорадке.

— Ты в норме? — спросила Ван, отстраняясь и разглядывая меня с расстояния вытянутых рук.

— В норме, — подтвердил я. — Меня обещали выпустить, если сообщу им свои пароли.

— А меня все время расспрашивают про тебя и Даррела.

Все это время громкоговоритель ревел, приказывая нам прекратить разговор и продолжить прогулку, но мы не обращали на него внимания.

— Отвечай на все их вопросы! — не задумываясь, велел я Ванессе. — О чем бы ни спрашивали, не молчи. Лишь бы вырваться отсюда.

— А как Даррел и Джолу?

— Я их не видел.

Дверь с грохотом распахнулась, и во двор выскочили четыре здоровенных охранника — по

двое ко мне и к Ванессе.

Меня повалили на землю и повернули голову так, чтоб я не видел Ван; с ней, очевидно, поступили точно так же. В одно мгновение мои запястья окольцевали пластиковыми наручниками, рывком поставили меня на ноги и отвели в камеру.

Этим вечером мне не принесли ужин. Следующим утром я остался без завтрака. Никто не пришел за мной, чтобы отвести в комнату для допросов и выведать у меня какие-нибудь новые тайны. Пластиковые наручники продолжали стягивать за спиной мои запястья, отчего плечи сначала ныли, затем болели, потом онемели и снова заныли. Я перестал ощущать кисти рук.

Я не мог расстегнуть или стянуть с себя джинсы. Терпел долго и упорно в надежде, что кто-нибудь явится, но не выдержал. Мне в натуре требовалось срочно, немедленно помочиться.

Я сел на унитаз и кое-как пописал прямо через штаны.

После этого за мной пришли — чуть позже, когда теплая моча остыла и мои без того засаленные, а теперь еще мокрые, холодные джинсы прилипли к заднице и ногам. Меня повели по длинному коридору мимо запертых дверей с наклеенными на них штрихкодами, каждый из

которых означал еще одного узника, такого же, как я. Потом коридор кончился, и я очутился в комнате для допросов, будто на другой планете, в ином мире, где люди жили нормальной жизнью и от них не пахло мочой. Я казался себе грязным ничтожеством и вновь ощутил знакомое чувство, что наказан поделом.

Дама с топорной стрижкой уже поджидала меня — ухоженная, причесанная, в меру подкрашенная. Я уловил запах лака для волос. При моем появлении она брезгливо наморщила нос. От стыда я был готов сквозь пол провалиться.

— Ай-ай-ай, такой большой мальчик и не умеет ухаживать за собой! Фу, какая бяка!

Это было хуже всякой пытки. Я уставился себе под ноги и не смел поднять глаза. Скорее бы открыть ей все мои пароли и убраться отсюда!

— Что ты сказал своей подружке на прогулке?

Я усмехнулся столу, за которым сидела Топорная Стрижка.

— Сказал, чтоб она отвечала на все ваши вопросы. Сказал, чтобы слушалась вас.

— Значит, ты отдаешь ей приказания?

Кровь бросилась мне в лицо.

— Да хватит вам! — сорвался я. — Мы вместе играем в *игру*, «Харадзюку-Фан-Мэднес» называется!

Я — капитан нашей команды! Мы школьники, а не террористы! Не отдавал я никаких приказаний, просто посоветовал ей честно отвечать на вопросы, чтобы снять с нас подозрения и поскорее свалить отсюда!

Топорная Стрижка промолчала.

— Как себя чувствует Даррел? — спросил я.

— Кто?

— Даррел. Нас вместе забрали. Он мой друг. Его пырнули ножом в метро на станции «Пауэлл-стрит». Мы и на улице торчали потому, что ловили машину отвезти его в больницу.

— Тогда я уверена, что у него все хорошо, — сказала Топорная Стрижка.

Мой желудок сжался в комок, и меня чуть не стошнило.

— Вы что, *не знаете?* Разве Даррел не здесь? Тогда где же?

— Вот чего я не собираюсь с тобой обсуждать, так это кого мы держим здесь, а кого нет. Не твоего ума дело. Подумай лучше, как будешь вести себя в дальнейшем, Маркус. Ты на своем опыте убедился, что не стоит испытывать наше терпение. Ощутил, так сказать, собственной шкурой последствия невыполнения установленных нами правил. У тебя ведь уже наметились

положительные сдвиги, ты был почти на пути к освобождению! Если хочешь твердо ступить на верную дорожку, продолжай отвечать на все мои вопросы!

Я не стал возражать.

— Урок не пропал для тебя даром, и это хорошо. А теперь расскажи, как войти в твой электронный почтовый ящик.

Я был готов к этому заранее и выложил ей все: адрес сервера, логин, пароль. Не жалко. Я все равно не хранил в ящике никакой почты, потому что каждую минуту мой домашний компьютер проверял его, скачивал на свой диск поступившую информацию и стирал ее из памяти сервера. Дээнбисты ничего не найдут по моему электронному адресу — вся почта уже перекочевала ко мне домой.

Меня отвели обратно в камеру, но перед этим пустили в душ и вместо моих загаженных джинсов выдали чистые тюремные штаны оранжевого цвета. Они были мне велики, и мотня висела между ног, как у братка из банды мексиканских гопников у нас в Мишн-дистрикте. Вот откуда у них мода на широкие штаны с обвисшим задом — из тюряги! Только шкандыбать в таких штанах не ради понта, а по необходимости не очень-то

прикольно, поверьте!

Так прошел еще один день в тюремной камере. Ее шершавые стены были сделаны из бетона, залитого поверх стальной арматуры. Сквозь зеленую краску проступали рыжеватые полосы ржавчины, разъедающей арматуру на морской сырости. Где-то там, за этими стенами, мои родители.

Назавтра за мной опять пришли.

— Уже целый день знакомимся с твоей почтой, — сообщила мне дама с топорной стрижкой. — Только пришлось изменить пароль, чтобы твой домашний компьютер не мог ее изымать.

Конечно, они изменили пароль! На их месте я сделал бы то же самое.

— Теперь у нас достаточно улик, чтобы упрятать тебя за решетку на очень долгий срок, Маркус. Наличие при тебе этих предметов, — Топорная Стрижка указала на отобранные у меня девайсы, — и данные, содержащиеся в твоем телефоне и картах памяти, а также подрывные материалы, которые мы, несомненно, обнаружим при обыске у тебя дома и проверке твоего компьютера, дают основание полагать, что на свободу ты выйдешь уже глубоким стариком. До тебя доходит смысл сказанного мною?

Я не поверил ни единому ее слову. Не найдется такого судьи, который признает состав преступления в моем барахле. Реализовывать право на свободу слова и мастерить — не преступление.

Но кто знает, чего ждать от этих отморозков? Уж во всяком случае, не законного суда.

— Мы знаем, где ты живешь, с кем дружишь, чем занимаешься и о чем думаешь.

И тут я дотумкал. Они собираются отпустить меня! В комнате даже посветлело как будто. Я так обрадовался, что у меня дыхание участилось.

— Нам осталось узнать от тебя только одно: как осуществлялось минирование моста во всех технических подробностях?

Я перестал дышать. В комнате опять потемнело.

— Чего?

— По всей длине моста были заложены десять зарядов. Именно заложены заранее, а не подвезены в последнюю секунду в автомобильных багажниках. Кто и как доставил их на мост и заложил?

— Чего? — тупо повторил я.

— Маркус, это твой последний шанс, — сказала Топорная Стрижка со скорбным выражением на лице. — До сих пор у нас с тобой все шло хорошо.

Расскажи, о чем я прошу, и можешь отправляться домой. Наймешь себе адвоката, который будет защищать тебя в ходе судебного разбирательства. Наверняка отыщутся обстоятельства, которые смягчат твою вину и объяснят причины совершенного тобой преступления. Короче, облегчи душу и ты свободен — пока.

— Я не знаю, о чем вы говорите! — Слезы текли по моим щекам, я плакал навзрыд, всхлипывал и подвывал, но не замечал этого. — Я понятия не имею, о чем вы говорите!

Топорная Стрижка укоризненно покачала головой.

— Маркус, прошу тебя, позволь нам помочь тебе. Ты же сам понимаешь, мы с тебя не слезем, пока своего не добьемся. Сколь веревочке ни виться, все равно конец придет.

Тут меня в очередной раз осенило. У них у всех здесь крыша съехала! Я постарался взять себя в руки и перестать распускать сопли.

— Послушайте, уважаемая, все не так, как вы думаете. Я дал вам все пароли, и вы сами смогли убедиться, что я не занимаюсь ничем противозаконным. Я всего лишь ученик средней школы, мне только семнадцать лет, и просто несерьезно приписывать мне…

— Маркус, твое положение серьезное, дальше некуда, неужели ты до сих пор не понял этого? — Топорная Стрижка опять покачала головой. — А ведь, судя по школьным оценкам, ты парень с головой. — Она чуть махнула рукой, будто отгоняя муху, и охранники подняли меня со стула, ухватив под мышки.

Уже в камере я придумал не меньше сотни убедительных аргументов в свою защиту. Французы называют это esprit d'escalier — лестничное остроумие, когда меткие слова и замечания приходят в голову запоздало, уже на лестнице после расставания с собеседниками. Я представлял себе, как, гордо распрямившись, доказываю моим мучителям, что они незаконно держат в неволе истинного патриота своей родины, свободного гражданина, и это делает их изменниками. Я покрывал их позором за то, что они превращают страну в концентрационный лагерь. В своем воображении я блистал красноречием и довел до слез даму с топорной стрижкой.

Однако на следующий день, когда меня опять привели на свидание с ней, все эти громкие слова куда-то улетучились. Я мог думать только о том, что хочу домой, к маме и папе.

— Привет, Маркус! — бодро поздоровалась То-

порная Стрижка. — Как настроение?

Перед ней на столе лежали какие-то бумаги, собранные в аккуратную стопку возле неизменного разового стаканчика с кофе из «Старбакса». При виде него я вспомнил, что за этими стенами по-прежнему существует реальный мир, и почувствовал себя немного увереннее.

— Предварительный этап следствия по твоему делу закончен, — объявила Топорная Стрижка и замолчала, выжидающе глядя на меня. Означало ли это, что я могу идти? Или теперь они сбросят меня в бездонную шахту, и концы в воду?

— И что дальше? — не выдержал я.

— Еще раз подчеркиваю, мы с тобой шутить не намерены. Наш регион подвергся самому жестокому нападению за всю свою историю. Сколько еще одиннадцатых сентября должна испытать на себе нация, чтобы заставить таких, как ты, выполнять требования департамента национальной безопасности? Мы ведем наше расследование в условиях полной секретности. Мы приложим все усилия и не остановимся ни перед чем, чтобы злоумышленники, совершившие это гнусное преступление, понесли заслуженное наказание. Тебе понятно?

— Да, — выдавил я.

— Сегодня мы отпустим тебя домой, но не забывай, теперь ты меченый. Подозрение с тебя не снято; ты освобождаешься условно только потому, что закончился данный этап следствия по твоему делу. Но отныне ты *принадлежишь* нам и останешься под нашим неусыпным наблюдением! Подождем, когда ты сделаешь хотя бы один неверный шаг. Ты понял, что мы будем постоянно и внимательно следить за тобой?

— Да, — опять выдавил я.

— Хорошо. О том, что ты здесь видел и слышал, никому ни слова. Ни при каких обстоятельствах. Это вопрос национальной безопасности. Тебе известно, что смертная казнь как высшая мера наказания по-прежнему применяется в отношении предателей в период военных действий?

— Да, — выдавил я.

— Хороший мальчик, — проворковала Топорная Стрижка. — А теперь ты должен подписать кое-что. — Она подвинула ко мне через стол стопку бумаг. Под текстом на каждом листе были прилеплены стикеры со словом «Подпись». Охранник отомкнул мои наручники.

Я пробежал их глазами, и от возмущения у меня выступили слезы и закружилась голова. Мне с трудом далась юридическая казуистика, но из

этих бумаг следовало, что я добровольно сел в тюрьму и также по собственной воле подвергался допросам, о чем и заявлял официально.

— А если не подпишу? — спросил я.

Топорная Стрижка выхватила из моих рук бумаги и опять изобразила пальцами, как будто отгоняет муху. Охранники одним рывком поставили меня на ноги.

— Постойте! — закричал я. — Не надо! Я подпишу! — Охранники потащили меня за дверь. Я вперился глазами в эту дверь и думал только о том, что она вот-вот закроется за мной.

Я проиграл. Я сломался. Я умолял, чтоб мне разрешили подписать те бумаги. Ощутив близость свободы и так безрассудно позволив отнять ее у меня, я был готов на все. Сколько раз мне доводилось слышать от других слова: «Скорее умру, чем сделаю то-то и то-то». Я и сам повторял эту фразу неоднократно. Но только теперь мне впервые стало ясно ее истинное значение. В ту минуту мне легче было умереть, чем вернуться в тюремную камеру.

Охранники выволокли меня в коридор. Я плакал и продолжал умолять их. Я клялся подписать что угодно.

Топорная Стрижка велела охранникам оста-

новиться. Они ввели меня обратно в комнату для допросов и усадили на стул. Один подал мне ручку.

Я старательно подписал все бумаги.

В камере лежали мои джинсы и футболка, выстиранные и аккуратно сложенные. От них пахло стиральным порошком. Я переоделся, умылся, сел на койку и тупо уставился в противоположную стену. Меня лишили всего — сначала свободы и личной жизни, теперь человеческого достоинства. Опустили настолько, что, прикажи они мне, я подписался бы даже под признанием в убийстве Авраама Линкольна.

На душе было погано, хотелось зареветь, но слезы никак не текли, наверное, все вытекли.

За мной пришли. Ко мне приблизился охранник с капюшоном в руках, точно таким же, какой надели на меня во время задержания. Когда это случилось — дни, недели назад?

Охранник напялил капюшон мне на голову и туго затянул на шее веревку. Я вновь очутился в кромешной, душной тьме наедине со своим спертым дыханием. Меня подняли на ноги и повели сначала по коридорам, потом вверх по лестнице, по гравию. Под ногами загремела стальная палуба судна. Под рев дизелей мои руки приковали

за спиной к какой-то железяке, и я опустился на колени.

Судно отчалило. Сквозь мешковину повеяло соленым морским воздухом. Моросило, и одежда на мне скоро промокла насквозь. Но я не обращал на это внимания, главное, что от свободы, от реального, человеческого мира меня отделял только этот мешок и считанные минуты пути.

Ко мне подошли, подняли и повели прочь от судна по неровной земле. Вверх по металлической лесенке из трех ступенек. С меня сняли наручники. Сняли мешок с головы.

Я снова в грузовике. И дама с топорной стрижкой тут же, за тем же столиком. Она молча подала мне фирменный пакет «Ziploc» с моим бумажником, карманной мелочью, телефоном и другими девайсами.

Я рассовал их по карманам. Как-то странно было ощущать все это на своих местах, в карманах своей собственной одежды. Снаружи доносились знакомые звуки городской улицы.

Охранник отдал мне рюкзак. Топорная стрижка протянула мне руку. Я только посмотрел на нее, не шелохнувшись. Она криво усмехнулась и опустила руку. Потом сделала жест, будто застегивает рот на молнию, и показала пальцем на

меня. После этого открыла дверь.

День выдался серый и сырой. Грузовик стоял в переулке, в конце которого мелькали проезжающие через перекресток машины и велосипедисты. Я замер, будто в трансе, на верхней ступеньке лесенки, взирая на свободу.

У меня задрожали колени. Я вдруг понял, что со мной играют, как кошка с мышкой. Через мгновение охранники схватят меня, заволокут в грузовик, сунут в мешок и отвезут обратно в тюрьму, чтобы таскать на бесконечные, бессмысленные допросы. У меня чуть не вырвался стон от нахлынувшего чувства обреченности.

Одолев слабость в коленях, я медленно опустил ногу на вторую ступеньку, затем на третью, последнюю. Под подошвами хрустнул мусор, которого хватало в этом переулке — битое стекло, кирпичная крошка и прочее. Я сделал шаг. Другой. Дошагал до перекрестка и ступил на тротуар.

Никто не гнался за мной.

Я на свободе.

Две сильные руки обхватили меня сзади. Я бы закричал, если б не сперло дыхание.

Глава 5

Это была Ванесса. Она плакала и обнимала меня так крепко, что я не мог перевести дух. От радости я забыл обо всем на свете и тоже вцепился в Ван, зарывшись лицом в ее волосы.

— Как ты? — спросила она.

— Нормально, — сумел просипеть я.

Наконец мы отпустили друг друга, но я тут же попал в объятия другой пары рук. Джолу! Нас привезли вместе!

— Живой, братишка! — прошептал он мне на ухо и сжал еще сильнее.

Я стал озираться.

— А где Даррел?

Они переглянулись.

— Может, еще в грузовике? — предположил Джолу.

Мы обернулись и посмотрели на грузовик, все еще стоящий в конце переулка. Это был белый восьмиосный фургон без опознавательных знаков. Складную металлическую лесенку уже затащили внутрь. Загорелись красные габаритные огни, и грузовик начал сдавать задом в нашу

сторону, издавая предупредительные «и-ип, и-ип, и-ип».

— Постойте! — закричал я. Грузовик быстро приближался к нам. — А как же Даррел? — Грузовик был совсем рядом. Я продолжал кричать: — Где Даррел?

Джолу и Ванесса вдвоем схватили меня за руки и потащили в сторону. Я упирался, стараясь докричаться до тех, в грузовике. Машина вырулила на улицу, развернулась и покатила под горку. Если бы меня не удерживали Джолу и Ван, я бы побежал за ней следом.

Когда грузовик исчез из виду, я сел на край тротуара, обхватил колени руками и заревел. Я плакал навзрыд, всхлипывая и подвывая, как не плакал с дошкольного возраста. И не мог остановиться. Меня била крупная дрожь.

Ванесса и Джолу заставили меня подняться и повели по улице. Мы добрели до остановки городского автобуса, и они усадили меня на скамейку. Мы втроем посидели рядышком в обнимку, все вместе обливаясь слезами, и я понял, что мы оплакиваем Даррела, поскольку уже не надеялись увидеть его никогда.

Мы находились на севере Чайнатауна, там, где он переходит в Норт-Бич — жилой район,

известный своими стрип-клубами, призывно озаряемыми по ночам неоновыми вывесками, и легендарным магазином контркультурной литературы «Сити Лайтс», который в далеких пятидесятых стал местом рождения «бит-поэзии».

Я хорошо знал эту часть Сан-Франциско, потому что родители часто привозили меня сюда в свой любимый итальянский ресторан. Официант приносил нам большие тарелки лингвини и гороподобные порции итальянского мороженого с цукатами из инжира, а в завершение маленькие чашечки убийственно крепкого эспрессо.

Теперь окружающая обстановка воспринималась мной совершенно иначе; я смаковал свободу, вновь обретенную, как мне казалось, по прошествии вечности.

Мы пошарили по своим карманам и наскребли денег, которых хватило на столик в итальянском ресторанчике. Уселись на улице, под навесом. Красивая официантка с помощью зажигалки для барбекю запалила газовый обогреватель, приняла у нас заказ и ушла внутрь. Обалденно приятное ощущение сидеть в ресторане, делать заказ и вообще чувствовать себя хозяином собственной судьбы.

— Сколько времени нас там продержали? —

спросил я.

— Шесть дней, — ответила Ванесса.

— Я насчитал пять, — сказал Джолу.

— А я не считал.

— Что они с тобой делали? — спросила Ван.

Мне не хотелось говорить об этом, но она и Джолу в ожидании смотрели на меня. Стоило мне начать, я уже не мог остановиться. Выложил им все, признался даже, что меня вынудили поссать в штаны. Оба слушали, не произнося ни слова. Официантка принесла нам содовую, и я замолчал, но как только она удалилась на достаточное расстояние, тут же продолжил. Странно, но по ходу рассказа мое восприятие того, что со мной случилось, теряло однозначность, очевидность. Под конец мне даже показалось, что я начал приукрашивать события, старался представить их не слишком отвратительными. Я выуживал из памяти увертливые воспоминания, и они иногда ускользали, как рыбины из рук. Джолу ошарашенно покачал головой.

— Да, чувак, досталось тебе.

Настала его очередь поведать о том, как обошлись с ним дээнбисты. На допросах их в основном интересовала моя персона, и Джолу рассказал им всю правду о нашей дружбе и собы-

тиях того дня. Они заставляли его по много раз повторять свои показания, но не применяли по отношению к нему своих грязных приемов, какие испытывали на мне. Джолу регулярно питался в общей столовой и вместе с другими смотрел видеозаписи прошлогодних блокбастеров в качестве развлечения.

Примерно так же провела эти дни Ванесса. Они только разозлились на нее за разговор со мной во дворе для прогулок, отобрали одежду, нарядили в оранжевую тюремную робу и двое суток не выпускали из камеры, хотя кормить не переставали. Как и Джолу, ее регулярно допрашивали, каждый раз задавая одни и те же вопросы.

— Знаешь, они на тебя конкретно взбычились, — сказал Джолу. — Прямо по-черному. Чем ты их так достал?

Я задумался и вспомнил.

Либо вы честно обо всем расскажете, либо очень и очень пожалеете.

— Я вначале не подчинился их требованию разблокировать свой телефон. Поэтому они меня сразу невзлюбили. — Конечно, трудно в это поверить, но другого объяснения я не находил. Обыкновенная дешевая месть. Мне даже нехорошо стало. Меня подвергли пыткам в качестве

кары за непослушание!

До сих пор мне было страшно. Но теперь я разозлился.

— Ублюдки, — вырвалось у меня. — Они сводили со мной счеты! Мстили за мое молчание!

Джолу выругался, и Ван тоже выдала что-то по-корейски — верный признак того, что она рассердилась не на шутку.

— Они мне заплатят, — прошептал я, глядя в свой стакан с содовой. — Я их достану.

Джолу покачал головой.

— Это невозможно, ты сам понимаешь. С сильным не борись, с богатым не судись.

В тот день всем нам не особенно хотелось заводить разговор об отмщении. Мы обсуждали, что нам делать дальше. Во-первых, надо появиться дома. Наши мобильники сели, а телефоны-автоматы убрали из этого района годы тому назад. Значит, надо просто поскорее вернуться домой. Я бы даже разорился на такси, если б деньги были.

Поэтому мы потопали пешком. На перекрестке купили в газетном автомате «Сан-Франциско кроникл» и стали смотреть новости на первой странице. После взрыва прошло уже пять дней, но тема не сходила с первой полосы.

Дама с топорной стрижкой говорила о взо-

рванном мосте, и у меня само собой сложилось мнение, что речь идет о мосте через пролив Золотые Ворота. Но я ошибся. Оказывается, террористы взорвали Бэй-бридж, мост через залив Сан-Франциско.

— На кой черт им понадобилось взрывать Бэй-бридж? — недоумевал я. — На всех почтовых открытках печатают Золотые Ворота.

Даже если вы никогда не бывали в Сан-Франциско, вам наверняка знакомо изображение грандиозного подвесного моста оранжевого цвета, перекинувшегося от старой военной базы под названием Президио до местечка Сосалито, где начинается виноградарский край с живописными городками, их картинными галереями и магазинчиками, торгующими ароматными свечами. Сооружение потрясающее, оно практически превратилось в символ штата Калифорния. Даже на нашем Диснейленде, гордо называющемся «Калифорнийский парк приключений», сразу при входе стоит копия моста Золотые Ворота с монорельсовой дорогой, проложенной поверху. Вот почему для меня совершенно очевидно, что если вы собираетесь взорвать мост в Сан-Франциско, то ваш выбор, естественно, должен пасть на Золотые Ворота.

— Скорее всего у них очко сыграло — там везде камеры и все такое, — предположил Джолу. — Национальные гвардейцы осматривают машины при въезде и выезде, а потом еще ограждение от самоубийц во всю длину, навороты всякие…

Как только в 1937 году открылось движение по мосту Золотые Ворота, люди принялись с его помощью сводить счеты с жизнью. За числом жертв перестали следить с 1995 года после тысячного самоубийства.

— Да, — согласилась Ванесса. — К тому же Бэй-бридж действительно куда-то ведет.

Бэй-бридж начинается в центре Сан-Франциско, соединяя его с Оклендом и Беркли, предместьями на Ист-Бэй, чьи жители каждый день ездят по мосту на работу и обратно. Это единственная часть зоны залива, где обычный гражданин может позволить себе иметь дом, в котором достаточно места, чтобы реально повернуться. Кроме того, там находится Калифорнийский университет и несколько предприятий легкой промышленности. Под заливом до Окленда проходит ветка метро, но интенсивность автомобильного движения по Бэй-бридж остается высокой. Мост Золотые Ворота, конечно, очень привлекателен, особенно для туристов или богачей, ушедших на

покой и поселившихся в зоне виноградарства и виноделия, однако его значение в качестве достопримечательности больше, нежели функциональное. А Бэй-бридж — все равно что рабочая лошадка Сан-Франциско. Точнее, был таковой.

Я поразмышлял об этом с минуту, потом сказал:

— Вы правы, ребята. Но дело, похоже, этим не ограничивается. Мы привыкли думать, что самые заметные объекты бросаются террористам в глаза, потому они и выбирают их себе в цели. А на самом деле террористам плевать, что гробить — мосты, самолеты или еще чего. Для них главное — испугать людей. Посеять панику. Конечно, они взорвали именно Бэй-бридж, в частности, и потому, что на Золотых Воротах установлены камеры наблюдения, а аэропорты сейчас просвечиваются насквозь рентгеном и металлодетекторами.

Я поразмышлял еще чуть-чуть, глядя на проезжающие мимо тачки, на снующих по тротуару пешеходов, на окружающий меня город.

— Самолеты и мосты террористам до фонаря. Террористам нужен террор.

Мысль была настолько очевидной, что я не мог понять, почему не сообразил этого раньше. Наверное, мозги прочистились после того, как я

на несколько дней оказался в шкуре террориста.

Джолу и Ван молча таращились на меня. Я продолжил:

— Но ведь правда же? Получается, от всех этих металлодетекторов, проверок документов и прочего дерьма нет никакого толку, ведь так?

Они медленно покивали головами в знак согласия.

— Толку нет, зато есть вред. — Тут мой голос сорвался. — Потому что в итоге нас замели в тюрягу, а Даррел… — Я впервые вспомнил о Дарреле с той минуты, как мы устроились в ресторане, а между тем моего лучшего друга больше нет, он исчез без следа, будто испарился. А я тут занимаюсь болтологией. У меня даже челюсти свело от злости на себя.

— Надо все рассказать родителям, — предложил Джолу.

— Надо нанять адвоката, — добавила Ван.

Я подумал о том, как поведаю всему свету о своих приключениях. Обязательно всплывут видеозаписи допросов, где я размазываю по лицу слезы и сопли, униженный до состояния безвольного животного.

— Это невозможно, — поспешно возразил я.

— То есть как? — Ван с недоумением посмот-

рела на меня.

— Нельзя никому ничего рассказывать, — настаивал я. — Ты же слышала ту тетку. Если проболтаемся, они вернутся за нами и сделают то же, что с Даррелом.

— Ты что, шутишь? — сказал Джолу. — Не хочешь же ты, чтобы мы…

— Я хочу, чтобы мы нанесли им ответный удар, — перебил я его. — А для этого мы должны оставаться на свободе. Словами тут ничего не добьешься. Они просто выставят нас дураками, скажут, мол, сочиняют пацаны. Мы даже не знаем, где находится та дыра, в которую нас засунули. Все решат, что мы просто гоним. А дээнбисты выждут, пока все уляжется, и припомнят нам.

— Лично я намерен сказать родителям, что проторчал в одном из тех лагерей на противоположном берегу залива. Что у меня там была назначена встреча с вами, мы там застряли, и только сегодня удалось выбраться. В газете вон пишут, люди до сих пор оттуда домой возвращаются.

— Нет, я так не могу, — сказала Ванесса. — А ты после всего, что они с тобой сделали, неужели будешь молчать?

— Вот именно *со мной,* в том-то и суть. Теперь

моя очередь разобраться с ними. Я достану их и вызволю Даррела. Нет, не думай, я этого так не оставлю. Потому-то и не хочу вмешивать сюда родителей, иначе всему делу хана. Во-первых, они нам не поверят, во-вторых, им будет по фигу. А вот если мы поступим, как я задумал, такая каша заварится — никому мало не покажется!

— А что ты задумал? — спросил Джолу. — Когда ты успел?

— Вообще-то пока ничего конкретного, — признался я. — Но самое позднее к завтрашнему утру у меня будет реальная идея, вот увидите.

Я знал, что если они не проговорятся до завтра, то уже никогда не проговорятся. Родители отнесутся с еще большим недоверием к откровению своего чада, «вдруг вспомнившего», что вместо заботливого ухода в лагере для пострадавших от теракта оно подвергалось побоям и издевательствам в секретных застенках.

Ван и Джолу переглянулись.

— Ребята, прошу, дайте мне одну попытку, — надавил я. — Сейчас по дороге разработаем нашу легенду, обсудим детали. Мне нужен только один день, один-единственный день!

Ван и Джолу насупились, молча кивнули, и мы втроем поплелись под горку к нашим домам. Мы

жили в совершенно не похожих частях города, расположенных в нескольких минутах ходьбы друг от друга: я на Портеро-Хилл, Ванесса в Норт-Мишн, а Джолу в Ноу-Вэлли.

Свернув на Маркет-стрит, мы остановились как вкопанные, обалдев от открывшегося нам зрелища. На каждом перекрестке улицу перегораживали баррикады; в оставленные проезды мог протиснуться только один автомобиль. На всем ее протяжении стояла колонна больших восьмиосных фургонов без всяких обозначений, таких же, как тот, что вез нас с мешками на головах от корабельного причала до Чайнатауна.

У каждого сзади была откинута трехступенчатая лесенка. По ним то и дело поднимались и спускались военные в форме, гражданские в костюмах и полицейские. На груди у всех были приколоты опознавательные бейджики, и часовые проводили по ним ручными сканерами, считывая служащую пропуском закодированную информацию. Проходя мимо грузовика, я пригляделя и различил на лацкане часового знакомый логотип департамента национальной безопасности. Дээнбист перехватил мой взгляд и в свою очередь подозрительно уставился на меня.

Я не стал испытывать судьбу и задвигал порш-

нями. На Ван-Несс мы разошлись — обнялись на прощание, пустили слезу и договорились созвониться.

К себе домой на Портеро-Хилл я мог добраться двумя путями — легким или трудным. Трудный путь пролегал через один из холмов с самыми крутыми склонами в городе. На таких киношники снимают автомобильные погони, знаете, когда тачки на большой скорости взлетают на горку, колеса отрываются от асфальта, и они в замедленном воспроизведении парят в воздухе по пологой траектории. Я всегда хожу домой этой дорогой. Вдоль улочек здесь выстроились старые викторианские домики, получившие прозвище Крашеные Леди за свою яркую, причудливую расцветку. Перед ними разбиты палисаднички, заросшие душистыми цветами и высокой травой. На заборах сидят домашние кошки и провожают вас настороженными взглядами. Вряд ли здесь встретишь хоть одного бомжа.

Но сегодня эти улочки показались мне уж слишком тихими. Я даже пожалел, что не пошел через Мишн, по второму, по… «горластому» пути — лучшего определения, пожалуй, не подберешь. Там не бывает ни тишины, ни покоя. На улице полно алкашей, офонаревших крэкхедов,

отрубившихся нарков, и тут же прогуливаются мамаши с колясками и целые семьи, старушки судачат на верандах, под оглушающий бит проезжают лоурайдеры, оснащенные киловаттными стереосистемами. Здесь же можно встретить хипстеров, малахольных эмо и даже парочку пузатых панкрокеров старой школы, чьи жирные пупки выпирают из-под футболок с портретами участников группы «Дэд Кеннедис». Не говоря уж про живописных трансвеститов, взбыченных гопников, перепачканных краской граффитчиков и дрожащих за свою жизнь вкладчиков капитала в реконструкцию жилья, что ждут не дождутся, когда их инвестиции начнут приносить дивиденды.

Поднявшись на Гоут-Хилл, я поравнялся со знакомой пиццерией, и на меня с такой силой нахлынули еще свежие воспоминания, что мне пришлось сесть на скамейку перед рестораном и подождать, пока руки-ноги перестанут трястись. Только сейчас мое внимание привлек припаркованный чуть повыше восьмиосный грузовик без обозначений, с откинутой позади трехступенчатой металлической лесенкой. Я тут же встал и зашагал прочь, чувствуя, как за мной отовсюду наблюдают чужие глаза.

Весь остаток пути я почти бежал, глядя себе под ноги, не замечая Крашеных Леди, палисадников и кошек.

В разгар дня обе машины предков стояли в проезде к крыльцу нашего дома. Ну, конечно, ведь отец работает в Ист-Бэй — естественно, ему теперь придется ждать, когда восстановят мост. А мама… Кто знает, почему она не на работе?

Оказалось, они оба сидели дома из-за меня.

Едва я успел отпереть замок своим ключом, как ручка вырвалась из моих пальцев, и дверь широко распахнулась. За ней стояли оба моих родителя с посеревшими и измученными лицами, уставясь на меня выпученными глазами. На секунду мы все застыли в немой сцене, затем они набросились на меня и, чуть не опрокинув, затащили в дом. Тут они принялись одновременно тараторить громкими голосами, так что я не мог разобрать слов, а слышал только невразумительный ор, сопровождающийся объятиями и слезами, и я тоже заревел, и некоторое время мы продолжали толпиться в нашей маленькой прихожей, плача и бессвязно бормоча, пока не выдохлись, после чего перебрались на кухню.

У меня есть привычка, придя домой, первым делом налить себе стакан холодной воды из филь-

тра, встроенного в холодильник, и выудить пару печений из «бочки печенья» — жестяной банки в форме бочонка, присланной нам в подарок маминой сестрой из Англии. Вот и сейчас я поступил точно так же, и обыденность этой процедуры подействовала на меня успокаивающе. Мое сердце перестало колотиться, а мозг заработал. Вскоре мы смогли сесть за стол и начать нормальное общение.

— Где ты был? — произнесли родители почти в унисон. По дороге домой я уже обдумал свой ответ на этот вопрос.

— В Окленде застрял, — соврал я, не моргнув глазом. — У нас там проходили внеклассные занятия, и меня с другими парнями загребли в карантин.

— На пять дней?

— Ага, — невозмутимо подтвердил я. — Напрягли по максимуму. — Я успел прочитать о карантинах в «Кроникл» и теперь нагло пересказывал статью чуть ли не слово в слово. — Ага. Замели всех, кто попал в облако. Кому-то пришло в голову, что взорвали бактериологическую бомбу, и нас, как селедку, упаковали в грузовые контейнеры в порту. Стремное местечко — в духоте, в поту, хавать нечего.

— Господи! — выдохнул отец, сжимая кулаки.

Он три дня в неделю преподает научную организацию библиотечного дела для старшекурсников Калифорнийского университета в Беркли, а в остальное время консультирует по работе с архивами своих клиентов в городе и на Пенинсуле. В основном это руководители и сотрудники доткомов третьей волны — коммерческих компаний, выросших как грибы на ниве Интернета. В общем, профессия у отца тихая и мирная — библиотекарь, но в шестидесятых он был настоящим радикалом, а в школе даже занимался в борцовской секции. И если его разозлить по-настоящему, то есть до белого каления — я знаю, потому что сам несколько раз доводил отца до белого каления, — то у него типа едет крыша, и он становится реально опасен, прямо как в фильме про Халка. Однажды отец, разъярившись, зашвырнул через весь дедушкин газон купленный в «Икеа» комплект деталей детских качелей, когда те при сборке развалились у него в пятидесятый раз.

— Варвары! — сказала мама. Она еще школьницей со своими родителями переехала жить в США, но до сих пор, как истинная британка, испытывает чувство протеста, когда ей приходится

иметь дело с американскими копами, системой медицинского обслуживания, мерами безопасности в аэропортах и проблемами бездомных. В таких случаях мама употребляет свое самое сильное ругательство «варвары», которое в ее английском произношении звучит очень внушительно. Вообще-то я дважды ездил в Лондон в гости к нашим родичам и не сказал бы, что этот город намного цивилизованней, чем Сан-Франциско, зато свободного пространства там еще меньше.

— Но сегодня нас отпустили и переправили через залив на пароме, — начал я импровизировать.

— Ты, наверное, плохо себя чувствуешь? — предположила мама. — Голодный?

— Сонный? — подхватил папа.

— Да, пожалуй, всего понемножку. А еще Простак, Профессор, Чихун и Скромник.

Шутки на тему «семи гномов» — наш семейный бзик. Родители слабо улыбнулись, но все еще сквозь слезы. У меня вдруг защемило в груди от жалости к ним. Они ведь реально с ума сходили, не зная, где их сын и что с ним. Я поспешил сменить тему разговора.

— Вообще-то перекусить мне не помешало бы.

— Сейчас закажу пиццу в «Гоут-Хилл», — вызвался папа.

— Нет, только не это, — вырвалось у меня.

Они оба обернулись с таким видом, будто из моей головы вылезли телескопические марсианские усики. Я всю жизнь был неравнодушен к продукции «Гоут-Хилл-Пицца», с детства заглатывал ее, как аквариумная рыбка крошки корма, и, наверное, лопнул бы когда-нибудь, если бы пицца всякий раз не заканчивалась первой. Мне удалось изобразить на лице невинную улыбку.

— Чего-то не хочется пиццы, — неубедительно промямлил я и предложил первое, что пришло в голову: — Давайте лучше съедим какое-нибудь карри, а? — Слава богу, в Сан-Франциско можно заказать на дом любую жратву.

Мама выдвинула ящик, в котором хранилась коллекция ресторанных меню навынос (еще одна привычная мелочь нормальной жизни, бодрящая, как глоток прохладной воды в летний зной), вынула и стала просматривать их, перекладывая по очереди в низ стопки. Потом мы отвлеклись еще на пару минут, пока вместе изучали меню пакистанского ресторана с халяльской кухней на Валенсии. Я выбрал себе ассорти тандури-гриль, шпинат, протертый с фермерским сыром,

соленый ласси из мякоти манго (на вкус гораздо приятнее, чем на слух) и жареные пончики в сахарном сиропе.

После того как заказали еду, снова начались расспросы. Родители Ванессы, Джолу и, конечно, Даррела, созвонились с моими и обратились в полицию. Однако количество заявлений об «отсутствующих гражданах» было настолько велико, что копы их только регистрировали, а принять меры обещали лишь по прошествии семи суток со дня исчезновения человека.

Между тем в Интернете сразу нарисовались миллионы сайтов по розыску пропавших без вести. Воспрянули даже несколько старых клонов социальной сети MySpace, тоскующих на безденежье и увидевших возможность продлить свое существование на волне всеобщего интереса. Ведь родственники пропали даже у богатых инвесторов из зоны залива. Если найдутся, глядишь, и сайту обломится немного бабла. Я схватил отцовский ноутбук и открыл несколько сайтов. Они были сплошь напичканы всякой рекламой вперемешку с фотоснимками разыскиваемых людей — школьными, свадебными и разными прочими. Довольно мерзкое зрелище.

Моя фотка была размещена в блоке с Ван, Джолу

и Даррелом. Небольшое пространство отводилось для отметки, что человек нашелся, и еще одно для дополнительной информации о тех, кто пока отсутствует. Я заполнил поля за себя, Джолу и Ван и оставил пустым то, что относилось к Даррелу.

— Ты забыл отметить Даррела, — сказал папа. Вообще-то он недолюбливал моего лучшего друга с тех пор, как заметил, что уровень содержимого в одной из бутылок у него в баре опустился дюйма на два, а я тогда, к моему неослабевающему стыду, свалил вину на Даррела. На самом деле мы оба отсосали эту водку, ради прикола намешав себе по хайболу с кока-колой, когда ночь напролет рубились на компьютере.

— Его не было с нами, — соврал я с горьким чувством.

— О господи! — охнула мама, сцепив руки так, что побелели костяшки пальцев. — А мы с папой решили, что вы вернулись все вместе.

— Нет, — продолжал я завирать. — То есть мы договорились встретиться, но Даррел не явился на место в назначенное время. Наверное, застрял в Беркли. Он собирался поехать на метро.

Мама испуганно ойкнула. Папа закрыл глаза и сокрушенно покачал головой.

— Разве ты не знаешь, что случилось с мет-

ро? — спросил он тихим голосом.

Я мотнул головой, чувствуя приближение неотвратимого. Земля уходила у меня из-под ног.

— Его взорвали, — сказал папа. — Эти ублюдки взорвали мост и метро одновременно.

Об этом не написали на первой странице «Кроникл», и понятно почему: последствия взрыва проходящей под водой ветки метро заведомо не могли тягаться по зрелищности с растерзанными остатками моста, повисшими над заливом. Весь перегон от станции «Эмбаркадеро» в Сан-Франциско до «Вест-Окленда» был затоплен.

Я вернулся к отцовскому компьютеру и стал прокручивать заголовки. Все затруднялись назвать точное число погибших, но счет шел уже на тысячи. Цифра постоянно увеличивалась за счет все новых установленных жертв из тех, кто в своих автомобилях упал с высоты 191 фут, и пассажиров затопленных поездов. Один репортер утверждал, что ему повезло взять интервью у «изготовителя липовых удостоверений личности», который после теракта помог «десяткам» человек просто исчезнуть с новыми документами из своей прежней жизни и заодно ускользнуть от неудачных браков, невыплаченных долгов и прочих превратностей судьбы.

Отец сидел с повлажневшими глазами, а мама плакала, не сдерживаясь. Оба опять принялись обнимать меня, похлопывать по спине, словно желая убедиться, что это их сын собственной персоной, и все повторяли, что любят меня. Я сказал, что тоже их люблю.

За ужином сохранялось слезливое, радостно-горестное настроение, и мама с папой выпили по два бокала вина — для них это необычно много. Я сказал, что хочу спать, на этот раз не соврав, и нога за ногу поднялся по лестнице наверх, к себе в комнату. Спать я, правда, не стал, потому что прежде всего надо было связаться с Джолу и Ванессой, порыскать в Интернете, понять, что же все-таки происходит, и приступить к поискам Даррела.

Итак, я дополз до своей комнаты и открыл дверь. У меня возникло чувство, будто разлука с моей старушкой-кроватью длилась тысячу лет. Я повалился на спину и протянул руку к тумбочке за ноутбуком. Оказалось, что за время моего отсутствия аккумулятор сел. Наверное, штекер блока питания был неплотно вставлен — его надо чуть потыркать, иначе отойдет. Я запихнул штекер в гнездо до упора и дал батарее две минутки подзарядиться, прежде чем опять включить ноут,

а сам тем временем скинул с себя шмотки, сунул в мусорное ведро — больше ни в жизнь их не надену! — и облачился в чистые трусы и футболку. Знакомое ощущение свежевыстиранного белья, только что взятого из моего собственного шкафа, подействовало на меня почти так же умиротворяюще, как объятия родителей.

Я включил ноутбук и кулаками взбил гору подушек на кровати себе под спину. Усевшись поудобнее, раскрыл ноут и положил его перед собой на ноги. Он все еще продолжал загружаться, и до чего же хорошо, черт возьми, было видеть, как на экране одна за другой сменяются заставки и сообщения. Когда загрузка закончилась, компьютер снова стал издавать трели, сигнализирующие о нехватке питания. Я еще раз проверил кабель, пошевелил его — сигналы умолкли. Странно, но штекер реально вываливался из гнезда.

Короче, у меня не получалось заняться делом, потому что, как только я переставал поддерживать рукой кабель, компьютер тут же начинал жаловаться на подсевшую батарею. Мне это надоело, и я полез разбираться, что там не так.

Во-первых, корпус компьютера оказался немного перекошен — стык спереди нормальный, а к заду чуть расширялся под едва заметным углом.

Вообще бывает — посмотришь на какой-нибудь девайс, и вдруг увидишь в нем какую-нибудь заморочку вроде этой, и думаешь — неужели так всегда было? А оно в натуре так и было, ты просто не обращал внимания.

Но с моим ноутом ничего подобного случиться не могло. Потому что я его сам собрал, своими руками! После того как нам в школе выдали скулбуки, родители ни за что не купили бы мне мой собственный компьютер — пусть даже школьный, строго говоря, мне и не принадлежал, то есть я не имел права устанавливать на нем свои программы или модернизировать его.

У меня имелись кое-какие сбережения — где-то подработал, подарочные на Рождество и дни рождения, приторговывал кое-каким старьем через Интернет — правда, без особого усердия. В общем, накопленного капитала мне вполне хватило бы на какую-нибудь рухлядь, отпахавшую лет пять.

Вместо этого мы с Даррелом решили сами собрать себе по компьютеру. Ноутбучные корпуса продаются точно так же, как корпуса для обычных десктопов, хотя могут различаться в зависимости от предназначения. За несколько лет мы уже собрали две машины. Детали откапывали на рекламном сайте Craigslist, на распродажах

в частных гаражах, отыскивали в Интернете по каталогам тайваньских фирм, которые торгуют комплектующими по сверхнизким ценам. Короче, я прикинул и решил, что по деньгам осиливаю сборку собственного ноутбука, но при этом получаю вдобавок нужную производительность.

Начинать собирать свой собственный ноут следует с покупки «корочки» — готового корпуса с минимальной начинкой и полным набором необходимых слотов. Могу заранее похвастаться, что когда я закончил, моя машина была на целый фунт легче, чем «Dell», на который я давно положил глаз, зато работала быстрее и обошлась мне в три раза дешевле. Но чтобы достичь этого результата, пришлось повозиться. Собирать ноут — примерно такой же напряг, как строить модель корабля в бутылке. Надо запихнуть кучу деталей в тесный корпус, и тут не обойтись без пинцета и лупы. В полупустой коробке обычного, полноразмерного компьютера в буквальном смысле гуляет ветер, тогда как в ноутбуке каждый кубический миллиметр пространства востребован. Сколько раз я думал — ну вот, наконец-то упаковал. Начинаю свинчивать половинки корпуса, и опять что-нибудь да мешает, нужно все переделывать заново.

Так что я знаю *конкретно,* как выглядит стык моего ноутбука в закрытом состоянии, и вот так, как сейчас, он выглядеть *не должен.*

Я еще повозился со штекером блока питания, но уже понял, что сегодня поработать с компьютером у меня не получится. Надо разбирать корпус и смотреть, что там внутри. Но это уж завтра утром. Я даже застонал с досады, отложил ноутбук на прикроватную тумбочку и закрыл глаза.

Впрочем, спустя два часа я все еще лежал без сна и пялился в потолок, мысленно воспроизводя, будто в кино, все, что со мной сделали дээнбисты и как следовало бы поступить тогда мне. Меня одолевали обида, сожаления и esprit d'escalier.

Часов в одиннадцать было слышно, как улеглись спать родители. Когда перевалило за полночь, я наконец не выдержал, скатился с кровати, схватил ноутбук и поставил на стол, сдвинув наваленное на нем барахло. К краям увеличительных очков прикрепил светодиодный фонарь и достал набор тонких отверток. Мне хватило одной минуты, чтобы развинтить корпус, снять клавиатуру и с помощью баллончика со сжатым воздухом сдуть с поверхности деталей пыль, затянутую внутрь кулером. Затем я принялся рассматривать внутренности ноутбука.

У меня сразу возникло ощущение: там что-то не так — но я долго не мог понять, что именно, ведь уже несколько месяцев не заглядывал под капот. На мое счастье, давным-давно, после третьей мучительной попытки закрыть корпус, я, наученный горьким опытом, заснял на фото местоположение всех деталей. Правда, урок пошел впрок не до конца: сначала я просто сохранил снимок на жестком диске и, естественно, не мог посмотреть его на разобранном компьютере. Уже потом сделал распечатку на принтере и сунул в ящик стола, где лежали мертвым грузом всякие ненужные бумаги типа просроченных гарантийных талонов, старых инструкций и схем. В нем царил еще больший бардак, чем обычно. Порывшись, я достал снимок, положил рядом с компьютером и стал переводить взгляд с одного на другое в расчете, что сместившаяся деталь бросится мне в глаза.

И тут я засек различие. Ленточный кабель, соединяющий клавиатуру с материнской платой, располагался иначе. Странно. Поблизости не было подвижных деталей, ничего, что могло бы сдвинуть его во время нормальной работы ноутбука. Я попытался втиснуть кабель на место и обнаружил, что гнездо блока питания не просто

плохо держится — между ним и платой торчит какая-то хреновина. Я вытянул ее пинцетом и поднес под лучик светодиодного фонаря.

В моем ноутбуке появилась новая деталь. Какой-то мелкий девайс толщиной миллиметра в полтора, без всяких обозначений. Он был подключен между клавиатурой и материнской платой. Другими словами, фиксировал все нажатия кнопок на клавиатуре.

Жучок!

Мне вдруг стало жарко, а царящие в комнате сумрак и тишина больше не казались по-домашнему уютными. Я ощутил, как за мной неотступно следят чужие глаза и уши. Наблюдают за мной. Слежка, которой я подвергался в школе, настигла меня и дома, только теперь мне через плечо заглядывала не просто учебная часть, но сам департамент национальной безопасности.

Я уже собрался убрать жучок, но вовремя сообразил, что тот, кто его установил, сразу узнает о своем проколе. И я оставил все как есть, хотя почувствовал себя очень паршиво.

У меня возникло подозрение, что этот жучок не единственный. Однако самый тщательный осмотр внутренностей компьютера результата не дал. Но кто-то же забрался в наш дом без ве-

дома хозяев и установил девайс в мой ноутбук — значит, разобрал и снова собрал его. А ведь существует множество других приемов поставить подслушку на компьютер, и мне просто не под силу обнаружить их.

Негнущимися пальцами я собрал свою машину. Корпус опять закрылся не совсем плотно, но по крайней мере сетевой шнур уже не вываливался. Я включил ноутбук и опустил пальцы на клавиатуру, решив прогнать несколько диагностических тестов, посмотреть, что почем.

Но не сумел заставить себя сделать это.

Черт возьми, а может, моя комната тоже прослушивается? Или за мной следит объектив скрытой камеры?

Когда я вернулся домой, мне было страшно. Теперь от страха у меня душа в пятки спряталась. Мне вдруг почудилось, что я снова оказался в тюрьме, в комнате для допросов, беспомощный, в полной власти безжалостной государственной машины. Мне захотелось плакать.

Я направился в ванную комнату, снял почти закончившийся рулон туалетной бумаги и заменил его новым.

Потом отмотал остатки бумаги с куска полой картонной трубки. Покопавшись в ящике с зап-

частями, я нашел полиэтиленовый пакетик с ультраяркими белыми светодиодами, которые наковырял из сломанного велосипедного фонаря. Затем булавкой проколол дырочки в картонной трубке, осторожно продел через них контакты светодиодов и соединил их последовательно кусками медной проволоки. Оба конца проволоки прикрутил к контактам девятивольтовой батарейки. У меня получился девайс из трубки, окольцованной ультраяркими, направленными светодиодами, сквозь которую можно смотреть одним глазом.

В прошлом году я смастерил такой же прибор для школьной ярмарки научных проектов. Меня вышвырнули с ярмарки, как только с его помощью я выявил скрытые видеокамеры в половине классных комнат нашей школы. В наши дни установить мини-видеокамеру, у которой объектив с булавочную головку, дешевле, чем пообедать в хорошем ресторане, поэтому они понатыканы повсюду. Работники соляриев и магазинов одежды, которые понаглее, устанавливают их в процедурных кабинетах и кабинках для переодевания, на досуге устраивают просмотр записанных роликов с раздетыми клиентками, а иногда даже выставляют на всеобщее обозрение в Интерне-

те. Чтобы соорудить прибор для обнаружения скрытых видеокамер из картонной трубки для туалетной бумаги и светодиодов на три доллара, не требуется никаких специальных знаний, а лишь немного здравого смысла.

Вообще это самый простой способ засечь мини-видеокамеру. Какими бы крошечными ни были их объективы, свет отражают не хуже зеркала. Искать их сподручнее в сумеречном помещении: надо смотреть сквозь трубку и медленно вести ею по стенам и другим местам, удобным для установки камеры. Как только блеснет отраженный лучик, который и останется недвижимым, когда вы продолжите движение, значит — это объектив.

У меня в комнате камер не оказалось — во всяком случае, я не нашел ни одной. Хотя, конечно, могли быть подслушивающие устройства. Или более совершенные камеры. Или вообще ничего. На моем месте любой бы начал шизовать.

Я любил этот ноутбук, который собрал своими собственными руками буквально из барахла, и называл его ласково — «винегрет».

Если вы даете имя своему ноутбуку, значит, у вас с ним наладились чуть ли не родственные отношения. Но теперь мне стало противно даже

касаться моего «винегрета». Я готов был вышвырнуть его в окно. Кто знает, что еще они могли сделать с ним, какую гадость в него засунуть?

Я закрыл ноутбук и убрал его в ящик тумбочки, а сам уставился в потолок, лежа на спине. Время было позднее, и мне давно следовало спать, но сна, конечно, не было ни в одном глазу. За мной шпионили. За всеми шпионят. Мир изменился для меня навечно.

— Они у меня за все поплатятся, — произнес я вслух. Вернее даже, поклялся — я это понял, только когда услышал самого себя, хотя прежде никогда не давал никаких клятв.

Теперь мне и подавно было не до сна. К тому же меня посетила идея.

В моей кладовке завалялась новенькая, с иголочки игровая консоль Xbox Universal, все еще в коробке, туго обтянутой прозрачной упаковочной пленкой. Вообще все иксбоксы продаются по цене ниже себестоимости — «Майкрософт» компенсирует убытки за счет продажи игровым компаниям лицензий на производство игр для иксбоксов. «Универсал» стал первым иксбоксом, который «Майкрософт» решила раздать совершенно бесплатно.

В прошлом году в сезон рождественских рас-

продаж они наняли толпу лузеров, нарядили их воинами из серийной игры «Гало», и те стояли на каждом перекрестке, раздавая направо и налево пакеты с «иксбокс-универсалами». Полагаю, фокус удался — все игровые компании теперь хвастаются, что продали кучу игр. Естественно, на «универсалах» была установлена защита против игрушек левого производства, не имеющих лицензии «Майкрософта».

Взломом подобной защиты и занимаются хакеры. Первый «иксбокс» крякнул студент Массачусетского технологического института и написал об этом книгу, которая стала бестселлером. Потом рухнул «триста шестидесятый», за ним скоропостижно почил «иксбокс-портабл» (он весил целых три фунта, за что народ переименовал его из «переносного» в «перевозной»). Предполагалось, что «универсал» будет абсолютно пуленепробиваемым. Его операционную систему, линукс, хакнули бразильские пацаны, старшеклассники средней школы, проживающие в фавеле — что-то вроде района городских трущоб.

Нельзя недооценивать целеустремленности подростка, у которого избыток свободного времени и нехватка карманных денег.

Как только бразильцы опубликовали свой хак, мы все от него приторчали. Скоро для «иксбокс-универсала» сварганили несколько десятков альтернативных операционных систем. Я больше всего тащился от «параноид-иксбокс», самой крутой версии «параноид-линукс». В двух словах, операционная система «параноид-линукс» предназначена для операторов, работающих в условиях политических преследований со стороны правительства (изначально ее создавали для китайских и сирийских диссидентов). Она делает все возможное, чтобы сохранить втайне адреса и содержание вашей корреспонденции, даже рассыпает ворох так называемой мякины, прикрывая ею засекреченную информацию. И пока вы букву за буквой получаете какое-нибудь важное политическое сообщение, «параноид-линукс» одновременно прочесывает «паутину», заполняет анкеты и флиртует в чатах. Таким образом, каждый символ вашего сообщения теряется, как иголка в стоге сена, в пятистах других, не имеющих к нему никакого отношения.

Еще когда появились самые первые DVD с «параноид-иксбокс», я прожег себе копию, но у меня так и не дошли руки достать из кладовки и распечатать коробку с иксбоксом, найти телевизор, к

которому его подключить, заняться играми и все такое. Моя комната и без того слишком завалена всяким барахлом, чтобы занимать бесценное рабочее пространство майкрософтовскими поделками.

Но сегодня я пойду на такую жертву. На установку и запуск системы мне понадобилось минут двадцать. Немного напрягло отсутствие телевизора, но я вспомнил, что у меня есть небольшой проектор с жидкокристаллическим дисплеем и стандартными телевизионными разъемами на входе. Я подключил его к иксбоксу, направил луч на дверь комнаты и установил операционную систему.

После загрузки мой «параноид-линукс» принялся налаживать контакт с другими «иксбокс-универсалами», каждый из которых имеет встроенный вайфайндер для мультигеймерских игр. С его помощью можно связаться со своими соседями и Интернетом — если у вас, конечно, есть доступ к беспроводному каналу. Мне удалось обнаружить поблизости сразу три «универсала», причем два из них имели выход в Интернет. Для «параноид-иксбокса» лучшей конфигурации и не требовалось: он мог подключиться к их сети и использовать ее для выхода в Интернет. Соседи

этого даже не заметят: во-первых, они оплачивают Интернет по фиксированному тарифу, а во-вторых, вряд ли у них возникнет желание заглянуть в мировую паутину сейчас, в два часа ночи.

Больше всего мне понравилось, что эти манипуляции вселили в меня чувство уверенности и владения обстановкой. Моя техника работала на меня, служила мне, защищала меня. И не шпионила за мной. Вот почему я люблю технику: если правильно ее использовать, она даст вам могущество и обеспечит неприкосновенность личной жизни.

Мой мозг работал теперь как часы. Операционная система «параноид-иксбокс» ценна и практична по ряду причин. Главная состоит в том, что любой ботаник может писать для нее игры. В ней уже установлен ЭМИМ — эмулятор множества игровых машин, с которым вы можете играть практически в любую написанную до сих пор игру, начиная со старичка Понга — игры для Apple 11+ — и игр для ColecoVision, Nintendo, Dreamcast, и так далее.

Еще прикольнее крутые мультигеймерские игры, написанные специально для «параноид-иксбокс» и совершенно бесплатные для всех

фанатов и желающих принять участие. Если сложить вместе преимущества системы, то в вашем распоряжении окажется консоль, полная всевозможных игр, с возможностью выхода в Интернет, и все это не стоит ни цента.

Но самое важное — особенно в моем положении — то, что операционная система «параноид-икс-бокс» в натуре предназначена для *параноиков.* Каждый бит информации, посылаемый ею в сеть, закодирован до упора. Можно нашпиговать компьютер жучками, и все равно будет непонятно, кто общается, о чем общается и с кем общается. Анонимная сеть, е-мейл и чат. Именно то, что мне нужно.

Осталось только доказать всем, что я еще сумею и применить ее с пользой.

Глава 6

Верите, нет ли, но предки заставили меня на следующий день пойти в школу. Я отрубился около трех утра, а в семь отец уже стоял у моей кровати и грозился стащить меня за ноги. С большим трудом я выполз из постели — после того, как заснул под утро мертвым сном, что-то во мне отказывалось возвращаться к жизни — и забрался под душ.

Мама чуть ли не силой запихнула в меня гренок и банан, в то время как мне до смерти хотелось выпить кофе. Конечно, можно перехватить чашечку по дороге в школу, но обонять божественный аромат и не иметь возможности вкусить запретного напитка — это мука. Я волочил ноги по дому, одеваясь и собирая учебники, и с завистью посматривал, как родители наслаждаются утренним кофе.

В тысячный раз топал я через холмы в школу, но сегодня знакомые окрестности выглядели иначе. По всему пути к Мишн-дистрикт стояли грузовики. На перекрестках появились новые сенсоры и камеры слежения за автомашинами — видать,

кто-то имел наготове запас наблюдательного оборудования, дожидаясь только предлога, чтоб его установить. Взрыв моста Бэй-бридж как раз и стал для них таким предлогом.

Город притих, будто пассажир лифта, чувствуя себя неловко под внимательными взглядами соседей и объективами вездесущих видеокамер.

В турецкой кофейне на Двадцать четвертой улице я отлично подкрепился черным кофе из одноразового стаканчика. Вообще-то турецкий кофе только считается напитком, а внешне похож скорее на болотную жижу. Он такой густой, что поставь торчком ложку — не упадет, а кофеина в одной чашке больше, чем в банке энергетического напитка «ред-булл». Именно благодаря турецкому кофе обязана своими завоеваниями Османская империя — поверьте тому, кто вычитал это в «Википедии», и представьте себе взбешенных всадников, подстегиваемых убийственной дозой черной кофейной гущи.

Я протянул хозяину-турку свою дебетовую карточку, чтоб заплатить, но тот недовольно скривился и проворчал:

— Только наличные.

— Это еще почему? — удивился я, потому что годами расплачивался у него карточкой за свое

пристрастие к кофеину. Он долго изводил меня, мол, слишком молод пить турецкий кофе, и до сих пор наотрез отказывается готовить мне его в учебное время, уверенный, что я прогуливаю уроки. Но вообще-то за прошедшие годы между нами установилось этакое шероховатое взаимопонимание.

Турок сокрушенно покачал головой.

— Тебе не понять. Ступай в школу, пацан.

Ничто так не возбуждает во мне желания понять, как заявление, что мне понять чего-то не дано. Я принялся упрашивать и требовать от него объяснения. Поначалу турок явно вознамерился просто вышвырнуть меня вон, но после моего вопроса, не надоел ли я ему в качестве клиента, стал покладистей и раскололся.

— Безопасность, — произнес он, озираясь вокруг себя в тесном пространстве за прилавком, заставленным полками с турецкими бакалейными товарами и кадушками с кофейными зернами и приправами. — Правительство. Они теперь за всеми следят, в газетах писали. Патриотический акт II, его вчера конгресс принял. Теперь они могут следить, когда ты пользуешься карточкой. Я говорю, нет. Я говорю, мой магазин не станет помогать им следить за моими покупателями.

У меня от изумления даже челюсть отвисла.

— Наверное, думаешь, это ерунда? Что страшного, если правительство знает, когда ты покупаешь кофе? Потому что для них это способ знать, где ты есть, где ты был. Думаешь, почему я уехал из Турции? Где правительство всегда шпионит за человеком, там нехорошо. Двадцать лет назад я переехал сюда ради свободы — я не помогаю им забрать свободу.

— Но вы понесете большие убытки, — невольно вырвалось у меня, хотя мне хотелось назвать его героем и пожать ему руку. — Теперь все пользуются дебетовыми карточками.

— Может, уже не всегда. Может, мои покупатели знают, что я тоже люблю свободу, и потому приходят сюда. Я повешу объявление в витрине. Может, другие магазины сделают так же. Я слышал, Американский союз за гражданские свободы подаст на правительство в суд.

— Отныне буду покупать кофе только у вас, — пообещал я совершенно искренне и сунул руку в карман. — Ой, только сейчас у меня нет с собой денег.

Турок с важным видом поджал губы и кивнул:

— Много людей говорят то же самое. Ничего, отдай сегодняшние деньги АСГС.

За две минуты мы с ним сказали друг другу больше, чем за все мои прежние посещения кофейни, вместе взятые. Я и предположить не мог, что этот турок способен на подобные душевные порывы. Для меня его кофеиновый бизнес всегда был просто составной частью жизни в нашем благополучном районе. А теперь я пожал ему руку и вышел на улицу, ощущая себя членом одной с ним команды. Секретной команды!

Я пропустил два учебных дня, но, похоже, не слишком отстал от остальных по пройденному материалу. В один из этих дней, когда весь город приходил в себя от пережитого потрясения, школу вообще закрыли. А второй, очевидно, был посвящен траурным мероприятиям в память тех, кого считали погибшими или пропавшими без вести. Газеты опубликовали их биографии, воспоминания близких. Интернет переполнили тысячи коротких некрологов.

Среди этих предполагаемых жертв значилась и моя фамилия, из-за чего я оказался в совершенно дурацком положении. Ничего не подозревая, я приперся в школу, но стоило мне ступить на территорию кампуса, как раздался чей-то вопль, и меня тут же окружила толпа человек в сто. Мне трясли руки, хлопали по спине, а две незнакомые

девчонки одарили меня поцелуями, которые дружескими никак не назовешь. В общем, встретили как рок-звезду.

Учителя вели себя не намного сдержаннее. Мисс Галвез расплакалась так же, как моя мама, и минуты три не выпускала меня из своих объятий. Усевшись на место, я тут же увидел в классе нечто новое — на меня смотрел объектив видеокамеры. Мисс Галвез перехватила мой взгляд и вручила мне лист бумаги с каким-то текстом и смазанным логотипом школы на отксеренном бланке.

Совет объединенного школьного округа Сан-Франциско собрался в минувшие выходные на чрезвычайную сессию и единогласно принял обращение к родителям школьников всего города разрешить установку в классах и коридорах каждой школы телекамер кабельной системы наблюдения. По закону нас не могли принудить ходить в школу, в которой стены облеплены такими камерами, но в нем ничего не говорилось против того, чтобы мы *добровольно* отказались от своих конституционных прав. В обращении также выражалась уверенность, что родители школьников окажут безоговорочную поддержку инициативе Совета. Тем детям, чьи родители не согласятся с этим решением, будет предоставлена

возможность заниматься отдельно в «незащищенных» классных комнатах.

Так почему в наших классах теперь установлены камеры наблюдения? Ну да, конечно, из-за террористов. Образовательный Совет ухитрился прийти к умозаключению, что, взорвав мост, террористы дали понять: следующими объектами их разрушительных устремлений станут школы.

Я раза три перечитал текст обращения и поднял руку.

— Что тебе, Маркус?

— Мисс Галвез, можно вопрос?

— Да, Маркус.

— Мисс Галвез, ведь цель терроризма — заставить нас бояться, не так ли? Потому его и называют *терроризм* — от слова «ужас»!

— Да, наверное.

Весь класс уставился на меня. Я не значился среди лучших учеников школы, но не упускал возможности поучаствовать в дискуссиях и спорах. Все ждали, что я откаблучу на этот раз.

— Разве теперь, устанавливая камеры наблюдения в школах, мы не поступаем так, как хотят террористы? Если нам страшно, значит, они добились своего!

По классу прокатились нервные смешки. Кто-

то поднял руку. Это был Чарльз. Мисс Галвез вызвала его.

— Установка камер обеспечивает нашу защищенность, а значит, мы меньше боимся.

— Защищенность от чего? — спросил я, не дожидаясь, когда мне дадут слово.

— От терроризма! — ответил Чарльз, и все согласно закивали.

— И как же они нас защищают? Предположим, в школу врывается увешанный бомбами террорист-самоубийца, и мы все взлетаем на воздух…

— Мисс Галвез, Маркус нарушает школьные правила. Нам нельзя рассказывать анекдоты о террористах.

— Кто рассказывает анекдоты, я?

— Так, спасибо вам обоим, — вмешалась мисс Галвез. Она явно расстроилась из-за того, что я чуть не сорвал ей урок. Черт меня дернул за язык! — Думаю, тема для дискуссии интересная, но давайте отложим ее на будущее, когда улягутся страсти. Боюсь, сегодня вы слишком разгорячитесь. А сейчас вернемся-ка к обсуждению суфражистского движения.

Оставшееся время мы говорили о суфражистках и их лоббистских приемах, когда они, к примеру, вчетвером проникали в кабинеты конгрессме-

нов, капали им на мозги и стращали крахом политической карьеры, если те не перестанут лишать женщин права голоса. Мне это понравилось, потому что я в принципе одобряю, если маленький и слабый умеет заставить большого и сильного вести себя порядочно. Но сегодня у меня не очень-то получалось сосредоточиться на теме урока — скорее всего из-за отсутствия Даррела. Мы с ним оба любили обществоведение; сейчас бы запустили наши ноутбуки и вовсю обменивались бы мнениями по IM Paranoid в дополнение к общему обсуждению.

У меня в сумке лежали двадцать дисков с копиями операционной системы «параноид-иксбокс», «выжженные» мной прошедшей ночью. На переменах, в столовой и на самостоятельных занятиях я раздал диски ребятам, которых знаю как реальных фанатов компьютерных игрушек. В прошлом году они все отхватили себе по «иксбокс-универсалу», а то и по два, но большинство перестало пользоваться ими: игры стоили недешево, а кайфа мало. Я отводил их в сторонку и расхваливал социальные игры на «параноид-иксбокс» — мол, бесплатные и прикольные, и на них западают крутые фанаты по всему свету.

Когда ради выгодного сбыта одного вида това-

ра бесплатно всучивают другой, это называют «бритвенным бизнесом», имея в виду то, как фирма «Gillette» и ей подобные дарят вам бритвенный станок, чтобы вы потом выложили им за лезвия кругленькую сумму. Еще показательнее в этом смысле принтерные картриджи; самое дорогое в мире шампанское дешевка по сравнению с чернилами для заправки струйного принтера. Даже если покупать их по оптовой цене, вы отдадите за галлон небольшое состояние.

«Бритвенный бизнес» возможен только в том случае, если вам больше негде купить лезвия. При монопольной прибыли «Gillette» в девять долларов с каждого сменного комплекта, проданного по цене десять долларов, разве не соблазнительно запустить конкурентное производство и продавать тот же комплект, скажем, за пять долларов? Да четыреста процентов прибыли для среднего капиталиста все равно что манна небесная!

Вот почему компании вроде «Майкрософт», использующие в своей деятельности принцип «бритвенного бизнеса», прилагают огромные усилия, чтобы создать для своих конкурентов всякие технические трудности и юридические препоны. В случае с иксбоксом каждая консоль снабжена защитой, которая не позволяет запус-

кать на ней «левые» игры, то есть выпущенные производителями, не заплатившими «Майкрософт» за лицензию грабительскую мзду.

Все эти коммерческие и нравственные тонкости не слишком заботили ребят, которым я раздал DVD с копиями «параноид-иксбокс». Их особенно заинтересовало то, что игры не подвергаются мониторингу. В наше время рубиться в онлайновые игры становится довольно рискованно. Во-первых, можно запросто напороться на извращенцев, которые попытаются выманить тебя куда подальше, чтобы заняться чем-нибудь стремным, как в «Молчании ягнят». Копы, в свою очередь, пасут извращенцев, принимая участие в играх под видом отмороженных бакланов. Но полный кирдык это, конечно, сотрудники службы мониторинга, которые, не вмешиваясь в игру, постоянно просматривают разговоры, а потом закладывают участников, нарушивших условия использования, запрещающие кадриться, материться, а также «допускать скабрезные высказывания, прямо или косвенно затрагивающие любой аспект половых отношений и сексуальной ориентации».

Не могу назвать себя сексуально озабоченным, но когда тебе семнадцать, секс так или иначе

всплывает время от времени в разговорах. Никто не мониторит игры на «параноид-иксбокс», потому что их написали хакеры просто в свое удовольствие, и в них играют все кому не лень, а не клиенты каких-то там фирм. Однако упаси вас боже в ходе игры чатиться о сексе — весь кайф себе сломаете!

Короче, ребятам это все понравилось, они расхватали мои диски и обещали выжечь копии для других пацанов — в конце концов, игра оттягивает больше всего, когда рубишься вместе с друзьями.

Дома я нашел в Интернете сообщение, что родители некоторых школьников совместно подали в суд на учебную часть за установку камер наблюдения в классных комнатах, но их требование убрать камеры до принятия решения уже отклонили.

Не знаю, кто придумал название «икснет», но оно закрепилось. Разговоры о нем скоро стали слышны даже в общественном транспорте. Когда позвонила Ван и спросила, известно ли мне об икснете, я чуть в осадок не выпал, сообразив, в чем фишка: за две недели, прошедшие с того дня, как я раздал в школе DVD с «параноид-иксбоксом», эту операционную систему скопировали,

и с ее помощью тихой сапой объединились в сеть пользователи от Сан-Франциско до Окленда. Признаюсь, у меня очко дрогнуло от предчувствия, будто я ослушался сурового внушения, сделанного мне дээнбистами перед тем, как отпустить на волю, и теперь они явятся за мной и заберут навсегда.

Эти две недели выдались непростые. В метро окончательно отменили плату за проезд наличными, перейдя на арфидные «бесконтактные» карточки, которыми надо лишь махнуть перед турникетом, чтобы открыть проход к поездам. Это было прикольно и удобно, но каждый раз мне невольно приходило в голову, что за моими передвижениями наблюдают. Кто-то из пользователей икснета подключил к нему сайт «Фонда электронных рубежей». В размещенной на нем «белой книге» разъяснялось, как устройства, подобные турникетам, применяются для слежки за гражданами. Еще там публиковались короткие репортажи о небольших пикетах, собиравшихся в знак протеста у станций метро.

Я сам уже вовсю пользовался икснетом и создал замаскированный почтовый ящик с помощью шведской Партии Пиратов — политической организации, выступающей против слежки через

Интернет и обещавшей хранить почтовые адреса своих пользователей в полной тайне даже от полиции. На свой адрес я заходил исключительно через икснет, перескакивая по интернетовским соединениям, принадлежащим нашим соседям, и оставаясь не узнанным — хотелось надеяться — на всем пути до самой Швеции. Кроме того, я отказался от своего старого ника w1n5t0n, а новый — M1k3y — взял себе совершенно от балды. Скоро мне стала поступать *уйма* почты от пользователей, которые прослышали в чатах или веб-форумах, что я могу помочь им наладить икснетовскую конфигурацию и подключение к сети.

Жалко было, что организаторы «Харадзюку-Фан-Мэднес» приостановили дальнейшее проведение игры на неопределенный срок. Как они объяснили, из «соображений безопасности» нецелесообразно заставлять участников шнырять по городу в поисках наводок и тайников. А вдруг кто-нибудь подумает, что те прячут бомбу? Или, наоборот, заложит бомбу на том же месте?

Вдруг во время прогулки под зонтом в меня попадет молния? Тогда надо запретить зонты и таким образом противодействовать опасности получить удар молнии!

Хоть и не без содрогания, я продолжал поль-

зоваться своим ноутбуком, чтобы не вызвать подозрений у тех, кто установил в него жучок. Я решил не делать резких движений и каждый день ненадолго заглядывать в Интернет, постепенно сокращая продолжительность сеансов. Тогда у моих соглядатаев сложится впечатление, что мне это дело типа надоедает. В основном я просто читал все эти стремные некрологи о тысячах горожан, наших соседей и друзей, нашедших свою смерть на дне залива.

Сказать по правде, у меня действительно оставалось все меньше времени на домашние дела, зато я чаще рыскал по городу, раздавая каждый день по пятьдесят-шестьдесят дисков с копиями «параноид-иксбокс» тем, кто изъявил желание прожечь еще столько же для своих приятелей и знакомых.

Я не слишком опасался, что меня застукают за этим занятием, так как в моем распоряжении имелась хорошая криптография, или тайнопись, известная со времен Древнего Рима (в буквальном смысле: еще император Август увлекался тайнописью и придумывал собственные коды; некоторые из них мы используем до сих пор для зашифровки неприличных шуток в нашем е-мейле).

Криптография — это математика. Крупнокалиберная математика. Я не собираюсь останавливаться на этом подробно, просто неохота сейчас напрягать мозги себе и вам — если есть желание, почитайте сами в «Википедии».

Приведу лишь краткое объяснение, типа конспекта. Есть математические действия, которые легко осуществляются в одном направлении, но с превеликим трудом поддаются обратному решению. Например, ничего не стоит перемножить два больших простых числа, получив произведение со многими цифрами. Однако гораздо сложнее взять одно гигантское число и выяснить, какие два простых множителя изначально его образовали.

Значит, если в основе кода зашифрованного сообщения лежит принцип умножения больших простых чисел, то, не зная этих чисел, прочитать его будет чрезвычайно трудно. Обалденно трудно. Настолько трудно, что даже если все существующие в мире компьютеры будут решать эту задачу круглосуточно и непрерывно, то все равно не смогут докопаться до правильного ответа и за триллион лет.

Процесс тайнописи имеет четыре составляющие. Во-первых, информация, подлежащая

шифрованию, которую специалисты называют «открытый текст». Во-вторых, конечный продукт — шифрованный текст или «шифровка». Третий компонент — шифровальная система, «шифр». Наконец, существует так называемый ключ, посредством которого открытый текст превращается в шифровку и наоборот, а потому его необходимо хранить в секрете.

Было время, когда в секрете пытались хранить и шифры, и ключи, и все правительства или заинтересованные ведомства имели собственные шифровальные системы. В период Второй мировой войны нацисты и союзники всячески скрывали друг от друга способы зашифровки своих сообщений, не говоря уж о ключах, которыми их расшифровывали. Ну что ж, пожалуй, они поступали правильно, не так ли?

Нет, не так!

Когда я впервые услышал о принципе разложения больших чисел на простые множители, то сразу сказал: тут что-то не так. То есть, конечно, это самое разложение в натуре штука непростая. Но ведь когда-то считалось, что человеку не дано летать или отправиться на Луну, и что невозможно создать жесткий диск с объемом памяти больше считанных килобайт. Так же и с

криптографией — кто-то *должен* додуматься, как прочитать зашифрованные сообщения. Я даже вообразил себе упрятанное в недрах горы сооружение Агентства национальной безопасности, где тысячи математиков читают электронную почту всего мира и злорадствуют.

Кстати, нечто похожее произошло и во время Второй мировой войны. Вот почему в жизни все не так, как в игре «Замок Вольфенштейн», за которой я провел много дней, охотясь на нацистов.

Дело в том, что очень тяжело сохранить шифры в тайне. Они требуют прорвы математических исчислений, а если широко используются, то их секрет должна блюсти толпа народу. Так что, найдись в ней хоть один перебежчик, надо тут же менять шифр на новый.

Нацисты придумали специальную портативную шифровальную машину, которую назвали «Энигма». Этим аппаратом снабдили все морские суда, подводные лодки и шпионские резидентуры. Естественно, одному из них рано или поздно было суждено попасть в руки союзников.

А те в натуре разобрали его по косточкам. Работой по изучению «Энигмы» руководил мой личный кумир на все времена по имени Алан Тьюринг. Он во многом положил начало созда-

нию современных компьютеров. Тьюринг был голубой, и это обернулось для него трагедией. После окончания войны отмороженное британское правительство велело накачать его мужскими гормонами, чтобы «излечить» от нестандартной сексуальной ориентации, и он покончил с собой. Книжку с биографией Тьюринга подарил мне Даррел на мой четырнадцатый день рождения, завернув ее в двадцать слоев бумаги и сунув в игрушечный бэтмобиль, сделанный из переработанного вторсырья — это у него такой бзик преподносить подарки подобным образом. С тех пор я стал фанатом Тьюринга.

Итак, союзники завладели «Энигмой» и могли перехватывать большое количество радиограмм, что, впрочем, само по себе не приносило им много пользы, так как капитан каждого судна имел свой персональный секретный ключ. А поскольку у союзников не было ключей, то даже наличие шифровальной машинки ничего им не давало.

Вот тут-то секретность и вредит криптографии. В шифре «Энигмы» отыскался изъян. После того как Тьюринг вник в суть дела, он сразу разглядел математическую ошибку, допущенную нацистскими криптографами. Теперь, владея «Энигмой», он мог расшифровать *любое* сообщение немцев,

независимо от используемого ими ключа.

Эта ошибка стоила нацистам поражения в войне. То есть не поймите меня превратно. Слава богу, что их расколошматили. Поверьте ветерану боев в «Замке Вольфенштейн», нельзя нацистов допускать к власти в стране.

После войны криптографы много размышляли над случившимся. Тьюринг оказался умнее того, кто изобрел «Энигму». Получалось, что на каждый новый шифр найдется чья-то соображалка, которая обязательно дотумкает, как его расколоть.

И чем дольше размышляли криптографы, тем сильнее укреплялись во мнении, что *любой* может разработать систему секретности, которую взломать ему самому не под силу. Однако *никому* не дано предвидеть, до каких контрмер может додуматься более сметливый противник.

Чтобы шифр оказался работоспособным, о нем надо объявить во всеуслышание, объяснить каждому встречному принцип его действия. Пусть как можно больше людей примутся долбить по нему, испытывая на прочность, всем, что под руку попадется. Если шифр действительно надежный, то ваша безопасность обеспечена надолго.

Именно так обстоят дела в современности. Тот,

кто хочет обезопасить себя, не воспользуется недавним изобретением гениального криптографа. Будь он банкиром, террористом, дээнбистом или компьютерным фанатом, он все равно применит старую, хорошо известную шифровальную систему, которую еще никто не сумел расколоть.

Если вы попытаетесь изобрести собственный шифр, то на вас всегда может найтись свой Тьюринг, который разглядит в нем незамеченную вами трещинку. Он будет с усмешкой прочитывать ваши «секретные» послания, где вы перемываете чьи-то косточки, производите финансовые операции, отдаете военные приказы.

Итак, я знал, что криптография защитит меня от жучков, но не был готов иметь дело с гистограммами.

Я вышел из вагона метро, махнул проездной карточкой перед турникетом и направился к выходу на Двадцать четвертую улицу. Как обычно, на станции ошивались всевозможные наркоманы, алкаши, святоши, мексиканцы с остановившимся взглядом и мелкие гопники. Не обращая на них внимания, я прошмыгнул к лестнице и взбежал по ступенькам на поверхность. Вся сегодняшняя порция дисков с «параноид-иксбокс» разошлась по рукам. Они больше не

оттопыривали мою сумку, и ее легкость у меня на плече вызывала приятное чувство исполненного долга. Пружинистой походкой я зашагал вдоль улицы, оставив позади пристанционных проповедников, неутомимо наставляющих на путь истинный по-испански и по-английски.

Продавцы поддельных солнцезащитных очков уже разошлись, а их место заняли барыги, торгующие собачками-роботами, которые тявкали мелодию американского гимна и задирали заднюю лапу при виде портрета Усамы бен Ладена. Возможно, в их маленьких электронных мозгах спрятана какая-нибудь продвинутая программа, и я мысленно завязал узелок на память купить себе в следующий раз парочку песиков, чтоб разобрать и изучить внутренности. Не часто встретишь игрушку, способную узнавать человека по лицу. Эту технологию только недавно позаимствовали у военных для игорных заведений в попытке успешнее выявлять катал и шулеров.

Расправив плечи, я бодро шагал по Двадцать четвертой в сторону Портеро-Хилл и моего дома. Из ресторанов растекались запахи мексиканской кухни, навевая мысли о предстоящем ужине.

Не знаю, что меня заставило — может, интуи-

ция, инстинкт, какое-то шестое чувство, — но я на ходу оглянулся и тут же понял, что за мной следят.

Их было двое: мясистые белые парни с усиками, похожие на копов или голубых байкеров, раскатывающих на крутых мотоциклах по улице Кастро — только у байкеров прически получше. Оба в застегнутых ветровках цвета старого цемента и голубых джинсах, у каждого на ухе по «блютузу». Я сразу подумал о том, что может висеть под такой ветровкой на поясе у копа, и вспомнил бэтманскую портупею дээнбиста в грузовике.

Я даже не сбился с ноги, только сердце заколотилось. В общем-то я предвидел это с тех пор, как взялся за тиражирование «параноид-иксбокс». Ребята из ДНБ должны были сообразить, чем я занимаюсь, несмотря на все принятые мною меры предосторожности. Недаром же дама с топорной стрижкой предупредила, что они с меня глаз спускать не будут, что я теперь «меченый». Только сейчас мне стало понятно, что все это время я ждал, когда меня арестуют и отвезут обратно в тюрьму. Ну и чего такого? Почему Даррела держат в тюрьме, а для меня должны сделать исключение? Чем я лучше него? Мне даже не хватило духу

рассказать всю правду своим родителям. И отцу Даррела тоже.

Я ускорил шаг и мысленно провел инвентаризацию имущества. Так, в сумке у меня никакого компромата, если не считать мой скулбук с крякнутой операционкой, почтовой программой и прочим софтом. Но точно в таком же состоянии находится половина школьных ноутбуков. Я перекодировал память моего мобильника — разделил-таки на две части, открываемые разными паролями: одну для посторонних, на случай необходимости; а вторую для действительно секретной информации. Внешне скрытая секция выглядит, как ничего не значащая туфта — такой ее делает используемая мной шифровальная система. Поэтому никто даже не догадается о существовании тайного содержимого памяти.

Итак, дисков при мне нет, также как инкриминирующих улик в ноутбуке. Конечно, если они хорошенько покопаются в моем иксбоксе, вот тогда, как говорится, геймовер, игра закончена.

Я сделал все возможное, чтобы прикрыться, остальное от меня не зависело. И я замедлил шаг. От судьбы не убежишь. Я зашел в ближайшую забегаловку, где готовили буррито, и заказал себе один с начинкой из карнитас, рубленой свинины,

и с дополнительной порцией сальсы, острого соуса. Хоть пожрать напоследок. Взял еще большой стакан ледяной орчаты, напитка из риса со сладковато-водянистым вкусом рисового пудинга (гораздо приятнее, чем может показаться).

Стоило мне приняться за еду, меня тут же охватило необычайное спокойствие. Либо я отправлюсь за решетку за свои «преступления», либо нет. Все равно мне не предоставили полной свободы, а лишь вывели на прогулку на длинном поводке. Моя страна перестала быть моим другом; мы находились по разные стороны фронта, и эту войну я, очевидно, проиграл.

Парни вошли в забегаловку, когда я доедал буррито и подумывал заказать на сладкое чуррос, пончики с коричным сахаром, жаренные во фритюре. Наверное, им наскучило дожидаться снаружи, особенно когда стало ясно, что речь идет о тяжелом случае обжорства.

Они подошли к стойке и остановились позади меня, перекрыв путь к отступлению. Я забрал свои чуррос от симпатичной старушки за прилавком и подал ей деньги, торопливо откусывая от пончика прежде, чем обернуться — хотелось успеть насладиться моим десертом, может быть, последним за долгий-долгий срок.

Я обернулся. Они стояли так близко, что я различил прыщ на щеке у того, что слева, и каплю, выглядывающую из ноздри того, что справа.

— Простите, — сказал я и попытался протиснуться между ними. Тот, что с соплей, чуть подвинулся, не пропуская меня.

— Сэр, — произнес он, — не могли бы вы пройти с нами? — и показал рукой на дверь забегаловки.

— Извините, но мне надо доесть, — ответил я, снова пытаясь пролезть между двумя качками. На этот раз Сопливый уперся рукой мне в грудь. Он начал часто сопеть, отчего капля на каждый выдох высовывалась из ноздри. Наверное, я тоже запыхтел, сам того не замечая из-за стука собственного сердца.

Его приятель отогнул край ветровки, где у него был пришпилен полицейский значок.

— Полиция, — сказал он. — Прошу пройти вместе с нами.

— Сейчас, только заберу свое барахло, — упирался я.

— Ничего, мы об этом позаботимся, — сказал Прыщавый, а Сопливый шагнул вплотную ко мне, приставив ступню к внутренней стороне моей ступни. Такой прием применяется в боевых искусствах, чтобы вовремя почувствовать

и предотвратить очередное движение противника.

Но я и не думал сопротивляться или бежать. От судьбы не убежишь.

Глава 7

Они повели меня к выходу из забегаловки, а потом за угол, где стояла «краун-виктория» без обозначений принадлежности полиции. Впрочем, то, что это полицейская машина, не секрет ни для кого из жителей современного города. Только копы все еще не пересели на модели меньших размеров теперь, когда бензин подорожал до семи баксов за галлон. И только копы могут позволить себе поставить машину во втором ряду посреди улицы Ван-Несс в нарушение уму непостижимых правил парковки в Сан-Франциско, не боясь, что их тачку отбуксируют эвакуаторы, которые непрерывно колесят по городу в поисках добычи, а затем взимают хищническую мзду за освобождение со штрафной стоянки угнанного ими автомобиля.

Сопливый высморкался. Он сидел рядом со мной на заднем сиденье. Его напарник расположился впереди и тыкал одним пальцем по кнопкам древнего ноутбука в износоустойчивом корпусе. Судя по внешнему виду, им могла пользоваться еще семейка Флинтстоунов в своем

каменном веке.

Сопливый выжидательно посмотрел на меня.

— Мы просто зададим вам несколько формальных вопросов.

— Могу я видеть ваши значки? — попросил я, не сомневаясь, что эти парни из полиции. Просто пусть убедятся лишний раз, что мне известны мои права.

Сопливый на мгновение вынул значок и тут же спрятал, но Прыщавый повернулся с переднего сиденья и держал свой достаточно долго, чтоб я успел рассмотреть номер полицейского дивизиона и четырехзначный личный номер, который легко запомнил: цифрами 1337 хакеры обозначают буквосочетание «leet» — «элита».

— У вас есть при себе какой-нибудь документ, удостоверяющий личность? — Оба вели себя очень вежливо и даже не пытались запугивать меня, в отличие от дээнбистов, когда я попал к ним в лапы.

— Я арестован?

— Вы временно задержаны в интересах обеспечения вашей и общественной безопасности, — объяснил Сопливый.

Я протянул ему свое водительское удостоверение. Сопливый передал карточку Прыщавому, а

тот стал медленно впечатывать данные в компьютер. Я заметил, как он сделал ошибку, и чуть не поправил его, но сдержался, решив, что лучше не высовываться попусту.

— Ты не хочешь рассказать нам о чем-нибудь, Маркус, или ты предпочитаешь, чтоб тебя звали Марк?

— Сойдет и Маркус, — ответил я. Сопливый вроде бы ничего парень. Если, конечно, не считать того, что он затащил меня к себе в машину против моей воли.

— Ну так как, Маркус, тебе есть что рассказать мне?

— Что, например? Вы меня допрашиваете? Я арестован?

— Пока нет, — ответил Сопливый. — Хочешь, чтоб мы тебя арестовали?

— Нет, — сказал я.

— Вот и хорошо. Мы наблюдаем за тобой с той минуты, как ты вышел из метро. Твой фастпасс отметился во многих необычных местах и в самые необычные часы.

Я почувствовал, как у меня в груди что-то расслабилось. Значит, речь идет вовсе не об икснете, не сейчас, во всяком случае. Кто-то отслеживал мои передвижения в метро и хочет знать, по

каким непонятным маршрутам я раскатываю. Вот идиотизм!

— Значит, вы, парни, следите за каждым пассажиром метро, который ездит больше, чем в одном направлении? У вас должно быть много работы!

— Не за каждым, Маркус. Если в поле нашего зрения возникает человек с нетипичным маршрутным графиком, для нас это сигнал, чтобы принять решение о начале расследования. В твоем случае нам стало интересно, почему у смышленого на вид подростка такая странная статистика поездок?

Вместе с растущей уверенностью, что меня не собираются немедленно бросить в тюрьму, во мне стала закипать злость. Неужели у этих уродов нет других забот, кроме как шпионить за мной? И метро, черт возьми, должно заниматься своими прямыми обязанностями — перевозить пассажиров, а не участвовать в никому не нужной слежке за ними! И где, интересно знать, засветился мой гадский проездной билет и дал им повод заподозрить меня в «нестандартных перемещениях»?

— Кажется, я уже хочу, чтоб меня арестовали, — пробормотал я.

Сопливый откинулся на спинку сиденья и во-

просительно поднял брови.

— Неужели? И что за преступление ты совершил?

— То есть как? Разве не преступление ездить в общественном транспорте непонятно куда и зачем?

Прыщавый устало закрыл глаза и потер их костяшками больших пальцев.

Сопливый притворно вздохнул.

— Маркус, пойми, мы не враги тебе. Но мы используем методы, направленные на то, чтобы выявить и обезвредить наших общих врагов — террористов и наркодилеров. Предположим, что ты в самом деле торгуешь наркотиками. Проездной билет дает тебе удобную возможность распространять их по всему городу: кто ты, откуда — никому неизвестно.

— Чем плохо оставаться неизвестным? Томаса Джефферсона, к примеру, вовсе не парило, что немногие знали о его авторстве текста Декларации независимости. Да, кстати, я уже арестован?

— Отвезем его домой, — предложил Прыщавый. — Заодно с родителями поговорим.

— Вот отличная идея, — подхватил я. — Моим родителям наверняка будет очень любопытно узнать, как расходуются доллары, уплаченные

ими в виде налогов на…

Я все-таки перегнул палку. Сопливый уже протянул было руку, чтоб открыть дверь, но, услышав мои слова, резко развернулся ко мне, злобно оскалясь, с набухшими венами на шее.

— Почему бы тебе не заткнуться прямо сейчас, пока у тебя еще есть такая возможность? После всего, что произошло за последние две недели, ты мог бы напрячься немного и содействовать работе полиции. А знаешь, что — тебя, пожалуй, *стоит* арестовать! Посидишь денек-другой в тюрьме, пусть твой адвокат побегает, поищет тебя. А за это время многое может случиться. Очень многое! Ну так как, ты все еще хочешь, чтоб мы тебя арестовали?

Я промолчал. Только что у меня со злости голова шла кругом, а теперь от страха потерялся дар речи.

— Простите меня, — выдавил я, испытывая знакомое ненавистное чувство к самому себе за сказанное.

Сопливый пересел на переднее сиденье, Прыщавый включил передачу, и мы покатили по Двадцать четвертой и дальше через Портеро-Хилл. Мой адрес они прочитали в удостоверении.

На их звонок дверь приоткрыла мама, не сни-

мая цепочки. Она оглядела посетителей через щель, увидела меня и спросила:

— Маркус, кто эти люди?

— Мы из полиции, — сказал Сопливый. Он показал маме свой значок, дав ей время хорошенько рассмотреть его — не махнул небрежно, как у меня перед носом. — Можно войти?

Мама прикрыла дверь, сняла цепочку и впустила их в дом. Копы ввели меня вместе с собой. Мама обозрела нас троих суровым взглядом, как у нее иногда здорово получалось.

— Что все это значит?

Сопливый показал рукой на меня.

— Мы хотели задать вашему сыну несколько формальных вопросов по поводу его передвижений, но он отказался отвечать. Тогда мы решили привезти его сюда, надеясь, что вы нам поможете.

— Он арестован? — Мамино английское произношение звучало особенно заметно. Милая мама!

— Мэм, вы гражданка Соединенных Штатов? — спросил Прыщавый.

Мама бросила на него взгляд, от которого посыпалась бы штукатурка.

— А что, не видно? — сказала она с прикольным

южным акцентом. — Может, я арестована?

Копы переглянулись.

Прыщавый продолжал вызывать огонь на себя.

— Похоже, наш разговор начался немного не так. Видите ли, действуя в рамках новой проактивной программы обеспечения безопасности, мы идентифицировали вашего сына как пользователя общественного транспорта с нестандартной схемой передвижений. В наши обязанности входит проведение дальнейшего расследования в отношении лиц, чьи поездки по городу носят необычный характер либо чья внешность соответствует описанию подозреваемых.

— Постойте-ка, — перебила его мама. — Откуда вам известно, по какой схеме передвигается мой сын общественным транспортом?

— Проездной билет, — пояснил Прыщавый. — По нему можно проследить маршрут.

— Вон оно что, — протянула мама, скрещивая руки на груди. Этот ее жест не предвещал для копов ничего хорошего. Уже то, что она не предложила им по чашке чая, по маминым понятиям, считалось недружественной акцией. Почти все равно что заставить их общаться с хозяевами дома через почтовую щель в двери. Но раз уж она

скрестила руки на груди — для них это добром не кончится. В эту минуту мне страшно захотелось пойти и купить ей большой букет цветов.

— Ваш сын отказался объяснить нам, чем обусловлен необычный характер его передвижений.

— И вы утверждаете, что можете причислить моего сына к террористам только из-за того, как он ездит на автобусе?

— Таким способом мы охотимся не только на террористов, — начал растолковывать ей Прыщавый. — На торговцев наркотиками. На членов подростковых банд. Даже среди магазинных воришек попадаются достаточно сообразительные, чтобы после кражи постараться запутать следы.

— Значит, вы полагаете, что мой сын торгует наркотиками?

— Нет, мы не утверждаем… — начал Прыщавый, но мама хлопнула на него в ладоши, чтобы он заткнулся.

— Маркус, дай-ка мне свой рюкзак!

Я так и сделал.

Мама расстегнула молнию и стала рыться в моей сумке, повернувшись к нам спиной.

— Господа полицейские, теперь я могу однозначно утверждать, что в сумке моего сына нет

ни наркотиков, ни взрывчатых веществ, ни краденых товаров. Думаю, на этом инцидент исчерпан. Но прежде чем вы покинете мой дом, позвольте мне записать номера ваших значков, пожалуйста!

Сопливый насмешливо скривил рот.

— Леди, сейчас в судах рассматриваются иски АСГС уже на три сотни копов из полицейского управления Сан-Франциско. Так что вам придется занять очередь.

Мама заварила мне чашку чая, потом отругала за то, что я поужинал, хотя она сегодня приготовила фалафель, и мне об этом было известно. Когда пришел с работы папа, мы еще сидели за столом и принялись наперебой рассказывать ему о сегодняшнем происшествии. Он покачал головой.

— Лилиан, полицейские просто выполняли свои обязанности. — Он еще не успел переодеться и сидел в синем блейзере и брюках цвета хаки, которые надевал, когда консультировал в Силиконовой Долине. — Мир уже не тот, каким был неделю назад.

Мама опустила на стол свою чашку с чаем.

— Что за нелепость, Дрю! Твой сын не террорист. Он пользуется общественным транспортом,

как пожелает, и это не может стать причиной для полицейского расследования.

Папа снял пиджак.

— Нам на работе приходится заниматься примерно тем же каждый день. С помощью компьютеров мы отыскиваем всевозможные ошибки, искажения и отклонения. Сначала даем программе задание определить параметры среднестатистической позиции в базе данных, а затем отыскать те позиции, чьи параметры больше всего отличаются от среднестатистических. Эта операция является составной частью так называемого «байесова анализа», известного уже на протяжении столетий. Без него мы не смогли бы отфильтровывать спам…

— То есть ты хочешь сказать, что полиция должна просеивать всех без разбора наподобие спам-фильтра? — вырвалось у меня.

Раньше папа никогда не сердился, если я начинал с ним спорить, однако сегодня возражать ему было явно опасно. Но меня тоже понесло — ну как же, родной папа и становится на сторону полиции!

— Я хочу сказать, что полиция совершенно обоснованно начинает свое расследование со сбора и обработки информации с помощью элек-

тронных устройств, а затем подключает к работе ноги, то есть человеческое существо как таковое, с целью непосредственно убедиться в наличии или отсутствии аномалии. Вряд ли можно считать разумным, если компьютерная программа будет подсказывать, кого надо арестовать, просеивая виртуальный стог сена в поисках реальной иголки.

— Но они сами создают себе этот стог сена, сгребая в кучу информацию из системы общественного транспорта! — не унимался я. — Для полиции это просто гора мусора с информационной точки зрения, им там вовек не найти ничего полезного, только зря время потеряют!

— Я понимаю, Маркус, что эта система тебе не нравится, поскольку доставила определенные неудобства. Но и ты должен с пониманием отнестись к принимаемым мерам безопасности, поскольку они обусловлены серьезностью ситуации. Тебе ведь не причинили никакого вреда, не так ли? Даже привезли домой.

«Они угрожали бросить меня за решетку», — просилось у меня на язык, но я смолчал, так как видел, что отцу ничего не докажешь.

— Кроме того, ты до сих пор не рассказал нам, где тебя черти носили, так что твой нестан-

дартный график передвижений даже привлек внимание полиции!

Тут уж меня прорвало.

— Ты, кажется, верил в мой здравый смысл и не собирался шпионить за мной? — Отец не раз говорил мне это. — А теперь хочешь, чтоб я отчитывался перед тобой за каждую поездку?

Поднявшись к себе в комнату, я сразу включил иксбокс. Теперь проектор у меня был подвешен к потолку, и луч падал на стену перед кроватью. Чтобы освободить место, мне пришлось убрать свой культовый иконостас из афиш концертов панк-рока, которые я поснимал с телефонных столбов и наклеил на большие листы белой бумаги.

Я ждал, пока загрузится программа, наблюдая за процессом на освещенной стене. Мне хотелось послать электронные сообщения Ванессе и Джолу, поделиться с ними своими мыслями по поводу сегодняшней истории с копами. Я уже положил пальцы на клавиши, но остановился.

У меня на душе вдруг стало очень паршиво. Почти такое же отвратное чувство я испытал в ту минуту, когда понял, что моего старого, многострадального «винегрета» завербовали в стукачи. А сейчас мне пришло в голову, что лю-

бимый мной икснет может запросто барабанить дээнбистам о местонахождении каждого из своих пользователей.

Вспомнились отцовские слова: «Сначала мы даем программе задание определить параметры среднестатистической позиции в базе данных, а затем отыскать те позиции, чьи параметры больше всего отличаются от среднестатистических».

Надежность икснета заключается в том, что его пользователи не связаны напрямую с Интернетом. Они как бы перескакивают с иксбокса на иксбокс, пока не отыщется тот, что подключен к Интернету. Тут и происходит передача информации в нечитабельном, зашифрованном виде, так что непонятно, какие из гуляющих по Интернету сообщений икснетовские, а какие всего лишь обычные банковские переводы, коммерческая корреспонденция и прочая криптованная переписка. Нет никаких концов, привязывающих интернетовский трафик к икснету и, тем более, к пользователям икснета.

Да, но как насчет упомянутой отцом «байесовой статистики»? Я довольно хорошо знаком с этим математическим приемом. Мы с Даррелом как-то взялись написать собственную фильтрующую программу против спама, а в таком деле

без байесовой математики не обойтись. Британский математик Томас Байес жил в XVIII веке в полной неизвестности, и только спустя два столетия после его смерти ученые-программисты по достоинству оценили предложенный им метод статистического анализа большого объема данных. Именно с его помощью они сумели свернуть современные информационные Гималаи.

Байесова статистика работает примерно так. Скажем, ваш почтовый ящик завалило спамом. Сначала вам надо подсчитать количество повторений каждого отдельного слова во всех рекламных объявлениях. В итоге вы получите «гистограмму частотности употребления слов», которая указывает степень вероятности, что тот или иной объем словесной информации окажется спамом. Теперь проделайте то же самое с тонной е-мейла, который заведомо не спам (на профессиональном сленге его именуют «хэм», «ветчина», в отличие от «спам», названия мясных консервов, чья реклама и породила обобщающее название для всякой ненужной информации в Интернете, засоряющей электронные почтовые ящики).

Затем подсчитайте количество слов в только что поступившем по е-мейлу сообщении и по

частотной гистограмме определите, к какой «куче» — спама или хэма — оно принадлежит вероятнее всего. Если окажется, что это спам, подкорректируйте гистограмму в соответствии с новыми данными. Существует множество способов усовершенствовать этот метод — например, подсчитывать слова парами, периодически вычищать устаревшие данные, — но принцип работы остается тот же. В общем, как все гениальное, идея простая и очевидная, когда ее преподнесут тебе на тарелочке.

Для нее найдется уйма применений. Вы можете поставить перед компьютером задачу сосчитать линии на картинке и проверить, чему больше соответствует результат: гистограмме частотности линий «собака» или гистограмме частотности линий «кошка». Программа сумеет выявить порнуху, банковские махинации, словесные флейм-войны на веб-форумах и чатах. Полезная штука.

Но для икснета она не предвещала ничего хорошего. Представьте, что ДНБ держит на подслушке весь Интернет (а так оно, наверное, и есть). Они, конечно, не могут определить отправителей икснетовских сообщений по их зашифрованному содержанию.

Зато дээнбисты могут запросто вычислить, кто шлет в несколько раз больше шифрованного материала, чем основная масса пользователей Интернета. Для обычного сеанса онлайновой связи соотношение открытого и шифрованного текста составляет примерно 95 процентов к пяти. Если же в чьей-то исходящей почте это соотношение имеет обратную пропорцию, то ДНБ, наверное, захочет отрядить парочку своих шестерок вроде Сопливого и Прыщавого, только башковитых по компьютерной теме, чтобы поспрошать тех отправителей, не занимаются ли они терроризмом или сбытом наркотиков.

У китайцев такое происходит сплошь и рядом. Кое-кто из местных диссидентов просекает фишку и пытается обойти Великую «Веб-упорную» Стену — цензорскую систему, контролирующую связь с Интернетом по всей стране — используя зашифрованную связь с компьютером, находящимся где-нибудь за границей. Китайским партийцам непонятно, что выискивает диссидент в Интернете — может, порнуху, а может, инструкцию по изготовлению бомбы; обменивается с кем-то материалами политического характера или похабными шуточками со своей подружкой на Филиппинах, или получает утеши-

тельные вести о положении дел в сайентологии. А им и не надо понимать. Им достаточно, что объем шифрованного трафика у этого парня много больше, чем у его соседей. Достаточно для того, чтобы заслать этого парня в трудовой лагерь в назидание всем китайцам, каким взбредет в голову не согласиться с политикой правящей партии.

Я все еще был готов делать ставку на то, что икснет находится в мертвой зоне радара дээнбистов, но засечь его для них лишь вопрос времени. После сегодняшней истории я бы не сказал, что ощущаю себя комфортнее, чем диссиденты в Китае. И все люди, приобщенные мной к икснету, теперь подвергаются опасности. Правоохранительным органам плевать, действительно ли вы нарушаете закон; они поместят вас под микроскоп за одно только статистически аномальное поведение. Главное, события развиваются так быстро, что теперь уже ничего нельзя повернуть вспять; икснет живет собственной жизнью, и его не остановить.

Я должен найти какой-то иной способ уладить это дело.

Жалко, что рядом со мной нет сейчас Джолу. Он работает в интернет-провайдерской конторе «Пигсплин-Нет», которая приняла его на работу

еще в двенадцатилетнем возрасте. Естественно, Джолу гораздо глубже меня разбирается в сети и что-нибудь посоветовал бы. Кому как не ему знать наилучший способ в этой ситуации уберечь наши задницы от тюрьмы.

Хорошо, что Ван, Джолу и я договорились встретиться завтра после школы в нашей любимой кафешке в Мишн-дистрикт. Вообще-то это ставшее привычным продолжение наших еженедельных плановых встреч в качестве команды «Харадзюку-Фан-Мэднес», но теперь, когда игру отменили, и с нами нет Даррела, они больше похожи на поминальные посиделки, дополняемые в остальные дни неоднократными телефонными звонками и посланиями по моментальной почте примерно такого содержания: «Ты как, в порядке? Неужели это действительно случилось с нами?». Хорошо, когда есть с кем поговорить.

— У тебя крыша съехала! — сказала мне Ванесса. — У тебя конкретно, реально, в натуре, железобетонно заклинило чердак!

Ван мучительно стеснялась своей школьной формы, состоящей из безрукавки прямого покроя, плиссированной юбочки и гольфов — ну копия Сейлор Мун. Она не успела съездить домой переодеться, поскольку ей пришлось бы

сначала долго добираться до самого моста Сан-Матео, а потом возвращаться обратно в город на принадлежащем ее женской школе челночном автобусе. У Ванессы с самого начала испортилось настроение, потому что в кафешке тусовались малахольные эмо, которые в сравнении с ней казались взрослыми и кульными, и при ее появлении зафыркали в свои чашки с латте.

— А что мне делать, по-твоему, Ван? — спросил я, чувствуя, что сам начинаю заводиться. Харадзюку накрылась, Даррела нет, в школе зеленая тоска: целый день, сидя в классе, я утешал себя тем, что мне предстоит встреча с остатками моей команды. И вот, пожалуйста, встретились — и меня же отругали!

— Перестать подвергать себя риску, M1k3y! — У меня даже волосы на голове зашевелились. Мы, конечно, обращались друг к другу по никам на собраниях команды, но теперь, когда мой никнейм стал известен всему икснету, очень уж стремно было слышать его при народе.

— Никогда не называй меня так в общественном месте! — шикнул я на Ванессу.

Ван сокрушенно покачала головой.

— Вот об этом я и говорю. Кончится тем, что ты очутишься за решеткой, Маркус, и других за

собой потянешь! Причем многих. После того, что случилось с Даррелом…

— Я занимаюсь этим ради Даррела! — Студентки за соседним столиком обернулись на мой голос, и я сбавил обороты: — Пусть не думают, что им все просто так сойдет с рук!

— Если ты надеешься остановить их, у тебя действительно с головой не в порядке. Они выполняют решения правительства!

— Все равно это наша страна! — доказывал я. — Мы имеем право постоять за себя!

У Ван стало такое лицо, будто ее душат слезы. Она два раза судорожно вздохнула и встала из-за стола.

— Извини, я не могу участвовать в этом безумстве. И не могу просто наблюдать со стороны, как ты шагаешь прямиком к краю пропасти. Это все равно что смотреть в замедленном воспроизведении видеозапись автокатастрофы. Ты обрекаешь себя на гибель, а я слишком люблю тебя, чтобы пережить подобное зрелище.

Ван вдруг наклонилась, порывисто обняла меня обеими руками и крепко прижалась губами к моей щеке, прихватив уголок рта.

— Береги себя, Маркус, — сказала она дрогнувшим голосом. Я чувствовал, как у меня жгло

краешек рта в том месте, где его коснулись губы Ван. Она повторила с Джолу ту же процедуру, правда, поцелуй пришелся ему точно в щеку. А после Ван ушла.

Мы с Джолу еще с минуту молча таращились друг на друга.

— Вот черт, — первым пробормотал я и закрыл лицо руками.

— Да ладно, образуется, — промямлил Джолу, похлопал меня по плечу и заказал мне еще один латте.

— Уж казалось бы, Ван должна понимать, как никто другой. Ее родители были северокорейскими беженцами. Они прожили десятилетия под гнетом отмороженного диктатора, но сумели переехать в Америку, чтобы обеспечить своей дочери более счастливую судьбу.

Джолу пожал плечами.

— Может, потому она и сдрейфила. Ей лучше знать, насколько стремно все может обернуться.

Я понял, о чем он. После того как семья Ван уехала в Штаты, два ее дяди угодили за решетку и бесследно исчезли.

— Да уж, — вздохнул я.

— А ты чего не вышел в икснет вчера вечером?

Я обрадовался возможности сменить тему,

принялся объяснять Джолу все о байесовых заморочках и поделился опасениями, что мы можем залететь, если будем и дальше пользоваться икснетом. Он слушал молча, чего-то соображая.

— Так, я понял. Проблема в слишком большом объеме шифрованного материала на отдельном канале связи с Интернетом. Это делает его заметным. А если не шифровать, плохие ребята будут просто перехватывать твою информацию.

— Ага. Я сегодня весь день над этим голову ломал. Может, нам следует уменьшить интенсивность передачи, рассеять ее за счет использования большего числа чужих соединений?

— Не годится, — сказал Джолу. — Для того чтобы растворить отдельную связь в общем информационном потоке, придется практически остановить икснет, а в этом нет смысла.

— Да, ты прав, — согласился я. — А что еще мы можем сделать?

— А что, если изменить параметры нормы?

Вот почему Джолу приняли на работу в «Пигсплин», когда ему еще только стукнуло двенадцать. Дайте ему задачку, у которой есть два решения, причем оба оставляют желать лучшего, и он найдет третье, совершенно неожиданное, основанное на оригинальной посылке, не име-

ющей ничего общего с прежними. Я отчаянно закивал головой:

— Ну-ка, давай рассказывай!

— Предположим, среднестатистический пользователь Интернета в Сан-Франциско будет иметь в своем обычном, ежедневном трафике намного больше зашифрованной информации. Если нормальная пропорция между открытым текстом и шифровкой составит, скажем, пятьдесят на пятьдесят, тогда пользователи икснета на этом фоне практически перестанут выделяться.

— Но как это сделать? Большинство пользователей не настолько волнует сохранение в тайне их личных интересов, чтобы выходить в Интернет по шифрованной связи. Им в принципе до лампочки, почему чужому дяде не терпится разнюхать, чего они хотят надыбать в «Гугле».

— Да, но веб-страницы — это лишь малая часть трафика в Интернете. Если мы добьемся того, что пользователи будут привычно загружать по несколько гигантских закриптованных файлов каждый день, это в сумме создаст шифрованный текст, равный тысячам веб-страниц.

— Ты говоришь про индинет, — догадался я.

— Ага, — подтвердил Джолу.

индинет — всегда со строчной буквы — сде-

лал «Пигсплин-Нет» одним из самых успешных независимых интернет-провайдеров в мире. Было время, когда крупные фирмы звукозаписи инициировали судебные процессы против пользователей Интернета, которые бесплатно скачивали музыку. Многие независимые звукозаписывающие компании и исполнители ужаснулись и возмутились в связи с этой попыткой выколотить деньги из своих же клиентов.

Учредительница «Пигсплина» нашла выход из ситуации. Она предложила сотрудничать всем исполнителям, кто предпочтет работать, а не судиться со своими фанатами. В обмен на дистрибьюторскую лицензию «Пигсплин» делился с исполнителями доходами от продажи своих услуг подписчикам.

Чем популярнее музыка артиста, тем больше его доля в прибыли интернет-провайдера. Для независимых исполнителей настоящая проблема заключается не в пиратском скачивании, а в неизвестности. Кому понадобится красть музыку, которой никто не знает?

Идея сработала. Контракты с «Пигсплин» подписали сотни независимых исполнителей и студий звукозаписи. Вместе с количеством музыки росло и число подписчиков интернет-провайде-

ра, а следовательно, и суммы вознаграждений исполнителям. За один год «Пигсплин» приобрел сто тысяч новых клиентов, а теперь их численность составляет миллион — больше половины всех широкополосных сетей в Сан-Франциско.

— У меня уже несколько месяцев руки не доходят довести до ума кодировку индинета, — продолжал Джолу. — Ту программу, что поставили вначале, писали второпях, начерно, и если ее чуть подчистить, от нее будет гораздо больше толку. Но сейчас на это просто нет времени: Труди повесила на меня срочную работу, и я только тем и занимаюсь, что целыми днями шифрую подключения.

Учредительницу «Пигсплина» зовут Труди Ду. В Сан-Франциско она легендарная личность, бывшая соло-вокалистка анархо-феминистской группы «Спидхорс». У нее бзик по части обеспечения права на невмешательство в личную жизнь, поэтому я бы не удивился, если б она решила закодировать не только коммуникационные соединения, но и музыкальные услуги своей фирмы.

— Трудно это? То есть я хочу сказать, когда ты сможешь закончить кодировать индинет?

— Хм, на свободный онлайн понадобятся, ко-

нечно, тонны шифровального кода, — сказал Джолу.

Как всегда, когда он сталкивался с серьезной компьютерной проблемой, его глаза принимали отсутствующее выражение, а ладони начинали барабанить по столу, расплескивая кофе на блюдца. Мне вдруг захотелось смеяться от радости — весь мир может провалиться в тартарары, захлебнуться в страхе и дерьме, но Джолу напишет этот код.

— Хочешь, помогу?

Джолу посмотрел на меня в упор.

— Думаешь, без тебя не справлюсь?

— Ты чего?

— А то! Ты мне даже не намекнул про свою затею с икснетом. Слова не сказал. Я уж подумал, что ты решил меня задвинуть.

Меня будто холодной водой окатило.

— Ты чего? — повторил я ошеломленно, а Джолу уже завелся по-черному. Видать, его это давно грызло. — Джолу…

Он опять поднял на меня глаза, и в них сверкнула реальная обида. Ну и баклан же я, умудрился прощелкать, в каком он трансе!

— Ладно, чувак, забудь, — сказал Джолу, но таким голосом, что стало ясно — он-то как раз

забыть и не может. — Просто, понимаешь, ты даже не спросил, не поинтересовался, в деле я или нет. А ведь Даррел и мой друг, мне тоже хочется опустить ДНБ. Вдвоем-то это проще сделать.

Я был готов сунуть голову между коленей.

— Слушай, Джолу, я просто недоумок. Понимаешь, у меня тогда будто крыша съехала, я занимался этим в два часа ночи. У меня…

Я не мог ничего сказать толком в свое оправдание, потому что Джолу был совершенно прав. Пусть я занимался этим в два часа ночи, но мог бы поговорить с ним назавтра или через день. Но я не поговорил, зная, что он скажет — это стремный хак, и надо все хорошенько продумать. Джолу всегда доводил до ума мои полуночные идеи, отчего на практике они претерпевали существенные изменения. А мне приспичило загрести этот проект под себя. Я поступил, как последний M1k3y.

— Прости, друг, — сказал я Джолу. — Мне правда очень, очень жаль, что так вышло. Ты все правильно говоришь. Я здорово струхнул тогда, задергался. Мне реально нужна твоя помощь. Без тебя я не справлюсь.

— Ты серьезно?

— Конечно, серьезно. Из всех, кого я знаю, ты

чемпион по кодам. И вообще ты чертов гений, Джолу. Ты меня здорово уважишь, если согласишься работать со мной.

Он с неуверенным видом побарабанил пальцами по столу.

— Просто, знаешь… Ты в команде главный. У Ван соображалка работает. Даррел был… вроде твоего заместителя, типа организатора, полевого командира… Я всегда выполнял обязанности программиста, поэтому, когда ты… Я так понял, что я не у дел…

— Кончай, говорю же, я баклан! Джолу, лучшего специалиста, чем ты, мне не найти. Прости меня, если можешь, я на самом деле…

— Ладно, все! Проехали. Верю. Честно говоря, мы действительно оказались в цейтноте. Поэтому — да, конечно, ты можешь помочь. Контора тебе даже заплатит, мне выделили небольшой бюджет для найма программистов со стороны.

— Серьезно?! — Мне еще ни разу не доводилось писать программы за деньги.

— Ну да! — Джолу ухмыльнулся и хлопнул меня по плечу. — Лиха беда начало; глядишь — разбогатеешь на этом деле! — Джолу хорош тем, что очень редко заморачивается. Вот почему я так замежевался поначалу.

Я заплатил за кофе, и мы пошли к Джолу домой. Я позвонил предкам и поставил их в известность, где нахожусь и чем занимаюсь. Мама Джолу настрогала нам сандвичей; мы с ним заперлись у него в комнате, сели за компьютер и надолго погрузились в захватывающий мир программирования. Ближе к полуночи у него в доме все улеглись спать; тогда мы похитили с кухни кофеварку, обеспечив себя постоянной подпиткой чудотворной жидкостью.

Если вы никогда в жизни не писали компьютерную программу, вам стоит попробовать. Испытаете ни с чем не сравнимые ощущения. Просто кайф видеть, как компьютер послушно делает *в точности* то, чего вы от него хотите. Это все равно что конструировать механизм — любой механизм, например, автомобиль, водопроводный кран, поршневой доводчик на дверь, — пользуясь инструкциями, схемами, чертежами, делая необходимые математические расчеты. Чувство благоговения преисполнит вас перед творением разума и рук ваших.

Компьютер — самая сложная машина, какой человек пользуется в повседневной жизни. Она состоит из миллиардов микроскопических транзисторов, которые можно объединить в кон-

фигурацию для любой доступной воображению программы. Стоит вам сесть за клавиатуру и написать строчку кода, эти транзисторы сделают то, что вы им велите.

Вокруг нас очень мало людей, которые когда-нибудь в своей жизни построят автомобиль. И вряд ли кто-то из них создаст авиационную систему. Возведет здание. Заложит город.

Эти конструкции слишком сложны, чтобы их сумели создать обычные люди вроде нас с вами. Однако компьютер, может быть, в десять раз сложнее, но готов плясать под вашу дудочку. Простой код можно выучить за пару часов. Начните с языка программирования, который называется «Python». Его написали специально для неквалифицированных пользователей, чтобы перед ними шире раскрылись возможности их компьютеров. Напишите свой код, даже если он понадобится вам только на один день, на один час работы. Если хотите, чтобы компьютер не напрягал вас, а, наоборот, помогал вам, облегчал ваш труд, научитесь писать код.

Мы с Джолу написали много кода в ту ночь.

Глава 8

Я оказался далеко не единственным жителем Сан-Франциско, кто стал жертвой частотной гистограммы. В городе полно людей, чьи передвижения — чье существование — отклоняются от принятых за норму. Множество отклонений от нормы по сути делает их нормой.

Икснет, а также газеты и теленовости публиковали курьезные факты, когда полиция задерживала мужей, изменяющих своим женам, и жен, изменяющих мужьям; несовершеннолетних любовников, спешащих в укромное место на тайное свидание. Одного парня, зараженного СПИДом, взяли по дороге в клинику, где он проходил курс лечения, а его родители, как оказалось, даже не знали о болезни сына.

Всем этим людям было что скрывать — нет, они никого не убивали, просто имели свои личные, интимные секреты. Но среди задержанных часто попадались такие, кому и скрывать-то нечего. Естественно, их возмутили действия полиции — кому понравится очутиться против воли в патрульной машине, где тебя допрашивают и

требуют доказать, что ты не террорист?

Помимо пассажиров общественного транспорта, копы останавливали и водителей частных автомашин. У большинства автовладельцев в зоне залива к солнцезащитному козырьку прикреплен «фастрэк» — карта электронной оплаты проезда через мосты. Его можно назвать «радиокошельком», поскольку он избавляет водителя от необходимости часами простаивать при въезде на мост в длиннющих очередях к пропускным пунктам оплаты наличными деньгами (ее, кстати, взвинтили в три раза, но не афишируют этот факт, а только всячески рекламируют фастрэк как более выгодный метод оплаты, то есть просто жульничают). Даже самые стойкие приверженцы анонимной налички сдались после того, как количество пропускных пунктов уменьшилось до одного по обоим концам моста, и очереди к ним стали еще длиннее.

Поэтому, если вы местный автовладелец или взяли напрокат машину в одном из агентств Сан-Франциско, у вас обязательно есть фастрэк. Но оказывается, сигнал с вашей карты считывается не только на пропускных пунктах платных дорог. ДНБ установил фастрэк-декодеры по всему городу, и когда вы проезжаете мимо, они засе-

кают время и ваш идентификационный номер, создавая полную картину того, кто, куда и когда поехал. В общую базу данных стекается также информация с полицейских радаров, фиксирующих превышения скорости; камер «красного света», установленных на перекрестках со светофорами, и прочих видеокамер, предназначенных для регистрации номерных знаков автомашин и вылупившихся повсюду, как грибы после дождя.

До недавних событий об этом никто особо не задумывался. Но теперь люди стали повнимательней оглядываться по сторонам и замечать всякие мелочи — например, то, что фастрэк нельзя отключить, как, скажем, мобильный телефон.

В общем, не удивляйтесь, если однажды вашу машину остановит полицейский патруль и поинтересуется, по какой такой причине вы зачастили в магазин «Хоум-Депо» в последнее время и какова цель вашей ночной поездки в Сономy на прошлой неделе.

Все чаще по выходным в разных местах Сан-Франциско возникали стихийные демонстрации протеста, становясь все многочисленнее. Пятьдесят тысяч человек прошагали по Маркет-стрит после недели тотальной слежки. Да что толку? Я плевать хотел на эти демонстрации, как и те, кто

оккупировал мой родной город. Армия завоевателей знает о настроениях и пожеланиях туземцев, но не обращает на них внимания.

Как-то утром я спускался к завтраку и услышал, как папа рассказывает маме, что две крупнейшие таксомоторные компании предлагают «скидку» пассажирам, которые платят за проезд специальными карточками. Таким образом у водителей при себе будет меньше наличных денег, и это якобы сделает их работу более безопасной. Я сразу подумал, что теперь дээнбистам станет известно также, кто и куда ездил на такси.

Между тем задуманное нами постепенно превращалось в реальность. Обновленный индинет автоматически зарегистрировал нового клиента, когда шифровальный маховик начал набирать обороты. Джолу сообщил мне, что трафик, который он наблюдает в «Пигсплине», уже на восемьдесят процентов закриптован. Это могло означать, что икснет уже спасен.

А вот отец начал меня заводить.

Однажды за завтраком я рассказал ему, как накануне в метро на моих глазах копы останавливали проходящих мужчин и обыскивали их.

— У тебя шизофрения, Маркус, — заявил он мне в ответ.

— Па, ну ты сам подумай! Они ведь еще не поймали ни одного террориста, так? Только народ стремают! Тупость сплошная!

— Возможно, никто из террористов еще не арестован, зато на улицах заметно поубавилось всяких подонков. Говорят, с тех пор, как все началось, одних только торговцев наркотиками упаковали несколько десятков. Вспомни, как тебя ограбили наркоманы! Если не бороться с этой заразой, она расползется так, что с ней сладу не будет.

Я действительно залетел на гоп-стоп в прошлому году. Вообще-то со мной обошлись довольно цивилизованно. Подошли двое. Один, костлявый и вонючий, сказал, что у него пушка. Второй вежливо попросил отдать ему мой бумажник. Они даже вернули мне удостоверение личности, хотя забрали дебетовую карточку и фастпасс. Но все равно я так перепугался, что потом еще целый месяц ходил по городу с оглядкой.

— Па, но большинство задержанных ими — обычные горожане, которые не сделали ничего плохого! — пытался доказывать я — кому? Собственному отцу! Это начинало меня доставать. — За каждого отловленного отморозка они заставляют париться тысячи ни в чем не повин-

ных людей! Так не должно быть!

— Кого ты называешь ни в чем не повинными? Неверных мужей? Наркодилеров? Ты их жалеешь, а кто пожалеет тех, кто погиб во время теракта? Если человеку нечего скрывать…

— Значит, если бы тебя потащили на допрос, ты бы не стал возражать? — Частотная гистограмма моего отца упорно держалась в рамках нормы.

— Я посчитал бы это своим долгом, — заявил он. — Я готов добровольно пойти и ответить на все вопросы. Ради нашей с тобой безопасности.

Ему легко говорить.

Ванессе не нравилось, когда я заводил свою пластинку. Ей удавалось довольно долго уводить разговор в сторону, умело подсказывая тему. Поэтому всякий раз при встрече мы начинали обсуждать погоду, школу и все такое, но в конце концов я принимался за старое. Ван терпела и больше не возбухала на меня, как в тот день в кафешке, но все равно, как я видел, расстраивалась. Тем не менее.

— Ну вот, папашка и говорит — я, говорит, посчитал бы это своим долгом, прикинь, блин! Ни черта себе! Я чуть не проговорился тогда, так и подмывало спросить: а в тюрягу залететь тоже посчитал бы своим долгом?

Мы сидели на травке в парке Долорес после школы и наблюдали, как хозяева развлекают своих собак игрой с фрисби.

Ван успела заскочить домой и переодеться в старую футболку с названием ее любимой бразильской группы, исполняющей техно-брегу — «Carioca Probidao», «запрещенный парень из Рио». Она надыбала эту футболку два года назад во время большого концерта с участием бразильцев в «Кау-Паласе», на который мы тогда все вместе смылись с уроков. С тех пор Ван подросла на пару дюймов, и теперь футболка была ей в обтяжку и открывала живот с маленьким, плоским пупком.

Она опустилась на спину под неярким солнышком, прикрыла веки за темными очками и только пошевеливала пальцами ног с надетыми на них шлепанцами. Я знал Ванессу всю жизнь и по привычке воспринимал ее, какой лучше запомнил: маленькая девочка с ручками, унизанными сотнями шуршащих браслетиков, вырезанных из банок из-под содовой. В ту пору она уже умела играть на фортепьяно, но не смогла бы сделать ни одного танцевального движения даже ради спасения собственной жизни. Лишь сейчас, здесь, в парке Долорес, я вдруг разглядел, какой стала маленькая Ван.

Передо мной лежала реально сексапильная женщина. Это все равно как смотреть на рисунок вазы и заметить, что в ее контуры вписаны два разных человеческих лица в профиль. С одной стороны, Ван оставалась все той же Ван, но теперь я видел также то, на что никогда раньше не обращал внимания — какая она потрясающе красивая.

А еще меня осенило, что Даррел, конечно же, всегда видел ее такой, и не думайте, что от этой догадки я не прибалдел еще больше.

— Ты сам знаешь, что отцу рассказывать нельзя, — сказала Ван. — Всех нас подставишь.

Ее глаза оставались закрытыми, и я пялился на ее грудь, вздымающуюся вместе с дыханием, не в силах отвести взгляд.

— Угу, — промычал я. — Только все дело в том, что мой папаша порожняк гонит. Попробуй-ка задержать его и сказать: докажи, что ты не педофил, не наркодилер и не террорист! Да он озвереет, пену пустит! Когда отец звонит по поводу счетов по кредитке, и его долго не соединяют, он уже начинает дергаться. А если запереть в машине и промурыжить с час дурацкими вопросами — да он будет кипятком писать!

— Это им пока сходит с рук, потому что «нор-

мальные» чувствуют свое превосходство перед «ненормальными». А вот когда копы начнут задерживать каждого, начнется бардак. Все перестанут приезжать на работу, в школу, а будут только стоять в очереди и ждать, когда их допросят. Вот тогда наступит полный абзац.

Опа!

— Ван, ты гений! — восхитился я.

— Ты мне еще будешь говорить. — Она посмотрела на меня сквозь ресницы с ленивой, почти обольстительной улыбочкой на губах.

— Нет, серьезно. Ты прямо как в воду глядишь. Можно легко ускорить наступление этого бардака, заставить копов чаще выдергивать людей на допрос.

Ван резко села, откинула с лица волосы и посмотрела на меня в упор. У меня екнуло под ложечкой при мысли, что я, похоже, ее реально привлекаю.

— Для этого надо, чтобы все пользователи арфидов перемещались по городу с чужими картами, — продолжал я. — А сделать это очень просто, с помощью клонирования арфидов. Достаточно воспользоваться «радиошэком», портативным приемо-передающим сканером, который в открытой продаже стоит десять бак-

сов. Мы ходим с ним по улицам, наугад копируем коды чужих фастпассов и фастрэков, а поверх них записываем новые коды, заимствованные у других людей. В итоге у всех резко изменится схема передвижений по городу и отклонится от нормы. Тогда каждый горожанин попадет под подозрение, что и приведет к полному абзацу!

Ван посмотрела на меня, поджав губы и приспустив с глаз темные очки, и я понял, что у нее от злости пропал дар речи.

— Прощай, Маркус, — наконец произнесла она сдавленным голосом, вскочила на ноги и, не успел я опомниться, быстро, чуть ли не бегом, зашагала прочь.

— Ван! — закричал я, тоже вскочил и бросился за ней. — Постой, Ван!

Она прибавила шагу, так что мне пришлось бежать, чтобы преодолеть расстояние между нами.

— Ван, какого черта! — Я схватил ее за локоть. Она яростно отдернула руку, и моя пятерня по инерции заехала мне в лицо.

— Псих ты, Маркус! Сначала ты рискуешь жизнями своих дружков по икснету, а теперь еще хочешь превратить весь город в подозреваемых террористов! Остановись, пока не поздно!

Несколько секунд я ошеломленно молчал, ра-

зевая рот.

— Ван, не я это начал, а они! Я не хватаю людей на улицах, не отправляю в тюрьму, не по моей вине они пропадают без вести. Этим занимается департамент национальной безопасности! Я лишь оказываю сопротивление, чтоб заставить их остановиться.

— Ты их не остановишь, а только хуже сделаешь!

— Бывает, надо сделать хуже, чтобы стало лучше, Ван. Ты же сама говорила — если каждого хоть раз задержат копы…

— Я не говорила, что так *надо!* Я имела в виду совсем другое. Если хочешь изменить положение к лучшему, протестуй вместе со всеми! Но протест не должен быть деструктивным! Неужели пример Даррела ничему тебя не научил? *Ничему?*

— Вот именно, научил, черт возьми! — взорвался я. — Научил, что верить им нельзя! И не сопротивляться им — все равно что помогать! Дай им волю — они целую страну переделают в тюрьму. А чему научилась ты, Ван? Забиться под корягу и бояться, как бы тебя не заметили? Надеешься отсидеться до лучших времен? Не получится. Если сидеть сложа руки, само лучше не станет. Отныне будет только хуже и хуже.

Хочешь помочь Даррелу? Тогда помоги мне опустить ДНБ!

Вот, опять. Моя клятва. Не просто освободить Даррела, но разобраться целиком с департаментом национальной безопасности США. Шизовая идея, я сам это понимал, но отступать не собирался. Не дождутся.

Ван изо всех сил оттолкнула меня обеими руками. А силенка у нее имелась: в школе их гоняли по всяким девчоночьим видам спорта — фехтованию, лакроссу, хоккею на траве. Так что я не удержался на ногах и приземлился задом на грязный тротуар Сан-Франциско. Ван зашагала прочь, а я не стал ее догонять.

> Изучая систему безопасности, важно понять не как она работает, а как дает сбой.

Такой строчкой начиналась первая запись на моем икснетовском блоге «Открытый мятеж». Ею же объявлял свою войну M1k3y.

> Возможно, нынешнее поголовное сканирование имеет целью поимку террористов. Возможно лаже, что рано или поздно какой-нибудь террорист попадет-

ся в сеть. Важно, что сейчас этой сетью отлавливают всех нас, хотя мы не совершили ничего предосудительного.

> Чем больше людей попадает в сеть, тем больше она изнашивается, и наступит миг, когда она порвется.

> Идея ясна?

Я скопировал в блог свое ноу-хау по изготовлению клонера арфидов и привел несколько советов, как невзначай приблизиться к человеку на достаточное расстояние, чтобы считать его арфидную карту или сбросить на нее информацию. Потом сунул собственный клонер в карман моей фирменной байкерской куртки из черной кожи с армированными карманами и пошел в школу. По дороге я успел склонировать шесть арфидов.

Кто с мечом к нам пришел, от меча и погибнет.

* * *

Если вы когда-нибудь задумаете сварганить автоматический детектор терроризма, то, пока с вами не случилось такой несуразности, вот вам небольшой урок математики. Его тема — «парадокс мнимого позитива». Не бойтесь, будет прикольно.

Предположим, возникла какая-то новая болезнь, скажем, суперСПИД. Пусть им заражен только один из каждого миллиона человек. На вашем вооружении имеется анализ на суперСПИДа, точность которого составляет 99 процентов. То есть в 99 случаях из каждых ста анализ дает правильный результат — положительный, если испытуемый заражен, и отрицательный, если оный здоров. Вы подвергаете анализу один миллион человек.

Реально суперСПИД имеет только один из миллиона. Результат одного анализа из каждых ста покажет «мнимый позитив», то есть наличие болезни, хотя на самом деле ее нет. Это и есть «99-процентная точность» — результаты одного процента анализов неверные.

Сколько будет один процент от миллиона?

1.000.000/100 = 10.000

Только один человек из миллиона имеет суперСПИД. Взяв анализ у миллиона наугад отобранных людей, вы, вероятно, обнаружите только один случай фактического заражения суперСПИДом. Однако ваш анализ даст больше, чем *один* положительный результат. Он даст *десять тысяч* положительных результатов.

Ваш анализ точностью в 99 процентов даст

результаты с *неточностью* в 99,99 процента!

В этом и заключается парадокс мнимого позитива. Если вы хотите выявить то, что встречается очень редко, точность вашего анализа должна соответствовать низкой частотности этого явления. К примеру, вы хотите указать на элемент изображения на экране монитора. Для этого вам достаточно взять в руку остро заточенный карандаш; кончик грифеля намного меньше (точнее) элементов изображения, а потому послужит отличной указкой. Но карандашом никак не укажешь на один *атом* поверхности экрана. Чтоб обнаружить такую мелочь, нужна указка (анализ), у которой кончик (точность) размером с атом или меньше.

И вот как парадокс мнимого позитива применим к поиску террористов.

Террористы встречаются очень редко. В городе с населением в двадцать миллионов человек, как Нью-Йорк, могут обретаться от одного-двух до десяти террористов. То есть если взять по максимуму, 10/20.000.000x100 = 0,00005 процента, или одна двадцатитысячная процента.

Это действительно мало. А теперь представим, что у вас на вооружении есть компьютерная система, способная просеивать банковские счета,

электронные отметки передвижений граждан личным и общественным транспортом, записи телефонных звонков по всему городу и в результате выявлять террористов в 99 случаях из ста.

В двадцатимиллионной толпе горожан анализ с 99-процентной точностью идентифицирует в качестве террористов двести тысяч человек. Однако только десять из них настоящие террористы. Чтобы арестовать этих десятерых преступников, необходимо, помимо них, провести расследование в отношении 199.990 невиновных.

Но, что самое интересное, точность системы поиска террористов *далеко* не 99 процентов. Она едва достигает 60, а то и 40 процентов!

Для департамента национальной безопасности эта математика предвещала глубокий провал. Они пытались выявить событие с чрезвычайно низкой частотностью — человека, являющегося террористом, — пользуясь неточной системой вычисления.

Стоит ли удивляться, что мы развели их по-черному?

С начала операции «Мнимый позитив» прошла неделя. Во вторник утром я вышел из дома, насвистывая и балдея под новый рок, скачанный из икснета накануне вечером — пользователи

засыпали M1k3y маленькими цифровыми подарками в благодарность за надежду, возрожденную в их душах.

Свернув на Двадцать третью улицу, я начал осторожно спускаться по крутой лестнице с каменными ступенями, ведущей вниз по склону холма. На полпути мне встретился мистер Такса. Я не знаю его настоящих имени и фамилии, а дал ему это прозвище потому, что почти каждый день вижу, как он ведет на прогулку трех такс, тяжело пыхтящих через раскрытые пасти. На узкой лестнице разминуться с ними почти невозможно, и я вечно или запутаюсь в поводке, или залезаю одной ногой в чей-то палисадник, а то чуть ли не сажусь верхом на бампер автомобиля, припаркованного вплотную к лестничному бордюрчику.

Мистер Такса явно какая-то шишка, потому что носит навороченные часы и конкретный прикид. Я заочно причислил его к финансовым воротилам из делового района города.

Протискиваясь сегодня мимо мистера Таксы, я врубил клонер, который держал наготове в кармане куртки, и тот быстренько скачал коды его кредиток и электронного ключа машины, номера паспорта и стодолларовых купюр в бумажнике.

Практически одновременно с этим клонер за-

полнил его идентификационные карты цифрами, которые я позаимствовал накануне с документов других оказавшихся поблизости людей. Действие напоминало замену номерных знаков у нескольких автомобилей сразу, только мгновенно и невидимо. Виновато улыбнувшись мистеру Таксе, я продолжил спускаться по лестнице. По пути чуть задержался у трех автомобилей и поменял номера их фастрэков на скопированные мной вчера с других машин.

Вы можете посчитать мое поведение в данной ситуации несколько бесцеремонным, однако по сравнению со многими икснетовцами я был достаточно деликатен и даже консервативен. К примеру, две девушки, обучающиеся в Калифорнийском университете в Беркли по программе химической инженерии, создали из кулинарных продуктов безопасное для здоровья вещество, запах которого привлекает внимание собак, натасканных на наркотики. Они развлекались тем, что брызгали раствором на пиджаки и кейсы своих преподавателей, а затем из укрытия наблюдали, как при входе в аудитории и библиотеки университетских профессоров атаковали дислоцированные повсюду охранные подразделения.

Кто-то из икснетовцев предложил пудрить

почтовые послания веществом, дающим положительный результат при анализе на вирус сибирской язвы, но все решили, что это бредовая идея. К счастью, ее, похоже, так и не осуществили.

При виде огромных очередей перед входом в городскую больницу я удовлетворенно кивнул. Естественно, полиция и здесь установила свой пропускной пост, а среди больничного персонала — врачей, работников кафетерия и прочих — нашлось немало икснетовцев, чтобы заменить и перепутать информацию на всех идентификационных бейджиках. В газетах писали, что в связи с длительными проверками рабочий день в больнице увеличили на час, и профсоюзы грозили начать забастовку, если руководство не отменит этого решения.

Через несколько кварталов я увидел очередь еще длиннее, выстроенную желающими попасть в метро. Копы расхаживали вдоль нее взад-вперед, показывали на тех, кому следует выйти, отводили их в сторону, задавали вопросы, проверяли содержимое сумок и обшаривали самих людей. Такие действия полиции являлись нарушением закона, и многие подавали на нее в суд, но ничего не менялось.

Я добрался до школы слишком рано и решил пройтись по Двадцать второй улице до кафе. Там стоял полицейский патруль, наблюдая за проезжающими автомашинами, а некоторые останавливал для более тщательного осмотра.

В школе царил не меньший дурдом. Охранники у металлодетекторов сканировали наши школьные карточки, останавливали учеников, которые перемещались по городу не там, где надо, и принимались расспрашивать их. Стоит ли упоминать, что у всех нас нашлись поездки, вызывающие недоумение и вопросы. Ясно также, что уроки начинались позже на целый час или больше.

На занятиях стоял невообразимый кипеж. Не думаю, что кто-нибудь учился в эти дни. Я случайно подслушал, как две преподавательницы жаловались друг другу, что долго добирались до дома минувшим днем, и сегодня собирались улизнуть с работы пораньше.

Я едва не рассмеялся в голос. То был парадокс мнимого позитива в действии!

Конечно же, нас отпустили с занятий пораньше, и я пошел домой по долгому пути, кружа по Мишн-дистрикт и наблюдая творящийся вокруг хаос. Автомобили на дорогах застряли в

бесконечных пробках. Очереди в метро тянулись вокруг кварталов. В проездах у банкоматов тоже скопились машины; водители ругались, не имея возможности получить деньги, так как банковские счета оказались заморожены по причине подозрительных передвижений владельцев (вот насколько опасно указывать номера счета в информации на фастрэке и фастпассе).

Я пришел домой, сделал себе сандвич, поднялся с ним в комнату и подключился к икснету. Удачный сегодня денек. Икснетовцы со всего города хвастались своими успехами. В результате их совместных усилий жизнь в Сан-Франциско замерла. Информационные сообщения подтверждали это; в них говорилось, что ДНБ не контролирует обстановку, и критиковались нелепые меры безопасности, принятые якобы с целью защиты населения от терроризма. В деловом разделе «Сан-Франциско кроникл» вся первая страница отводилась подсчету экономических издержек, понесенных в результате действий ДНБ, потерянных рабочих часов, демонстраций и прочего. По оценке редакционного экономиста, неделя такого бардака обойдется городу дороже, чем взорванный Бэй-бридж.

Бу-га-га!

Но самый прикол впереди: папа в тот вечер приехал домой поздно. Очень поздно. На *три часа* позже обычного. Почему? Да потому, что его задержали, обыскали, допросили. Потом повторилось то же самое. Его задержали дважды!

Дважды!

Глава 9

Отец был на жутком взводе — казалось, просто лопнет сейчас от злости. Я, помнится, говорил уже, что у него редко наступает состояние крезы, но в таком бешенстве, как в тот вечер, мне его лицезреть еще не доводилось.

— Вы не поверите! Этот коп, пацан, от горшка два вершка, повторяет мне одно и то же: «Сэр, если ваш клиент находится в Маунтин-Вью, то зачем вам вчера понадобилось ездить в Беркли?». Объясняю ему, мол, я преподаю в Беркли, а он: «Но вы же утверждаете, что работаете консультантом», — и все начинается заново. Копы будто подверглись отупляющему облучению, знаете, как в той ситуационной комедии. Но хуже всего то, что он все пытался доказать мне, что я и сегодня был в Беркли, а я говорю — нет, не был, а он — нет, был! И показывает мне распечатку с моего фастрэка, в которой значится, что сегодня я три раза пересекал мост Сан-Матео!

Отец с шумом втянул в себя воздух — «наколка», свидетельствующая о крайней степени раздражения, — и продолжил:

— Но и это еще не все! Они знали даже, что я наведывался в те места, где вообще нет платной проезжей части! То есть засекали мой пропуск посреди улицы! Но эта информация *ошибочная!* Я хочу сказать, черт возьми, если уж взялись напропалую шпионить за нами, то хотя бы делайте это профессионально!

Я спустился по лестнице и остановился в дверях кухни, наблюдая за негодующим отцом. Мама встретилась со мной взглядом, и мы оба подняли брови, как бы вопрошая друг друга, кому произнести сакраментальную фразу: «А мы тебе что говорили»? Я кивнул, уступая ей эту супружескую прерогативу, поскольку мое вмешательство в качестве ничтожного сыновнего элемента только подольет масла в огонь отцовского гнева.

— Дрю! — Мама поймала папу за локоть, и тот перестал метаться по всей кухне, размахивая руками, как уличный проповедник.

— Что? — рявкнул он.

— Полагаю, тебе следует извиниться перед Маркусом, — ничуть не смутившись, сказала мама ровным голосом. Мы с папой заводимся с пол-оборота, а мама у нас — настоящая железная леди.

Отец, будто опешив, с минуту смотрел на меня, потом прищурил глаза и сказал:

— Ладно. Мама права. Я говорил о профессионализме. Они оказались абсолютными дилетантами. Извини, сын. Ты тоже был прав. Это действительно нелепо. — Он пожал мне руку, затем вдруг крепко обнял.

— Господи, что мы творим в собственной стране? Твое поколение заслуживает унаследовать нечто лучшее, чем это, Маркус. — Отец отпустил меня, и я увидел у него на лице глубокие складки, которых не замечал прежде.

Вернувшись к себе в комнату, я немного порубился в икснетовские игрушки. Там есть одна неплохая мультигеймерская игра про пиратов. Персонажей надо периодически «прокачивать», проходя квесты, чтобы завести движущие пружины команды пиратского судна, и только после этого они смогут и дальше грабить и мародерствовать. Вообще-то я не любитель таких игр — особенно достают сами квесты, — но сегодня не мог остановиться. Короткие поединки за право занять место капитана на судне, несколько клёвых головоломок на засыпку, и в итоге я, как всегда, затосковал по «Харадзюку-Фан-Мэднес», вспоминая, как в дополнение к виртуальным примочкам мы играли в реальном мире, решали онлайновые задачки, всей командой мозговали

над очередными ходами.

Но сегодня мне надо просто отвлечься, поэтому бездумная забава — как раз то, что нужно.

Отца жалко.

И все из-за меня. До сих пор он был всем доволен и уверен, что уплаченные им налоги идут на обеспечение его же безопасности. А я разрушил эту уверенность, и хоть она, конечно, была ложная, тем не менее помогала папе сохранять ощущение покоя и счастья. Теперь же он чувствует себя униженным и беззащитным, и я невольно подумал, стоит ли жертвовать слепым, но счастливым существованием ради жизни с открытыми глазами, но в полной безнадежности?

Совесть опять принялась глодать мою душу, как в тот день, когда я сломался и назвал дээнбистам свои пароли. Мне хотелось провалиться сквозь землю, убежать от самого себя.

Мой персонаж в игре был моряком на пиратском корабле под названием «Зомби Чарджер». Его силы иссякли за то время, что я не принимал участие в игре. Мне пришлось початиться с другими членами моего экипажа и попросить их «прокачать» меня. Наконец нашелся один, который согласился помочь. Это занятие отвлекло меня на какое-то время и даже понравилось.

Есть что-то интригующее в том, что совершенно незнакомый человек готов сделать для тебя доброе дело. А поскольку мы общались в икснете, я знал, что этот незнакомец к тому же в определенном смысле мой друг.

> Ты где территориально?

Персонаж, который меня прокачал, звался Лизанатор и был женщиной, хотя это вовсе не значило, что сам геймер — девчонка. У некоторых чуваков есть такой прибабах — играть женские персонажи. Я решил ответить достаточно осторожно:

> В Сан-Франциско.

Лизанатор тут же отозвалась:

> Круто, а где в Сан-Франциско?

Мне определенно не нравилась такая назойливость.

> А что? Ты извращенка?

Обычно на этом подобная беседа завершается. Естественно, что среди геймеров полно педиков

и прочих извращенцев, а также копов, которые ловят их «на живца», прикидываясь бакланами (хотя в икснете, как я надеялся, копы не ночуют). Заявить такое в лицо в девяти случаях из десяти ведет по меньшей мере к перемене темы.

> Мишн? Портеро-Хилл? Ноу? Ист-Бэй?

Лизанатор не унималась. Надо положить этому конец.

> Просто прокачивай меня и все, ладно? Спасибо.

Она перестала прокачивать и, помедлив, отозвалась:

> Очко жим-жим?

Сопливая девчонка! Я быстро настучал ответ:

> Ну вот еще! Тебе чего, вообще, надо?

Ответ не замедлил себя ждать:

> Так, любопытно.

Мне вдруг стало не по себе. Можете считать ме-

ня шизом, но тут явно не простое любопытство. Я вышел из сети и закрыл иксбокс.

На следующее утро за завтраком папа посмотрел на меня и протянул мне через стол свежий номер «Кроникл», развернутый на третьей странице:

— Вроде бы начинает налаживаться — судя по газете, во всяком случае, — прокомментировал он.

Представитель Департамента национальной безопасности подтвердил, что отделение в Сан-Франциско запросило у Вашингтона увеличение своего бюджета и персонала на 300 процентов.

Что?!

Генерал-майор Грэм Сазерленд, оперативный командующий ДНБ в Северной Калифорнии, подтвердил вчера на пресс-конференции, что активизация подозрительной деятельности в зоне залива побудила его направить такой запрос. «Мы наблюдаем повышение активности подпольной связи и прочей деятельности, направленной, по нашему убеждению, на саботаж и срыв усилий Департамента национальной безопасности путем массовой имитации сигналов тревоги».

У меня потемнело в глазах. Этого не может

быть!

«Как мы предполагаем, эти ложные сигналы по сути являются „радарным шумом“, цель которого — замаскировать подготовку очередного нападения. Единственный способ воспрепятствовать его осуществлению, это увеличить численность персонала и объем аналитической работы с целью расследовать все поступающие тревожные сигналы».

Сазерленд выразил сожаление по поводу «вынужденных» простоев и задержек по всему городу и обязался принять меры по исправлению положения.

В моем воображении возникла картина Сан-Франциско, улицы которого кишели агентами ДНБ. И появились они здесь из-за моих собственных шизоидных бзиков. Правильно Ван говорила, так их не остановишь, только хуже сделаешь.

Папа показал пальцем на газетную статью:

— Ты знаешь, эти ребята, может, и дураки, но от своего дела не отступятся. Как говорится, не мытьем, так катаньем. Навалятся всем гуртом и шапками закидают. Примутся перелопачивать информацию, проверять каждую версию и в конце концов выйдут на террористов!

Я опять не выдержал и завопил:

— Папа! Послушай, что ты говоришь! Они же собираются установить слежку за каждым жителем города Сан-Франциско!

— Да, — отозвался папа, — и правильно сделают. Заодно отловят всех недобросовестных алиментщиков, распространителей дури, ну и, конечно, террористов. Нам, можно сказать, повезло. Погоди, мы еще порадуемся, когда Сан-Франциско станет самым чистым городом в Штатах!

— Па, скажи, что ты шутишь! — взмолился я. — Пожалуйста! Разве для этого писали нашу Конституцию? Вспомни, что в ней говорится о правах граждан!

— О правах граждан? Это писалось в то время, когда и понятия не имели об электронной обработке информации, — совершенно серьезно ответил мне папа, абсолютно уверенный в своей правоте. — И потом, я не против, скажем, свободы союзов, но, с другой стороны, почему бы не разрешить копам проверить — с кем это ты общаешься, уж не с бандюками ли и террористами?

— Да потому, что это вмешательство в мою личную жизнь! — не задумываясь, ответил я.

— Ну и что тут особенного? Выбирай — личная

жизнь или террористическая угроза.

Тьфу ты, черт! Как же фигово спорить с отцом всухомятку! Мне до смерти хотелось кофе.

— Па, кончай! Ты же прекрасно понимаешь, что вмешиваться в личную жизнь не значит бороться с терроризмом. Это значит портить существование добрым людям.

— Откуда тебе знать, что это не метод борьбы с терроризмом?

— А сколько террористов они уже арестовали?

— Аресты будут, можешь не сомневаться. Всему свое время. Наберись терпения.

— Па, какого черта? Вчера вечером у тебя было совсем другое настроение! Ты был готов уничтожить всех копов. Что с тобой произошло за одну ночь?

— Не говори со мной в таком тоне, Маркус! А произошло то, что у меня было время все обдумать на холодную голову, и я прочитал *это*. — Отец потряс газетой. — Полиция задержала меня по вине саботажников, которые активно мешают ей работать. Сейчас для нее главное — найти способ нейтрализовать эти помехи. И она найдет такой способ. А пока придется потерпеть ради собственной безопасности. В конце концов, невелика беда, если тебя задержат ненадолго.

Сейчас неподходящее время разыгрывать из себя защитника прав и свобод. Надо приносить личное в жертву, когда на долю целого города выпало трудное испытание.

Мой гренок застрял у меня в горле. Я поставил тарелку в мойку и пошел в школу. Куда угодно, лишь бы убраться отсюда.

Икснетовцев не обрадовала новость о предстоящем усилении слежки, но и прогибаться под дээнбистов они не собирались. Один из них позвонил на радиостанцию KOED во время ток-шоу по телефону в прямом эфире и заявил, что полиция попусту теряет время, что против мер найдутся контрмеры и что копам никогда не удастся распутать этот клубок. Запись разговора обогнала в тот вечер все остальные по количеству скачивании с икснета.

«Это Калифорния в прямом эфире. К нам поступил звонок с телефона-автомата в Сан-Франциско от анонимного слушателя. У него есть дополнительная информация по поводу стычек, которые мы наблюдали на минувшей неделе по всему городу. Слушатель, вы в эфире…»

«Ага, йо, и это только начало, в натуре. Ну, то есть мы еще только разогреваемся, в натуре.

Пусть присылают хоть миллиард копов и перекроют все улицы на каждом перекрестке. Мы их джамили и будем джамить! А насчет террористов — это все туфта! Никакие мы не террористы. Нет, в натуре, может, хватит байду гнать? Мы глушим систему, потому что ненавидим ДНБ и любим наш город! Какой я вам террорист, если не знаю даже, как „джихад“ правильно написать! И пошли они в пипиську!»

Чувак, конечно, явно отмороженный. Мало того, что нес околесицу, еще и понты кидал. В общем, борзой пацан, да еще шизанутый вдобавок.

После его выступления по икснету прокатилась буря противоречивых суждений. Многие называли парня наглым идиотом, другие считали героем. Меня больше всего заботило, что на телефонную будку, из которой он звонил, наверняка нацелена камера наблюдения. Или его фастпасс засек арфидный сканер. Я надеялся, у него хватило ума не оставлять отпечатков пальцев на монете, натянуть на башку капюшон ветровки и оставить дома все свои арфиды. Но надежда была слабой. Весьма вероятно, что скоро к нему в дверь постучат.

Икснет всегда подсказывал мне, если случалось что-то забойное. Потому что на меня тут же

сваливался миллион е-мейлов от тех, кто горел желанием ввести M1k3y в курс последних новостей. Я как раз читал о полуграмотном джамере, не умеющем писать слово «джихад», когда мой почтовый ящик вдруг сошел с ума. Сообщения так и сыпались по икснетовскому соединению на LiveJournal и один из многочисленных анонимных блогов в системе документальных публикаций Freenet (ею пользуются также защитники демократии в Китае).

> Еще бы немного, и…

> Сегодня вечером мы джамили на Эмбаркадеро, раздавали налево и направо новые коды на автозамки, дверные ключи, фастпассы с фастрэками, подсыпали немного пороху. Копов было, как собак, но у них руки коротки; мы там чуть не каждый вечер тусуемся и ни разу не попадались.

> А сегодня попались. Глупо совершенно попались, сами виноваты, нюх потеряли. Коп в гражданском сначала захомутал моего кореша, потом нас троих. Они просто долго следили за толпой, и у них неподалеку стоял грузовик, и нас

вчетвером в него забрали, а больше из наших никого.

> Внутри уже некуда повернуться, народу набито, как селедок в бочке: старые, молодые, черные, белые, богатые, бедные — и все подозреваемые. Два копа по очереди задавали вопросы, а те, что в гражданском, приводили все новых и новых. Многие старались протиснуться в начало очереди, чтоб побыстрее ответить на вопросы, поэтому до нас очередь никак не доходила, наверное, несколько часов прошло, и стало душно, дышать нечем, а народу не убавлялось, а, наоборот, прибавлялось.

> Часов в восемь пришла новая смена, и два новых копа взбычились на двух старых, типа какого хрена вы тут груши околачиваете? Они чуть не подрались, честно, а потом два старых копа ушли, а два новых сели за стол и начали шептаться.

> Потом один коп встал и громко объявил: РАСХОДИТЕСЬ ПО ДОМАМ, ЧЕРТ ПОДЕРИ, У НАС ЕСТЬ ДЕЛА ПОВАЖНЕЕ, ЧЕМ ИГРАТЬ С ВАМИ В ВОПРОСЫ И

ОТВЕТЫ. ЕСЛИ ВЫ ПЛОХО ВЕЛИ СЕБЯ, БОЛЬШЕ ТАК НЕ ДЕЛАЙТЕ, И ПУСТЬ ЭТО БУДЕТ ДЛЯ ВСЕХ ВАС ХОРОШИМ УРОКОМ.

> Несколько мужиков в костюмах здорово разозлились, и это был полный ОТПАД, потому что десять минут назад они гундели, что их держат здесь ни за что ни про что, а теперь кипятком писали, что их отпускают. Типа решите для себя, чего вам самим-то надо!

> Мы себя уговаривать не заставили, быстренько сделали ноги и пошли домой писать этот мейл. По дороге везде видели легавых в гражданском, кажется. В общем, если будете джамить, надо держать уши на макушке и при малейшем шухере рвать когти. А если захомутают, надо переждать, потому что у них забот полон рот. Может быть, просто всех отпустят.

> Это мы их озаботили! Вся эта толпа в грузовике, потому что мы их джамили! Значит, надо джамить дальше!

Когда я закончил читать, мне стало плохо до тошноты. Четверо совершенно незнакомых мне ребят чуть не исчезли навсегда из-за того, что я заварил эту кашу.

Они делали то, чему я их обучил, и едва не погорели. Так чем же я лучше террориста?

Запрос ДНБ об увеличении финансирования был одобрен. Американский президент в сопровождении губернатора Калифорнии выступил по телевидению, сказав, что цена безопасности не может быть слишком высокой. В школе специально устроили общее собрание с участием родителей для просмотра трансляции выступления. Папа вместе с остальными приветствовал речь президента одобрительными возгласами, хотя ненавидел его со дня избрания. Он не раз говорил, что нынешний хозяин Белого дома ничем не лучше своего предшественника, а тот вообще никуда не годился. Но с недавних пор от папы только и слышно, какой решительный и динамичный наш новый президент.

— Пожалуйста, относись к отцу снисходительнее, — попросила меня однажды мама, когда я вечером пришел из школы. Она работала внештатным специалистом по размещению переселенцев, а проще говоря, помогала обжиться в Сан-Франциско переехавшим сюда британским гражданам и старалась заниматься этим, по возможности, не выходя из дома. Ей платило представительство высокого комиссара Соеди-

ненного Королевства за то, чтобы она отвечала на е-мейлы британцев, которые поддались собственным иллюзиям, а теперь никак не могли адаптироваться к сосуществованию с бзикнутыми американцами. Короче, мама зарабатывала на жизнь, разъясняя приезжим местные заморочки, но при этом предпочитала оставаться дома, чтобы самой не встречаться и не общаться ни с одним американцем.

Лично я не питаю никаких иллюзий по отношению к Великобритании. Пусть американцы готовы похерить собственную Конституцию всякий раз, когда на нас косо посмотрит какой-нибудь джихадист, зато бриты, как я узнал при подготовке своей внеклассной работы по обществоведению в девятом классе, *вообще* не имеют конституции! У них вообще такие стремные законы, что волосы на ногах встают дыбом. К примеру, если вас с достаточной уверенностью посчитают террористом, то могут на целый год упрятать за решетку, даже не располагая вескими уликами, чтобы окончательно доказать вашу вину. Возникает вопрос: насколько уверенным можно быть, не располагая вескими уликами для доказательства вины? Как они достигают достаточной степени уверенности? Может, они видят

вещие сны, в которых обвиняемый совершает теракты?

А слежка в Британии такая, что Америка по сравнению с ней выглядит дилетантом. Среднего лондонца только во время прогулки по улицам фотографируют полтысячи раз на дню! Автомобильные номерные знаки фотографируются на каждом перекрестке по всей стране. И все служащие, от банковских до работников общественного транспорта, с готовностью проследят за вами и доложат куда следует, если посчитают вас хоть немного подозрительным.

Но мама воспринимала свою родину иначе. Она переехала в Штаты еще школьницей, но так и не привыкла к этой стране, хотя здесь вышла замуж за юношу родом из Петалумы, родила и вырастила сына. Для нее Америка навсегда останется землей варваров, а Британия — домом.

— Ма, но он же не прав! Уж кому понимать это, как не тебе? Все, что делает нашу страну великой, сейчас спускают в унитаз, и оно плывет по течению. Ведь ясно же, что еще не пойман ни один террорист. Папа уперся в свое «мы нуждаемся в безопасности», а сам нуждается в понимании, что большинство людей не чувствуют себя в безопасности. В основном мы как раз чувствуем

себя в опасности!

— Я все понимаю, Маркус. Поверь, я не сторонница того, что происходит в этой стране. Просто твой отец… — Она вдруг запнулась. — Когда после взрыва ты не явился домой, папа решил…

Мама встала и налила себе чашку чая. Она всегда так делала, когда смущалась или расстраивалась.

— Маркус, — произнесла мама глухим голосом. — Маркус, мы были уверены, что ты погиб. Понимаешь? У нас не оставалось сомнений, что твое растерзанное тело лежит на океанском дне. Мы оплакивали тебя несколько дней. И во всем виноват какой-то ублюдок, который вознамерился лишить жизни сотни чужих ему людей только ради того, чтобы доказать неизвестно кому неизвестно что!

До меня стало медленно доходить. То есть я, конечно, понимал, что они беспокоились обо мне. Во время взрыва погибло много народа — около четырех тысяч человек по последним оценкам, — и в городе практически каждый имел знакомого, кто не вернулся домой в тот день. У нас в школе двое до сих пор числились пропавшими без вести.

— Отец готов был убить кого-нибудь. Любого.

Он помешался. Поверь, ты никогда не видел его таким. И я тоже никогда прежде его таким не видела. Он помешался. Он садился за этот стол и принимался клясть и ругать все на свете. Самыми скверными словами. Я даже не подозревала, что он умел так сквернословить. Однажды — на третий день — зазвонил телефон, и папа схватил трубку, подумав, что это ты. Но оказалось, кто-то ошибся номером. Он швырнул телефон с такой яростью, что тот разлетелся на мелкие кусочки.

Я вспомнил, как слегка удивился, увидев на кухне новый аппарат.

— С тех пор у него в душе что-то сломалось. Отец любит тебя. Мы оба любим тебя. Ты — самое важное, что есть в нашей жизни. Мне кажется, тебе это не совсем понятно. Помнишь, когда тебе было десять лет, я надолго уезжала домой в Лондон? Помнишь?

Я молча кивнул.

— Мы чуть не развелись тогда, Маркус. О, причина сейчас уже не имеет значения. Просто наступила черная полоса, какая случается в жизни людей, любящих друг друга, но за годы совместного существования потерявших взаимную чуткость. Отец приехал ко мне, понял меня и уговорил вернуться ради тебя. Мы оба не могли

обойтись с родным сыном так нечестно и жестоко. Наша любовь воскресла ради тебя. Благодаря тебе мы сейчас вместе.

У меня в горле вырос комок. Я ничего не знал об этом. Мне никто не рассказывал.

— Твоему отцу сейчас очень тяжело. Он пережил серьезную душевную травму, и понадобится время, прежде чем с ним все будет в порядке. Он оправится и вновь станет тем мужчиной, какого я люблю. А до тех пор нам с тобой нужно понимать и беречь его.

Мама обняла меня, и я заметил, как похудели ее руки, а кожа на шее покрылась морщинами. Для меня она всегда была молодой и задорной, со свежим румянцем на щеках, с проницательным взглядом из-под очков в тонкой металлической оправе. А теперь в ней появилось что-то старушечье. Она постарела из-за меня. Она постарела из-за гадских террористов. Она постарела из-за долбаного департамента национальной безопасности. Как ни странно, но я типа оказался вместе с этими уродами по одну сторону, а мама с папой и все те люди, с которыми мы сыграли злые шутки, — по другую.

Я не мог уснуть в ту ночь и все раздумывал о том, что услышал от мамы. За ужином мы с па-

пой почти не разговаривали. Я боялся, что ляпну чего-нибудь не по делу, а он сидел притихший и напряженный, так как очень переживал из-за последних новостей. Окончательно выяснилось, что мост и метро взорвала «Аль-Каида». Поначалу ответственность за взрывы взяли на себя сразу шесть террористических организаций, но только на сайте «Аль-Каиды» появилась информация, которая, по заявлению ДНБ, могла быть известна лишь истинному исполнителю.

Я лежал в постели с включенным радио. Передавали полуночное телефонное ток-шоу на тему всяких сексуальных проблем. Обычно я с удовольствием слушал их голубого ведущего, по-настоящему прикольного и общительного. Он давал звонившим такие неожиданные и откровенные советы, что хоть стой, хоть падай, однако на самом деле хорошие советы.

Но сегодня мне было не смешно. Многие слушатели жаловались на то, что после взрывов у них возникли трудности в постели со своими партнерами и партнершами. Террористы совершили диверсию даже в сексе.

Я выключил радио и сразу услышал урчание автомобильного двигателя на улице под окном.

Моя спальня находится под самой крышей

нашего дома, одной из Крашеных Леди. В ней скошенный потолок, а окна смотрят на две противоположные стороны: под одним раскинулась панорама Мишн-дистрикта, а другое выходит на улицу перед домом. Машины по ней ездят в любое время суток, но эта шумела как-то необычно.

Я подошел к окну и подтянул вверх занавеску. По улице очень медленно катился небольшой белый фургон без надписей и обозначений. Вся его крыша была утыкана и опутана радиоантеннами. Такого количества антенн мне еще не доводилось видеть ни на одном автомобиле. Среди них равномерно и безостановочно вращался маленький диск.

На моих глазах фургон остановился, сбоку распахнулась дверца, и на мостовую ступил дээнбист в форме — я их теперь мог различить и с сотни ярдов. В руках он держал какой-то прибор; на лице у него отсвечивалось голубое сияние. Дээнбист прошагал сначала в одном направлении, потом обратно, направляя прибор на соседние дома и нажимая на нем кнопки, затем направился в мою сторону. Что-то неуловимо знакомое померещилось мне в том, как он двигался, опустив голову, будто…

Да у него же вайфайндер! Дээнбисты сканиро-

вали жилые районы в поисках радиосоединений с икснетом! Я опустил занавеску и бросился через комнату к иксбоксу. Он остался включенным после того, как я скачал в икснете прикольную мультипликационную пародию на речь президента о цене безопасности. Выдернув вилку из розетки, я метнулся обратно к окну, отодвинул занавеску на сантиметр и выглянул в щелку.

Дээнбист расхаживал взад-вперед перед нашим домом, не поднимая головы от дисплея вайфайндера. Через несколько секунд он оставил это занятие, залез обратно в фургон, и тот покатил прочь.

Я поскорее схватил свой фотоаппарат и снял столько раз, сколько успел, удаляющийся фургон со всеми его антеннами. Потом открыл снимки в графическом редакторе «GIMP» и убрал с них улицу и все, что могло меня выдать, кроме самого фургона.

Я разместил изображение фургона в икснете и сопроводил исчерпывающим комментарием, который не оставлял сомнений, что ищейки охотятся за икснетовцами.

Теперь уж мне и подавно было не до сна.

От нечего делать я решил вернуться к своим пиратам с подзаводом, поскольку даже в та-

кой поздний час игроков будет предостаточно. Кстати, эти пираты на самом деле называются «Заводные грабители», и написали эту игру на досуге финские ребята, фанаты музыки «дэс-метал». Игра совершенно бесплатная, но по приколам не уступает таким, как «Вселенная Эндера», «Средиземный квест» или «Темницы Плоского мира», за которые каждый месяц надо вносить пятнадцать долларов.

Я ввел свой логин и опять очутился на палубе «Зомби Чарджера» в ожидании, когда кто-нибудь меня подзаведет. Вот что мне не нравилось в этой игре, так эта заморочка.

> Привет!

напечатал я проходящему мимо пирату.

> Прокачаешь меня?

Тот остановился.

> С какой стати?
> Мы с тобой в одной команде. Плюс тебе начисляются очки за опыт.

Придурок какой-то. Новичок, что ли? Впрочем,

отвечает быстро.

> Ты где территориально?

Знакомое начало.

> В Сан-Франциско.
> А где в Сан-Франциско?

Я вышел из программы. С игрой творилось что-то странное. Я переключился на LiveJournal и принялся переползать от блога к блогу. Пролистав с полдюжины, я наткнулся на такое, отчего у меня застыла кровь в жилах.

Блогеры из LiveJournal обожают дурачиться и задавать друг другу прикольные вопросы. Например, к какому виду хоббитов ты принадлежишь? Или — считаешь ли ты себя великим любовником? Какая планета нравится тебе больше всего? С кем из киноперсонажей ты себя идентифицируешь? К какому эмоциональному типу ты относишься? Все заполняют такие вопросники и дают заполнить друзьям, а потом сравнивают, что получилось. Совершенно невинная забава.

Но анкета, появившаяся в икснете в ту ночь, была далеко не безобидной и застремала меня по-черному.

> Какой твой пол?
> В каком ты классе?
> В какой школе учишься?
> В каком районе живешь?

Результаты ответов на эти вопросы появлялись на карте города в виде булавок с цветными головками, воткнутых в местах проживания и расположения школ, после чего давались неудачные рекомендации, где покупать пиццу и все такое.

Я посмотрел на анкету и представил, как будут выглядеть мои ответы.

> Мужской
> Семнадцать
> Сезар-Чавес
> Портеро-Хидл

Во всей нашей школе только двое соответствуют такому описанию. То же самое наверняка и в остальных школах. И если вы решили вычислить икснетовцев, то с помощью подобной анкеты успешно справитесь с задачей.

Конечно, это плохо само по себе. Но еще хуже логическое умозаключение, которое следует из факта появления анкеты: икснет засветился, и

теперь ДНБ использует его против нас в качестве подставы.

А еще это значит, что среди нас завелись стукачи.

Я раздал икснетовские диски сотням ребят, и они, в свою очередь, сделали то же самое. Эти ребята известны мне достаточно хорошо. А некоторые даже очень хорошо. Всю свою жизнь я прожил на одном месте, и за эти годы завел сотни и сотни друзей, начиная с детсадовских одногруппников и тех, с кем вместе гонял футбольный мяч, а позже к ним прибавились соратники по ролевым играм и одноклубники, школьные приятели. Конечно, самыми близкими друзьями для меня остается моя команда по ИАР, но очень многим я доверяю настолько, что без колебаний вручил им икснетовский диск.

И теперь я остро нуждался в их дружеской поддержке.

Я разбудил Джолу, трижды набрав номер его мобильника и каждый раз давая отбой после первого гудка. Через минуту он уже был в икснете, и мы могли спокойно общаться. Я сказал ему зайти на мой блог с последним сообщением о радиофургоне, и через минуту он вернулся, перепуганный до предела.

> Ты уверен, что они охотятся за нами?

В ответ я послал ему текст анкеты.

> Вот черт, нам хана.
> Нет, не все так плохо, но мы должны точно знать, кому можно верить.
> Как это сделать?
> Вот это я и хотел обсудить — сколько ты знаешь надежных ребят, за которых можешь поручиться?
> Ну, 20–30 примерно.
> Я хочу собрать команду из надежных парней, чтобы мы обменялись кодами и создали сеть доверия.

Сеть доверия — одна из тех криптографических примочек, о которых я читал, но еще никогда не применял на практике. Это почти гарантированный способ обезопасить от подслушки ваш разговор со своими людьми. Единственное неудобство этого способа в том, что вы должны лично встретиться с корреспондентами по сети хотя бы раз в самом начале.

> Понятно. Идея неплохая. Но как ты соберешь всех вместе, чтоб переписать

коды?

> Вот и я хотел спросить тебя об этом — как нам встретиться и не подставиться?

Джолу принялся было печатать и тут же стер, напечатал еще и опять стер.

> Даррел бы сообразил

напечатал я.

> Да уж, он в таких делах волок конкретно.

Джолу помолчал, потом напечатал:

> Как насчет вечеринки?

> Что, если собраться где-нибудь под видом тусовки, так что если кто-то спросит, что мы тут делаем, у нас готова отговорка?

> Точно! Ты гений, Джолу!

> Знаю. Я уже даже знаю, где можно собраться.

> Где?

> Сутро-Батс!

Глава 10

А как бы вы поступили, если бы поняли, что в вашей команде завелся стукач? Можно, конечно, публично разоблачить его, выставить у позорного столба и с позором же изгнать. Но если это не единственный шпион, то второй станет более осторожным, и тогда выявить его будет намного труднее, чем первого.

Есть выход получше: засечь канал связи между шпионом и теми, кто его подослал, и сливать в него дезинформацию. Скажем, шпион получает задание собрать сведения о ваших передвижениях. Не мешайте ему следовать за вами по пятам и делать нужные пометки, зато потом вскройте над паром конверт с донесением и подмените отчет о ваших передвижениях на липовый. При желании вы можете выставить шпиона перед его хозяевами как лживого и ненадежного, и тогда они сами избавятся от него. Можно также спровоцировать кризисную ситуацию, вследствие чего противная сторона будет вынуждена раскрыть и других своих агентов. Короче, вы их всех поимеете.

Такой прием называется «подрыв изнутри», и, если задуматься, это довольно стремный приемчик с весьма болезненными последствиями. Возьмись кто-нибудь подрывать изнутри ваши коммуникации, вас могут поиметь любым из тысячи доступных способов.

Конечно, владея шифровальным делом, вы сумеете эффективно противостоять попыткам напасть изнутри на ваши каналы связи. Если у вас на вооружении есть криптография, противник, даже добравшись до ваших сообщений, не сможет прочитать их, подправить, подменить на ложные. Именно для этого и придумали тайнопись.

Но помните, чтобы криптография работала, вы должны снабдить своих партнеров декрипторными ключами, то есть поделиться с ними кое-какими своими секретами, знанием способов шифрования и дешифрования сообщений, так, чтобы не подпустить и близко к вашей информации желающих подпортить ее изнутри.

В этой связи у специалистов возникла немного напряжная, но невероятно остроумная идея использовать «открытые» декрипторные ключи.

При открытой системе каждая пара пользователей имеет по два ключа, которые представляют

собой длинные цепочки математической абракадабры и обладают почти магическими свойствами. Что бы вы ни зашифровали одним ключом, вторым обязательно расшифруете, и наоборот. Более того, данную операцию могут проделать *исключительно* эти два ключа, и никакие другие. Поэтому если вам удалось расшифровать сообщение с помощью одного из двух ключей, то вы *знаете*, что оно зашифровано посредством второго, парного ключа (и наоборот).

Так вот, вы берете один из этих двух ключей (все равно какой) и просто-напросто *раскрываете* его, рассекречиваете, делаете общеизвестным. Пусть о нем знает весь белый свет. Вот, собственно, почему этот ключ и называется «открытым».

Второй ключ вы прячете в самых темных уголках вашего сознания. Вы защищаете его ценой собственной жизни. Никто ни при каких условиях не должен знать, что он собой представляет. Поэтому его зовут вашим «личным ключом». (Уф-ф!)

Теперь предположим, что вы шпион и хотите провести сеанс связи со своим шефом. Его открытый ключ известен всему миру. Ваш открытый ключ известен всему миру. Но никто, кроме вас, не знает вашего личного ключа. И никто, кроме

шефа, не знает его личного ключа.

Вам надо послать своему шефу донесение. Во-первых, вы шифруете его своим личным ключом. Теперь ваше донесение готово к отправке, и дело в шляпе, поскольку шеф получит донесение и поймет, что оно от вас. Почему? Очень просто: раз полученное донесение можно расшифровать вашим открытым ключом, значит, его могли зашифровать *только* вы и *только* вашим личным ключом. Это все равно что заверить копию оригинала собственной подписью и печатью. Ваш личный ключ будто говорит за вас: это написал я, и никто другой; текст данного документа не был подменен или подправлен.

К сожалению, при таком раскладе посланное вами донесение фактически перестает быть секретным, поскольку ваш открытый ключ всем известен (так и должно быть, иначе вы сможете отправлять шифрованные сообщения только ограниченному кругу людей, которые знают ваш открытый ключ). Любой, кто перехватит донесение, сможет прочитать его. Ему не удастся подменить или исправить содержание, но если вы не хотите, чтобы посторонние знали, о чем информируете шефа, вам необходимо найти лучшее решение.

Вот почему вы шифруете донесение не только своим личным ключом, но *также* открытым ключом вашего шефа. Теперь оно под двойным замком. Первый замок, запертый открытым ключом шефа, отпирается только личным ключом шефа. Второй замок, запертый вашим личным ключом, отпирается вашим открытым ключом. Шеф, получив донесение, отопрет оба замка в полной уверенности, что: а) донесение написано вами, и б) никто из посторонних не прочитает донесение.

Круто, правда? Когда я впервые узнал об этой системе, мы с Даррелом тут же обменялись ключами и несколько месяцев прикалывались и потирали руки от удовольствия, посылая друг другу совершенно секретные сообщения о том, где встречаемся после уроков и какие у Даррела шансы добиться внимания Ванессы.

Однако специфика дела обеспечения безопасности такова, что вам придется учитывать самые шизоидные варианты. Типа, как поступить, если я наколю вас и заставлю поверить, что *мой* открытый ключ — это открытый ключ вашего шефа? Вы зашифруете свое донесение своим личным ключом и моим открытым ключом. Я расшифрую ваше донесение, прочитаю, снова за-

шифрую *настоящим* открытым ключом вашего шефа и переправлю адресату. А ваш шеф будет по-прежнему думать, что только вы готовили это донесение и он один прочитал его.

А я устроюсь посередке, как жирный паук в центре паутины, и поимею все ваши секреты.

Так вот, самый простой способ избежать этого — изо всех сил рекламировать ваш открытый ключ. Чем проще станет любому человеку узнать ваш настоящий открытый ключ, тем тяжелее придется тому, кто пытается осуществить подрыв изнутри. Кстати, к вашему сведению, добиться широкой известности так же трудно, как хранить секреты. Только подумайте о миллиардах долларов, которые тратятся на рекламу шампуня и прочей дребедени с единственной целью — проинформировать не меньшее количество народу о существовании чего-то, о чем рекламодатель хочет, чтоб они знали.

Есть способ не допустить подрыва коммуникаций изнутри и подешевле: создать сеть доверия. Скажем, прежде чем покинуть штаб и отправиться в тыл к противнику, посидите на дорожку с шефом и за чашкой кофе оба разложите на столе свои ключи. Попробуй-ка теперь кто-нибудь подсунуть вам замочек, что отпирается чужим

ключиком! Вы абсолютно уверены, что располагаете ключами вашего шефа, потому что он сам передал их вам из рук в руки.

Ладно, едем дальше. Для подобного взаимообмена ключами существуют физические рамки: сколько раз вы сможете вот так встретиться с человеком лицом к лицу, сколько часов в день готовы уделить работе, по объему равной составлению телефонного справочника? И сколько ваших партнеров согласны пожертвовать ради вас сопоставимым по длительности временем?

Сравнение с телефонным справочником в данном контексте весьма кстати. Было дело, телефонные справочники заполонили мир, и человек не мог без них обойтись. Но сейчас при желании или необходимости куда-нибудь позвонить, мы чаще всего вспоминаем нужный номер или просим кого-нибудь из окружающих подсказать его нам. Даже теперь, когда при мне всегда имеется мой сотовый телефон, я скорее спросил бы Джолу или — до недавнего времени — Даррела, не знают ли они, как позвонить в такое-то место. Так быстрее и проще, чем выискивать номер в онлайне, да и надежней тоже. Если Джолу знает этот номер, я ему доверяю, и номеру тоже доверяю. Такое доверие расходится от нас по сети наших отно-

шений в обществе, а потому так и называется — «переходящее», или «транзитивное» доверие.

«Сеть доверия» — более широкое понятие. Скажем, я встречаю Джолу и получаю от него ключик к шифру. Вешаю этот ключик себе на «связку» — список кодов, «подписанных» моим личным ключом. То есть теперь вы можете разомкнуть «связку» моим открытым ключом и будете знать наверняка, что я — ну, или тот, у кого есть мой ключ — говорю вам, мол, «вот этот ключ принадлежит вон тому парню».

Итак, вы принимаете от меня мою связку и при этом верите, что я действительно лично встречался с обладателями нанизанных на нее ключей и в свою очередь полностью доверяю им. Так что вы смело добавляете мою связку к той, которая у вас уже имеется. Потом вы встречаетесь с кем-то еще и передаете всю связку ему. Таким образом, она все увеличивается, и пока сохраняется доверие к каждому очередному преемнику, мы все можем быть достаточно уверены, что находимся в безопасности.

Тут мы вплотную приблизились к понятию «тусовка с подпиской ключами», которое означает именно то, о чем вы подумали: народ собирается на тусовку и переписывает себе чужие открытые

ключи. Когда я и Даррел доверили друг другу свои ключи, у нас состоялась как бы скоротечная мини-тусовка «с подпиской ключами», всего лишь с двумя скромными участниками, хоть и с далеко идущими последствиями. Но с толпой народа вы закладываете основу сети доверия, которая далее будет расти и развиваться сама по себе. Все те, кто уже находится на вашей связке ключей, выходят в мир, встречаются с другими надежными людьми, и к связке прибавляются все новые имена. И вам не обязательно лично знакомиться с новобранцами, просто верьте, что очередной ключ, добытый вашими товарищами, не подведет.

Теперь вы знаете, почему сеть доверия и тусовка «с подпиской ключами» сочетаются, как икра и сливочное масло.

— Просто надо предупредить всех, что это закрытая тусовка, вход только по приглашениям, — предложил я. — Мол, если приведете посторонних, вас самих не пустят.

Джолу перестал смотреть в свой кофе и поднял глаза на меня.

— Ты чего, обалдел? Тогда все точно приволокут за собой кучу приятелей и знакомых!

— Блин! — В последнее время я проводил один

вечер в неделю дома у Джолу, обновляя код индинета. «Пигсплин» действительно заплатил мне за работу конкретные деньги, что меня приятно удивило. Никогда бы не подумал, что смогу зарабатывать программированием.

— Ну и что нам делать? Там не должно быть никого, кто не пользуется нашим безоговорочным доверием, а причину мы сможем объяснить, только когда соберем их ключи и разошлем секретные сообщения.

Джолу просматривал код индинета в поисках ошибок, а я подстраховывал, глядя на экран через его плечо. Было время, эту процедуру называли «экстремальным программированием», что звучит слишком громко, а потому для нас она просто естественный этап программирования. Вдвоем гораздо проще заметить ошибку, чем в одиночку. У профессиональных программистов есть поговорка: «Чем больше глаз, тем меньше багов».

Мы уже почти закончили работу, после чего оставалось только запустить новый билд. От пользователей практически ничего требовалось, кроме как примерно раз в неделю просыпаться обладателями улучшенной программы. У меня возникло довольно странное ощущение при мысли, что уже завтра сотни тысяч людей станут

пользоваться написанным мной кодом.

— Что нам делать? Я не знаю, что нам делать! Ничего тут, наверное, не поделаешь.

Мне опять вспомнилось золотое времечко «Харадзюку-Фан-Мэднес». В ходе игры нам нередко приходилось выкручиваться из ситуаций с участием больших скоплений народа.

— Может, ты и прав. Но давай хотя бы попытаемся в максимальной степени ограничиться приглашенными. К примеру, скажем, чтобы приводили с собой не более одного человека, с которым знакомы не меньше пяти лет.

Джолу отвернулся от экрана и посмотрел на меня.

— А что, это может сработать. Я бы на такое клюнул. Одно дело, ты мне скажешь: «Никого не приводи», и я отвечу: «Да пошел ты!», а так чем-то смахивает на шпионские страсти с Джеймсом Бондом.

Потом я нашел ошибку в коде. Потом мы выпили кофе. Потом я ушел домой и немного поиграл в «пиратов», стараясь не думать о любознательных партнерах по игре с их дотошными вопросами. Потом я отрубился и всю ночь продрых без задних ног.

Сутро-Батс — это настоящие американские

римские бани, точнее, развалины. Бани открылись в 1896 году и в ту пору стали самым большим в мире помывочным сооружением с огромным стеклянным солярием в викторианском стиле, многочисленными бассейнами, ваннами и даже одной из первых водяных горок. К пятидесятым годам бани пришли в упадок, и в 1966-м владельцы устроили пожар, чтобы получить страховку. Теперь от грандиозного сооружения остался лишь каменный лабиринт полуразрушенных стен, прижавшийся к обветренному скалистому утесу на берегу Оушн-Бич. Место и вправду живописное и загадочное, как римские развалины; а неподалеку в скале зияют черные провалы пещер. Во время штормовых приливов волны захлестывают руины и пещеры; известны случаи, когда мощный поток смывал внутрь отдельных злополучных туристов, и те тонули.

Оушн-Бич находится за парком Золотые Ворота. На голых склонах отвесной скалы чудом примостились дорогие дома. Сверху видно, что вода напротив узкого пляжа усеяна медузами и бесстрашными (безумными) серферами. Возле кромки берега из мелководья выступает белый каменный остров, именуемый Сил-Рок, «Тюленья скала». Когда-то на нем было лежбище

морских львов — и их отхожее место, потому и поверхность его со временем окрасилась в белый цвет, — пока диковинных зверей не переселили в район Рыбацкой пристани, поближе к туристам.

С наступлением темноты Оушн-Бич пустеет. Ночью здесь всегда холодно, и если вдобавок не остережешься соленых брызг прибоя, продрогнешь до костей. Берег усыпан острыми камнями, меж которых попадаются осколки разбитых бутылок и торчащие иглы брошенных наркоманами шприцов.

В общем, стремное местечко для тусовки.

Это меня осенила идея прихватить брезентовые подстилки и перчатки. Джолу сообразил, где достать пиво — оказывается, приятель его старшего брата, Хавьера, заправлял целым бизнесом по продаже алкогольных напитков малолеткам — за определенную переплату поставлял сколько хочешь пива в коробках со льдом на уединенные пикники и вечеринки. Я ухнул на это дело существенную часть денег, заработанных на индинете, и чувак прибыл точно в договоренное время, восемь вечера, когда после захода солнца уже минул добрый час. Он выгрузил из пикапа шесть пенопластовых кулеров и отнес их в развалины бани. Даже оставил один порожний для

пустых бутылок.

— Вы тут особо не шумите, пацаны, — напутствовал нас на прощание поставщик пива, касаясь пальцами края своей ковбойской шляпы. Это был жирный полинезиец с широко улыбающимся ртом и в стремной майке, из-под которой вылезали черные волосы у него под мышками, на животе и плечах. Я достал закатанные в рулон купюры и отсчитал ему нужное количество двадцаток — сто пятьдесят процентов наценки приносили барыге неплохой навар.

Он посмотрел на мой рулон.

— Знаешь, мне ничего не стоит забрать это у тебя, — сказал полинезиец, не переставая улыбаться. — Я ведь плохой дядя.

Я спрятал деньги в карман и молча уставился на него. Светить свои бабки, конечно, дешевое пижонство, однако дело сделано, и надо быть готовым постоять за себя.

— Не боись, я тебя на понт беру, — успокоил он. — А ты не будь лохом, а то без денег останешься.

— Спасибо. — Я перевел дух. — Я специально налом пользуюсь, чтобы дээнбисты по кредитке не вычислили.

Улыбка полинезийца стала еще шире.

— Ха-ха! Дээнбисты копам в подметки не годятся. Эти долболобы мышей не ловят.

Я перевел взгляд на пикап, где за ветровым стеклом красовался «фастрэк». Вряд ли этому барыге осталось долго гулять на свободе.

— У вас сегодня и девчонки, наверное, будут? Вы ж сюда не просто пивка попить забрались?

Я не ответил и только помахал ему рукой, будто он уже собрался уезжать, что вообще-то от него и требовалось. Полинезиец намек понял и наконец убрался, не переставая улыбаться.

Мы с Джолу спрятали кулеры в камнях, подсвечивая себе светодиодными фонариками. В каждый ящик мы положили по светодиодному брелку, чтобы ночью в их белом сиянии было легче выкопать из-подо льда бутылки.

Ночь выдалась пасмурная и безлунная. Уличные фонари стояли слишком далеко, чтобы их свет достигал нас. Я понимал, что в инфракрасном оптическом прицеле нас будет видно не хуже, чем языки пламени, но, так или иначе, наше многолюдное сборище все равно не пройдет незамеченным. Оставалось надеяться, что его примут за обычную попойку на морском берегу.

Вообще-то я не увлекаюсь алкогольными напитками, а курение сразу возненавидел с тех пор,

когда в четырнадцать лет начал регулярно участвовать в тусовках с пивом, травкой и экстази (однако время от времени не прочь полакомиться шоколадным пирожным с намешанным в него хэшем). Экстази действует слишком медленно — жалко гробить оба выходных на то, чтобы сначала поймать кайф, а потом прийти в себя. Пиво, в общем, ничего, но я от него не в особом восторге. Мне больше нравятся громадные, навороченные коктейли в шесть слоев, какие подают в керамических волкано, с пламенем посередине и пластмассовой мартышкой на ободке, — но главным образом из-за того, что это целый спектакль.

И мне нравится состояние опьянения. Но не нравится состояние похмелья, а оно наступает каждый раз, когда я выпью. Хотя, возможно, виной тому вся эта смесь, которую подают в керамических волкано.

Однако нельзя приглашать народ на тусовку и не выставить хотя бы ящик-другой пива. Тебя не поймут. Надо же как-то подогреться, расслабиться. Конечно, иногда люди делают глупости от переизбытка пива, но среди моих приятелей автовладельцев замечено не было. Человеческой натуре по жизни свойственен идиотизм, а все

остальное — пиво, травка и прочее — лишь сопутствующие факторы.

Мы с Джолу открыли по пиву — «Анкор Стим» для него и «Бад Лайт» для меня — и чокнулись бутылками, усевшись на большой камень.

— Ты назначил своим в девять? — спросил я Джолу.

— Ага.

— Я тоже.

Некоторое время мы пили в тишине. Среди наших припасов «Бад Лайт» содержал меньше всего алкоголя. Сегодня мне понадобится трезвая голова.

— Тебе когда-нибудь бывает страшно? — снова спросил я Джолу.

Он повернулся ко мне.

— Нет, чувак, мне *не бывает* страшно. Мне страшно всегда. Страшно с той минуты, как взорвалась бомба. Зато мне бывает так страшно, что я боюсь вылезти из-под одеяла.

— Тогда зачем ты занимаешься этим?

Джолу усмехнулся.

— Вон ты к чему. Может, я и перестану заниматься этим, и довольно скоро. То есть мне прикольно помогать тебе. Просто здорово. Я никогда в жизни не участвовал в таком важном деле.

Но, Маркус, братишка, я должен сказать тебе…

Джолу запнулся и замолчал.

— Что? — Я догадывался, какое признание сейчас последует.

— Я не могу заниматься этим, — решился Джолу. — Ну, еще месяц, может, протяну, но не больше. Я выдохся. Это слишком опасно. Надо быть шизанутым, чтобы пытаться опустить ДНБ. Реально, конкретно шизанутым!

— Ты говоришь прямо как Ван, — сказал я с невольной горечью в голосе.

— Нет, послушай, я не качу на тебя бочку, ты не думай! — горячо заверил меня Джолу. — Наоборот, я тебя очень уважаю, ты гигант! А я слабак. Но не могу так больше, хоть убей!

— Так что ты решил?

— Я решил завязать. Буду жить, как обычные люди, и ждать, когда все нормализуется само собой. Снова начну пользоваться Интернетом, а в икснет буду залезать только ради игр. То есть я решил завязать. Больше я с тобой не работаю.

Я не знал, что сказать, и промолчал.

— Я понимаю, что типа бросаю тебя, — опять заговорил Джолу. — Мне от этого не сладко, поверь. Я бы хотел, чтоб мы с тобой вместе завязали. Ты не можешь вести войну против правительства

США. Ты обречен на поражение. Стену головой не прошибешь, сколько ни бейся.

Он хотел услышать от меня что-нибудь в ответ. Мне хотелось сказать ему: «Черт тебя подери, Джолу, и спасибо за то, что бросаешь меня! Ты, конечно, забыл, каково нам было, когда нас забрали дээнбисты? Ты забыл, какой была наша жизнь до того, как они пришли и все поломали?» Но Джолу хотел услышать от меня совсем другое. Он хотел услышать от меня то, что услышал:

— Я все понимаю, Джолу. И уважаю твой выбор.

Джолу допил свое пиво, достал из кулера новую бутылку и отвернул пробку.

— Ты еще не все знаешь, — сказал он.

— Вот как?

— Не хочется говорить об этом, но тогда ты лучше поймешь, почему я так поступаю.

— Что еще, Джолу, что?!

— Мне жутко не хочется говорить об этом, но ты *белый*. А я — нет. Белые попадаются с кокаином, и их направляют на лечение. А если у коричневого при обыске найдут крэк, его засадят в тюрьму на двадцать лет. Белые при виде копов на улице чувствуют себя в большей безопасности. Коричневые видят копов на улице и ждут, что их сейчас

станут обыскивать. Когда мы засыпемся, ДНБ отнесется к тебе и ко мне по-разному. У нас в стране закон был, есть и будет против таких, как я.

Мне было обидно выслушивать от Джолу эти несправедливые слова. Я не выбирал себе цвет кожи и не чувствовал себя более крутым из-за того, что родился белым. В то же время я понимал, о чем говорит Джолу; когда в Мишн-дистрикт копы останавливают прохожего и просят предъявить документы, то, вероятнее всего, этот человек не белый. Как бы я ни рисковал, Джолу рисковал больше меня. И как бы строго меня ни наказали в случае провала, Джолу накажут строже.

— Не знаю, что и сказать, — пробормотал я.

— А тебе и не надо ничего говорить, — ответил Джолу. — Я просто хотел, чтобы ты знал и понимал меня.

Я увидел, как по тропинке вдоль берега к нам приближаются люди. Это были друзья Джолу, два мексиканца и девушка, которая встречалась мне и прежде, — невысокая, прикольная на вид, постоянно в аккуратных очках в черной оправе в стиле Бадди Холли; они делали ее похожей на героиню кинофильма для подростков, всеми отверженную студентку художественного колледжа, которую в итоге постигает ошеломительный

успех и всеобщее признание.

Джолу представил меня и угостил их пивом. Девушка отказалась от пива, достала из сумочки серебряную фляжку с водкой и предложила мне. Я сделал глоток — очевидно, надо долго практиковаться, чтобы развить в себе вкус к теплой водке — и похвалил фляжку с выгравированными на ее поверхности персонажами из видеоигры «Рэпер Параппа».

— Японская, — объясняла девушка, пока я разглядывал фляжку в сиянии светодиодного брелка. — У них много таких штучек для алкогольных напитков с картинками из детских игр. Полные извращенцы!

Я спросил девушку, как ее зовут.

— Энджи, — ответила она, пожав мне руку сильными пальцами с коротко остриженными ногтями. Ладонь у нее была сухая и теплая. Джолу представил мне обоих ребят, с которыми подружился еще в четвертом классе на летних каникулах в компьютерном лагере. Народу меж тем прибывало — подошли еще пятеро, потом еще десять. Скоро образовалась уже солидная толпа.

Мы предупредили всех, что крайний срок прибытия — половина десятого вечера, но решили

подождать опоздавших еще пятнадцать минут. Примерно три четверти собравшихся составляли друзья Джолу. То ли я пользовался меньшей популярностью, то ли строже подошел к отбору приглашенных — не знаю. Я позвал на тусовку только тех, кому действительно доверял. Теперь, когда Джолу известил меня о своем желании выйти из дела, мне стало казаться, что он не слишком ответственно отнесся к соблюдению критерия абсолютной надежности участников. Я по-настоящему разозлился на него, но изо всех сил старался не подавать виду и отвлекал себя, общаясь с присутствующими. Однако Джолу не дурак и все понимал. Я видел, что он ходит как в воду опущенный, и злорадствовал.

— Привет всем! — выкрикнул я, забираясь на обрушенную стену. — Так, минуточку внимания! Эгей! Послушайте! — Несколько человек в непосредственной близости обернулись на мой голос, но те, что подальше, продолжали болтать между собой. Я поднял обе руки в воздух, как хоккейный судья, но в темноте никто этого не заметил. Тут меня осенило направлять лучик моего светодиодного брелка по очереди на каждого говорящего, а затем переводить его на себя. Постепенно гул толпы затих.

Я еще раз поприветствовал всех, поблагодарил за то, что пришли, а потом попросил встать поближе, дабы услышать мои разъяснения по поводу цели нашего собрания. Чувствовалось, что народ заинтригован конспирацией и необычностью происходящего — и уже прилично подогрет пивом.

— Значит, так. Вы все пользуетесь икснетом, который не случайно возник сразу после того, как ДНБ оккупировал Сан-Франциско. Икснет создан организацией людей, готовых встать на защиту свободы личности от посягательств сотрудников и агентов ДНБ. — Мы с Джолу не собирались подставляться в качестве зачинщиков даже перед нашими доверенными людьми и заранее договорились выступать от имени пресловутого «M1k3y», уполномочившего нас организовать сопротивление на местах.

— Икснет уязвим, — продолжал я. — Им может беспрепятственно пользоваться противная сторона. У нас уже есть свидетельства присутствия в нем шпионов ДНБ. Это наемники из числа специалистов по социальному инжинирингу, которые с помощью своих профессиональных методов пытаются вычислить честных икснетовцев и выдать их дээнбистам. Если мы хотим сохранить

возможность безопасно пользоваться икснетом, нам надо поставить надежный заслон от дээнбистских ищеек. Нам нужна сеть внутри сети.

Я сделал паузу, чтобы народ переварил услышанное. Как справедливо предположил накануне Джолу, многим из присутствующих будет довольно непросто освоиться с пониманием, что их вовлекают в революционную ячейку.

— Только не подумайте, что я собираюсь просить вас совершить какую-то акцию. От вас не требуется джамить на улице и все такое. Мы пригласили вас сюда, потому что знаем — вы ребята продвинутые и вам можно верить. Именно ваша надежность, ни больше ни меньше, потребуется от вас сегодня. Некоторые из присутствующих уже слышали о сети доверия и тусовке «с подпиской ключами». А тем, кто не слышал, я вкратце расскажу.

Так я и сделал.

— Я хочу, чтобы вы сегодня получше познакомились друг с другом и выбрали тех, кому доверяете, как себе. А после с помощью нашего компьютера запрограммируете свои пары ключей и обменяетесь открытыми ключами.

Над этой частью нам с Джолу пришлось поломать голову, поскольку просить каждого

прихватить с собой на вечеринку ноутбук не годится, а бумагой и карандашом в такой сложной процедуре не обойдешься.

Я взял с камня и поднял перед собой ноутбук, собранный мной и Джолу прошлым вечером.

— Я доверяю этой машине. Каждую деталь в ней мы установили своими руками, как и новенькую, только что из упаковки, версию «параноид-линукс», загруженную с родного DVD. Если в мире остался хоть один заслуживающий доверия компьютер, так это он и есть. На нем также установлена программа-генератор ключей. Вы будете по очереди подходить к ноутбуку и вводить произвольный набор символов — можете просто нажимать любые клавиши от балды, — а машина на его основе выдаст вам личный и открытый ключи, которые один за другим появятся на экране. Можете сфотографировать картинку со своим личным ключом на мобильник, а потом нажмите на любую клавишу, чтобы он испарился без следа, даже на диске компьютера он не сохранится. Затем компьютер выведет на дисплей ваш открытый ключ. Тут вам надо подозвать всех, кому вы доверяете и кто доверяет вам, и пусть *они* сфотографируют экран и вас, стоящего рядом с компьютером, чтобы знать, чей

это ключ. Вернувшись домой, вы должны ввести ключи со снимков в свой компьютер. Боюсь, это долгая работа, но вам надо проделать ее лишь однажды. Будьте очень внимательны, нельзя сделать ни одной ошибки, иначе весь ваш труд накроется медным тазом. К счастью, есть способ проверить, правильно ли введен ключ: в самом конце выстроится значительно более короткий набор цифр, так называемый отпечаток пальца. Когда закончите печатать ключ, создайте его «отпечаток пальца» и сравните с оригиналом — если совпадают, значит, ошибок нет.

Слушатели молча смотрели на меня с выражением глубокого сомнения. Неудивительно, все это звучало довольно стремно. И тем не менее…

Глава 11

Джолу, сидевший на камне, поднялся и выступил вперед.

— С этого все и начинается. Так мы поймем, на чьей вы стороне. Возможно, вам без мазы открыто выходить на улицы, чтоб вас повязали за ваши убеждения, но если у вас есть убеждения, теперь мы об этом узнаем. Мы создаем сеть доверия, которая покажет, кто с нами, а кто нет. Если мы хотим вернуть себе нашу страну, надо действовать. Каждый должен это сделать.

Кто-то из аудитории поднял вверх руку с зажатой в ней бутылкой. Им оказалась Энджи.

— Можете считать меня тупицей, но я ничего не понимаю. На черта вы хотите, чтобы мы это делали?

Джолу обернулся ко мне, а я поднял глаза на него. Когда мы принимались за эту затею, нам все казалось таким очевидным.

— Икснет существует не только для того, чтобы рубиться в халявные игры. Это единственная независимая коммуникационная сеть в Америке. Это последний канал связи, свободный от слеж-

ки ДНБ. И чтобы пользоваться им, мы должны быть уверены, что не нарвемся на дээнбистскую подставу. Мы должны быть уверены, что посылаем свои сообщения тем, кому они адресованы. Вот почему вы здесь. Вы здесь потому, что мы доверяем вам. То есть доверяем по-настоящему. Доверяем наши жизни.

Из толпы раздались стоны. Слишком напыщенно и мелодраматично прозвучали слова Джолу. Настала моя очередь подняться с камня.

— Когда взорвались бомбы… — начал я, но у меня вдруг перехватило дыхание из-за поднявшейся в груди болезненной волны. — Когда взорвались бомбы, дээнбисты упаковали нас четверых на Маркет-стрит недалеко от станции метро. Не знаю почему, но мы вызвали у них подозрение. Нам на головы надели мешки, отвезли на корабле в какую-то тюрягу и допрашивали, как преступников. Издевались над нами. Давили на психику. Через несколько дней отпустили… Всех, кроме одного. Моего лучшего друга. Он был с нами, когда нас арестовали. Перед этим его пырнули ножом в толпе, ему срочно требовалась медицинская помощь. Он не вернулся из дээнбистской тюрьмы. ДНБ скрывает факт его задержания. А нам на прощание пригрозили, что

если мы проговоримся, нас уже никто никогда не найдет. Как говорится, концы в воду.

Меня трясло. От стыда. От проклятого стыда. Джолу светил на меня фонариком.

— Господи! — вырвалось у меня. — Люди, вы первые, кому я рассказал. Если эта история начнет распространяться, они сразу поймут, кто допустил утечку. И тогда очень скоро в дверь моего дома постучат. — Я несколько раз глубоко вздохнул, стараясь унять дрожь в голосе. — Вот почему я принял решение присоединиться к икснету. Вот почему отныне вся моя жизнь, каждый мой вздох посвящены ежедневному противоборству с ДНБ. Пока для нас вновь не наступит свобода. Теперь каждый из вас, если захочет, может отправить меня за решетку.

Рука Энджи опять выстрелила вверх.

— Никто не собирается тебя закладывать, — сказала она. — Еще чего. Я тут почти всех знаю, так что можешь положиться на мое слово. Не знаю, как разобраться, кому можно верить, но точно знаю, кому верить *нельзя* — старикам! Взрослым. Нашим предкам. У них так мозги устроены, что если шпионят за кем-то, значит, так и надо, поделом, значит, он плохой. Если кого-нибудь арестовали и засадили в какую-то

секретную тюрьму, то это опять касается не их, а разных коричневых, иностранцев, молодежь. Они уже не помнят, какими сами были в нашем возрасте, что чувствуешь, когда тебя все время в чем-то подозревают! Когда даже в общественном транспорте ловишь на себе такие взгляды, будто у тебя то ли рожа в дерьме, то ли руки в крови. Самое страшное, что они там взрослеют все раньше и раньше. До сих пор говорили: нельзя верить никому старше тридцати. Я говорю вам: не верьте ни одному ублюдку старше двадцати пяти!

Это заявление развеселило присутствующих, и Энджи хохотнула вместе со всеми. Длинное лицо и выступающий подбородок не портили ее, а, наоборот, наделяли необъяснимой привлекательностью.

— Знаете, вообще-то я не собиралась шутить. Ну сами подумайте. Кто пришел на выборы и привел к власти нынешних клоунов? Кто позволил оккупировать наш город? Кто в суде присяжных оправдал установку камер у нас в классах и шпионские чипы в наших проездных билетах и личных тачках, чтобы постоянно следить за нами? Это все сделал не шестнадцатилетний пацан. Пусть мы малолетки, пусть мы недоумки, но мы не подонки!

— Хочу этот слоган себе на футболку, — сказал я.

— Да, на тебе он смотрелся бы неплохо, — ответила Энджи, и мы улыбнулись друг другу.

— Давайте мне мои ключи, — сказала она и приготовила мобильник.

— Вон там, возле пещер, есть укромное местечко. Когда создашь ключи, пусть твои друзья сфотографируют твой открытый ключ, а дома введут в свой компьютер.

— Да, совсем забыл! — завопил я как ужаленный. — Самое главное! Черт, из головы вылетело. Как только введете ключ в компьютер, сразу сотрите снимок в мобильнике! Чего нам вовсе не надо, так это общедоступной коллекции фоток в сети, где запечатлены мы все во время подготовки подрывного заговора!

Из толпы послышались немного нервные смешки. Тут Джолу выключил фонарик, и в наступившей кромешной тьме я перестал видеть. Постепенно глаза привыкли, и я зашагал к пещерам. Кто-то шел позади меня. Энджи. Я повернул голову и улыбнулся; она улыбнулась в ответ, и ее зубы блеснули в темноте.

— Спасибо за поддержку, — сказал я. — Ты классно выступила.

— Вам что, правда надевали на голову мешки и все прочее?

— Конечно, правда. Все так и было. Я никому не рассказывал, но все так и было.

Подумав немного, я добавил:

— Знаешь, если никому не рассказывать, то со временем начинает казаться, что мне это привиделось в страшном сне. Но все так и было. — Я подошел вплотную к скале и стал карабкаться вверх к пещере. — А теперь вот выговорился, и на душе полегчало. Еще немного, и у меня бы, наверное, крыша поехала.

Я поставил ноутбук на сухой валун и загрузил операционную систему с DVD. Энджи стояла рядом и смотрела.

— Буду перезагружать его для каждого в отдельности, — пояснил я ей. — Это стандартный диск «параноид-линукс», хотя тебе придется поверить мне на слово.

— Черт, — сказала она. — В этом деле все строится на доверии, правда?

— Правда, — подтвердил я. — На доверии.

Я отошел в сторонку, и пока Энджи работала с генератором ключей, слушал, как она щелкает клавишами; как с грохотом накатывают волны на берег, как галдит тусовка вокруг кулеров с

пивом.

Энджи вышла из пещеры с ноутбуком, на экране которого огромными белыми буквами сиял ее открытый ключ с «отпечатком пальца» и адрес электронной почты. Она поднесла дисплей к лицу и стояла так, пока я доставал свой мобильник.

— Чи-из, — протянула Энджи; я сделал снимок и убрал телефон в карман. Она пошла дальше, к тому месту, где продолжалась пирушка, и все стали по очереди фотографировать ее вместе с ноутбуком себе на мобильники. Эта процедура еще больше подняла праздничное настроение. Народ веселился от души. Энджи смешила, но делала это с присущей ей необыкновенной харизмой — хотелось смеяться не *над* ней, а *вместе* с ней. И ведь действительно смешно, черт возьми! Подумать только, собрались, чтоб объявить войну секретной полиции! Черт знает, кем мы себя возомнили!

Еще целый час участники тусовки один за другим программировали шифровальные ключи и фотографировались. Я успел познакомиться со всеми. Некоторых знал и раньше, а о других слышал от приятелей. Мне просто по жизни следовало завести с ними дружбу. Ближе к утру так

и произошло. Здесь собрались хорошие люди.

Когда все приглашенные закончили, настала очередь Джолу. Он со смущенной улыбкой посмотрел на меня и отвернулся. Я уже перестал на него злиться. Он поступал так, как считал нужным. Но я знал — что бы Джолу ни говорил, в случае необходимости он всегда придет мне на выручку. Мы вместе прошли через застенки ДНБ. И Ван тоже. Как бы ни повернулась судьба, это испытание связало нас навечно.

Я запрограммировал свой ключ и в обнимку с ноутбуком прошел под нацеленными на меня объективами мобильников, как кинозвезда по красной дорожке. Потом забрался на ту же стенку, с которой уже говорил, и попросил минуту внимания.

— Многие из вас заметили критический изъян в секретности этой процедуры: а вдруг этот ноутбук крапленый? Может, он тихой сапой записывает себе наши инструкции? Шпионит за нами? Что, если Джозе-Луис и я не заслуживаем вашего доверия?

В толпе опять послышались сдержанные смешки, но более теплые, чем вначале, подогретые выпитым пивом.

— Это очень серьезно. — Я повысил голос. — Ес-

ли бы мы с Джолу оказались провокаторами, нас всех — *вас* всех — ждала бы печальная участь. Вероятнее всего, тюрьма.

Смешки стали тревожнее.

— Вот почему я собираюсь проделать следующее…

Я поднял на всеобщее обозрение молоток, одолженный мной из отцовского набора инструментов. Потом положил ноутбук рядом с собой на камень и занес над ним молоток при свете фонарика Джолу. Хрясь! Сбылась моя давняя мечта. Я крушил молотком ноутбук. Ощущение двоякое: с одной стороны, какой-то вандалистский кайф, а с другой — щемящее чувство жалости.

Трах! Панель дисплея отвалилась, расколовшись на мелкие кусочки и обнажив клавиатуру. Я продолжал бить молотком, пока не разлетелись клавиши, и тогда настала очередь материнской платы и жесткого диска. Хрясь! Прицелившись, я изо всех сил треснул молотком по жесткому диску. Понадобилось три удара, чтобы разрушить корпус и оголить хрупкую начинку. Я бил и бил, пока обломки ноутбука не стали не больше зажигалки, после чего сгреб их в пластиковый мешок для мусора. Все это время толпа подзадоривала меня дикими воплями и свистом, так что я даже

забеспокоился, что их услышат поверх шума прибоя обитатели особняков, расположившихся высоко над нами на склоне скалы, и вызовут полицию.

— Вот так! — подытожил я избиение ноутбука. — А теперь, если есть желающие, можете спуститься со мной к морю, где я на ваших глазах погружу содержимое этого мешка в соленую воду по меньшей мере на десять минут.

Однако смельчаков не нашлось, и только Энджи вышла из толпы, взялась своей теплой рукой за мою и шепнула мне на ухо:

— Это было красиво! — после чего мы вместе зашагали к морю.

Дорога оказалась нелегкой. Мы ступали по скользким, острым камням в кромешной тьме, не поддающейся светлячкам на брелочной цепочке. Пластиковый мешок с шестью фунтами раскуроченной электроники мешал мне сохранять равновесие. В какое-то мгновение у меня подвернулась нога, и мелькнула паническая мысль, что падения и глубоких ссадин не избежать, но Энджи с неожиданной силой вцепилась в меня и удержала в вертикальном положении. Мы оказались прижатыми друг к другу, и на меня повеяло ароматом ее духов, напоминающим запах но-

венького автомобиля. Я балдею от этого запаха.

— Спасибо, — через силу произнес я, переводя дух и глядя в глаза девушки, кажущиеся огромными за линзами очков в неброской черной оправе. Ночь не позволяла мне точно определить цвет ее глаз, однако они наверняка были темного оттенка, судя по черным волосам и оливковой коже лица. Своей внешностью Энджи смахивала на южноевропейских женщин — гречанок, испанок или итальянок.

Я остановился на самой кромке берега, присел на корточки, окунул мешок в воду, и он стал медленно наполняться. Одна нога у меня соскользнула, я зачерпнул туфлей, выругался, а Энджи засмеялась. Мы практически не произнесли ни слова с той минуты, как отправились к морю, но наше молчание было каким-то особенным, наполненным.

За всю свою жизнь я поцеловался с тремя девчонками, не считая дня, когда меня встречали в школе как героя. Достижение не великое, надо признать, однако и не нулевое. Вообще-то у меня есть шестое чувство по отношению к противоположному полу, и в ту ночь мне показалось, что я мог бы поцеловать Энджи. Ее нельзя было назвать сексуальной в обычном понимании этого

слова, просто ночь, море, пляж всегда усиливают ощущение близости, и вдобавок Энджи весь вечер была такой понимающей, отзывчивой, готовой прийти на помощь.

Но я не поцеловал ее, не взял за руку. Зато мы оба пережили пьянящее мгновение, которое я не могу назвать иначе, как снизошедшей на нас благодатью. Шелест волн, черная пучина неба и моря, молчаливые камни и биение наших сердец. Колдовство затянулось. Я вздохнул. Дорога до дома неблизкая. А мне еще всю ночь сидеть за компьютером, прописывать и публиковать новые ключи, нанизывать их на связку, плести сеть доверия.

Энджи тоже вздохнула.

— Пора, — сказал я.

— Ага, — ответила она.

И мы потопали обратно. Хорошая выдалась ночка.

Джолу остался дожидаться, когда приятель его брата приедет за своими кулерами, я вместе со всей толпой вышел на шоссе и направился к ближайшей автобусной остановке. Конечно, никто из икснетовцев не пользовался проездным билетом на собственное имя. Для них уже стало привычным делом по три-четыре раза клониро-

вать чужой фастпасс, меняя обличье на каждую поездку.

В автобусе никто не мог сохранять спокойствие. От выпитого пива все довольно хорошо забалдели и с восторгом разглядывали друг друга в ярко освещенном салоне. Шум стоял такой, что водитель дважды обращался к нам с просьбой вести себя потише, пока не потерял терпение и не велел немедленно заткнуться, в противном случае пригрозил вызвать полицию.

В ответ все только радостно захихикали, и большинство покинуло автобус, не дожидаясь, когда он действительно позовет копов. Мы вышли на Норт-Бич; здесь располагалась станция метро, многочисленные клубы и кафе манили сияющими неоновыми огнями, и было много автобусов и такси, поэтому наша компания сразу распалась и расползлась в разные стороны.

Я добрался до дома, врубил свой иксбокс и принялся набивать ключи икснетовцев с дисплея моего мобильника. Занятие это довольно нудное, и его монотонность в сочетании с пивными парами скоро убаюкало меня в полусонное состояние.

Я уже клевал носом, но встрепенулся, когда на экране появилось окно чата.

> Привет!

Подпись была незнакомая — spexgril — но я догадывался, кто это.

> Привет.

выжидательно ответил я.

На экране появился блок зашифрованного текста. Я уже ввел в программу открытый ключ Энджи и попытался использовать его для расшифровки сообщения.

> Это я, с тусовки.

Точно, она!

> Какая приятная неожиданность. Рад нашему знакомству!

напечатал я, зашифровал моим личным ключом и отправил.

> Я тоже. Мне не часто встречаются умные парни, которые хороши собой и при этом способны замечать, что творится вокруг них. Тебе когда-нибудь говорили, что ты почти неотразим?

У меня заколотилось сердце.

> Эй! Кто-нибудь дома? Эта штука еще работает? Я родилась в другом месте, но умру, наверное, здесь. Не забудь дать чаевые официанткам, они стараются изо всех сил. Видать, проторчу здесь целую неделю.

Я заржал в голос.

> Я здесь, здесь. Просто от смеха не могу давить на клавиши.

> Значит, не зря я упражняюсь в комедийном кун-фу в онлайне.

Хм.

> Я действительно очень рад знакомству с тобой!

> Аа, как правило, это доставляет удовольствие. Куда ты меня поведешь?

> Поведу?

> Во время нашей новой тусовки.

> Вообще-то я ничего не планировал…

> Лады, тогда Я поведу ТЕБЯ. Пятница. Парк Долорес. Нелегальный концерт на

открытом воздухе. Будь там — или будешь додекаэдром.

> Постой, не понял!

> Ты что, даже икснет не читаешь? Там везде об этом пишут. Слышал когда-нибудь про «Спидхорс»?

Я чуть не поперхнулся. Это же группа Труди Ду, той самой Труди Ду, что заплатила мне и Джолу за обновление индинетовского кода!

> Аа, я слышал про них!

> Они проводят гигантское шоу с участием чуть ли не пятидесяти групп, с которыми уже подписаны контракты, сцена расположится на теннисных кортах, они привезут собственную аппаратуру и будут играть всю ночь.

Я почувствовал себя так, будто в последнее время жил под лежачим камнем. Как я умудрился проморгать такое событие? На улице Валенсии стоит магазинчик анархистской литературы, мимо которого я иногда хожу в школу. У него в витрине висит плакат с портретом старой революционерки Эммы Гольдман и надписью: «Если мне нельзя танцевать, то я не хочу участвовать в

вашей революции». Сколько времени и сил ушло у меня на то, чтобы найти способ использовать икснет для объединения людей в их противоборстве с ДНБ, но Труди Ду меня переплюнула. Я и понятия не имел, как организовать большой концерт, и радовался, что кому-то такое масштабное мероприятие оказалось по плечу.

Но если подумать, в этом есть и мой вклад. Я очень гордился тем, что организаторы выбрали икснет для информационной поддержки концерта.

На следующее утро я чувствовал себя, как зомби. Мы с Энджи болтали — скорее, флиртовали — до четырех утра. Хорошо, что день был субботний, и я продолжал валяться в постели, будто в коме, страдая от недосыпа и жуткого похмелья, так что с трудом мог связать вместе две мысли.

К полудню я заставил себя подняться и выползти на свежий воздух. Меня сразу потянуло к моему знакомому турку выпить живительного кофе. В последнее время, если со мной никого не было, я постоянно наведывался к нему в магазин, как в закрытый клуб.

По дороге я увидел множество недавно нарисованных граффити. Мне нравились граффити Мишн-дистрикта, часто представляющие собой

огромные, яркие панно или ироничные трафаретные рисунки студентов художественного колледжа. Мне нравилось также, что наши районные тагеры не сложили руки и продолжают делать свое дело под носом у ДНБ. На мой взгляд, это тоже своего рода икснет, канал общения и обмена информацией со своими заморочками, типа где достать краску, как не попасть под камеру наблюдения и прочими. Я обратил внимание, что объективы некоторых камер залиты краской из баллончиков.

А может, этим тоже занимаются икснетовцы?

На стене, огораживающей территорию автомастерской, кто-то вывел десятифутовыми потекшими буквами: НЕ ВЕРЬ НИКОМУ СТАРШЕ 25.

Я даже остановился. Неужели один участников вчерашней тусовки явился сюда с банкой краски? Многие из них действительно проживали поблизости от этого места.

Выпив кофе, я немного побродил по городу. Меня так и подмывало позвонить кому-нибудь. Раньше я всегда названивал друзьям от субботнего безделья, спрашивал, не нужен ли какой фильмец или еще чего. Но чей номер мне набрать сегодня? Ван со мной не разговаривает, с Джолу я

сам, пожалуй, пока не готов общаться, а Даррел…

Позвонить Даррелу у меня нет возможности.

Приняв еще одну дозу турецкого кофе, я вернулся домой и порыскал немного по икснетовским блогам. Их было множество и почти все анонимные. Выйти через них на автора можно разве что, если он сам — нарочно или по глупости — укажет свое имя и адрес. Большинство блогов вообще не касались политики, однако на многих авторы говорили о своих школах, о творящихся в них несправедливостях, о действиях полиции, о граффити.

Оказалось, что информация о предстоящем концерте в парке Долорес уже с месяц кочует с блога на блог, но я каким-то чудом ухитрился ее не заметить. Фактически в икснете уже сформировалось целое движение под лозунгом «НЕ ВЕРЬ НИКОМУ СТАРШЕ 25».

Теперь понятно, откуда подцепила его Энджи. Хороший лозунг.

Утро понедельника. Мне захотелось опять пройти мимо того магазинчика анархистской литературы и, может быть, купить плакат Эммы Гольдман. На память.

По дороге в школу я свернул на Шестнадцатую и Мишн, дошагал до Валенсии и перешел на дру-

гую сторону улицы. Магазин еще не открылся, но я хотя бы запомнил часы работы и убедился, что плакат на месте.

Продолжив свой путь по улице Валенсии, я только диву давался, как часто попадается на глаза «НЕ ВЕРЬ НИКОМУ СТАРШЕ 25». Процентов пятьдесят магазинов выставили на витринах товары с начертанным на них «НЕ ВЕРЬ…» — баульчики для школьных завтраков, пупсовые распашонки, пеналы для карандашей, бейсболки. Еще бы, торговцы чутко реагируют на спрос, становятся все оборотистей, приноравливаются к тому, что каждые день-два в Интернете появляются все новые фишки, и выбрасывают на прилавки подогнанные под них шмотки и прочее барахло. Предположим, в понедельник вы находите в своем почтовом ящике ссылку на видеоролик, в котором потешный человечек взлетает с помощью заплечного реактивного двигателя на газированной воде, а во вторник уже можете приобрести футболки с напечатанными на них кадрами из этого клипа.

Но увидеть в магазинах икснетовскую информацию было просто удивительно. Теперь даже на фирменных, искусственно заношенных джинсах с заплатами красовался вышитый лозунг «НЕ

ВЕРЬ НИКОМУ СТАРШЕ 25», стилизованный под надпись шариковой ручкой.

Добрые вести не лежат на месте.

Войдя в класс, где мисс Галвез предстояло провести с нами урок обществоведения, я сразу увидел на доске все тот же лозунг. Мы сидели за партами, с улыбками поглядывая на доску. Нас всех ободряло и воодушевляло чувство, что мы можем доверять друг другу и понимаем, кто наш общий враг. Наверное, это чувство не вполне отражало действительность, но и полной выдумкой не было тоже.

Пришла мисс Галвез, поправила одной рукой волосы, положила на стол и включила свой скулбук. Потом взяла кусочек мела и повернулась к доске. Все засмеялись. Без подначки, по-доброму, но засмеялись.

Мисс Галвез обернулась. Она тоже смеялась.

— Похоже, у нас в городе эпидемия лозунгов. А кто из вас знает, откуда взялась эта фраза?

Мы переглянулись.

— От хиппи? — предположил кто-то, и все опять засмеялись. В любой части Сан-Франциско можно встретить хиппи — от шмалящих марихуановые косячки старомодных, с огромными, стремными бородами и в радужно расцвеченных

прикидах, до нового типа, попрезентабельнее и, наверное, больше склонных поиграть в футбэг, чем протестовать.

— Верно, от хиппи. Но в наши дни, когда заходит речь о хиппи, чаще говорят об их одежде и музыке, хотя это лишь второстепенные черты эпохи шестидесятых годов с ее важными общественными процессами. Вы, конечно, слышали о движении за равные гражданские права и отмену расовой сегрегации. Белые и чернокожие подростки, ваши ровесники, ехали автобусами в южные штаты, где черные составляют большинство избирателей, и участвовали в организации акций протеста против официальной политики государственного расизма. Многие известные борцы за гражданские права родились и выросли в Калифорнии. Мы всегда выделялись повышенной политической активностью по сравнению с остальным населением США, и в нашем штате чернокожие рабочие первыми смогли вступить в профсоюзы вместе с белыми и получили равные с ними права на рынке труда. Так что черным у нас жилось получше, чем их братьям на юге.

Мисс Галвез помолчала немного, как будто что-то вспоминая, и продолжила:

— В движении «Наездники свободы» всегда

участвовали студенты из Беркли. Набор добровольцев для отправки на юг производился за информационными столами, установленными в университетском кампусе на Банкрофт-энд-Телеграф-авеню. Кто-то из вас, вероятно, обратил внимание, что те столы сохранились по сей день. Руководство университета пыталось воспрепятствовать этой практике. Президент запретил политическую деятельность на территории кампуса, но юные борцы за гражданские права продолжали действовать, несмотря ни на что. Полиция пыталась арестовать студента, который за одним из информационных столов раздавал агитационную литературу. Они затолкали его в полицейский фургон, однако машину тут же окружила толпа в три тысячи студентов и не выпустила ее из осады. Полиции пришлось отпустить задержанного, а студенты с крыши фургона произносили речи в защиту Первой поправки к Конституции и свободы слова.

В классе царила мертвая тишина, а мисс Галвез продолжала свой рассказ:

— Это событие послужило толчком для активизации движения за свободу слова и положило начало новым молодежным субкультурам, от хиппи до более радикальных студенческих

организаций. Появились также группировки, проповедующие «блэк пауэр», среди них — знаменитые «Черные пантеры», а потом и «Розовые пантеры» и другие объединения, защищающие права сексуальных меньшинств; радикальные женские организации и даже движение «сепаратистских лесбиянок» за полную отмену мужского пола как такового! И, конечно, йиппи. Кто-нибудь из вас слышал о йиппи?

— Это не те ли, что подняли в воздух Пентагон? — спросил я, припомнив виденный мной документальный фильм.

Мисс Галвез засмеялась.

— Я совсем забыла о той истории, но ты прав, это были они. Йиппи — своеобразные хиппи от политики, только не такие серьезные, как мы с вами привыкли думать о современных политических деятелях. Они много озорничали — прикалывались. Швырялись деньгами на торгах нью-йоркской фондовой биржи. Собирали сотни протестующих демонстрантов в кольцо вокруг Пентагона, и те хором произносили магическое заклинание, которое якобы должно было поднять огромное здание в воздух. Еще йиппи изобрели мнимую разновидность ЛСД, которую можно распылять на окружающих, стреляли ею

друг в друга из игрушечных водяных пистолетов и симулировали наркотическое опьянение. Они были великими режиссерами, и организованные ими политические акции становились блокбастерами телевизионных новостей. Один йиппи, клоун под псевдонимом Уэйви-Грэйви, нарядил сотни демонстрантов в костюмы Санта-Клауса, и тогда вечером перед ошеломленными телезрителями появились удручающие кадры того, как полиция хватает и волочет по асфальту добрых сказочных стариков. Очень многих действия полиции возмутили и заставили протестовать.

Мисс Галвез рассказывала так, словно сама принимала участие в тех событиях. Впрочем, может, и действительно принимала, хотя с виду по ней этого и не скажешь.

— Звездный час йиппи настал в 1968 году во время проведения в Чикаго национального съезда демократической партии США. Они воспользовались этим событием, чтобы организовать массовые протесты против войны во Вьетнаме. Город заполнили тысячи демонстрантов, которые ночевали в парках, а днем пикетировали здание, где проходила конвенция. В тот год йиппи придумали и осуществили множество эксцентричных пропагандистских

трюков — например, в противовес официальным кандидатам на пост президента они выдвинули своего претендента — поросенка по кличке Пигас. На улицах Чикаго происходили потасовки между полицией и демонстрантами, что само по себе давно перестало быть редкостью. Только чикагским копам не хватило сообразительности не трогать репортеров. После избиения полицейскими дубинками журналисты отплатили за обиду тем, что наконец-то откровенно поведали всей стране о зверствах, чинимых в отношении протестующих. Американцы с ужасом смотрели телевизионные репортажи о том, как их детей безжалостно лупят чикагские полисмены. Жестокие разгоны демонстраций прозвали тогда «полицейскими погромами».

В том документальном фильме ничего не говорилось об избиении журналистов и полицейских погромах, но я безоговорочно верил рассказу мисс Галвез.

— В ту пору йиппи любили повторять: «Не верь никому старше тридцати». В этом была доля истины. Людям, чье детство и юность совпали с периодом противоборства с нацистами и прочими врагами, не дано постичь, что в отказе воевать против Вьетнама выражается любовь к

родине. Йиппи считали, что человек, перешагнувший через тридцатилетний возраст, уже не способен изменить свое восприятие мира и понять, почему тогдашние мальчишки и девчонки пропадают на улицах, бросают школу, садятся на иглу. Сан-Франциско находился в эпицентре тех бурных событий. Здесь зародились революционные армии. Некоторые из них взрывали здания и грабили банки под знаменем борьбы за правое дело. Кто-то из тех ребят подрос и стал более или менее нормальным гражданином, другие очутились за решеткой. У третьих судьба сложилась просто невероятно. К примеру, университетские недоучки Стив Джобс и Стив Возняк основали компанию «Эппл-Компьютерс» и изобрели персональный компьютер…

Я реально проникся рассказом мисс Галвез. Кое-что из него мне, конечно, уже было известно, но я никогда не слышал, чтобы об этом говорили так, как наша учительница обществоведения. А может, прежде это не имело для меня такого значения, как сейчас? Мне вдруг подумалось, что уличные демонстранты, которых я привык воспринимать несчастными, угрюмыми и старыми, не такие уж и несчастные. И как знать, возможно, в икснетовском движении тоже найдется место

для подобных акций?

Я поднял руку.

— Они победили? Йиппи победили?

Мисс Галвез несколько секунд молча смотрела на меня, о чем-то размышляя. В классе царила мертвая тишина. Всем хотелось услышать ответ.

— Они не проиграли. Но постепенно как бы сами развалились изнутри. Некоторые угодили в тюрьму из-за наркотиков. Другие сменили пластинку, переквалифицировались в йуппи и стали читать лекции в университетах о том, какого дурака сваляли они в молодости и как хорошо и правильно быть жадным. И все же им удалось изменить мир к лучшему. Кончилась война во Вьетнаме, и вышли из моды соглашательство и безоговорочное повиновение властям, на которые привыкли навешивать ярлык патриотизма. Небывалых успехов добились защитники прав черных, женщин и гомосексуалистов. Благодаря йиппи зародились и окрепли движения за права чикано, инвалидов и в целом традиции гражданских свобод в обществе. И сегодняшнее движение протеста — прямой отголосок той борьбы.

— Я просто ушам своим не верю, — раздался вдруг голос Чарльза. Он так далеко откинулся на спинку стула, что уже почти лежал, а его ху-

дощавое лицо с острыми чертами покрылось красными пятнами. От волнения он еще больше вытаращил свои влажные, выпуклые глаза и выпятил толстые губы, отчего стал похож на рыбину, выброшенную из воды.

Лицо мисс Галвез заметно посуровело, и она произнесла:

— Продолжай, Чарльз!

— Вы только что очень благожелательным тоном говорили о террористах. О самых настоящих террористах, которые взрывали здания, пытались сорвать торги на фондовой бирже, дрались с копами и мешали им аресту правонарушителей. Да ведь они напали на нас!

Мисс Галвез медленно кивала. Очевидно, она прикидывала, как бы охладить Чарльза, который перегрелся так, что вот-вот лопнет.

— Чарльз затронул интересный вопрос. Йиппи были американскими гражданами, а не иностранными агентами. Прежде чем говорить: «они напали на нас», тебе стоило бы разобраться, кто есть «они» и кто «мы». Если твои соотечественники…

— К черту таких соотечественников! — выкрикнул Чарльз и вскочил на ноги. — Мы тогда вели войну! А эти козлы помогали нашим врагам!

Мне очень легко сказать, кто мы, а кто они: те, кто поддерживает Америку, — это мы. А если вы поддерживаете тех, кто стреляет в американцев, значит, вы с ними!

— Кто еще хочет высказаться на эту тему?

В воздух взметнулось несколько рук. Мисс Галвез вызывала всех по очереди. По мнению нескольких ребят, вьетнамцы стреляли в американцев потому, что те прилетели во Вьетнам и начали с оружием бегать по их джунглям. Другие считали, что Чарльз прав — если ты американский гражданин, то не должен нарушать законы.

Каждый выступающий говорил спокойно, стараясь обосновать свою точку зрения, и только Чарльз не переставал с места орать на всех и перебивать, если ему что-то не нравилось. Мисс Галвез пару раз пыталась уговорить его дождаться своей очереди, но он и слушать не хотел.

Я тем временем раскрыл свой скулбук и принялся лихорадочно искать кое-что, прочитанное мной не так давно.

И нашел. Встал. Мисс Галвез выжидательно посмотрела на меня. Весь класс проследил за ее взглядом и затих. Даже Чарльз не выдержал и обернулся, уставясь на меня выпученными, горящими ненавистью глазами.

— Я только хочу зачитать небольшую цитату: «Правительство осуществляет свою власть с согласия тех, кем оно управляет. Если форма правления становится гибельной для цели самого своего существования, народ имеет право изменить или отменить ее, учредить новое правительство, основанное на этих принципах, и установить власть в такой форме, какая, по его мнению, лучше обеспечит его безопасность и благоденствие».

Глава 12

Мисс Галвез широко улыбалась.

— Кто знает, откуда эта цитата?

Сразу несколько человек ответили хором:

— Из Декларации независимости.

Я утвердительно кивнул.

— Маркус, почему ты решил зачитать нам этот отрывок?

— Потому что, как мне кажется, эти слова основателей нашей страны означают, что правительство должно существовать до тех пор, пока мы видим, что оно работает на нас, а когда оно теряет наше доверие, его надо свергнуть. Там ведь именно это сказано, верно?

Чарльз несогласно помотал головой и возразил:

— Это сказано сотни лет тому назад. Тогда все было иначе.

— Что было иначе?

— Ну, во-первых, у нас больше нет короля. Они тогда заговорили о правительстве потому, что прапрапрапрадед какого-то старого придурка решил, что Бог поставил его у власти, а тех, кто

с ним не согласился, просто прикончил. Наше правительство сформировано в результате демократических выборов.

— Я за него не голосовал, — вставил я.

— И это дает тебе право взорвать здание?

— А кто говорит о том, что надо что-то взрывать? Йиппи, хиппи и все те люди считали, что правительство больше не желает их слушать. Достаточно посмотреть, как обошлись с теми, кто агитировал избирателей на юге. Их избивали, арестовывали…

— И даже убивали, — добавила мисс Галвез, потом подняла обе руки, указывая Чарльзу и мне сесть на место. — У нас почти не осталось времени, и я хочу поблагодарить вас всех за один из самых интересных уроков, какие были в моей практике. Я выслушала великолепную дискуссию и многое узнала от вас. Надеюсь, вы тоже почерпнули для себя немало полезного. Еще раз спасибо за активное участие в обсуждении.

— Для тех, кому интересно, у меня есть задание повышенной сложности. Предлагаю вам изложить на бумаге сравнительное исследование антивоенного и правозащитного движения шестидесятых и нынешних гражданских и политических акций в ответ на «войну против

террора» в Сан-Франциско. Максимальный объем не ограничен, но не меньше трех страниц. Любопытно, что у вас получится.

Через мгновение прозвучал звонок, и все вышли из класса. Я задержался и подождал, когда мисс Галвез обратит на меня внимание.

— Да, Маркус.

— Это было потрясающе, — сказал я. — В первый раз слышу столько интересного о шестидесятых.

— Семидесятые не менее интересные. В политически напряженные времена в Сан-Франциско скучно не бывает. Мне очень понравилась твоя цитата из Декларации независимости. Неожиданно и прямо в яблочко!

— Спасибо. Я только теперь сообразил, что до сегодняшнего урока те слова ничего для меня не значили.

— А вот это мечтают услышать все учителя, Маркус! — сказал мисс Галвез и пожала мне руку. — Мне просто не терпится прочитать, что ты напишешь в своей работе!

По дороге домой я купил плакат с Эммой Гольдман и повесил его над письменным столом, даже частично закрыв им мой самый любимый постер, излучающий невидимый свет. Еще я прикупил футболку с лозунгом «НЕ ВЕРЬ...» и рисунком с

Гровером и Элмо, пинками прогоняющих с улицы Сезам взрослых Гордона и Сьюзен. Я чуть не лопнул от смеха, когда увидел эту картинку. В тот же день я узнал, что на форумах Fark, Worthl000 и B3ta состоялось уже не меньше шести конкурсов на лучший рисунок, иллюстрирующий лозунг дня, а в сети размещены сотни подобных картинок, готовых украсить любой выброшенный на продажу штампованный товар.

При виде футболки мама недоуменно подняла брови, а папа покачал головой и посоветовал мне не нарываться на неприятности. Выслушивая его нотации, я испытывал злорадное чувство.

Энджи разыскала меня в икснете, и мы опять допоздна чатились. Прервались лишь, когда у меня под окнами снова появился белый фургон с антеннами, а после его исчезновения я снова включил иксбокс. Мы уже привыкли так делать.

Энджи реально тащилась от предстоящего концерта. Судя по всему, тусовка намечалась колоссальная. Список групп был такой длинный, что поговаривали о возведении второй сцены для дополнительных выступлений.

> Неужели им разрешат греметь в парке всю ночь? Там же вокруг сплошные

жилые дома!

> Разрешат? Да кто будет спрашивать? Какое тебе нужно разрешение для того, чтоб пописать?

> У них нет разрешения? Вот это да!

> Хи-хи! Ты что же, боишься нарушить закон?

> М-да, чья бы мычала.

> Ха-ха.

И все-таки мне стало немножко не по себе от нехорошего предчувствия. То есть поймите меня правильно: я приглашаю на свидание совершенно балдежную девчонку — хотя, если быть точным, это она пригласила меня — на буйную и незаконную тусовку посреди густонаселенного района.

По крайней мере есть гарантия, что скучать не придется.

Нескучная тусовка.

Зрители начали стекаться в парк Долорес еще до наступления долгого субботнего вечера, застав там последних собачников и любителей побросать фрисби. Некоторые и сами принялись кидать друг другу фрисби или пришли со своими собаками. Никто не имел точного представления,

как будет проходить концерт, но повсюду уже маячили копы в форме и без. Те, что в гражданке, сразу узнавались по стрижкам с улицы Кастро и телосложению фермеров из Небраски, как у Прыщавого и Сопливого: приземистые парни с неухоженными прическами и подбритыми усами. Они бродили по парку с неприкаянным видом, неловко чувствуя себя в огромных шортах и просторных рубашках навыпуск, под которыми, несомненно, скрывались гирлянды полицейского снаряжения.

Днем парк Долорес очень красивый и солнечный, с пальмами, теннисными кортами, множеством холмов и горок, по которым можно бегать, и обычных деревьев, по которым можно лазить. Ночью здесь спят бродяги и бомжи — впрочем, как и в любом другом районе Сан-Франциско.

С Энджи мы договорились встретиться в магазине анархистской литературы. Естественно, по моей инициативе. Теперь-то для меня совершенно очевидно собственное желание произвести на девушку впечатление крутого парня, но в тот день я мог поклясться, что выбрал это место, поскольку оно находится рядом с парком. Когда я вошел, Энджи стояла возле полок, держа в руках книгу «К стенке, Мазэфакер».

— Очень мило, — сказал я. — И после ты этим же ртом целуешь маму?

— До сих пор твоя мама не жаловалась, — парировала Энджи. — Вообще-то эта книга о людях, похожих на йиппи, только из Нью-Йорка. Слово «мазэфакер» они использовали вместо своей фамилии, например, «Бен Мазэфакер». А фишка в том, что про них все время говорили в новостях и парились по поводу неприличной фамилии. А эти ребята издевались над журналюгами, как могли. В общем, прикольно.

Она поставила книгу обратно на полку, а я не знал, должен ли обнять Энджи. В Сан-Франциско все обнимаются при встрече и на прощание. За исключением случаев, когда не обнимаются. А иногда целуются в щеку. В общем, не поймешь ничего.

Энджи сделала все за меня — прижала к себе обеими руками, потом пригнула мою голову и крепко поцеловала в щеку, а после выдула губами на моей шее звук, какой получается, когда громко портят воздух. Я засмеялся и отпрянул.

— Хочешь буррито? — спросил я.

— Это вопрос или констатация очевидного?

— Ни то, ни другое. Это приказ.

Я купил несколько прикольных стикеров с над-

писью «ЭТОТ ТЕЛЕФОН ПРОСЛУШИВАЕТСЯ» — по размеру как раз подходящих для трубок в телефонах-автоматах, что по-прежнему стояли вдоль улиц Мишн-дистрикта — в нашем районе еще не все могли позволить себе обзавестись сотовыми.

Мы вышли из магазина на свежий вечерний воздух. Я рассказал Энджи о том, что творится в парке.

— Думаю, они наверняка уже расставили вокруг квартала с сотню своих грузовиков, — сказала Энджи. — Чтоб было, куда запихивать арестованных.

— Хм… — Я невольно огляделся по сторонам. — А я-то надеялся, ты скажешь что-нибудь вроде «да слабо им» или «руки коротки».

— Я не думаю на самом деле, что копы решатся на разгон зрителей. Идея концерта в том, чтобы создать такую ситуацию, при которой полиция будет вынуждена решать, следует ли зачислить в разряд террористов многочисленное скопление обычных гражданских лиц. Это примерно то же, что джамить, только вместо клонеров — музыка. Ты сам-то джамишь?

Иногда у меня вылетает из головы, что для моих друзей Маркус и M1k3y — не одно и то же лицо.

— Да, немного, — ответил я.

— Ну, так это как джамить при помощи совершенно отпадных рок-групп!

— Понятно.

Мишнские буррито — это целая традиция. Они дешевые, огромные и вкуснющие. Представьте себе гильзу для базуки, свернутую из кукурузной тортильи и наполненную острой начинкой из жареного мяса, гуакамоле, сальсы, помидоров, пережаренной фасоли, риса, лука и силантро. Мишнские буррито имеют такое же отношение к тем, что готовят в «Тако-Белл», как настоящий «ламборджини» к его игрушечной модели.

В Мишн-дистрикт есть примерно двести точек, где готовят буррито. Всем им присущ мужественно некрасивый интерьер, неудобные стулья, более чем скромный декор — выцветшие рекламные плакаты мексиканских туристических агентств, голографические изображения Христа и Девы Марии в рамках с электрическими лампочками — и громкая музыка мариачи. Единственное, что их различает, это экзотические добавки в начинку буррито. В самых убойных ресторанчиках в меню присутствуют мозги и язык, и хотя я никогда их не заказываю, приятно осознавать, что у меня есть такая возможность.

В том месте, куда я повел Энджи, имелись и моз-

ги, и язык, которые мы благополучно не заказали. Для меня приготовили буррито с карне асада, а для Энджи — с шинкованным куриным мясом, и обоим дали по большому стакану орчаты.

Мы сели за стол, и Энджи сразу распеленала свой буррито, а из сумки достала маленький флакон из нержавеющей стали, очень похожий на газовый баллончик с перечной смесью, применяемый для самообороны. Она нацелилась аэрозольной головкой на обнаженные внутренности буррито и опылила их тончайшим слоем маслянисто-красного налета. Когда молекулы содержимого флакончика достигли слизистой моего носа, я поперхнулся, и глаза у меня увлажнились.

— Зачем ты издеваешься над несчастным, беззащитным буррито?

Энджи посмотрела на меня со зловещей улыбкой.

— Я одержима пристрастием к острой еде, — объяснила она. — В этом распылителе — капсаициновое масло.

— Капса…

— Да, то же самое, что в баллончиках с перечной смесью. Только чуть пожиже. И гораздо вкуснее. Для лучшего понимания, считай, что это как соус

«спайси-каджун-визайн».

У меня от такого сравнения даже в глазах защипало.

— Кончай прикалываться, — сказал я. — И не вздумай это есть.

У Энджи вызывающе поползли вверх брови.

— Не учите меня жить, мальчик. Держитесь за стул и смотрите.

Она обратно запеленала буррито с таким сосредоточенным видом, с каким малолетний нарк сворачивает свой первый косяк, аккуратно подоткнула внутрь края тортильи и завернула на место обертку из фольги. Потом сняла фольгу с одного конца, поднесла ко рту начиненный взрывчаткой буррито и остановилась, выдерживая театральную паузу.

Вплоть до момента, когда Энджи впилась в буррито зубами, я не верил, что это произойдет. Еще бы, ведь, по сути, она сдобрила свой ужин веществом для нейтрализации живой силы противника в ближнем бою!

Энджи с видимым удовольствием откусила от буррито, прожевала и проглотила. Потом великодушно предложила мне:

— Хочешь попробовать?

— Хочу, — ответил я, будучи большим любите-

лем остренького. Когда я с родителями ужинаю в пакистанском ресторане, то всегда выбираю из меню карри с нарисованными рядом четырьмя стручками перца.

Отвернув подальше фольгу, я широко раскрыл рот и щедро откусил.

И тут же сильно пожалел об этом.

Вспомните, что происходит у вас во рту, когда туда попадает чрезмерная порция хрена, васаби или еще чего-нибудь подобного. Обжигающий газ термоядерного взрыва переполняет вашу черепную коробку, упирается в судорожно сжавшиеся дыхательные пути и стремится найти выход через увлажнившийся нос и слезящиеся глаза. Из ваших ушей вот-вот вырвутся струйки пара, как у мультяшного человечка.

То, что ощутил я, было много мучительнее.

Это напоминало прикосновение к раскаленной докрасна плите, но только не рукой, а какими-то внутренними поверхностями головы и пищеводом по всей его длине — до самого желудка. Мое тело целиком покрылось испариной, а попытки легких втянуть в себя хоть толику воздуха заканчивались бесконечной, выворачивающей наизнанку икотой.

Энджи без слов подала мне мою орчату, я чудом

сумел сунуть в рот соломинку и одним духом вытянул через нее половину стакана.

— Знаешь, существует система измерения, которую мы, пожиратели чили, используем для сравнения жгучести разных видов перца, — заговорила Энджи, пока я часто дышал широко раскрытым ртом и вытирал слезы с глаз. При этом она продолжала с аппетитом пережевывать свой взрывоопасный буррито. — Называется «шкала Сковилла». Чистый капсаицин, к примеру, составляет порядка пятнадцати миллионов единиц по шкале Сковилла. Табаско где-то в районе двух с половиной тысяч. Перечная смесь в баллончиках — добрых три миллиона. В моей приправе — ничтожная сотня тысяч ЕШС, что по остроте соответствует удобоваримым стручкам хабанеро. Я освоила ее примерно за год. Реальные фанаты могут осилить до полумиллиона ЕШС — в двести раз жгучее, чем табаско. Это уже пожар. При таких температурах по шкале Сковилла мозг купается в эндорфинах. Кайф покруче, чем от хэша. И здоровью не вредит.

Я уже начал приходить в себя, и дыхание почти нормализовалось.

— Хотя, конечно, на толчок садишься, как на раскаленную сковородку, — добавила Энджи и

подмигнула.

Бр-р!

— У тебя точно бзик! — произнес я свои первые слова.

— Занятно слышать это от человека, который на досуге собирает ноутбуки, а потом крушит их на мелкие кусочки и топит в океане, — парировала Энджи.

— Туше, — признал я свое поражение, вытирая рукой пот со лба.

— Хочешь еще немного? — Она протянула мне стальной флакончик.

— Нет, я пас! — Я отказался столь поспешно, что мы оба рассмеялись.

Потом мы вышли из ресторана и побрели в сторону парка Долорес. Энджи обхватила меня рукой за талию, и, как тут выяснилось, она прекрасно подходила мне по росту, чтоб было удобно обнимать ее за плечи. Для меня это стало приятным открытием. Я хоть сам и не маленький, но до сих пор девчонки, которых приглашал на свидания, попадались одного со мной роста; природа сыграла злую шутку с сильным полом, одарив его отставанием от женщин на юношеском этапе физического развития.

Мы свернули за угол на Двадцатую улицу и

приблизились к парку. С его территории доносился гул — монотонный и непрерывный, будто жужжание пчел в улье. Вместе с нами по улице шагали другие люди, а когда мы углубились в парк, я увидел, что народу там в сотни раз больше, чем было накануне моей встречи с Энджи.

От такого зрелища я реально приторчал. Отпадная ночь, свежий, бодрящий воздух, а впереди — балдежная тусовка, на которой нам предстояло отрываться по полной до самого утра. «Ешь, пей, веселись, ибо завтра умрем».

Будто сговорившись, мы с Энджи затрусили легкой рысцой. Я видел вокруг много копов, на их лицах застыло напряженное выражение, но какого черта они могут сделать? Народу в парке набралось *немерено.* То есть мне на самом деле слабо прикинуть численность толпы, но в газетах потом писали, что, по оценке организаторов, на концерт пришли двадцать тысяч человек; по данным полиции — пять тысяч. Наверное, правда находится, как всегда, где-то посередине.

Не суть важно. Так или иначе, я впервые в жизни участвовал в таком многочисленном, незапланированном, неразрешенном, *незаконном* сборище.

Скоро мы очутились в самой гуще. Не стану

клясться, но, по-моему, в этой давке не было ни одного человека старше двадцати пяти и уж точно ни одного лица без улыбки. Здесь тусовались даже пацаны лет по десять-двенадцать. При виде них у меня на душе стало совсем хорошо: вряд ли кто-то затеет разборки, когда в толпе присутствуют малолетки. Никому не захочется даже случайно причинить вред детям. Это будет просто великолепная, весенняя, праздничная ночь.

Я решил протиснуться поближе к теннисным кортам, и мы с Энджи взялись за руки, чтоб не потеряться в толпе. Но чтоб не потеряться, нам было не обязательно переплетать наши пальцы. Мы сделали это исключительно ради кайфа. И мы оба кайфовали выше крыши.

Рок-группы уже расположились на теннисных кортах со своими гитарами, микшерами, клавишами и даже одной ударной установкой. Позже в икснете я наткнулся на снимки, сделанные мобильником, на которых видно, как музыканты скрытно, по частям проносят в парк аппаратуру в спортивных сумках и под одеждой. Им удалось установить самые большие колонки из тех, что продаются в автосалонах, а между ними я разглядел… целую батарею автомобильных аккумуляторов! Я даже засмеялся. Гениально

придумано! Именно так они обеспечат энергией свою аппаратуру. Я стоял достаточно близко, чтобы узнать батареи с «прайеса», модели гибридной тачки. Чей-то экомобиль лишился внутренностей ради сегодняшнего ночного концерта. Аккумуляторы стояли и за пределами кортов вплотную к ограде из металлической сетки. Через ячейки к основному штабелю тянулись электрические провода. Я насчитал сотни две аккумуляторов. Да они весят с тонну, черт возьми!

Организовать такое без электронной почты, сайтов, форумов и списков рассылок просто невозможно! И организаторы не идиоты, чтобы светиться в открытом Интернете. Ставлю свои последние калоши — они контачили между собой через икснет!

Пока музыканты переговаривались и настраивали инструменты, мы с Энджи шныряли в толпе, стараясь побывать в разных местах. Я увидел издалека Труди Ду. На теннисном корте она выглядела так, будто готовилась к схватке в профессиональной женской борьбе. На ней была мужская майка, армейские камуфляжные штаны и громадные сапоги с блестящими стальными носами; волосы завиты в розовые дреды, ниспадающие до пояса сверкающим каскадом. На моих

глазах Труди с видимым усилием подняла и надела на себя затертую, как бейсбольная перчатка, и тяжелую, как бронежилет, байкерскую куртку. Может, это и был бронежилет.

Я принялся махать ей, наверное, чтоб произвести впечатление на Энджи, но Труди, естественно, не увидела. До меня дошло, что я веду себя по-идиотски, и я перестал махать. От толпы исходила потрясающая энергетика. То и дело слышишь, как говорят «аура», «энергетика» в связи с большими скоплениями людей, и только ощутив их воздействие на себе, понимаешь, что это не просто образные выражения.

Это реальность. Она проявляется в открытых, искренних улыбках на каждом лице. В том, что все вокруг пританцовывают под общий неслышный ритм, поводят плечами, покачивают бедрами. В походках вразвалочку. В шутках, смехе. Во взволнованных, наполненных ожиданием голосах, будто в предвкушении вот-вот готового начаться фейерверка. И вам некуда и незачем прятаться от этой праздничной наэлектризованности, потому что вы — часть ее.

К моменту, когда взорвался музыкальный салют, я уже чувствовал себя совершенно забалдевшим от этой коллективной ауры. Концерт

открыла сербская группа, исполняющая что-то типа турбофолка, и я никак не мог сообразить, как под него двигаться. Вообще в моем танцевальном репертуаре два типа музыки: транс (переминайся с ноги на ногу под мелодию в обнимку с партнершей) и панк (размахивай кулаками и тряси головой, пока не выдохнешься или не повредишься, или то и другое вместе). После сербов выступили оклендские хип-хоперы, которым подыгрывала группа трэш-метала (звучит это лучше, чем может показаться на первый взгляд). Потом на сцену вышла подростковая поп-группа, а за ними появились «Спидхорс», и микрофон взяла Труди Ду.

— Меня зовут Труди Ду, мне тридцать два, и вы идиоты, если верите мне. Для меня все кончено. Я отстала, погрязла в устаревшем образе мышления. Я привыкла думать, что свобода мне гарантирована, и не замечаю, как чужие люди отнимают ее у меня. Вы — первое поколение, подрастающее в американском гулаге, и только вы можете подсчитать до последнего долбаного цента, чего стоит ваша свобода!

Толпа восторженно заревела. Труди сыграла на своей гитаре несколько быстрых, заводящих аккордов, и сразу вслед за ними с тяжелым, за-

бойным ритмом вступила бас-гитара в руках здоровенной, толстой девахи, обутой в сапоги еще громаднее, чем у Труди, с лесбийской прической и обнаженными в улыбке зубами, которыми можно было запросто откупоривать пробки с пивных бутылок. Мне захотелось прыгать. И я принялся прыгать на месте. Энджи прыгала рядом со мной. Пот катил с нас градом. Запах пота и дымка марихуаны быстро пропитал вечерний воздух. Вокруг нас толкались разгоряченные тела. Они тоже прыгали.

— Не верь никому старше двадцати пяти! — выкрикнула Труди.

Тысячи глоток как одна издали звериный рев.

— Не верь никому старше двадцати пяти!

— *Не верь никому старше двадцати пяти!*

— Не верь никому старше двадцати пяти!

— *Не верь никому старше двадцати пяти!*

— Не верь никому старше двадцати пяти!

— *Не верь никому старше двадцати пяти!*

Она несколько раз ударила по струнам, извлекая густые, тяжелые аккорды, которые тут же подхватила соло-гитаристка, крошечная Дюймовочка с исколотым пирсингом лицом, рассыпая пронзительные рулады с основания грифа выше двенадцатого колка.

— Это наш город, черт их всех подери! Это наша страна! И никаким террористам не лишить нас ее, пока мы свободны! Потерял свободу — потерял родину! Так верни себе свободу! Верни себе свободу! Вы слишком молоды и слишком наивны, поэтому никогда не поймете, что вам их не победить, а значит, только вы и можете привести нас к победе! *Верни себе свободу!*

— СВОБОДУ! — завопила толпа. Труди ударила по струнам, все хором взревели в унисон, и у нас это получилось РЕАЛЬНО ГРОМКО!

Я отплясывал, пока больше не осталось сил сделать лишний шаг. Все это время Энджи танцевала рядом со мной. Мы реально несколько часов терлись друг о друга разгорячёнными, взмокшими телами, но при этом — верите? — я совершенно не испытывал сексуального влечения. Мы просто танцевали, погруженные в музыку, в годбит, в трэш-метал, и орали: «СВОБОДУ! СВОБОДУ! СВОБОДУ!»

Остановившись, я взял Энджи за руку, а она вцепилась в мою так, словно в ней было единственное спасение от кувырка с крыши небоскреба, и потащила меня прочь из толпы, которая редела и успокаивалась по мере удаления от теннисных кортов. Там, у края парка Долорес, наши

вспотевшие тела сразу остыли на прохладном воздухе, и нас затрясло. Энджи прижалась ко мне, обняв обеими руками, и потребовала:

— Согрей меня! — Мне дважды повторять не надо; я тоже обнял ее и почувствовал, как бьется сердце у нее в груди в такт ритму, звучащему на сцене — на этот раз быстрому, яростному, бессловесному брейку.

Я балдел, вдыхая пряный запах ее пота, и догадывался, что тоже благоухаю не парфюмом. Мой нос уткнулся ей в макушку, а Энджи упиралась виском мне в ключицу. Вот ее руки переместились выше и потянули меня за шею.

— Пригнись, я не захватила с собой лестницу, — сказала Энджи, и я попытался улыбнуться, но это непросто сделать, когда целуешься.

Я уже говорил, что за всю свою жизнь целовался с тремя девчонками. Для двух это был первый опыт. Третья бегала на свидания с двенадцатилетнего возраста. У нее тоже имелись отклонения от среднестатистической гистограммы частотности.

Ни одна из тех девчонок не целовалась так, как Энджи. Ее рот стал мягким и сочным, будто спелая фруктовая мякоть; ее язык не залез ко мне в рот, а проскользнул; ее губы не уперлись

в мои, а словно заволокли влажной оболочкой. Вот, наверное, что имеют в виду, когда говорят «их уста *слились* в поцелуе». Неожиданно для себя я застонал, а руки сами крепко обхватили и прижали ко мне тело Энджи.

Медленно, осторожно мы опустились на траву и легли на бок, не выпуская друг друга из объятий и не прерывая поцелуя. Весь мир для нас сосредоточился в этом поцелуе.

Моя ладонь гладила ее по ягодицам, спине, заползла под футболку и нашла теплый живот, мягкую вмятинку пупка. Поползла выше. Теперь стон вырвался у Энджи.

— Не здесь, — произнесла она сдавленным голосом. — Пошли вон туда, — и показала на большую белую церковь Мишн-Долорес на другой стороне улицы, давшую название и парку, и нашему району. Держась за руки, мы быстро пересекли улицу. Перед входом в церковь стояли большие колонны. Энджи прислонила меня спиной к одной из них и опять притянула к себе за шею. Мои руки быстро и уверенно вернулись к ней под футболку, скользнули к ее груди.

— Расстегни там, на спине, — шепнула Энджи мне в рот. Моим членом можно было царапать стекло. Я просунул обе руки ей за спину — прямую

и мускулистую — и непослушными пальцами нащупал крючок лифчика. Пока возился с ним, у меня в голове промелькнули все известные мне похабные анекдоты на тему неумения расстегивать бюстгальтер. Со своими способностями я мог бы стать их главным героем. Наконец крючок разошелся; Энджи коротко выдохнула. Мои ладони переползли с ее спины через влажные подмышки — и это не было неприятно, а, наоборот, естественно и сексуально — и остановились на округлых и податливых внешних краях грудей.

Душераздирающе грянули сирены.

Мне никогда в жизни не доводилось слышать такого оглушительного воя. Он будто бил по голове, стараясь повалить с ног. Запредельно громкий звук для человеческого слуха.

— НЕМЕДЛЕННО РАЗОЙДИТЕСЬ! — громоподобно разнеслось из ниоткуда, словно глас божий.

— ЭТО НЕЗАКОННОЕ МЕРОПРИЯТИЕ. НЕМЕДЛЕННО РАЗОЙДИТЕСЬ!

Музыка прекратилась. Гул голосов в парке приобрел иной оттенок. Испуганный. Возмущенный.

Из автомобильных динамиков на теннисных кортах раздался громкий щелчок, означающий включение системы оповещения, питаемой энер-

гией аккумуляторных батарей.

— ВЕРНИ СЕБЕ СВОБОДУ!

Одинокий голос прозвучал как дерзкий вызов, брошенный с прибрежной скалы неукротимой океанской стихии.

— СВОБОДУ!

Толпа подхватила клич звериным рыком, от которого у меня на голове зашевелились волосы.

— *СВО-БО-ДУ!* — начал скандировать тысячеголосый хор. — СВО-БО-ДУ! СВО-БО-ДУ! СВО-БО-ДУ!

Пришли в движение шеренги полицейских в шлемах с прозрачными забралами на лицах, с пластиковыми щитами перед собой. Все они были вооружены черными дубинками и приборами ночного видения, отчего смахивали на солдат из футуристического военного фильма. Шеренги делали шаг вперед и одновременно ударяли дубинками по щитам, производя сухой, трескучий звук, будто земля лопается. Еще шаг, и снова треск. Шеренги окружили весь парк и смыкались к центру.

— НЕМЕДЛЕННО РАЗОЙДИТЕСЬ! — повторил глас божий, отдаваясь эхом у меня в ушах. Над головами начали кружить вертолеты, но, правда, без прожекторов. Ах да, инфракрасная оптика! Ну конечно. У них наверху тоже есть приборы

ночного видения. Я затащил Энджи под козырек церковного портика подальше от полицейских глаз на земле и в небе.

— ВЕРНИ СЕБЕ СВОБОДУ! — провозгласили динамики на теннисных кортах. Это Труди Ду бросила свой бунтарский клич, затем сыграла несколько аккордов, за которыми последовала дробная россыпь ударных, а потом глубоко и густо вступила бас-гитара.

— СВОБОДУ! — подхватила толпа и ринулась на шеренги полицейских.

Неизвестно, доведется ли мне увидеть настоящую войну, но думаю, теперь у меня есть о ней представление — каково это, когда ошалевшие от страха пацаны бегут на вражеские цепи, зная, что их ждет, и тем не менее продолжая бежать с воплями и руганью.

— НЕМЕДЛЕННО РАЗОЙДИТЕСЬ! — в очередной раз повторил глас божий. Он доносился со стороны грузовиков, только что подъехавших и расположившихся по всему периметру парка.

И тут землю укутал туман. Он опустился сверху, с вертолетов, и мы с Энджи оказались на самом краю облака. Я почувствовал, как мою голову пронзили тысячи ледяных иголок, а сама голова будто готова была вот-вот отделиться от

туловища. Обожженные глаза начали слезиться, а дыхание перехватило судорогой, сдавившей горло.

Перечная смесь. Не сто тысяч ЕШС, а все полтора миллиона. Для разгона толпы полиция применила слезоточивый газ.

Я не видел того, что происходило в парке, но лишь отчасти слышал сквозь наши с Энджи хрипы и кашель, пока мы продолжали держать друг друга в объятиях. Рев толпы захлебнулся, все начали кашлять и выворачиваться наизнанку. Обе гитары и ударные внезапно смолкли, раздался усиленный микрофонами кашель.

Потом все закричали.

Это был панический, преисполненный боли и ужаса крик, не затихавший долгое время. Когда мое зрение восстановилось, я увидел, что от включенных вертолетных прожекторов в парке Долорес стало светло, как днем, а копы подняли на шлемы свои инфракрасные приборы. На наше счастье, их взоры были устремлены в парк, иначе при таком ярком освещении нас с Энджи обязательно заметили бы.

— Что будем делать? — произнесла Энджи тусклым голосом; у нее на лице застыло испуганное, загнанное выражение. Я сглотнул несколько раз,

собираясь с силами, чтобы заговорить.

— Ничего. Надо линять отсюда. Что еще мы можем сделать? Прикинемся, что просто гуляем. Значит, так, сейчас спокойно идем мимо Долорес, потом налево к Шестнадцатой. Мы просто гуляем. Мы к ним не имеем никакого отношения.

— Ничего не получится, — сказала Энджи.

— У нас нет выбора.

— А может, попробовать бегом?

— Нет, — твердо ответил я. — Побежим — нас стразу кинутся догонять. А если пойдем спокойно, тогда не тронут, решат, что мы тут ни при чем. У них и без того работы много. Целую толпу надо упаковать.

Весь парк был усеян телами; задыхаясь и прижимая пальцы к слезящимся глазам, по траве катались люди. Копы заковывали их в пластиковые наручники, подхватывали под мышки, волокли, как мешки, и заталкивали в грузовики.

— Ну что, пошли?

— Пошли!

Так мы и сделали — быстро зашагали, держась за руки, показывая всем своим видом, что не желаем чужих приключений на свою голову. Точно так же проходят, отворачиваясь, мимо нищего на тротуаре или уличной драки, по принципу «мое

бунгало с краю».

Наш маневр удался.

На перекрестке мы свернули за угол и поплелись дальше. Еще пару кварталов молчали, боясь поверить, что оторвались. Потом я с шумом выпустил из груди воздух и только тогда понял, что шел затаив дыхание.

Дойдя до Шестнадцатой, мы повернули к Мишн-стрит. Вообще-то в два часа субботней ночи в этом районе довольно стремно, но только не сегодня. Вокруг все те же, теперь чуть ли не родные нарки, алкаши, проститутки и пушеры. Нет ни копов с дубинками, ни слезоточивого газа.

— Фу-у! — выдохнул я, наслаждаясь прохладным ночным воздухом. — По кофе?

— Нет, — ответила Энджи. — Ничего не хочу, только домой. Кофе потом.

— Угу, — согласился я. Энджи жила в Хейес-Вэлли. Я проголосовал проезжающему мимо такси (свершилось маленькое чудо: поймать такси в Сан-Франциско почти невозможно, особенно когда нужно позарез).

— У тебя денег до дома хватит? — спросил я Энджи.

— Да, — ответила она. Водитель недовольно покосился на нас, и я открыл заднюю дверь, чтобы

он не укатил прочь.

— Спокойной ночи, — сказал я.

Энджи обхватила меня руками за шею, притянула к себе и крепко поцеловала в губы — не эротично, но как-то по-особенному интимно.

— Спокойной ночи, — шепнула она мне на ухо и легко запорхнула в такси.

Я тоже отправился домой. У меня кружилась голова, слезились глаза, а душу мою терзала совесть за то, что я бросил братьев-икснетовцев на произвол судьбы, ДНБ и полиции Сан-Франциско.

В понедельник утром вместо мисс Галвез за ее столом сидел Фред Бенсон.

— Мисс Галвез больше не будет преподавать у вас, — объявил он, когда мы расселись по местам. В его голосе звучала хорошо знакомая мне самодовольная нотка. По наитию я обернулся к Чарльзу. Тот сиял, как надраенный медный таз.

Я поднял руку.

— Почему?

— Правила учебной части запрещают обсуждать персональные дела школьных работников со всеми, кроме них самих и дисциплинарного комитета, — ответил Бенсон с видимым злорадством.

— Сегодня мы начинаем изучать новый раздел

о национальной безопасности. В ваших компьютерах уже есть новые тексты. Пожалуйста, откройте их на первой странице.

На заглавной странице красовался логотип ДНБ, а под ним значилась тема нового урока: «ЧТО ДОЛЖЕН ЗНАТЬ КАЖДЫЙ АМЕРИКАНЕЦ О НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ».

Мне захотелось грохнуть свой ноут об пол.

Я договорился с Энджи встретиться после уроков в кафешке неподалеку от ее дома. В вагоне метро мне выпало сидеть между двумя мужиками в галстуках, и оба держали перед собой номера «Сан-Франциско кроникл», раскрытые на странице, посвященной подведению «печальных итогов» ночных «бесчинств юнцов» в Мишн-Долорес парке. Мужики сокрушенно цокали языками и удивленно покачивали головами. Потом один сказал другому через меня:

— Мозги у них прополосканы, что ли? По-моему, мы в их возрасте не были такими отморозками!

Я встал и пересел на другое место.

Глава 13

— Они настоящие шлюхи! — возмущенно выпалила Энджи. — Да нет, такое сравнение оскорбительно для всех честных, трудящихся шлюх. Они… они *подстилки!*

Мы оба посмотрели на стопку газет, которые купили по пути в кафе. Все они напечатали «репортажи» о тусовке в парке Долорес, и все как одна изобразили ее оргией, устроенной пьяной, обкурившейся молодежью, которая в наркотическом умопомрачении потом напала на блюстителей порядка. «Ю-Эс-Эй Тудей» даже подсчитала убытки, нанесенные «бесчинствами» городскому бюджету, включив в них стоимость очистки парка от осадков слезоточивого газа, потерянные рабочие часы в результате резкого обострения и увеличения случаев астматических заболеваний, отчего в больничных приемных отделениях выстроились многодневные очереди; а также издержки, связанные с арестом и содержанием восьмисот «правонарушителей».

Ни одна из газет не опубликовала оценку событий прошедшей ночи с нашей стороны.

— Зато в икснете правда восторжествовала, — сказал я и стал показывать Энджи скопированные мной на мобильник блоги, видео и фото. Они представляли собой прямые свидетельства из первых рук тех, кто подвергся обработке газом и избиению полицейскими дубинками. На видео мы все танцевали, веселились, мирно произносили политические речи, скандировали «Свободу!», а Труди Ду со сцены называла нас единственным поколением, способным на борьбу за свои права.

— Надо, чтобы все люди знали об этом, — сказала Энджи.

— Угу, — безнадежно промычал я. — Держи карман шире.

— Ты думаешь, газеты никогда не напишут правду?

— Ты же сама говорила, что они шлюхи.

— Да, но шлюхи продают себя за деньги. Газеты тоже продавались бы лучше, если бы в них развернулась полемика. Сейчас они только обвиняют, а полемика заинтересует гораздо больше читателей.

— Хорошо, согласен. Тогда почему же они этого не делают? Пойми, репортеров не заставишь залезть в интернетовские блоги, и где уж им регулярно отслеживать икснет! Это вообще, надо

сказать, сеть не для взрослых.

— Согласна, — кивнула Энджи. — Но мы ведь можем исправить это положение, верно?

— Чего?

— Напиши правду и размести ее в одном месте. Это должен быть отдельный сайт, предназначенный специально для прессы, который можно открыть и сразу получить общую картину. Дай инструкции пользования икснетом. Тогда пользователи Интернета смогут зайти в икснет, при условии, что им наплевать, если об этом будет знать ДНБ.

— Думаешь, это сработает?

— Почему бы и нет? Это лучше, чем сидеть сложа руки.

— С какой стати им прислушиваться к моему мнению?

— Кто же пропустит мимо ушей мнение M1k3y?

Я опустил на стол чашку с кофе. Взял свой мобильник и сунул в карман. Встал, развернулся на каблуках и зашагал прочь из кафе. Я шел по улице куда глаза глядят, с одеревеневшим лицом, с тяжестью на сердце.

«Всем известно, кто я, — вертелось у меня в голове. — Всем известно, что я M1k3y! Все кон-

чено. Если Энджи сумела меня вычислить, то ДНБ и подавно. Я обречен. С момента, когда меня выпустили из дээнбистского грузовика, я ждал, что за мной придут, арестуют и сошлют навсегда в какую-нибудь Тмутаракань вслед за Даррелом. Все кончено».

Возле самой Маркет-стрит на меня налетела Энджи, чуть не повалив на тротуар. Она запыхалась, а ее глаза горели яростью.

— Какого черта вы себе позволяете, мистер?!

Я молча отстранился и зашагал дальше своим путем. Между нами тоже все кончено. Энджи вцепилась в меня.

— Перестань, Маркус, я ничего не понимаю! Объясни мне, наконец!

Я остановился и посмотрел на Энджи, но черты ее лица будто расплывались. Да и все предметы вокруг потеряли отчетливость. У меня вдруг возникло дикое желание броситься под проезжающий мимо троллейбус. Лучше так, чем возвращаться в дээнбистские застенки.

— Маркус! — Тут Энджи сделала то, что я не раз видел в кино. Она с размаху треснула меня по физиономии раскрытой ладонью. — Не молчи, черт тебя подери!

Я мгновенно прозрел и ошеломленно посмот-

рел на нее, держась рукой за пылающую щеку.

— Обо мне никто не знал и не должен был знать, — пробормотал я. — Чего еще тебе объяснять? Раз ты знаешь, все кончено. Знает один человек — знают все. Все кончено.

— О господи, ну прости. Послушай, я знаю только потому, что… ну, в общем, я заставила Джолу рассказать мне. После нашей тусовки в Сутро-Батс я за тобой чуть-чуть проследила — ну знаешь, убедиться, что ты действительно хороший парень, а не тайный серийный убийца. Мы с Джолу знакомы с незапамятных времен, и когда я попросила его рассказать о тебе, он рассыпался в таких комплиментах в твой адрес, будто настало второе пришествие. Однако мне было ясно, что он о чем-то недоговаривает. Я слишком давно знаю Джолу. Он и моя старшая сестра еще совсем маленькими были вместе в компьютерном лагере, и там между ними возникла совсем не детская дружба. Я знаю о Джолу такое, о чем он предпочел бы молчать. Короче, я его шантажировала, чтобы расколоть.

— И он раскололся.

— Нет. Он послал меня к черту. Тогда я рассказала ему о себе то, чего никому никогда не рассказывала.

— И что же это?

Энджи пристально посмотрела на меня, потом огляделась вокруг. Снова перевела взгляд на меня.

— Ладно. Не буду брать с тебя клятву молчания, потому что какой смысл? Либо тебе можно верить, либо нет.

— В прошлом году я… — Энджи запнулась. — В прошлом году я выкрала типовые контрольные и опубликовала их в Интернете. Просто ради прикола. Проходила мимо директорского кабинета и через раскрытую дверь увидела их в сейфе, у которого дверь тоже была нараспашку. Я прошмыгнула в кабинет, взяла один комплект — всего их было шесть — запихнула в сумку и деру. Пришла домой, отсканировала и разместила в сети через сервер Партии Пиратов в Дании.

— Так это сделала *ты?!*

Энджи покраснела.

— Н-ну… я.

— Черт возьми! — вырвалось у меня. Вот это новость! Нам в школе сказали, что на подготовку типовых контрольных «Ни один ребенок без внимания» потрачены десятки миллионов долларов, а из-за утечки расходы удвоились, поскольку пришлось все делать заново. Кражу контрольных

назвали тогда «терактом на ниве просвещения». В прессе очень долго строились всякие предположения по поводу личности похитителя и его мотивации; среди них были такие версии, как учительский протест, ученический саботаж, неудачная попытка вымогательства, месть недовольного подрядчика.

— Так, значит, это была ТЫ?

— Это была я, — смиренно подтвердила Энджи.

— И ты призналась Джолу…

— Чтобы развеять у него сомнения в моей способности сохранить его тайну. Чтобы он знал, что я знаю, что он знает обо мне такое, из-за чего меня запросто упекут за решетку. Ты мне, я тебе — quid pro quo, как в «Молчании ягнят».

— И вот тогда он раскололся.

— Нет. Не тогда.

— А когда же?

— Когда я сказала ему, что тащусь от тебя. Что из-за тебя у меня напрочь съехала крыша, и я, как дура, готова тебе отдаться. Вот тогда он раскололся.

Я стоял, глядя на носки своих кроссовок, и не находил слов. Энджи взяла меня за руки и крепко сжала сильными пальцами.

— Прости, я заставила Джолу сказать мне. Толь-

ко ты можешь решать, посвящать меня в свои дела или нет, а до тех пор я не должна…

— Погоди, — перебил я Энджи. После ее объяснения у меня на душе здорово полегчало. — Может, даже хорошо, что ты знаешь. Именно ты.

— Я, — подхватила Энджи. — Именно я.

— Ладно, это не самое страшное. Хуже другое.

— Что еще?

— Пусть это будет звучать по-дурацки, но я все равно скажу, потому что это важно. Люди, которые встречаются — ну, то есть между которыми складываются близкие отношения, как у нас с тобой, — вот, они иногда перестают встречаться. А когда они перестают встречаться, то начинают злиться друг на друга. И даже ненавидеть. Сейчас просто страшно подумать, что такое может случиться с нами, но в нашей ситуации думать надо.

— Я торжественно клянусь, что никогда не выдам твоей тайны, какую бы гадость ты мне ни подложил, — сказала Энджи. — Никогда. Даже если оттрахаешь с десяток девок у меня в постели на глазах моей матери. Даже если принудишь меня слушать Бритни Спирс. Даже если раздолбаешь мой ноутбук здоровенной кувалдой и утопишь его в море. Клянусь — ни за что и никогда.

У меня вырвался вздох облегчения.

— Хм, — произнес я с посветлевшей душой.

— А теперь тебе самое время поцеловать меня, — сказала Энджи и, запрокинув голову, подставила мне губы.

* * *

Итак, M1k3y задумал очередной грандиозный икснетовский проект — обобщить и опубликовать всю правдивую информацию о том, что произошло в парке Долорес во время тусовки «НЕ ВЕРЬ НИКОМУ СТАРШЕ 25». Я сварганил величайший, потряснейший сайт, вложив в него все мое старание и умение, с разделами, воспроизводящими поэтапную хронологию событий в разбивке по местоположению и категории действий — выступление, танцы, полицейское насилие и его последствия. Я слил на сайт полностью весь концерт.

На эту работу у меня ушел остаток вечера. И завтрашний вечер. И послезавтрашний.

На почтовый адрес M1k3y хлынул поток предложений и идей. Зрители концерта в парке Долорес слали мне снимки со своих телефонов и фотоаппаратов. Я также получил электронное письмо, подписанное знакомым мне именем — Доктор

Злооо (с тремя «о»), принадлежащим одному из главных специалистов по операционной системе «параноид-линукс».

> M1k3y

> С большим интересом наблюдаю за ходом вашего эксперимента с икснетом. Здесь, в Германии, мы научены горьким опытом относительно того, что происходит, когда правительство выходит из-под контроля.

> Вам следует учитывать одну важную особенность — у каждой фотокамеры есть свой уникальный «шумовой почерк», который в принципе может быть использован для идентификации камеры по сделанному ею снимку. То есть фотографии, воспроизводимые на вашем сайте, потенциально послужат вещественными доказательствами, уличающими их авторов, если полиция каким-то образом до них доберется.

> К счастью, подчистить шумовой почерк достаточно просто, стоит только захотеть. Это делается с помощью утилиты из дистрибутива «параноид-линукс»,

которым вы пользуетесь. Она называется «фотоним» и находится в директории /usr/bin. Почитайте страницы инструкции, касающиеся работы с документацией, и поймете, что процедура не слишком сложная.

> Желаю удачи во всех ваших начинаниях. Не попадайтесь. Оставайтесь свободным. Оставайтесь с «параноид».

> Доктор Злооо.

Я стер «отпечатки пальцев» с фотографий, размещенных на сайте, вернул их на место и добавил примечание с рекомендацией Доктора Злооо, посоветовав икснетовцам поступать таким образом. Мы все пользовались примерно одинаковой базовой системой «параноид-иксбокс», поэтому каждый мог сам сделать свои снимки анонимными. Конечно, в отношений тех фото, что успели скачать с моего сайта дээнбисты, уже ничего не поделаешь, но отныне мы будем умнее.

Вот и все, чем были заняты мои голова и руки вечером накануне следующего утра, когда я спустился к завтраку, и мама включила радио к началу новостей на Эн-пи-ар:

«Арабское информационное агентство Аль-Джазира передает фото- и видеоматериалы, а

также цитирует свидетельства очевидцев беспорядков, устроенных молодежью в минувшие выходные в парке Мишн-Долорес», — объявил диктор в тот момент, когда я приложился к стакану апельсинового сока. Мне удалось не распрыскать сок изо рта по всей комнате, хоть я и поперхнулся.

«Корреспонденты Аль-Джазиры утверждают, что эти свидетельства опубликованы в так называемом икснете, подпольной коммуникационной сети, используемой студентами и подростками, проживающими в зоне залива и симпатизирующими „Аль-Каиде“. До сих пор сведения о существовании этой сети ограничивались слухами, и сегодня они впервые подтверждаются средствами массовой информации…»

Мама сокрушенно покачала головой.

— Только этого нам не хватало. Полиция и так зверствует, а если теперь еще эти подростки затеют игры в партизан, у властей появится предлог накрепко затянуть все гайки.

«На икснетовских блогах размещены сотни голосовых и мультимедийных файлов со свидетельствами молодых людей, участвовавших в беспорядках и утверждающих, что их собрание носило мирный характер до тех пор, пока поли-

ция *сама* не напала на них. Вот одно из таких свидетельств:

— Мы танцевали, вот и все. Я привел с собой младшего брата. Играла музыка, мы говорили о свободе, о том, что мы теряем ее, потому что эти придурки на словах борются против террористов, а нападают на нас, хотя мы не террористы, мы американцы. Я считаю, что они ненавидят свободу, а не террористов… Ну вот, мы танцевали, играла музыка, тихо-мирно, все путем, а копы начали орать, чтобы мы разошлись. Мы тоже завопили: „Свободу!“ В смысле, мы должны вернуть Америке свободу. Копы стали распылять слезоточивый газ. Моему брату только двенадцать лет. Он пропустил три дня школы. Родители говорят, что это я виноват, ну не бараны ли? Я, что ли, его газом травил? Мы платим налоги, чтоб полиция нас защищала, а она травит нас газом ни за что ни про что. Как будто они на войне, а мы — вражеские солдаты!

— Подобные свидетельства, включая аудио- и видеоматериалы, приводятся на веб-сайте Аль-Джазиры и в икснете. Адрес соединения с этим икснетом вы можете узнать, заглянув на собственную страницу Эн-пи-ар в Интернете».

Из спальни спустился папа.

— Ты пользуешься икснетом? — спросил он, пристально глядя мне в лицо. Я невольно съежился.

— Да, видеоиграми. Икснет по жизни — бескабельная игровая сеть. Помнишь, в прошлом году бесплатно раздавали иксбоксы? Ну вот, специально для икснетовских игр!

Отец посмотрел на меня испепеляющим взглядом.

— Игр? Маркус, до тебя даже не доходит, что ты участвуешь в создании прикрытия для злодеев, которые хотят напасть на нас и уничтожить нашу страну! С сегодняшнего дня ты перестанешь пользоваться икснетом. На-всег-да! Ты меня понял?

Мне хотелось возразить. Да что там, меня так и подмывало тряхнуть отца за плечи, чтоб очнулся. Но я не сделал ни того ни другого. Отвернулся и сказал:

— Конечно, папа. — И пошел в школу.

* * *

Поначалу я обрадовался, когда узнал, что мистера Бенсона не оставят вести обществоведение в нашем классе. Однако тетка, которую нам прислали вместо него, превзошла все мои самые страшные ожидания.

Она была молодая, лет двадцать восемь или двадцать девять, не уродина — в смысле, цветущая женщина и блондинка. Но когда она с мягким южным акцентом представилась классу как миссис Андерсен, я тут же насторожился. *Ни одна* знакомая мне женщина, чей возраст не достиг шестидесяти лет, не называет себя «миссис». Но я был готов простить ей это. Молодая, красивая, приятный говор. Сладится — слюбится.

Не слюбилось.

— При каких обстоятельствах федеральное правительство имеет право приостановить действие десяти первых поправок к Конституции США? — спросила миссис Андерсен, повернулась лицом к доске и мелом написала колонку цифр от одного до десяти.

— Ни при каких, — сказал я, не дожидаясь, когда она меня вызовет. — Конституционные права носят абсолютный характер.

— Это довольно упрощенная точка зрения… — Миссис Андерсен посмотрела на лежащую перед ней пофамильную схему класса. — …Маркус. Например, полицейский производит несанкционированный обыск, то есть превышает свои полномочия. Он обнаруживает свидетельство, изобличающее преступника в убийстве твоего

отца. Это единственная прямая улика. Должен ли полицейский отпустить преступника на свободу?

Вообще-то я знал правильный ответ, но затруднялся вразумительно его изложить.

— Да, — не сразу ответил я. — Начать с того, что полицейский не должен производить…

— Неверно, — перебила меня миссис Андерсен. — Адекватной мерой против нарушения полицией прав граждан является дисциплинарное наказание виновного, но никак не наказание общества за ошибку отдельного сотрудника полиции.

И она написала на доске в первом пункте: «Вина в совершении уголовного преступления».

— Какие действия могут привести к временной отмене положений Декларации прав?

Чарльз поднял руку:

— Если вдруг завопить «пожар!» в переполненном зрительном зале?

— Очень хорошо… — Она сверилась со схемой. — …Чарльз. Существует множество обстоятельств, при которых Первая поправка не является абсолютной. Давайте назовем хотя бы несколько.

Чарльз опять поднял руку.

— Угроза жизни и здоровью блюстителя правопорядка.

— Да, в частности, раскрытие личности сотрудника ФБР или ЦРУ, работающего под прикрытием. Очень хорошо. — Миссис Андерсен сделала пометку на доске. — Еще примеры?

— Обеспечение национальной безопасности, — выпалил Чарльз, словно его уже вызвали. — Клевета. Непристойное поведение. Совращение малолетних. Детская порнография. Публикация инструкций по изготовлению взрывных устройств…

Миссис Андерсен торопливо записывала за Чарльзом, но вдруг запнулась.

— Детская порнография — это лишь одна из форм непристойного поведения, Чарльз.

Мне стало тошно. Все это никак не клеилось с привитыми мне убеждениями и знаниями о моей родной стране. Я поднял руку.

— Да, Маркус.

— Я чего-то не понимаю. Из ваших рассуждений получается, что Декларацию прав выполнять не обязательно. Но это наша Конституция, основной закон. Все мы должны выполнять его неукоснительно.

— Это весьма распространенное и очень по-

верхностное мнение, — сказала миссис Андерсен с притворной улыбкой. — Суть в том, что составители Конституции изначально задумали ее как живой документ, требующий периодической ревизии с течением времени. Они понимали, что Республика не сможет существовать вечно, если на каждом историческом этапе правительство не будет управлять ею в соответствии с велениями современной обстановки. В их намерения не входило делать Конституцию незыблемой, как религиозная доктрина. Ведь они и сами бежали на эту землю, спасаясь от чуждого им вероисповедания.

Я ошалело покачал головой.

— Что? Не-ет. Они приехали в Америку как купцы и ремесленники и были верны королю до тех пор, пока он не начал притеснять их самыми жестокими способами. Религиозные беженцы прибыли сюда намного раньше.

— Кое-кто из составителей Конституции был прямым потомком религиозных беженцев, — вставила миссис Андерсен.

— И Конституция для ее создателей не была чем-то вроде ресторанного меню, из которого выбираешь себе по вкусу. Их сплотила общая ненависть к тирании, и Декларация прав наце-

лена именно на то, чтобы воспрепятствовать возникновению в Америке тиранической формы правления. Они объединились в революционное сообщество, чьи основополагающие нормы отвечали интересам каждого, предоставляли всем его членам право жить, быть свободным и счастливым. Право народа низвергать своих угнетателей.

— Ну да, ну да! — замахала на меня рукой миссис Андерсен. — Они верили в право народа избавляться от королей, но…

Чарльз довольно ухмылялся, а после ее слов губы у него растянулись еще шире.

— В десяти поправках к Конституции выразилось предпочтение авторов абсолютизировать права, дабы воспрепятствовать попыткам отнять или ограничить их. Взять, к примеру, Первую поправку: она имеет целью защитить свободу слова, не позволяя правительству разделить содержание публичных выступлений на две категории — дозволенную и запретную. Авторы просто не хотели, чтобы какому-то облеченному властью недоумку пришло в голову объявить противозаконным все, что ему не нравится.

Миссис Андерсен повернулась к доске и написала: «Право на жизнь, на свободу и на стремление

к счастью».

— Мы немного опережаем программу, но вы, кажется, ребята продвинутые.

Класс откликнулся нервным смешком.

— Роль правительства заключается в обеспечении права всех граждан на жизнь, на свободу и на стремление к счастью. Именно в такой последовательности. Похоже на фильтр. Пусть правительство своими действиями заберет у нас немного счастья и чуть-чуть свободы, лишь бы это делалось ради нашего выживания. Вот почему полиция уполномочена задержать вас, если заподозрит, что вы представляете угрозу себе и окружающим. Вы теряете свободу и счастье, но спасаете свою жизнь. Оставшись живы, вы сохраняете для себя возможность обрести свободу и счастье.

Сразу несколько человек подняли руки.

— Значит, правительство может делать что захочет, если скажет: братцы, над вами нависла опасность, и мы должны ее предотвратить — так получается?

— Ага, — добавил еще кто-то. — По-вашему, выходит, национальная безопасность важнее Конституции?

Меня переполняла гордость за своих товари-

щей, и я решил тоже добавить:

— Как можно защитить свободу, приостановив действие Декларации прав?

Миссис Андерсен покачала головой с таким видом, будто перед ней собрались непроходимые тупицы.

— «Революционные» отцы-основатели *расстреливали* предателей и шпионов! Их вера в абсолютную свободу заканчивалась, когда она создавала угрозу существованию республики. Взять, к примеру, этих самых икснетовцев…

Я с трудом заставил себя сохранять безмятежное выражение лица.

— …и так называемых джамеров, о которых говорили в утренних новостях. Они саботируют меры безопасности, принятые, чтобы не допустить повторения теракта, совсем недавно совершенного теми, кто объявил войну нашей стране. И тем самым компрометируют своих же сограждан, причиняют им неудобства.

— Тем самым они выступают против того, чтобы под предлогом обеспечения нашей безопасности отбирали наши права! — сказал я. Ну хорошо, не сказал, а выкрикнул. Черт, это из-за нее я так завелся. — Тем самым они протестуют против того, чтобы с *каждым* гражданином

обращались как с подозреваемым в подготовке теракта!

— Значит, они хотят заставить правительство не обращаться с ними как с террористами? — закричал мне в ответ Чарльз. — И для этого используют террористические методы. Значит, они и есть террористы!

Я вскипел.

— Да пошел ты на фиг со своими террористическими методами! Поголовная слежка хуже всякого терроризма! Взять хотя бы полицейскую расправу в парке на прошлых выходных. Люди пришли потанцевать, послушать музыку. Это и есть твои террористические методы?

Учительница молча двинулась по проходу между партами и остановилась прямо надо мной в зловещем ожидании, когда я заткнусь.

— Маркус, ты рассуждаешь так, будто у нас в стране ничего не произошло. Ты не понимаешь, что после взрыва моста Бэй-бридж все изменилось? На дне залива покоятся тысячи мертвых тел наших родных и близких. Настал час, когда вся нация должна объединиться, чтобы сообща ответить брошенному нам смертельному вызову…

Я встал. Мне уже выше крыши обрыдло выслушивать, как гонят это фуфло из серии «все

изменилось».

— Нация? Объединиться? Да в том-то и суть, что мы живем в Америке, в стране, где расхождение во взглядах только приветствуется! В стране диссидентов, борцов, студентов-недоучек и вообще тех, кто не боится выражать свою точку зрения.

Тут мне припомнился последний урок мисс Галвез и ее рассказ о том, как тысячи студентов университета в Беркли окружили полицейский фургон и не дали увезти парня, арестованного за распространение агитационной литературы. Никто даже не попытался остановить грузовики, в которые затолкали зрителей концерта в парке Долорес. И я не попытался. Я сбежал.

Может, и вправду теперь все по-другому?

— Надеюсь, ты сам найдешь дорогу к кабинету мистера Бенсона, — ледяным голосом произнесла миссис Андерсен. — Отправляйся немедленно. Я не позволю на своем уроке подобных неуважительных выходок. Выступаешь в защиту свободы слова, а сам стараешься перекричать любого, кто с тобой не согласен.

Я подхватил свой скулбук, сумку и яростно затопал к выходу. Не будь на двери класса установлен тугой доводчик, я бы грохнул ею со всей силы.

В школьных коридорах за мной следили

камеры наблюдения, регистрируя мою стремительную походку. Сенсоры считывали арфиды с моей ученической карточки. Я чувствовал себя, как в тюрьме.

— Закрой за собой дверь, Маркус, — сказал мне мистер Бенсон и повернул в мою сторону экран видеомонитора, на который поступала картинка из кабинета обществоведения. Он все видел.

— Ну, что скажешь?

— Это не обучение, это пропаганда! Миссис Андерсен утверждает, что Конституция не имеет никакого значения!

— Нет, она только сказала, что Конституция не является религиозной доктриной. А ты набросился на нее с ожесточением ярого фундаменталиста и тем самым подтвердил ее правоту. Маркус, кому как не тебе понимать, что после взрыва моста все изменилось? У тебя был друг, Даррел…

— Вы бы лучше помолчали про Даррела! — прорычал я. — Не вам о нем рассуждать. Да, я очень хорошо понимаю, что теперь все иначе. Прежде мы жили в свободной стране. А теперь — нет.

— Маркус, тебе известно, что означает «предел терпимости»?

Я сразу опомнился. Бенсон мог выгнать меня из школы за «угрожающее поведение». Такой

формулировкой при исключении награждают пацанов из подростковых банд, если те пытаются застремать своих учителей. И Бенсон, конечно же, с радостью повесит ее на меня, не моргнув глазом.

— Да, мне известно, что это означает, — пробормотал я.

— Думаю, тебе следует извиниться передо мной, — злорадно произнес он.

Я видел, как на его губах поигрывает садистская улыбочка. В какую-то секунду в моей душе проснулась готовность смалодушничать и попросить у мистера Бенсона прощения. Однако усилием воли я одолел эту позорную слабость и решил — пусть лучше вылечу из школы, но не стану унижаться.

— Правительство осуществляет свою власть с согласия тех, кем оно управляет. Если форма правления становится гибельной для цели самого своего существования, народ имеет право изменить или отменить ее, учредить новое правительство, основанное на этих принципах, и установить власть в такой форме, какая, по его мнению, лучше обеспечит его безопасность и благоденствие. — Эти слова из Декларации независимости навсегда врезались мне в память.

Мистер Бенсон с ухмылкой покачал головой.

— Знать наизусть и понимать — не одно и то же, сынок.

Он склонился над компьютером и несколько раз щелкнул мышкой. Мягко зашуршал принтер. Бенсон протянул мне лист бумаги с логотипом учебной части. Это был приказ об отстранении меня от занятий на две недели.

— Я сообщу об этом твоим родителям по электронной почте. А если по истечении тридцати минут ты все еще будешь обретаться на территории школы, тебя арестуют за незаконное вторжение.

Я молча смотрел на него.

— Хочешь объявить мне войну в моей же школе? — с угрозой в голосе добавил Бенсон. — Ты об этом горько пожалеешь. Вон отсюда!

И я ушел.

Глава 14

В середине дня, когда все пользователи икснета еще в школе, делать в нем было нечего. Придя домой, я вынул из заднего кармана джинсов сложенный вчетверо лист бумаги с приказом о моем отстранении от занятий, бросил его на кухонный стол, а сам уселся в гостиной перед телевизором. Вообще-то я никогда не смотрю ящик, в отличие от родителей, для которых телевидение вместе с радио и газетами служит источником информации для формирования их восприятия мира.

Новости были сплошь стремные. Неудивительно, что народ так запуган. Американские солдаты гибли по всему белу свету. Добровольцев, отправляющихся за границу в составе подразделений национальной гвардии участвовать в спасении мирных жителей от ураганов, ввязывали в бесконечные войны и на годы расквартировывали в чужих землях.

Я переключал один за одним круглосуточные информационные каналы, и на каждом официальные лица объясняли зрителям, почему им надо всего бояться. То и дело транслировались

кадры взрывов, осуществленных террористами в разных точках планеты.

Внезапно на одном из каналов передо мной мелькнуло знакомое лицо. Когда я стоял на коленях в грузовике, прикованный наручниками, вошел этот тип и завел разговор с дамой с топорной стрижкой. Он и сейчас был в военной форме, а надпись внизу экрана гласила, что это генерал-майор Грэм Сазерленд, региональный командующий ДНБ.

— У меня в руках листовки, которые распространялись среди присутствующих на так называемом концерте в парке Долорес в минувшие выходные.

Он поднял в воздух стопку бумаг. Я вспомнил, что там было много всяких распространителей. В Сан-Франциско всегда так — стоит людям собраться в кучку, тут же найдутся желающие всучить им какую-нибудь рекламу.

— Давайте вместе ознакомимся с их содержанием. Я прочту вам несколько заголовков. «Без согласия управляемых. Инструкция для граждан по свержению правительства». И другой: «Был ли на самом деле теракт 11 сентября?» Или вот еще: «Как использовать против них ими же созданную систему безопасности». Подрывной характер этой

литературы свидетельствует об истинных целях сборища в ночь с субботы на воскресенье — далеко не безобидного, как пытались представить его устроители, которые не только не приняли должных мер по охране порядка и здоровья зрителей, но не позаботились даже об установке туалетов. У нас на глазах враги нации подманили наших детей, дабы завербовать в свои ряды и отравить их сознание мыслью, что Америке не надо себя защищать.

Грэм Сазерленд продолжал размахивать листовками:

— Взять хотя бы этот лозунг: «Не верь никому старше 25». Конечно, много проще насаждать свои протеррористические идеи среди впечатлительных молодых людей, если изолировать их от влияния взрослых членов общества, а значит, лишить возможности спокойно, вдумчиво, взвешенно докопаться до истины… Прибыв на место, полиция застала кампанию по вербовке во вражеские ряды в полном разгаре. Невообразимый шум нарушал ночной покой сотен обитателей расположенных поблизости домов. У местных жителей даже не спросили, согласны ли они на подобную разнузданную всенощную гулянку.

На лице Сазерленда появилась сочувствующая

мина.

— Полиция приказала участникам сборища разойтись — это подтверждают все видеозаписи, — а когда бесчинствующие молодчики, подстрекаемые со сцены музыкантами, повели себя агрессивно, она была вынуждена применить против них спецсредства по усмирению толпы. Задержаны восемьсот двадцать семь человек, принимавших активное участие в агитации нескольких тысяч одурманенных пропагандой и наркотиками молодых людей на противостояние полиции. Некоторые из организаторов уже арестованы по обвинению в различных правонарушениях, остальные находятся в розыске.

Сазерленд бросил листовки на стол и подвел черту:

— Леди и джентльмены, Америка ведет войну на нескольких фронтах, но самый важный и опасный пролегает здесь, дома, независимо от того, подвергаемся ли мы нападению террористов или тех, кто симпатизирует им.

Кто-то из газетчиков поднял руку:

— Генерал Сазерленд, вы, конечно, не хотите обвинить тех юнцов в симпатиях террористам на одном лишь основании, что они пришли в парк послушать музыку?

— Нет-нет, как можно! Но если молодые люди попадут под влияние врагов нации, они легко могут запутаться. А террористам только того и надо. Они спят и видят, как бы сформировать в нашей стране пятую колонну и открыть против нас внутренний фронт. Если бы это были мои дети, я бы всерьез обеспокоился.

Другой репортер задал вопрос:

— Однако там, в парке, они вряд ли маршировали с винтовками наперевес. Это был обычный концерт на открытом воздухе, не так ли, генерал?

Сазерленд извлек пачку фотографий и гневно потряс ею.

— Вот, что успели зафиксировать сотрудники полиции перед тем, как их вынудили принять решительные меры.

Генерал принялся демонстрировать снимки, держа их возле лица и перекладывая один за другим. На них было видно, как слушатели бесятся под музыку, толкаются, наступают на упавших. Потом пошли фото со сценами совокупления под деревьями — трое парней занимаются сексом с одной девушкой, два педераста обнимаются и целуются.

— А ведь на концерте присутствовали десяти-

летние дети! Для десятков слушателей этот убийственный коктейль из наркотиков, пропаганды и музыки закончился тяжелыми ранениями. Остается лишь удивляться, что обошлось без смертельных исходов…

Я выключил телевизор. Они повернули все так, будто там действительно происходили одни гадости. Если б мои предки пронюхали, что я был на этом концерте, то на месяц привязали бы меня к кровати, а потом выводили бы на прогулку на поводке.

Кстати, когда они узнают, что их сына отстранили от занятий, меня ожидает большая разборка!

Родители, конечно, не обрадовались. Отец хотел все две недели продержать меня дома взаперти, но мы с мамой его отговорили.

— Ты же знаешь, Маркус для этого замдиректора — что бельмо на глазу, — сказала мама. — Вспомни, как ты целый час ругал мистера Бенсона после нашей последней встречи с неоднократным употреблением эпитета «задница» в его адрес.

Отец сокрушенно покачал головой и возразил:

— Но срывать урок и поносить департамент национальной безопасности…

— Папа, это был урок обществоведения, — вста-

вил я.

Вообще-то мне по большому счету уже стало до лампочки, но раз мама решила меня отмазать, не стоило душить ее великодушный порыв.

— И мы говорили о ДНБ. В любой здоровой полемике должны присутствовать по меньшей мере две неодинаковые точки зрения.

— Послушай меня, сын, — начал папа.

В последнее время, обращаясь ко мне, он гораздо чаще употреблял слово «сын». Похоже, я перестал восприниматься им как личность и опустился в его глазах до некоего подобия куколки, которую надо терпеливо выхаживать, чтобы она в итоге расправила крылья и превратилась в зрелую бабочку. Меня это бесило.

— Ничего не поделаешь, но тебе придется свыкнуться с тем фактом, что мы сегодня живем в ином мире. Ты, конечно, имеешь полное право говорить то, что думаешь, однако тебе пора научиться предвидеть возможные последствия собственных высказываний. Ты должен понять, что рядом есть люди, которые испытывают боль и не желают полемизировать по поводу тонкостей конституционного права, если под вопросом стоит само их существование. Мы все сейчас плывем в спасательной шлюпке, и тут уж не суть

важно, добрый или злой у нас капитан.

Меня так и подмывало закатить глаза, когда я слушал этот бред.

— Папа, мне задали на дом в течение двух недель написать сочинения по истории, обществоведению и английскому, основываясь на городской тематике. Так что проторчать все это время в четырех стенах перед телевизором мне никак не удастся.

Отец посмотрел на меня подозрительно, будто я замыслил что-то недоброе, и нехотя кивнул. Пожелав родителям спокойной ночи, я поднялся к себе в комнату, запустил иксбокс, открыл текстовый редактор и принялся набрасывать основные идеи для сочинений. А почему нет? Все лучше, чем сидеть без дела.

Потом я допоздна переписывался с Энджи. Она мне посочувствовала по поводу всех свалившихся на меня бед и обещала помочь с сочинениями, если я завтра встречу ее после школы. Я знал эту школу и место, где она находится — в ней же училась и Ванесса. Мне предстояло прокатиться до самого Ист-Бэя. Я еще ни разу не был там с тех пор, как прогремели взрывы.

Меня радовала перспектива встречи с Энджи. Каждый вечер после концерта в парке Долорес я

ложился спать с двумя воспоминаниями о том, что случилось, когда мы стояли под колонной у входа в церковь: видение толпы, ринувшейся на шеренги полицейских, и ощущение своих ладоней на груди Энджи у нее под футболкой. Потрясная девчонка! Ни одна из моих прежних знакомых не была такой… инициативной. С ними всегда происходило так: я тянул лапы, а меня отталкивали. Кажется, она завелась тогда не меньше моего. Я балдел при этой мысли.

В эту ночь мне снилась Энджи и то, что могло быть между нами, очутись мы в каком-нибудь укромном местечке.

Назавтра я с утра засел за сочинения. Про Сан-Франциско можно писать сколько угодно. История? Пожалуйста — от «золотой лихорадки» до судостроительных верфей Второй мировой войны, лагерей интернированных японцев и изобретения персонального компьютера. Физика? В нашем «Эксплораториуме» выставлена самая крутая экспозиция из всех музеев, в каких я успел побывать. Я получаю извращенное удовлетворение, созерцая свидетельства разжижения грунтов во время больших вулканических извержений. Английский? Джек Лондон, классики бит-поэзии, писатели-фантасты Пэт Мерфи и

Руди Рюкер. Обществоведение? Борьба за свободу слова, профсоюзный организатор Сезар-Чавес, движение за права сексуальных меньшинств, феминистки, пацифисты…

Мне всегда был в кайф сам процесс познания. Это классно, когда мир вокруг тебя становится понятнее. Я учусь, даже когда просто гуляю по городу. Пожалуй, первым напишу сочинение о поэтах-битниках. В комнате на втором этаже книжного магазина «Сити Лайте» есть отличная библиотека. Именно там Аллен Гинзберг с друзьями писал свои радикальные наркостихи. На уроке английского мы читали его знаменитую поэму, озаглавленную «Вопль», и я никогда не забуду, как у меня по спине поползли мурашки при первых же строчках:

Моего поколенья умы разрушенные

в истощенье, истерике, наготе,

ползком по рассветным черным кварталам

в яростных поисках лозы

ангелоголовые хипстеры, сжигающие себя

ради божественной связи со звездным динамо

в механизмах ночи…

Мне понравилось созвучие слов «в истощенье, истерике, наготе». Думаю, я понимал, какие душевные переживания они означают. И «моего поколенья умы» тоже заставили меня всерьез задуматься. Я вспомнил парк, полицию, ядовитый туман. Когда Гинзберг опубликовал поэму «Вопль», его арестовали, обвинив в непристойности, — и все из-за одной строчки о гомосексуальной любви. В наши дни никто и не поморщится по поводу такого пустяка. А все-таки приятно, что мы достигли определенного прогресса. Ведь когда-то ограничений было еще больше.

Я засел в библиотеке, погрузившись в блаженное чтение этих старых, великолепно изданных книжек. Я нашел роман Джека Керуака «В дороге», который давно собирался прочитать, и не смог от него оторваться, чем заслужил одобрительный кивок подошедшего ко мне работника магазина. Он разыскал на полках экземпляр недорого издания и продал мне за шесть баксов.

Я дошел до Чайнатауна и в китайском ресторанчике съел порцию дим-сумов и лапшу под острым соусом, который прежде считал очень острым, а теперь он вовсе не казался мне острым — после того, как я попробовал фирменную при-

праву Энджи.

Пообедав, я спустился в метро, а потом пересел на автобус, следующий через мост Сан-Матео до самого Ист-Бэя. Я достал свою новую книгу и принялся читать, время от времени поднимая голову и любуясь проносящимся за окном пейзажем. Роман «В дороге» Джека Керуака наполовину автобиографичен. Пристрастившийся к наркотикам и алкоголю писатель путешествует на попутках по Америке, зарабатывает себе на существование чем придется, гуляет по ночным улицам чужих городов, сближается и расстается с людьми — хипстерами, безработными бродягами с печальными лицами, кидалами, бандюками, подонками и ангелами. Сюжета как такового нет (говорят, Керуак написал этот роман за три недели в состоянии полной наркотической невменяемости на длиннющей бумажной ленте, которую отматывал с рулона) — просто описание череды удивительных эпизодов. Главный герой заводит дружбу с самогубительными людьми, один из которых, Дин Мориарти, втягивает его в сомнительные, обреченные на крах махинации, и тем не менее все у него получается. Если вы понимаете, что я имею в виду.

Повествование льется в ласкающем слух ритме,

потому что я слышу, как оно звучит у меня в голове и навевает желание улечься спать в кузове пикапа, а проснуться в каком-нибудь маленьком пыльном городке в центральной долине по дороге в Лос-Анджелес с неизменной автозаправкой и закусочной, а потом пешком отправиться куда глаза глядят, встретиться с незнакомыми людьми, увидеть жизнь своими глазами и потрогать своими руками.

Автобус ехал так долго, что я успел вздремнуть — результат недосыпа из-за нашего с Энджи ночного общения в чате, а утром мама безжалостно подняла меня к завтраку. Я вовремя очнулся, чтобы сделать пересадку на другой автобус, и уже скоро был возле школы Энджи.

Она появилась в воротах ограды в своей школьной форме — такой же, как у Ванессы. Я никогда не видел ее в этом прикиде, она казалась в нем немножко странной, но все равно очень привлекательной. Энджи прижалась ко мне на несколько долгих мгновений, потом крепко поцеловала в щеку.

— Привет! — сказала она с улыбкой.

— Здравствуй!

— Чего читаешь?

Я ждал этого вопроса и держал книгу, заложив

палец в нужном месте.

— Слушай: «Они вместе носились по улицам и выплясывали, как переторкнутые, а я тащился за ними, как всю свою жизнь волочился за теми людьми, которые меня интересовали, потому что единственные люди для меня — это безумцы, те, кто безумен жить, безумен говорить, безумен быть спасенным, алчен до всего одновременно, кто никогда не зевнет, никогда не скажет банальность, кто лишь горит, горит, горит, как сказочные желтые римские свечи, взрываясь среди звезд пауками света, а в середине видно голубую вспышку, и все взвывают: „О-о-о!“».

Энджи забрала у меня книгу и еще раз перечитала тот же отрывок про себя.

— Ухты, переторкнутые! Мне нравится. Вся книга такая?

Мы побрели по тротуару обратно к автобусной остановке, и я принялся рассказывать Энджи о том, что успел прочитать. Как только мы свернули за угол, рука Энджи обхватила меня за талию, а моя легла ей на плечи. Идти по улице с девушкой — моей девушкой? Ну да, почему бы и нет? — и обсуждать с ней клёвую книжку — это кайф! Я даже позабыл ненадолго о своих бедах.

— Маркус!

Я обернулся и увидел Ван. Подсознательно я ждал, что мы встретимся, и понял это, потому что ничуть не удивился. Школа у них небольшая, и уроки заканчиваются у всех одновременно. Я не общался с Ван несколько недель, но казалось, целую вечность. А ведь прежде и дня не проходило, чтоб мы не поговорили.

— Привет, Ван, — сказал я и едва удержался, чтобы не убрать руку с плеч Энджи. Ван явно удивилась, увидев нас вместе, но не сердилась и не радовалась, а скорее испытывала потрясение, даже побледнела как мел и пристально смотрела то на меня, то на Энджи.

— Здравствуй, Энджела.

— Привет, Ванесса.

— А ты что здесь делаешь?

— Заехал за Энджи, — ответил я с преувеличенной безмятежностью. Мне вдруг стало стыдно, что Ван увидела меня с другой девчонкой.

— А-а, — протянула Ван. — Здорово, что встретились.

— Мы тоже рады тебя видеть, Ванесса, — выпалила Энджи, развернула меня на сто восемьдесят градусов и потащила к автобусной остановке.

— Откуда ты знаешь ее? — спросила Энджи.

— Да мы сто лет знакомы.

— Она была твоей девушкой?

— Что? Не-ет! Скажешь тоже! Просто дружили.

— Значит, все-таки дружили?

Меня не покидало ощущение, что Ван находится у меня за спиной и слышит наш разговор, хотя при набранном нами темпе ей пришлось бы поспевать легкой трусцой. Я долго боролся с желанием обернуться, но в итоге не удержался и украдкой, через плечо посмотрел назад. От школы к остановке валила целая толпа девчонок, но Ван среди них я не заметил.

— Ее арестовали вместе со мной, Джозе-Луисом и Даррелом. Мы участвовали в ИАР одной командой и все вместе дружили.

— И что потом?

Я понизил голос.

— Ей не понравилась затея с икснетом. Ван считала, что я ищу приключений на свою задницу и других подставляю.

— И на этом дружба кончилась?

— Мы просто перестали общаться.

Энджи в задумчивости прошагала еще несколько метров и спросила:

— То есть между вами не было такого, знаешь, типа «мальчик с девочкой дружил, мальчик девочку любил»?

— Да нет же! — сказал я как можно убедительнее, чувствуя, как лицу становится жарко. И это была чистая правда, хотя мне казалось, что я вру.

Энджи резко остановилась и заглянула мне в глаза.

— Или было?

— Нет! Честно! Мы только дружили. Она с Даррелом… То есть наоборот, Даррел в нее… В общем, я никак не мог…

— Значит, если б не Даррел, тогда ты мог бы, да?

— Нет, Энджи, нет! Пожалуйста, просто поверь мне, и закроем эту тему! Мы с Ванессой были хорошими друзьями, а теперь поезд ушел. Да, меня это колышет, но только не в том смысле, в каком ты думаешь. Ну что, проехали?

Энджи немного спустила пар.

— Ладно, прости. У меня с ней отношения чего-то не складываются. За все годы, что я ее знаю, мы никогда не ладили.

Опа, мысленно произнес я. Вот, значит, как получилось, что Джолу знаком с Энджи давным-давно, а я с ней ни разу не встречался. Он не мог привести ее с собой, зная, что Ван с ней на ножах.

Энджи обняла меня, и мы замерли в долгом поцелуе, а проходящие мимо девчонки восторженно замычали. Мы оторвались друг от друга и снова зашагали к остановке. Впереди шла Ван; очевидно, она обогнала нас, пока мы целовались. Я чувствовал себя полным ублюдком.

Конечно же, Ван стояла рядом с нами на остановке, а потом ехала в том же автобусе, и мы не перебросились даже парой слов, а я все заговаривал с Энджи, но не мог произнести ничего путного, и все это было жутко нелепо.

Мы собирались зайти в какую-нибудь кафешку, а после поехать домой к Энджи побыть вместе и «позаниматься» — то есть воспользоваться ее иксбоксом и потусоваться в икснете. Ее мать по вторникам посещала секцию йоги, потом ужинала с подругами и возвращалась домой поздно. Старшая сестра пойдет на свидание со своим приятелем, так что весь дом останется в нашем распоряжении. С той минуты, как мы с Энджи запланировали сегодняшнюю встречу, у меня в голове рождались фантазии одна развратнее другой.

В доме Энджи мы сразу прошли к ней в комнату и плотно закрыли за собой дверь. Здесь царил полный бардак: повсюду валялись шмотки, а на

полу были рассыпаны компьютерные детали, на которые лучше не наступать в одних носках. Еще худший беспорядок творился на столе, заваленном горами книг и комиксов. Поскольку сесть было некуда, мы расположились на кровати Энджи, и меня это вполне устраивало.

Неприятная заторможенность, которую я испытывал после встречи с Ван, потихоньку улетучилась. Мы включили опутанный проводами иксбокс Энджелы. Один кабель тянулся к окну, за которым была закреплена антенна Wi-Fi для подключения к сети. Еще несколько соединяли иксбокс с двумя старыми ноутбуками, от которых остались только экраны, нетвердо стоящие на облегченных корпусах с выпотрошенными внутренностями и пользуемые Энджелой в качестве дополнительных мониторов. Они располагались по обеим сторонам кровати на ночных тумбочках, что делало чрезвычайно удобным, лежа в постели, смотреть фильмы или чатиться: можно развернуть мониторы, куда захочешь, и повернуться на любой бок — все равно экран будет у тебя перед глазами.

Мы оба, конечно, понимали, для чего пришли сюда на самом деле, сидя рядышком с вытянутыми на кровати ногами и опершись плечами

на высокую спинку. Меня немного трясло от ощущения тепла прижатых ко мне ноги и плеча Энджи, но я растягивал блаженство ожидания неизбежного, исполняя ритуал подключения к икснету, изучая содержимое своего почтового ящика и прочее.

Там было письмо от одного пацана, любителя размещать видео, снятые камерой его мобильника, сюжеты которых, как правило, являлись откровенной насмешкой над ДНБ. В последнем клипе, например, можно было наблюдать, как прямо на улице Марины дээнбисты с помощью отверток разбирают на части детскую коляску, почему-то привлекшую внимание служебной собаки, натасканной на запах взрывчатки, и это происходит под недоуменными взглядами проходящих мимо местных богатеев.

Я зашел на страницу, и оказалось, что народ скачивает сегодняшний ролик со страшной силой. Парень разместил видео на сайте Alexandria Mirror в Египте, принадлежащем «Архиву Интернета», куда можно бесплатно прислать что угодно, при наличии лицензии Creative Commons. Это позволяло каждому свободно делать ремиксы и расшаривать размещенный на сайте материал. Американский архив, который находится в Пре-

зидио, всего в нескольких минутах езды отсюда, был вынужден закрыть доступ к подобным видео под предлогом обеспечения национальной безопасности. Однако александрийский архив откололся и образовал собственную организацию, согласную разместить любой материал без оглядки на законы Соединенных Штатов.

Так вот, этот пацан (он подписывался ником Kameraspie) сегодня прислал ссылку на еще более крутой ролик. Действие происходило при входе в муниципалитет в здании Сивик-сентра, украшенном статуями в арочных нишах и позолоченном растительным орнаментом и напоминающем громадный свадебный торт. Дээнбисты огородили вокруг него территорию, создав зону безопасности. На экране было видно, как мужчина в генеральской форме подошел к пропускному пункту, предъявил охранникам удостоверение личности и поставил свой кейс на ленту транспортера рентгеновского аппарата.

Все шло тихо-мирно, пока внимание одного из дээнбистов не привлекло что-то увиденное им на экране рентген-аппарата. Он обратился с вопросом к генералу, тот нетерпеливо закатил глаза и ответил (что — неизвестно, поскольку съемка велась с противоположной стороны

улицы и, очевидно, посредством самодельного телескопического устройства, поэтому слышно было в основном шаги прохожих на тротуаре да шум моторов проезжающих автомобилей).

Между генералом и охранниками завязался спор, и чем жарче они пререкались, тем больше дээнбистов подтягивалось к месту действия. В итоге генерал сердито покачал головой, сказал что-то, грозя пальцем охраннику, подхватил свой кейс и зашагал через пропускной пункт к зданию. Дээнбисты принялись хором кричать ему вслед, но тот даже не обернулся, всем своим видом показывая, что они его достали по-черному.

Вот тогда все и случилось. Дээнбисты побежали за генералом. Kameraspie замедлил воспроизведение в этом месте, так что мы могли видеть кадр за кадром, как генерал чуть повернулся с упрямым выражением на лице, которое тут же сменилось гримасой ужаса, когда трое охранников разом налетели на него, отпихнули в сторону, а один обхватил его руками поперек классическим приемом американского футбола и опрокинул на асфальт. Генерал, мужчина средних лет, с посеребренными сединой волосами и суровыми складками на преисполненном достоинства лице, грохнулся оземь, как мешок с картошкой, и

треснулся головой, отчего из носа у него потекла кровь.

Дээнбисты связали его по рукам и ногам, будто борова, а сам генерал теперь уже орал благим матом — даже перепачканное кровью лицо побагровело. В максимально приближенном изображении дергались стянутые в щиколотках ноги. Мужчина в военной форме беспомощно ругался, лежа на тротуаре под взглядами проходящих мимо людей, а по выражению его лица было видно, что он переживает глубочайшее унижение, и потеря личного достоинства для него — хуже пытки. Клип закончился.

— О великий и милостивый Будда! — произнес я, наблюдая, как погас и стал черным экран, и запустил видео с начала. Энджи смотрела молча, изумленно раскрыв рот.

— Залей это на свой сайт, — выдохнула она наконец. — Залей, залей, залей, чтобы все видели!

Так я и сделал, с трудом сумев подобрать слова, передающие увиденное, а в комментарии попросил рассказать о военном в форме, если кто-то его узнает.

Я щелкнул мышкой по кнопке «Загрузить».

Мы с Энджи опять пересмотрели видео. Потом еще раз.

Пискнул сигнал входящей почты.

> Я конкретно узнал этого мужика, его био есть в Вики. Это генерал Клод Гейст. Он командовал объединенной миротворческой миссией ООН в Гаити.

Я открыл биографию Клода Гейста. Там был фотоснимок, где он выступал на какой-то пресс-конференции, и комментарий о его деятельности по решению трудновыполнимых задач миротворческой миссии в Гаити. Не оставалось сомнений, что это тот самый генерал, которого опустили дээнбисты.

Я внес новые данные в свою публикацию.

Короче говоря, мы с Энджи упустили выпавшую нам возможность заняться любовью. Зато мы весь вечер изучали икснетовские блоги в поисках дополнительных свидетельств произвола, насилия и унижений, творимых ДНБ в отношении жителей Сан-Франциско. Занятие для меня знакомое, то же самое я делал, когда собирал информацию о событиях в парке Долорес. Для этого я создал специальный раздел в своем блоге, озаглавив его «злоупотребления властей», и занес туда все, что уже надыбал. Энджи подсказывала мне варианты новых поисковых запросов. К

возвращению домой ее матери в моем разделе насчитывалось уже семьдесят публикаций под предводительством видео об экзекуции генерала Клода Гейста у входа в здание муниципалитета.

Весь следующий день я сидел дома, писал сочинение о бит-поэзии, читал Керуака и плавал по икснету. Хотелось опять повидаться с Энджи после школы, но меня стремала возможность снова столкнуться нос к носу с Ван. Я послал Энджеле SMS, что не смогу приехать из-за необходимости закончить сочинение.

Икснетовцы предлагали множество крупных и малых информационных материалов для размещения в «злоупотреблениях властей» — от фотоснимков до звукозаписей. Это был настоящий смартмоб.

Поток информации увеличивался. Назавтра поступило еще большее количество материалов. Кто-то открыл отдельный блог под тем же названием, привлекший сотни новых документальных свидетельств злоупотреблений властей. Их объем рос как снежный ком. Икснетовцы соревновались между собой на самую невероятную историю, на самый сногсшибательный фотоснимок.

В мои домашние обязанности входило докла-

дывать за завтраком родителям, чем я занимаюсь днем. Им понравилось, что я читаю Керуака. Оказалось, для обоих «В дороге» была любимой книгой, и один экземпляр даже стоял на полке у них в комнате. Папа сходил за ней, и я полистал обтрепавшиеся на уголках страницы с заметками на полях, с подчеркнутыми строчками и целыми кусками текста. Папа явно перечитывал книгу много раз.

Мне припомнились лучшие времена, когда я и папа могли общаться больше пяти минут, не начиная орать друг на друга по поводу терроризма и прочей туфты. В общем, завтрак прошел замечательно, в разговорах о сюжетной линии романа и описанных в нем головокружительных приключениях.

Зато на следующее утро весь завтрак родители, не отрываясь, слушали радио:

«„Злоупотребления властей“ — новейшая акция печально известного икснета, теперь разнесшая славу о нем и за пределы Сан-Франциско по всему миру. Пользователи икснета развернули против департамента национальной безопасности агитационную кампанию „ЗВ“, названную так по первым буквам скандального блога, фиксируя и публикуя все промахи и

эксцессы, допущенные в ходе реализации антитеррористических мероприятий. Боевым кличем этой кампании стал популярный видеоклип, на котором зафиксирована расправа сотрудников ДНБ над генерал-полковником в отставке Клодом Гейстом прямо под окнами муниципалитета. Сам Гейст воздержался от комментариев по поводу инцидента, однако резкая реакция возмущенных юных граждан, испытавших на себе жесткие действия полиции, не заставила себя долго ждать.

Особенно примечательно, что это молодежное движение привлекает к себе глобальное внимание. Кадры из видеоклипа с участием генерала Гейста опубликованы на первых полосах газет Кореи, Великобритании, Германии, Египта и Японии, а телевизионные компании всего мира продемонстрировали его в своих главных информационных выпусках. Новость приобрела сенсационный характер вчера вечером, когда Национальная вечерняя программа новостей Би-би-си вышла в эфир со специальным репортажем, объявив, что ни одно американское информагентство или телекомпания ни словом не обмолвились об инциденте в Сан-Франциско. Комментаторы на веб-сайте Би-би-си отметили, что этот репортаж отсутствовал в новостях аме-

риканской версии вещания Би-би-си».

По радио также передали несколько коротких интервью британских защитников свободы печати, юного члена шведской Партии Пиратов, осмеявшего коррумпированную американскую прессу, и бывшего сотрудника американского информационного телеканала, отошедшего отдел и поселившегося в Токио. В заключительном блоке прозвучал комментарий, подготовленный Аль-Джазирой, в котором проводилась историческая параллель между прессой США и государственными средствами массовой информации Сирии.

Мне все время мерещилось, что родители осуждающе уставились на меня, догадываясь о моей причастности к «злоупотреблениям властей». Но когда я отнес свою тарелку в мойку и обернулся, они смотрели друг на друга.

Папа с таким напряжением сжимал пальцами чашку, что кофе едва не выплескивался. Мама с тревогой созерцала это зрелище.

— Они хотят дискредитировать нас, — произнес папа. — Они пытаются саботировать усилия по обеспечению нашей безопасности.

Мама заметила, что я раскрыл рот, и предостерегающе покачала головой. Я прикусил язык, поднялся к себе в комнату и взялся за чтение

Керуака. Но как только услышал, что входная дверь хлопнула во второй раз, тут же запустил программу чата.

> Привет M1k3y. Меня зовут Колин Браун. Я работаю продюсером информационной программы «Нэшнл» в телекомпании «Канадиан Бродкастинг Корпорейшн». Мы делаем репортаж об икснете и командировали в Сан-Франциско нашего корреспондента за сбором материала. Не согласитесь ли вы дать нам интервью о деятельности и планах вашей группы?

Я обалдело уставился на экран, постигая смысл прочитанного. Они хотят взять *интервью* у меня о «моей группе»? У них что — крыша съехала?

> Спасибо, не получится. Я твердый сторонник невмешательства в личную жизнь. И нет никакой «моей группы». А за репортаж спасибо.

Через минуту поступило новое сообщение.

> Мы замаскируем вашу внешность и обеспечим полную анонимность. Как вы

понимаете, департамент национальной безопасности будет только рад довести до зрителей свою точку зрения. Мы заинтересованы выслушать и другую сторону.

Я сохранил текст сообщения. Вообще-то этот Браун прав, но надо быть полным идиотом, чтобы согласиться на его предложение. Он и сам *наверняка* работает на ДНБ.

Я опять взялся за Керуака. И снова пришло сообщение с просьбой об интервью — только от местной радиостанции KQED. Потом мне предложили то же самое бразильская радиостанция, Австралийская радиовещательная корпорация, а также телерадиокомпания «Немецкая волна». Целый день поступали заявки на интервью, и всякий раз я вежливо отказывался.

Они так и не дали мне толком почитать Керуака.

— Проведи пресс-конференцию, — сказала Энджи, когда я рассказал ей обо всем, сидя вечером за столиком в кафешке по соседству с ее домом. Мне вовсе не хотелось встречать ее после школы, чтобы потом торчать вместе с Ван в одном автобусе.

— Что? Я еще в своем уме.

— А ты воспользуйся «Пиратами». Просто выбери торговый пост, где запрещены «ГПГ», и назначь время. А сам можешь зарегистрироваться хоть прямо отсюда.

«ГПГ» означает поединок «геймер против геймера». В «Пиратах» предусмотрены участки нейтральной территории, где запрещены бои и на которые можно виртуально привести толпу неискушенных в игре репортеров, не опасаясь, что геймеры «зарубят» их посреди пресс-конференции.

— Я понятия не имею, как проводить пресс-конференцию.

— Поищи в «Гугле». Наверняка кто-нибудь написал инструкцию по успешной организации пресс-конференций. И вообще, если даже президент США с ними справляется, то ты и подавно. Глядя на него, можно подумать, что он не умеет завязывать шнурки на собственных ботинках.

Мы заказали еще кофе.

— Ты очень умная девчонка, — выдал я типа комплимента Энджи.

— И очень красивая, — добавила она.

— Ага, — согласился я.

Глава 15

Я разместил на своем блоге объявление о предстоящей «игровой» пресс-конференции еще до того, как разослал приглашения в средства массовой информации. Понятно, что все эти писаки хотели представить меня этаким вождем, или генералом, или верховным главнокомандующим партизанской армии, и дабы этого не случилось, я решил, чтобы вокруг нас тусовались многочисленные икснетовцы и сами отвечали на вопросы журналистов.

После этого я известил по е-мейлу прессу. Ответы последовали разные, от озадаченных до восторженных. Только ведущая телеканала «Фокс» возмутилась, что у меня хватило наглости предложить ей вместе порубиться в игру ради участия в ее программе. Все остальные в целом решили, что из этого получится прикольный материал, хотя многие нуждались в технической помощи для подключения к игре.

Мне показалось удобным назначить пресс-конференцию после ужина, в восемь часов. Мама не переставала ворчать из-за того, что каждый

вечер я где-то пропадаю, пока не выпытала у меня правду об Энджи. После этого она притихла и повлажневшими глазами смотрела на своего сыночка, который стал уже совсем взрослым. Ей захотелось познакомиться с «моей девушкой», и я воспользовался этим, чтобы на сегодня отпроситься «сходить с Энджи в кино» в обмен на обещание привести ее к нам завтра.

Мамы и сестры Энджи опять не было дома — обе явно не принадлежали к домоседскому типу людей. Таким образом мы с Энджи вновь остались наедине с нашими иксбоксами. Я подключил свою консоль к одному из ее «прикроватных» дисплеев, так что мы могли зарегистрироваться в игре по отдельности.

Теперь наши иксбоксы находились в боевой готовности, подключенные к «Пиратам». Я нервно шагал взад-вперед по комнате.

— Все будет хорошо, — попыталась успокоить меня Энджи и добавила, глядя на экран: — На «Пэтчай-Питс-маркете» уже собрались шестьсот геймеров!

Мы выбрали «Пэтчай-Питс» потому, что это ближайший рынок к деревенской площади, на которой начинают существование все новые игроки. Если кто-то из журналистов никогда не

играл в «Пиратов» (ха-ха!), они сначала попадут именно на эту площадь. В своем обращении на блоге я попросил икснетовцев тусоваться где-то на полпути между «Пэтчай-Питсом» и входными воротами и направлять к рынку каждого, кто похож на заблудившегося журналиста.

— У меня нет ни малейшего понятия, о чем с ними говорить!

— Просто отвечай на вопросы. А если вопрос дурацкий — не отвечай, найдется другой желающий. Все будет нормально.

— Дурдом какой-то.

— Все замечательно, Маркус! Если действительно хочешь опустить ДНБ, поставь их в идиотское положение. Поскольку набить им всем морду тебе все равно не удастся, используй свое единственное оружие — сделай из них придурков.

Я повалился на кровать, а Энджи положила мою голову себе на колени и принялась гладить рукой по волосам. В моей прежней жизни, до взрыва, я перепробовал всевозможные прически и красился в разные прикольные цвета, но после освобождения из дээнбистской тюрьмы мне стало не до этого. У меня отросла длинная, неряшливая шевелюра. Однажды я зашел в ванную, взял свою машинку для стрижки волос и укоротил их при-

мерно до полдюйма. Прически не стало, а значит, и заботиться больше не о чем, а кроме того, с такой стрижкой можно джамить и клонировать арфиды, не привлекая особого внимания.

Энджи смотрела на меня из-за очков своими большими карими глазами. Они были влажными и очень выразительными. Этими глазами Энджи творила со мной что хотела: могла потешно вытаращить их и заставить меня смеяться, или взглянуть кротко и печально, так что жалостно щемило сердце, а то посмотрит вожделенно и томно, и у меня учащалось дыхание от желания.

Именно таким был ее взгляд в эту минуту.

Я медленно сел, придвинулся поближе, и мы обнялись. Наши губы встретились. Целовалась Энджи потрясно. Знаю, что повторяюсь, но об этом стоит напомнить. Мы с ней во время нашего целования не раз офигенно заводились, но дальше до сих пор дело почему-то не заходило.

Сегодня мне хотелось зайти далеко. Я нащупал нижний край ее футболки и потянул вверх. Энджи подняла руки над головой и чуть отклонилась назад, чтобы мне было удобнее. Я ждал, что она это сделает, — знал, что так будет, еще с той ночи в парке. Может, потому и останавливался всякий раз, понимая, что Энджи без тормозов, и

немного стремался.

Но сегодня меня понесло. Напряжение последних дней, осложнения с родителями, подготовка к пресс-конференции, внезапное внимание всего света к тому, что я делаю, брожение, от которого бурлил огромный город, — все это щекотало мне нервы и заставляло кипеть мою кровь.

А Энджи такая клёвая девчонка, красивая, смешная, умная и близкая, и я все больше влюблялся в нее.

Она наклонила голову, помогая мне стащить с нее футболку, тряхнула волосами, чуть прогнувшись, заложила руки себе за спину, покопошилась там немного, и бретельки лифчика соскользнули с плеч. У меня перехватило дыхание, я на секунду замер с широко раскрытыми глазами, но тут Энджи вцепилась в *мою* футболку, стянула ее с меня через голову и прильнула грудью к моей голой груди.

Мы повалились на кровать, крепко прижимаясь друг к другу, и оба невольно застонали. Энджи принялась целовать мне грудь, а потом настала моя очередь, и я уже ни о чем не думал, ничего не помнил, и весь мир для меня сосредоточился в ее теле у меня под руками, губами, языком.

Но этого нам обоим уже было недостаточно. Я

расстегнул пуговицу и молнию на джинсах Энджи. Она проделала то же самое с моими и, встав на колени, стянула их с меня, а свои приспустила. Я довел процедуру до конца. Еще несколько мгновений, и мы остались совершенно голые, если не считать моих носков, которые уже по ходу дела я стащил пальцами ног.

Одним неловким движением я толкнул прикроватную тумбочку, стоявшие на ней электронные часы с грохотом свалились на пол и укоризненно уставились на нас светящимся циферблатом.

— Черт! — вырвалось у меня. — Через две минуты начало!

Я не мог поверить, что собирался перестать делать то, что собирался перестать делать. То есть если бы мне сейчас сказали: «Маркус, ты конкретно в постели с женщиной в самый что ни на есть первый раз в твоей жизни, но срочно завязывай с этим, так как через две минуты прямо здесь взорвется ядерная бомба», — я бы твердо и однозначно ответил: «Да пошли вы со своей бомбой, дайте потрахаться!».

И тем не менее мы с Энджи не стали трахаться, будто нас ожидало нечто пострашнее ядерной бомбы.

Она схватила меня за голову обеими руками и

присосалась к моим губам так, что я думал, сейчас отключусь. Но в итоге мы оба очухались, кое-как оделись и принялись щелкать клавишами и кнопками мыши, торопясь на «Пэтчай-Питс-маркет».

Неопытные в игре журналисты заметно отличались по тому, как неуклюже двигались их персонажи, пьяно покачиваясь и подскакивая, будто в невесомости. Случайно нажатая неверная кнопка заставляла их частично или полностью расставаться со своим инвентарем, обниматься с незнакомцами либо давать им пинка.

Икснетовцев тоже можно было легко опознать. Мы все играли в «Пиратов», когда выпадал свободный час (или не хотелось делать уроки), и потому наши продвинутые персонажи были обвешаны оружием, способным размазать по стенке любого врага, а из заплечных мешков у них торчал разнообразный инвентарь.

Когда появился мой персонаж, на экране высветилось системное сообщение: НА ТЕРРИТОРИЮ «ПЭТЧАЙ-ПИТСА» ПРИБЫЛ М1К3У — ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, МОРЯК! ЗА ХОРОШИЙ ПОДЗАВОД В ОБИДЕ НЕ ОСТАНЕШЬСЯ. Все геймеры на экране замерли, а потом столпились вокруг меня. Градом посыпались строчки текста. Я подумал, не

включить ли голосовой чат, и уже потянулся за наушниками, но вовремя сообразил, что при таком количестве желающих, «эфир» превратится в кашу. Воспринимать текст гораздо проще, а кроме того, журналисты не смогут исказить мои слова (хе-хе!).

Мы с Энджи заранее обследовали рынок и присмотрели штабель из ящиков с солониной, с которого удобно выступать, так что все меня видели. Очень здорово, что со мной была Энджи, и мы могли подзаводить друг друга.

> Всем добрый вечер и спасибо, что приняли мое приглашение. Меня зовут M1k3y, и я никакой не вождь. Среди нас много икснетовцев, которым есть что сказать по поводу нашей встречи не меньше моего. Я пользуюсь икснетом потому, что верю в свободу и Конституцию Соединенных Штатов Америки. Я пользуюсь икснетом потому, что ДНБ установил в нашем городе полицейский режим и держит нас всех за террористов. Я пользуюсь икснетом, поскольку считаю, что нельзя защитить свободу, разорвав на мелкие кусочки Билль о правах. Мне препода-

вали Конституцию в калифорнийской школе и научили любить нашу страну за ее свободу. Если у меня и есть какая-то философия, то вот она:

> Правительство осуществляет свою власть с согласия тех, кем оно управляет. Если форма правления становится гибельной для цели самого своего существования, народ имеет право изменить или отменить ее, учредить новое правительство, основанное на этих принципах, и установить власть в такой форме, какая, по его мнению, лучше обеспечит его безопасность и благоденствие.

> Я не автор, но сторонник этих слов. ДНБ правит без моего согласия.

> Спасибо.

Я написал это накануне вечером, перебрасываясь черновиком туда-обратно по е-мейлу с Энджи. Отправить текст заняло одно мгновение, еще несколько секунд ушло на то, чтобы его прочитали все присутствующие в «Пэтчай-Питсе». Многочисленные икснетовцы, потрясая саблями, приветствовали мое послание дружным пиратским «ура!», от которого любимые попугаи

с пронзительными криками сорвались в воздух с плеч хозяев.

Журналисты еще некоторое время переваривали суть сказанного. Строчки бежали по окну чата так быстро, что я едва успевал их читать. Многие повторяли самые популярные лозунги икснетовской блогосферы, типа: «Даешь!», «Люби Америку или вали отсюда!», «ДНБ, отправляйся домой!», «Америка, вон из Сан-Франциско!» — и тому подобное.

> M1k3y, это Прайя Раджниш из Би-би-си. Вы утверждаете, что не стоите во главе движения. Значит, движение все-таки существует? Этим движением является икснет?

Посыпались ответы. Кто-то из икснетовцев говорил, что нет никакого движения. Многие считали, что есть, и давали ему разные названия: «икснет», «братишки», «сестренки», но лично мне больше всего по душе пришлось «Соединенные Штаты Америки».

В общем, народ подошел к делу творчески. Пока он творил, я думал над тем, что могу сказать от своего имени. А когда придумал, написал:

> Пожалуй, это и есть ответ на ваш вопрос, не так ли? Наверно, движение (или движения) существует, и можете называть его икснетом или как-то иначе.

> M1k3y, я Даг Кристенсен из «Вашингтон Интернет дейли». Что, по вашему мнению, должен предпринять ДНБ для зашиты Сан-Франциско от нового нападения, если нынешние меры не являются эффективными?

Снова поток соображений. Многие заявили, что за терактами стоит правительство. Другие заметили, что правительство прекрасно знает, как надо бороться с терроризмом, только не желает этого делать, поскольку президентов, ведущих войну, как правило, переизбирают на второй срок.

> Я не знаю…

ответил я наконец.

> Я действительно не знаю, хотя много раз задавал себе такой же вопрос, потому что не хочу, чтобы меня взрывали и не хочу, чтобы взрывали мой город. Впро-

чем, вот что пришло мне в голову: если в обязанности сотрудников ДНБ входит обеспечение нашей безопасности, то они с этим не справляются. Все, что они делали до сих пор, никоим образом не помешает взорвать мост еще раз. Следить за всеми нашими передвижениями по городу? Лишить нас свободы? Раздувать всеобщую подозрительность и вражду? Навесить ярлык предателей на инакомыслящих? Цель террористов — вселить в нас страх. В меня вселяет страх ДНБ.

> У меня нет возможности повлиять на террористов в том, что они намерены со мной сделать. Но если мы живем в свободной стране, то я по меньшей мере имею право во всеуслышание заявить о том, что делают со мной копы. И я должен иметь возможность не позволять им терроризировать меня.

> Знаю, что плохо ответил на ваш вопрос. Мне очень жаль.

>Что вы подразумеваете, говоря о неспособности ДНБ воспрепятствовать террористам? Откуда вам знать?

> Кто вы?

> Корреспондент «Сидней Морнинг Геральд».

> Знаете, мне только семнадцать лет, я не гений и даже не круглый отличник. Но даже я сообразил, как обойти их контроль в Интернете. Я сообразил, как запутать их технологию персональной слежки. Я могу заставить их подозревать честных людей — а преступников считать невиновными. Я сумею пройти в самолет, имея при себе металлический предмет, даже если буду числиться в списке террористов. До всего этого я додумался, получая информацию из сети, а потом размышляя о ней. Если удалось мне, то террористам и подавно. Дээнбисты говорят, что забрали у нас свободу в обмен на безопасность. А вы чувствуете себя в безопасности?

> В Австралии-то? О да!

Пираты дружно заржали.

Журналисты продолжали задавать вопросы. Их тон колебался от сочувственного до враждебного. Притомившись, я передал клавиатуру Энджи,

и она на некоторое время стала M1k3y вместо меня. Впрочем, я и так уже перестал ощущать себя M1k3y, который общался с международной прессой и вызвал к жизни целое движение. Маркус в отличие от него вылетел на две недели из школы, поссорился с отцом и никак не мог собраться с духом, чтобы переспать со своей бойкой подружкой.

Часам к одиннадцати мне все уже порядком надоело. Да и родители будут недовольны, если я заявлюсь домой слишком поздно. Мы с Энджи вышли из игры и немножко молча полежали на кровати. Я взял ее за руку и крепко сжал. Мы обнялись.

Она уткнулась губами мне в шею и что-то пробормотала.

— Что?

— Говорю, люблю тебя, — чуть повернула голову Энджи. — Может, известить тебя телеграммой?

— Ух ты, — сказал я.

— Какой сюрприз, да?

— Нет. То есть… Просто я сам собирался сказать тебе это.

— Не сомневаюсь, — улыбнулась Энджи и легонько укусила меня за нос.

— Нет, серьезно. Я просто думал, как правильно все это сделать.

— Но, кстати, до сих пор еще не сделал. Не надейся увильнуть. С нами, женщинами, такие номера не проходят.

— Я люблю вас, Энджи Карвелли, — сказал я.

— И я люблю вас, Маркус Йаллоу.

Мы принялись целоваться, обнялись и прижались друг к другу, я запыхтел, Энджи тоже, и тут в дверь постучали.

— Энджела, — послышался голос ее мамы, — не пора ли твоему гостю домой?

— Да, мам, сейчас! — выкрикнула Энджи. Потом страшно округлила глаза, сделала рубящий жест рукой, и пока я торопливо надевал носки и кроссовки, сказала: — А соседи после будут судачить: «Кто бы мог подумать — Энджела, такая хорошая девочка, все время маме помогала, точила томагавк во дворе». Я засмеялся.

— Это еще что! Мои предки ни за что не оставили бы нас наедине у меня в комнате до одиннадцати вечера.

— До одиннадцати сорока пяти, — поправила Энджи, посмотрев на часы.

— Черт! — не удержался я, лихорадочно завязывая шнурки.

— Беги, — сказала Энджи, — резвись на свободе. Не забывай посмотреть в обе стороны, переходя через улицу. Пиши свои сочинения. И не вздумай даже обнять меня на прощание. Если на счет десять вы еще будете здесь, мистер, вам несдобровать! Один. Два. Три…

Я бросился на кровать, навалился сверху на Энджи и заткнул ей рот поцелуем, так что в итоге она оставила попытки считать дальше. Удовлетворенный одержанной победой, я затопал вниз по лестнице с иксбоксом под мышкой.

Внизу меня поджидала ее мама. Мы с ней и виделись-то всего два раза. Она выглядела как двойник Энджи, только постарше и повыше (Энджи упоминала как-то, что ее отец был низкого роста), и вместо очков носила контактные линзы. Видимо, миссис Карвелли авансом занесла меня в категорию порядочных людей, и я был признателен ей за это.

— Доброй ночи, миссис Карвелли, — поздоровался я.

— Доброй ночи, мистер Йаллоу, — ответила она. Этот обмен любезностями стал нашим маленьким ритуалом еще с первой встречи, когда я назвал ее «миссис Карвелли».

Неожиданно для себя я неловко замялся возле

двери.

— Что? — спросила миссис Карвелли.

— Хм-м… Спасибо за гостеприимство, — помычав, выдал я.

— Всегда рады видеть вас в нашем доме, молодой человек.

— И спасибо за Энджи, — добавил я, ненавидя себя за косноязычие. Но миссис Карвелли широко улыбнулась и чуть обняла меня.

— На здоровье! — сказала она со смешинкой в голосе.

Сидя в автобусе, я всю дорогу до дома мысленно переваривал кашу из событий и образов сегодняшнего вечера — пресс-конференция, обнаженное и податливое тело Энджи со мной в постели, ее мама, с улыбкой провожающая меня до двери.

Моя мама не спала, дожидаясь загулявшего сына. Она принялась расспрашивать меня о фильме, который мы с Энджи якобы смотрели, и я пересказал ей своими словами рецензию, заранее вычитанную мной из «Бэй Гардиан».

Улегшись в постель, я снова вспомнил о пресс-конференции и вдруг словил такой кайф, что выше крыши. Круто все-таки, собрал — в игре! — всех этих надутых журналистов, толкнул им

речь, а они слушали и меня, и тех, кто думает так же, как я. Короче, не помню, как я отрубился, но наверняка с улыбкой на лице.

Этого следовало ожидать.

Лидер икснета: Я мог бы пронести в самолет металлический предмет. ДНБ правит без моего согласия. Юные икснетовцы: США, вон из Сан-Франциско!

И это только *хорошие* заголовки. Народ услужливо слал газетные статьи, чтобы я мог разместить их на своем блоге, но заниматься этим мне хотелось меньше всего.

Я все-таки облажался. После моей пресс-конференции журналисты пришли к выводу, что икснетовцы либо террористы, либо пособники террористов. Самой вредной оказалась ведущая выпуска новостей канала «Фокс», очевидно, решившая в конце концов почтить нас своим присутствием. В десятиминутном комментарии она рассказала телезрителям о нашей «преступной измене». На всех открытых мною информационных сайтах цитировался ее патетический завершающий пассаж:

«Они говорят, у них нет имени. Думаю, у меня найдется подходящее имя для этих избалован-

ных подростков. Назовем их „Каль-Каида“ по первым буквам их родного штата, потому что они выполняют за террористов их работу дома, в Калифорнии. И когда — не если, а именно когда — в Калифорнии вновь прогремят взрывы, вина ляжет на этих выродков в не меньшей степени, чем на саудовскую династию».

Руководители антивоенного движения объявили нас «отщепенцами». Один из них выступил по телевидению с «разоблачением» департамента национальной безопасности, который, по его словам, инспирировал наше возникновение с целью дискредитировать пацифистов.

Дээнбисты на собственной пресс-конференции обещали удвоить усилия по обеспечению безопасности в Сан-Франциско. Они принесли с собой надыбанный где-то арфидный клонер и продемонстрировали прессе, как с его помощью можно угнать автомобиль. В завершение они призвали всех граждан к бдительности, а также просили обращать внимание на подозрительных молодых людей, особенно тех, кто прячет руки.

Они и не думали шутить. Я дописал свою работу по бит-поэзии и взялся за сочинение о «лете любви» 1967 года, когда десятки тысяч участников антивоенного движения и хиппи собрались

в Сан-Франциско. В городе имелось немало архивов и экспозиций, где я мог найти материалы на эту тему, в том числе музей хиппи на улице Хейт — его открыли учредители компании «Бен-энд-Джерриз», в прошлом сами хиппи.

Но перемещаться по городу было не так-то просто. На протяжении недели копы останавливали меня в среднем четыре раза на день, обыскивали, проверяли документы, спрашивали, почему я шляюсь по улицам средь бела дня, тщательно изучали мою справку из школы об отстранении от занятий.

Мне повезло, меня ни разу не арестовали. Но другие икснетовцы оказались менее удачливыми. Каждый вечер дээнбисты возвещали по телевидению об очередной поимке икснетовских «зачинщиков» и «агентов», раскладывали перед камерами конфискованные арфидные сканеры и прочие девайсы, обнаруженные у ребят в карманах. Задержанные якобы уже начали «давать показания», называть имена «сообщников», раскрывать «организационную структуру икснетовской сети». Объявлялось также о предстоящих вскоре новых арестах. Часто упоминалась «кличка главаря» M1k3y.

Все это приводило отца в восторг. Мы смотрели

новости вместе — он злорадствовал, а я потихоньку съеживался от нехорошего предчувствия.

— Ты знаешь, какую методику применяют против этих ублюдков? — восхищенно делился со мной папа. — Мне самому довелось наблюдать. Поймают парочку и начинают сверять списки адресов, с которыми они связываются в Интернете, и содержимое их мобильников. То же проделывают с другими задержанными, находят совпадения и ниточки, которые ведут к новым подозреваемым. В конце концов всю эту сеть распустят, как старый свитер!

Я отменил визит Энджи к нам домой, зато все чаще наведывался в гости к ней. Ее сестра, Тина, даже стала называть меня «постояльцем». Это звучало примерно так: «А постоялец к ужину спустится?». Мне нравилась Тина. Ей ни до чего не было дела, кроме танцев, вечеринок и парней, но в ее компании не соскучишься, и в старшей сестре она души не чаяла. Однажды вечером, когда мы вместе закончили мыть посуду после ужина, Тина вытерла руки и сказала как бы между прочим: «Знаешь, Маркус, ты вроде бы нормальный парень, мне, во всяком случае, нравишься, а Энджи по тебе с ума сходит. Однако имей в виду: если ты ее обидишь, я тебя из-под земли достану,

возьму за мошонку и натяну ее тебе же на голову. Учти, мало не покажется».

Я заверил ее, что скорее сам натяну свою мошонку себе на голову, чем обижу Энджи, и Тина удовлетворенно кивнула: «Ну, вот и договорились».

— Убойная у тебя сестричка, — заметил я Энджи, опять лежа вместе с ней на кровати и просматривая икснетовские блоги. Мы только этим в основном и занимались: валяли дурака да лазили по икснету.

— Она, случайно, не произносила свою коронную фразу про мошонку? Это отвратительно. Знаешь, ей почему-то нравится слово «мошонка». Но ты не обращай внимания, тут ничего личного.

Я поцеловал Энджи. Мы стали читать дальше.

— Ты только послушай, — сказала Энджи. — «В грядущие выходные полиция рассчитывает осуществить от четырехсот до пятисот арестов в ходе предстоящей самой широкомасштабной на сегодняшний день операции против икснетовских диссидентов»!

Меня чуть не стошнило.

— Нельзя этого допустить, — сказал я. — Знаешь, есть ребята, которые сейчас джамят еще

больше, просто желая доказать, что им море по колено. Ну не дурдом ли?

— А я считаю, что они молодцы, — ответила Энджи. — Пусть знают, что нас не запугать.

— Что? Нет, Энджи, нет! Мы не можем дать им повод бросить за решетку сотни ребят. Я сидел в тюрьме и знаю, что это такое. Там гораздо хуже, чем ты думаешь. Ты даже не представляешь, как там паршиво.

— У меня достаточно богатое воображение, — сказала Энджи.

— Ну все, хватит. Это слишком серьезно. Я не могу допустить новых арестов. А если буду сидеть сложа руки, то стану тем гадом, за какого меня держит Ван.

— Маркус, я прекрасно понимаю, насколько это серьезно. Ты думаешь, те ребята не знают, что им грозит тюрьма? Они, как и ты, борются за правое дело. Так поверь, что они делают это сознательно, предвидя последствия собственных поступков. И не тебе решать за них, бросить вызов опасности или спрятаться от нее.

— В моих силах остановить их, а значит, я несу ответственность за те самые последствия.

— Ты же все время отнекивался, когда тебя прочили в лидеры?

— И сейчас говорю, что никакой я не лидер. Но куда деваться, если люди сами обращаются ко мне? И если от меня зависит, останутся ли они на свободе, то я должен это сделать! Ну скажи, разве не так?

— Я могу сказать только, что ты готов рвать когти при первых признаках опасности. Боишься, что тебя вычислят. Думаю, ты дрожишь прежде всего за свою свободу!

— Ну, ты уж совсем меня с дерьмом смешала, — пробормотал я, отстраняясь от Энджи.

— Ай-ай-ай, бедненький мальчик! А кого чуть кондрашка не хватил, когда его в лицо назвали секретным-рассекретным ником?

— При чем тут это? И вообще, сейчас речь не обо мне, сама понимаешь. Энджи, ну почему ты такая?

— Почему *ты* такой! — сердито прикрикнула Энджи. — Почему у тебя не хватает смелости и воли оставаться тем, кто заварил всю эту кашу?

— Потому что это равносильно самоубийству!

— Какая же ты мелкая, трусливая дешевка, M1k3y!

— Не смей так обзываться!

— Ой-ёй-ёй, откуда что берется! Никак, ты осмелел, *M1k3y?*

Я слез с кровати, обулся, взял свою сумку и потопал домой.

> Почему я перестал джамить.

> Я никому ничего не указываю, потому что никакой я не начальник, несмотря на утверждения «Фокс-ньюс».

> Но я скажу вам, как сам лично планирую поступить, и если вы решите, что это правильно, можете последовать моему примеру.

> Я перестал джамить. По меньшей мере на этой неделе. А может, и на следующей. И не потому, что я испугался. Просто и ежу понятно, что на свободе лучше, чем в тюрьме. Дээнбисты придумали, как противодействовать нашей тактике, поэтому нам надо разработать новую тактику — не важно какую, лишь бы работала. Нет ни малейшего смысла в том, чтобы вслепую лезть в петлю. Это всего лишь джаминг, а обломиться за него может по полной катушке.

> Есть еще одно соображение. Если попадетесь на джаминге, дээнбисты могут через вас выйти на других ребят, ваших

друзей и друзей ваших друзей. Заодно загребут даже тех, кто не пользуется икснетом, потому что ДНБ, как разъяренный бык, топчет всех подряд, им плевать, виноват человек или нет.

> Еще раз повторяю, я вам не указ.

> Но дээнбисты тупые, а мы крутые. Наш джаминг доказал, что им не под силу бороться с террористами, раз они не могут справиться с обычными подростками. А если вы попадетесь, они как бы окажутся умнее нас.

> НИКОГДА ИМ НАС НЕ ПЕРЕПЛЮНУТЬ! Мы самые крутые! Мы опять перехитрим ДНБ. Давайте вместе подумаем, как их снова опустить вместе со всеми козлами, которые объявили охоту на подростков!

Я разместил текст на своем блоге и лег спать. Я думал об Энджи.

Мы с Энджи не общались четыре дня, включая выходные, после которых закончилось мое двухнедельное отстранение от занятий в школе. Миллион раз я хотел позвонить ей либо отправить уже готовое сообщение по электронной почте или в чате, но так и не сумел собраться с духом.

И вот я вновь на уроке обществоведения, и миссис Андерсен, приторно улыбаясь, поздоровалась со мной и с комичной вежливостью поинтересовалась, как прошли «каникулы». Я пробормотал: «Никак», — и сел на свое место. До моего слуха донесся смешок Чарльза.

Темой урока было «очевидное предназначение» — теория, по которой американцам якобы самой судьбой предопределено править миром. Во всяком случае, это откровение следовало из объяснений миссис Андерсен. Она подбирала такие слова, будто нарочно провоцировала меня опять ляпнуть что-нибудь поперек и вылететь из школы.

Взоры целого класса устремились на меня, и я снова ощутил себя в шкуре M1k3y, предводителя икснетовского движения. Меня уже заколебало, что всем надо видеть во мне предводителя! Я хотел к Энджи.

Мне удалось продержаться до конца занятий, ничего не отчебучив. За весь день я не произнес, наверное, и восьми слов.

Едва прозвенел последний звонок, я ринулся прочь из дурацкой школы, на дурацкую улицу, к своему дурацкому дому.

Не успел я шагнуть из школьных ворот, как

получил от кого-то настолько мощный толчок, что грохнулся на тротуар. Этим бараном оказался какой-то бомж, возрастом чуть старше меня. На нем было длинное засаленное пальто, обвислые джинсы и кроссовки в той стадии разложения, когда по ним будто прошлись топором. Грязные лохмы падали ему на лицо, а жидкая, ни разу не бритая бороденка уползала по горлу за вязаный воротник свитера непонятного цвета.

Все это я созерцал, лежа на тротуаре рядом с незнакомцем под недоуменными взглядами прохожих. Похоже, я очутился у него на пути, когда он двигал поршнями по Валенсии, не разбирая дороги и согнувшись под тяжестью рюкзака — тот валялся тут же, расползшийся кое-где по швам и весь в каких-то геометрических фигурах, нарисованных маркером.

Бомж с трудом поднялся на колени, покачиваясь взад-вперед, будто пьяный или сильно ушибся головой.

— Прости, приятель, — сказал он. — Я тебя не заметил. Ты как, в порядке?

Я принял сидячее положение. Вроде ничего не болит.

— Кха. Кажись, да.

Он поднялся на ноги и улыбнулся. У него ока-

зались на удивление белые ровные зубы — хоть сейчас на рекламу стоматологической лечебницы. Я пожал его протянутую руку, она была сильной и твердой.

— Ну, прости еще раз. — Он выговаривал слова отчетливо, звонким голосом, хотя по внешнему виду я ожидал от него бессвязной, пьяной речи, типа того, как бормочут себе под нос алкаши, бредущие по Мишн поздней ночью неизвестно куда. Нет, так, как он, изъясняются интеллигентные продавцы книжных магазинов.

— Без проблем, — ответил я. Парень опять протянул мне руку.

— Зеб, — представился он.

— Маркус.

— Рад знакомству, Маркус. Надеюсь, когда-нибудь опять столкнемся!

Он засмеялся, подхватил свой рюкзак, развернулся на каблуках и зашагал прочь.

Это происшествие почему-то меня здорово ошарашило. Но дома я забыл о нем, когда мы с мамой вдвоем сели на кухне и принялись болтать обо всем, как в старые добрые времена.

Потом я поднялся к себе в комнату и тяжело опустился на свой рабочий стул. Заглядывать в икснет не хотелось. Утром перед школой я вклю-

чил его ненадолго и убедился, что мое обращение вызвало бурю противоречивых суждений. Одни соглашались со мной, другие откровенно взбычились из-за того, что я предлагал им отказаться от любимого развлечения.

В моей прежней жизни я занимался одновременно кучей разных проектов, которые так и остались незаконченными. Например, собирал мини-видеокамеру из детского конструктора «Лего». А еще экспериментировал с аэрофотосъемкой с воздушного змея. Для этого я приспособил старый цифровой фотоаппарат, а спусковое устройство сварганил из силиконовой тянучки, которая растягивалась при запуске змея, а затем медленно возвращалась в первоначальную форму и приводила в действие затвор через равные промежутки времени. Еще я встраивал ламповый усилитель в старую, ржавую и помятую банку из-под оливкового масла, чтобы он выглядел археологической находкой, а в дальнейшем планировал приделать к нему порт для моего мобильника и акустику стандарта 5.1 в корпусах из консервных банок.

Я окинул взглядом все свои заготовки и наконец выбрал мини-видеокамеру. Складывать вместе пластмассовые кирпичики конструктора

— сейчас самое подходящее для меня занятие.

Я снял с себя наручные часы, массивный перстень на два пальца с изображением обезьяны и ниндзя, готовых схватиться в поединке, и положил в шкатулку, где обычно хранил мобильник, бумажник, ключи, вайфайндер, мелочь, батарейки и кабели — в общем, всякое барахло, которым нагружал свои карманы и шею с утра перед выходом из дома. Короче, свалил я все это в шкатулку и вдруг заметил в ней какую-то незнакомую бумажку.

Я взял ее двумя пальцами: серенькая, измятая до ветхости, с опушкой по истертым краям и, очевидно, оторванная от края большего по размеру листа бумаги. Ее испещряли мельчайшие, старательно выведенные буковки. Я развернул бумажку: она сплошь была покрыта рукописным текстом, который начинался с верхнего левого угла одной стороны и заканчивался печатными буквами подписи в правом нижнем углу оборотной.

Подпись гласила: ЗЕБ.

Я сел за стол и принялся читать.

Привет, Маркус!
Я тебя знаю, а ты меня — нет. Все три

месяца, минувшие со дня взрыва моста Бэй-бридж, я просидел в тюрьме на Острове Сокровищ. Я тоже был на прогулке, когда ты заговорил с той азиаткой, и видел, как тебя замесили. А ты молодец, не струхнул.

На следующий день у меня лопнул аппендикс, и после операции я очутился в изоляторе. На соседней койке со мной лежал парень по имени Даррел. У нас обоих лечение слишком затянулось, и к тому времени, как мы полностью оклемались, им уже было стремно выпускать нас на волю.

И тогда нас решили конкретно сдать в камеру хранения, то есть принялись шить дело. Допрашивали каждый день — ты знаешь, каково это, опускают по полной программе. Так вот, представь, что тебя мурыжат месяцами. В конце концов нас вместе сунули в одну камеру, естественно, с прослушкой, так что мы если базарили, то не по делу. Зато по ночам мы сдвигали наши подстилки и тихонько перестукивались азбукой Морзе (я не сомневался, что мое давнее увлече-

ние радиолюбительством пригодится в жизни).

Поначалу на допросах нам гнали одно и то же фуфло, типа кто взорвал, как взорвал. Потом вдруг разговор зашел об икснете, и пошло-поехало. Мы в натуре вообще не в курсе, но они уже с нас не слезали.

Даррел сказал мне, что на допросе перед ним разложили арфидные клонеры, иксбоксы и прочие девайсы и стали допытываться, кто занимается их модификацией и где этому обучают. А еще Даррел рассказал о ваших играх и разных примочках, которыми вы пользовались.

Дээнбисты особенно интересовались нашими знакомыми и все спрашивали — кто ваши друзья, что можете о них сообщить, каковы их политические взгляды, есть ли у них проблемы в школе или с законом.

Мы прозвали эту тюрьму «Гуантанамо». Прошла неделя, как я выбрался оттуда, но там остается еще немало ребят и девчонок, чьи родители даже не подозревают, что их дети живы и на-

ходятся совсем рядом, посреди залива. В тихую ночь туда доносятся людские голоса и смех с городской набережной.

Я сделал ноги на прошлой неделе. Как — не скажу. Если эта записка попадет в чужие руки, лазейка может закрыться, и ею не воспользуются другие.

Даррел объяснил мне, как разыскать тебя, и взял с меня слово, если вырвусь на свободу, рассказать тебе обо всем. Я выполнил обещание и теперь сматываю удочки отсюда и вообще из Штатов. Гори они синим пламенем!

Не сдавайся. Они тебя боятся. Надери им задницу и за меня тоже. Не попадайся.

ЗЕБ

Дочитывать до конца мне мешали застилающие глаза слезы. У меня на столе всегда валялась пластмассовая зажигалка, с помощью которой я обычно расплавлял изоляцию на кончиках проводов. Я откопал ее среди прочего барахла и поднес к записке, понимая, что мой долг перед Зебом — не позволить чужим глазам увидеть ее, иначе веревочка могла потянуться за ним, куда бы он ни уехал.

Я держал огонек зажигалки перед запиской и не мог заставить себя сделать это. Даррел.

Из-за бестолковой суеты последних дней, связанной с икснетом, Энджи и ДНБ, я совсем позабыл о своем друге. Он превратился в призрака, в воспоминание, словно переехал жить в другой город или за границу по школьному обмену. И все это время его допрашивали, требовали выдать меня, заложить икснетовцев, джамеров. Все это время он никуда не уезжал, его держали совсем рядом, на заброшенной военной базе Острова Сокровищ, примерно на полпути через разрушенный пролет моста Бэй-бридж. Так близко, что я мог запросто доплыть до него.

Я погасил зажигалку и перечитал записку, но теперь уж не удержался и заревел, как пацан, всхлипывая и обливаясь слезами. Неожиданно ко мне вернулись все испытанные мной тогда ощущения — унижение на допросах, проводимых дамой с топорной стрижкой, мои джинсы, вонючие и заскорузлые от высохшей мочи.

— Маркус?!

В распахнутой двери комнаты стояла мама и смотрела на меня встревоженными глазами. Сколько времени она наблюдает мою истерику?

Я утерся всей пятерней и, хлюпнув носом, про-

глотил сопли.

— Привет, ма.

Она подошла и обняла меня.

— Что с тобой?

Записка лежала на столе.

— Это от твоей девушки? Вы не поладили?

Мама сама предоставила мне удобную возможность свалить все на ссору с Энджи, после чего она просто ушла бы, оставив меня в покое. Я открыл рот, чтобы подтвердить ее догадку, но вместо этого выпалил:

— Я был в тюрьме. После взрыва моста. Все эти дни меня держали за решеткой.

Тут я начал издавать звуки, не имеющие ничего общего с моим голосом. Скорее, это были какие-то звериные стоны вроде ослиного рева или кошачьего мява по ночам. Меня била дрожь, грудь моя судорожно вздымалась, спазмы больно сдавливали горло.

Мама пересадила меня на кровать, крепко прижала к себе, будто, как в детстве, хотела взять на руки, и принялась покачиваться вместе со мной, гладить по голове, приговаривать на ухо что-то успокаивающее. Постепенно я перестал трястись и всхлипывать.

С последним судорожным вздохом я отпил

из поданного мамой стакана воды. Потом она устроилась на стуле напротив меня, и я рассказал ей все.

Все без утайки.

Ну, или почти все.

Глава 16

Сначала мама слушала с испуганным видом, но мало-помалу стала приходить в ярость. Под конец она совершенно потеряла дар речи и сидела с ошеломленно раскрытым ртом, внимая моим откровениям о допросах, о том, как со связанными руками я писал себе в штаны, о мешке на голове, о Дарреле. В завершение я показал ей записку Зеба.

— Ради чего?!

В этом вопросе для меня сосредоточились все обвинения, выдвинутые мною в свой адрес бессонными ночами; каждое малодушно упущенное мгновение истины, которую я мог поведать миру; и цели моей нынешней борьбы, и причины появления на свет икснета.

Я набрал полную грудь воздуха, пересиливая волнение.

— Мне пригрозили тюрьмой, если проговорюсь. Обещали упечь навсегда. Я… мне было страшно.

Мама долго молчала, потом спросила:

— Отец Даррела знает?

Меня будто обухом по голове ударило. Отец

Даррела! Он, наверное, давно решил, что его сына нет в живых.

А разве это не одно и то же? Неужели ДНБ отпустит Даррела на свободу после трех месяцев незаконного заключения?

Но Зеб же выбрался оттуда. Может, и Даррелу удастся. А мы в паре с икснетом пособим ему.

— Отцу Даррела ничего не известно, — признался я.

Теперь плакала мама. Ей, как истинной британке, это давалось с гораздо большим трудом. Она издавала тихие, икающие звуки, и слышать их было мучительно.

— Ты должен рассказать ему, — с трудом произнесла мама. — Должен!

— Я расскажу.

— Но сначала пусть *твой* отец обо всем узнает.

Рабочий день папы больше не заканчивался в один и тот же час. После консультаций — у его клиентов в Силиконовой долине заметно прибавилось заказов, поскольку дээнбистам требовалось перерабатывать все больше электронной информации со всего полуострова — ему приходилось преодолевать неблизкий путь до Беркли, так что домой он мог вернуться в любое время между шестью вечера и полуночью.

Но сегодня мама позвонила ему и велела отправляться домой *немедленно.* Видимо, папа пытался возражать, поэтому она повторила твердым голосом: *немедленно!*

Когда он приехал, мы все расположились в гостиной вокруг кофейного столика, в центре которого лежала записка Зеба.

Рассказывать во второй раз оказалось много легче, наверное, потому, что тайна перестала быть тайной. Я ничего не приукрасил, ничего не скрыл, а просто облегчил душу.

Хорошо знакомое выражение «облегчить душу» до сегодняшнего дня не имело для меня никакого значения. Только теперь мне стало понятно, как тяжело носить в себе бремя невысказанного, как терзала мою душу тайна, как отравляла сознание страхом и стыдом, заставляя меня быть таким, каким я заслуживал презрение Энджи.

Папа слушал молча, с каменным лицом, напряженно выпрямившись, будто шест проглотил. Я протянул ему записку Зеба, он прочитал ее дважды и медленно вернул на столик.

После этого встал, покачал головой и направился к двери.

— Ты куда? — с тревогой спросила мама.

— Прогуляюсь, — с запинкой ответил папа над-

ломленным голосом.

Мы с мамой смущенно переглянулись и остались ждать его возвращения. Я попытался вообразить, что сейчас творится в отцовской голове. После взрывов он стал другим человеком, и, по словам мамы, перемена произошла в те дни, когда оба прощались со мной, думая, что я погиб. Отец придерживался твердого мнения, что террористы чуть не убили его сына, и ненавидел их до безумия.

До такой степени безумия, что послушной маленькой овечкой становился в стадо и выполнял любые указания ДНБ, позволял погонять, контролировать себя.

Но теперь он знал, что дээнбисты бросили меня за решетку, что в «Гуантанамо» они держат в заложниках других детей города Сан-Франциско. Теперь для меня все стало на свои места. Ну конечно, ведь и меня с мешком на голове тоже отвезли на Остров Сокровищ! Куда еще можно доплыть от Сан-Франциско на катере за десять минут?

Вернулся папа. В таком взбыченном состоянии я его еще никогда не видел.

— Ты должен был сразу рассказать мне! — зарычал он с порога.

Мама поспешно шагнула между нами.

— Не надо перекладывать вину на Маркуса, — сказала она. — Виноваты те, кто похищает и запугивает людей.

Папа мотнул головой и даже притопнул с досады.

— Я не перекладываю вину на Маркуса. И прекрасно понимаю, кто виноват. Я виноват! Я и проклятый ДНБ. Так, обувайтесь и одевайтесь, мы уходим!

— Куда?

— К отцу Даррела. А после навестим Барбару Стрэтфорд.

Это имя показалось мне знакомым, но я не помнил, где его слышал. Может, одна из давнишних родительских приятельниц, просто имя вылетело из памяти?

Мы ехали к дому Даррела. Я всегда чувствовал себя неловко в обществе его отца, бывшего военно-морского радиста, который и у себя в семье установил порядки, как на боевом корабле. Даррел с малолетства знал азбуку Морзе, чему я всегда завидовал. Именно поэтому послание Зеба не вызывало у меня сомнений. Однако, помимо азбуки Морзе и других клёвых примочек в том же духе, отец Даррела установил в доме

железную армейскую дисциплину, такую же бессмысленную, как казарменные «отбивы» для одеял заправленных солдатских коек или обязательное бритье два раза в день. Тут уж Даррелу не позавидуешь.

Когда его матери обрыдло жить в казарме, она уехала к своим родителям в Миннесоту. Даррелу к тому времени исполнилось десять лет. С тех пор он навещал мать в летние и рождественские каникулы.

Я сидел на заднем сиденье папиной машины и смотрел ему в затылок. Мне было видно, как напряжены мышцы у него на шее и играют желваки, когда он яростно стискивал зубы.

Мамина ладонь лежала у папы на руке, а вот меня успокоить и ободрить было некому. Если б я мог позвонить Энджи! Или Джолу. Или Ванессе. Наверное, я так и сделаю — пусть только закончится этот тяжелый день.

— Представляю, как он сходит с ума от мыслей о сыне, — сказал папа, вращая руль на головокружительном серпантине дороги, взбирающейся по склону горы Твин-Пикс к небольшому двухэтажному дому отца Даррела. Свет фар упирался в обычный для ночного Сан-Франциско туман, окутывавший раздвоенную горную вершину.

Каждый раз на очередном вираже за окошком внизу передо мной открывались чаши долин, наполненные мерцающими и дрожащими сквозь дымку россыпями огоньков большого города.

— Этот дом?

— Да, — подтвердил я, — этот. — Я безошибочно узнал дом, в котором за долгие годы бывал многократно, хотя с последнего раза минуло несколько месяцев.

Втроем мы вышли из машины и некоторое время неподвижно стояли, выжидая, кто возьмет на себя смелость позвонить в дверь. К моему удивлению, это сделал я.

Затаив дыхание, мы молча постояли еще с минуту. Я опять нажал кнопку звонка. Машина отца Даррела стояла в проезде к дому, в гостиной горел свет. Я уже собирался позвонить в третий раз, но тут дверь отворилась.

— Маркус? — Я помнил отца Даррела совершенно иным. Сейчас он был небрит, в домашнем халате, с покрасневшими глазами и отросшими ногтями на пальцах босых ног. Тело обрюзгло и прибавило в весе, под твердой челюстью морского волка вырос вялый второй подбородок. Поредевшие волосы свалялись и торчали клочками.

— Здравствуйте, мистер Гловер, — сказал я. Мои родители подошли и встали у меня за спиной.

— Привет, Рон, — сказала мама.

— Здорово, — сказал папа.

— И вы здесь? Чего вам?

— Может, пригласишь в дом?

Гостиная выглядела, словно из телевизионного репортажа о брошенных детях, проживших взаперти целый месяц, пока им на помощь не пришли соседи: повсюду валялись пустые коробки из-под замороженных продуктов и бутылки из-под сока, пивные банки, миски с заплесневевшими остатками какой-то кашицы и старые газеты. Под ногами что-то хрустело, разило кошачьей мочой, хотя и без нее смрад стоял, как в туалете автобусной станции.

Продавленная от постоянного лежания кушетка была застелена грязными простынями и двумя подушками с посеревшими наволочками.

Мы остановились, ошеломленные этим зрелищем, от смущения забыв о цели нашего прихода. Отцу Даррела, очевидно, хотелось только одного — провалиться сквозь землю.

Он медленно наклонился, отогнул угол простыней на краю дивана, потом такими же неловкими движениями освободил сиденья двух стульев от

продуктовых упаковок и одноразовых тарелок, отнес их на кухню и, судя по звуку, свалил где-то в углу прямо на пол.

Мы с опаской расселись на расчищенных местах. Вернулся отец Даррела и тоже сел.

— Извините, — угрюмо сказал он, — но мне нечего предложить вам, даже кофе не осталось. Продукты подвезут только завтра.

— Рон, — начал папа, — мы приехали, чтобы сообщить тебе кое о чем. Новость не из легких, так что приготовься.

Пока я говорил, мистер Гловер ни разу не шелохнулся. Он взял записку Зеба и прочитал, но, похоже, ничего не понял и перечитал сначала. Потом вернул ее мне.

Его стала бить дрожь.

— Мой сын…

— Даррел жив, — ответил я, не дожидаясь завершения вопроса. — Даррел жив и находится в тюрьме Острова Сокровищ.

Он прикусил зубами стиснутый кулак, и страшный, нечеловеческий стон вырвался у него из груди.

— Одна моя хорошая знакомая работает в «Бэй Гардиан», — поспешно сказал ему папа. — Расследует всякие темные дела.

Так вот почему мне знакомо имя Барбары Стрэтфорд, подумал я. Очень часто корреспонденты бесплатного еженедельника «Бэй Гардиан» переходят работать в крупные газеты или интернетовские издания, но только не Барбара Стрэтфорд, одна из его старейших сотрудниц. У меня сохранилось смутное детское воспоминание о том, как она ужинала вместе с нами.

— Мы договорились о встрече и сейчас направляемся к ней, — добавила мама. — Если хочешь, присоединяйся к нам. Она должна знать о том, что пережили наши дети.

Мистер Гловер закрыл лицо руками и несколько раз глубоко вздохнул. Папа положил было руку ему на плечо, но тот резким движением отбросил ее.

— Мне надо привести себя в порядок, — сказал мистер Гловер. — Подождите здесь, я скоро.

Он спустился в гостиную другим человеком — чисто выбрит, волосы при помощи геля гладко зачесаны назад, одет в отутюженную военную форму с полоской ленточек боевых наград на груди. Мистер Гловер остановился на последней ступеньке лестницы и смущенно сказал:

— К сожалению, это единственная чистая одежда, какая у меня осталась. Но, мне кажется, для

сегодняшнего случая подойдет. Ну знаете, если ей понадобится фотографировать для газеты.

Мистер Гловер сел спереди рядом с папой, а я устроился у него за спиной и всю дорогу вдыхал запах пива, которым он, похоже, пропитался насквозь.

Мы подкатили к дому Барбары Стрэтфорд уже к полуночи. Она жила за городом, в Маунтин-Вью. Пока мы мчались по сто первой автотрассе, никто не произнес ни слова. По краям дороги тянулись современные жилые строения со всякими технологическим наворотами.

Эта часть зоны залива отличалась от района, где жили мы, и больше походила на пригородную Америку, какую можно видеть по телевизору: кучки типовых домов, выросшие на загородных шоссе, микрорайоны и целые городки, в которых не увидишь бомжей, толкающих перед собой по тротуару магазинные тележки с барахлом, — тут и тротуаров-то не было!

Пока мы поджидали мистера Гловера у него дома, мама по телефону предупредила Барбару о нашем визите. Она была так взволнована, что начисто позабыла о британской чопорности и не постеснялась поднять журналистку с постели. Мама категорическим тоном заявила, что им

надо срочно поговорить и обязательно с глазу на глаз.

Низкий, одноэтажный дом Барбары Стрэтфорд сразу напомнил мне жилище семейства Брэди из популярного комедийного телесериала. Перед ним расстилался ухоженный газон абсолютно правильной квадратной формы и возвышалась кирпичная стена, заслоняющая дом от дорожного шума. Она была выложена плиткой с абстрактным рисунком, а позади нее стояла мачта со старинной дециметровой телеантенной. Мы обошли стену и увидели, что в доме уже зажжен свет.

Дверь отворилась прежде, чем мы успели позвонить. Барбара Стрэтфорд была примерно одного возраста с моими родителями, высокая, худощавая, с орлиным носом и проницательными глазами, окруженными множеством смешливых морщинок. Одета в хипповые джинсы, какие я видел в одном из бутиков на улице Валенсии, и длинную, до бедер, просторную индейскую блузу. Она носила круглые очки, бликующие в свете из прихожей.

При виде нашей делегации Барбара скупо и немного растерянно улыбнулась.

— Я смотрю, вы ко мне всем кланом, — сказала

она. Мама кивнула:

— Через минуту поймешь почему.

Из-за папиной спины выступил мистер Гловер.

— О, вы даже подключили военно-морские силы?

— Не гони лошадей.

Мама представила мистера Гловера, и мы все поздоровались с Барбарой за руку. У нее были длинные, сильные пальцы.

В обстановке дома господствовал минималистский японский стиль. Немногочисленная низенькая мебель с точно выверенными пропорциями, большие глиняные горшки с упирающимися в потолок стеблями бамбука; на гладкую поверхность мраморного постамента взгромоздилась громадная ржавая железяка, похожая на кусок дизельного двигателя. Мне нравится, решил я про себя. Старые мореные половые доски отшлифованы, но не обработаны шпаклевкой, так что из-под лака видны все трещины и щели, и это мне действительно понравилось, особенно когда я прошелся по полу в одних носках.

— У меня кофе варится, — сообщила Барбара. — Кому налить?

В воздух поднялись четыре руки. Я с вызовом посмотрел на родителей.

— Понятно, — сказал Барбара.

Она вышла из комнаты через другую дверь и спустя минуту вернулась, держа в руках грубовато сработанный бамбуковый поднос. На нем стоял кофейный термос на полгаллона и шесть чашек, очень аккуратных и точных по форме, но украшенных примитивным и довольно небрежно выполненным рисунком. Они мне тоже понравились.

— Ну вот, — сказала Барбара, налив и раздав кофе. — Рада видеть вас снова. Маркус, в нашу последнюю встречу тебе было, наверное, лет семь. Помнится, ты показывал мне свои новые видеоигры и от счастья парил на седьмом небе.

Я об этом ничего не помнил, но ее описание, похоже, соответствовало моим увлечениям в семилетнем возрасте. Во что же я тогда играл — в игры к приставке «дримкаст»?

Барбара положила на стол кассетный диктофон, блокнот в желтой обложке, достала шариковую ручку и щелкнула ею, выдвинув стержень.

— Я готова выслушать все, что вы мне скажете, а также могу дать обещание не разглашать услышанное. Но я не могу обещать, что предприму какие-либо действия в связи с этой информацией или что она будет опубликована.

По ее тону я понял, что эта женщина, будь она подругой моей маме или нет, оказывает ей великую услугу, позволив вытащить себя из постели и согласившись выслушать. Очевидно, нелегко быть известной журналисткой, специализирующейся на расследованиях. Человек, наверное, миллион сочли бы за счастье, если бы она взялась за их дело.

Мама кивнула мне — мол, начинай. Несмотря на то, что я пересказал свою историю уже три раза за сегодняшний вечер, язык у меня вдруг стал плохо слушаться. Одно дело рассказывать родителям или отцу Даррела, и совсем другое сейчас — ведь наступает совершенно новый поворот во всей игре.

Я медленно говорил, подбирая слова и глядя, как Барбара делает пометки в блокноте. Пока объяснил, что такое ИАР и как мы с Даррелом слиняли в тот день из школы, выпил целую чашку кофе. Эта часть рассказа вызвала особенно напряженное внимание у мамы с папой и мистера Гловера. Я налил себе еще кофе и выпил его в течение той части, когда нас забрали и отвезли в тюрьму. К финалу повествования я прикончил весь термос и хотел писать со страшной силой.

В ванной комнате было так же пустынно, как

в гостиной. Возле умывальника лежало органическое мыло коричневого цвета, пахнущее землей. Я вернулся под молчаливыми взглядами взрослых.

Слово взял мистер Гловер. Ему, понятно, было нечего сказать по существу дела, он просто объяснил, что является ветераном, что его сын хороший мальчик, и каково это — поверить в смерть собственного ребенка, и как его бывшая жена, мать Даррела, получив это известие, лишилась чувств и в итоге очутилась в больнице. Мистер Гловер плакал, никого не стесняясь; слезы текли по горестным складкам на его лице и падали на обшлага мундира, оставляя на них темные пятна.

Барбара опять вышла в соседнюю комнату и вернулась с бутылкой ирландского виски.

— Это «Бушмилс», пятнадцать лет выдержки в бочке из-под рома, — сообщила она, расставляя на столе четыре стаканчика — меня, естественно, побоку. — Уже десять лет, как нет в продаже. Думаю, сегодня подходящий повод, чтоб откупорить бутылку.

Барбара разлила виски по стаканчикам, подняла свой и отпила половину. Остальные последовали ее примеру. Потом выпили еще, опорожнив

стаканчики. Барбара разлила по новой.

— Ну ладно, — заговорила она. — Вот, что я могу сказать прямо сейчас. Я вам верю. И не только потому, что знаю тебя, Лилиан. История звучит правдоподобно и подтверждает слухи, которые до меня доходят. Но мне мало одного вашего слова. Я проведу всестороннее расследование вашего рассказа и ваших личных жизней. Мне надо убедиться, что вы ничего не скрываете от меня, иначе это всплывет позже и дискредитирует информацию. Мне нужно знать все, как на исповеди! Работа по подготовке публикации может продлиться несколько недель. Важно также не накликать лишних неприятностей на вас и на Даррела. Если он действительно стал жертвой произвола ДНБ, то любая преждевременная утечка информации заставит их перевезти его к черту на кулички. Скажем, в Сирию. Или они сделают что-нибудь еще похуже.

Барбара многозначительно помолчала. Я понял, что она имеет в виду вероятность убийства Даррела.

— Сейчас я отсканирую это послание и сфотографирую вас двоих. Позже пришлем еще и редакционного фотографа, но мне хотелось бы уже сегодня все хорошенько задокументировать.

Я взял записку Зеба и прошел вместе с Барбарой в свободную спальню, переделанную под рабочую комнату, ожидая увидеть там стильное, но скромное оборудование в духе интерьера всего дома. Однако помещение было забито самыми новейшими компьютерами, большими плоскими мониторами, а огромный сканер позволял скопировать целый газетный разворот. Барбара уверенно управлялась со всеми этими девайсами. Я с одобрением заметил, что она пользуется операционной системой «параноид-линукс». Леди знает свое дело.

Шум от компьютерных вентиляторов создавал стабильную звуковую «завесу», но я все же для верности поплотнее закрыл дверь и приблизился к Барбаре.

— Хм-м… Барбара!

— Да?

— По поводу того, что вы говорили, что может быть использовано для моей дискредитации.

— Та-ак?

— Если я в чем-то признаюсь, вас ведь не могут вынудить рассказать об этом?

— Теоретически нет. Скажу тебе вот что: я дважды угодила за решетку и оба раза могла бы избежать этого, если бы выдала источник

информации.

— Угу… Угу. Ладно. Ух ты. Да уж. Ого, за решетку. Ну, ладно. — Я набрал полную грудь воздуха. — Вы слышали об икснете? О M1k3y?

— Слышала.

— Так вот, я и есть M1k3y.

— Ага, — произнесла Барбара, не переставая работать со сканером. Она подняла крышку и перевернула записку обратной стороной. Сканер обладал невероятной разрешающей способностью, не меньше десяти тысяч точек на квадратный дюйм, на экране это выглядело как изображение, полученное через электронный микроскоп.

— Ну что ж, это, несомненно, придает делу новый оттенок.

— Да, наверное, — согласился я.

— А твои родители, конечно, не знают.

— Нет. И я не уверен, что им надо знать.

— Однако и в неведении их оставлять нельзя, так что тебе придется над этим поразмыслить. И я тоже должна как следует все обдумать. Ты можешь зайти ко мне на работу? Мне хотелось бы в точности понять, что все это значит.

— У вас есть «иксбокс-универсал»? Я бы захватил с собой инсталлятор.

— Да, думаю, найдем. Когда придешь в редакцию, скажи в приемной, что ты мистер Браун и тебе назначена встреча со мной. Они все поймут. Тебя не станут регистрировать и отключат видеокамеры наблюдения вплоть до твоего ухода, а то, что успеет попасть на пленку, сотрут.

— Вот здорово! — восхитился я. — Кажется, мне это тоже нравится.

Барбара ухмыльнулась и довольно чувствительно ткнула меня кулаком в плечо.

— Сынок, я в этой игре уже черт знает сколько времени! И до сих пор мне удавалось провести на свободе больше лет, чем на нарах. Как говорится, в нашем деле лучше перебдеть, чем недобдеть!

На следующее утро в школе я был похож на зомби. Накануне спал всего три часа, и даже выпитые три чашки настоящего турецкого кофе не смогли полностью пробудить мой мозг. Кофе — продукт, вызывающий привыкание, поэтому, чтобы ощутить его бодрящее воздействие, приходится постоянно увеличивать дозы.

Лежа ночью в постели, я долго размышлял о том, что мне делать дальше. Мое сознание металось в лабиринте узких, извилистых, неразличимых между собой коридорчиков, ведущих к одному и тому же тупику. Как ни верти, един-

ственным выходом для меня оставался визит к Барбаре Стрэтфорд, который под многим подведет черту.

После окончания уроков мне хотелось только доползти до дома, упасть на кровать и уснуть мертвым сном. Вместо этого я потащился в портовую часть города, где располагалась редакция газеты «Бэй Гардиан». Нетвердо ступая и глядя себе под ноги, я вышел за ворота школы, свернул на Двадцать четвертую улицу, и тут сбоку от меня возникла другая пара ног, обутая в знакомые туфли. Я остановился.

— Энджи!

Наверное, мы оба выглядели одинаково. У Энджи от недосыпа покраснели глаза, в углах рта пролегли изможденные складки.

— Привет, — сказала она. — Сюрприз. Пришлось уйти из школы по-английски. Все равно в одно ухо влетает, во второе вылетает.

— Хм-м… — промычал я.

— Заткнись и обними меня, идиот!

Так я и сделал. И почувствовал себя гораздо лучше. Словно мне приставили на место кусок меня, который перед этим ампутировали.

— Я люблю тебя, Маркус Йаллоу!

— Я люблю тебя, Энджела Карвелли!

— О'кей, — сказала Энджи, отстраняясь. — Мне понравилось твое объяснение, почему ты перестал джамить. То есть я могу это понять. А ты нашел способ, как ставить им палки в колеса и не попадаться?

— Как раз сейчас я направляюсь на встречу с журналисткой, которая будет вести расследование нашего похищения дээнбистами и незаконного заключения в тюрьму на Острове Сокровищ, а потом напишет про это в газете, а также всю правду об икснете!

— А-а-а, — протянула Энджи и молча поводила глазами из стороны в сторону. — А что-нибудь покруче не мог придумать?

— Хочешь со мной?

— Ладно, пошли. И если не трудно, объясни все по порядку.

Мне это не составило труда после всех предыдущих выступлений в роли рассказчика. Пока мы с Энджи шкандыбали по Портеро-авеню, а затем по Тринадцатой улице, она держалась за мою руку и, слушая, то и дело напряженно сжимала ее.

Мы поднялись по лестнице, ведущей в редакцию «Бэй Гардиан», перешагивая через две ступеньки. У меня колотилось сердце, когда я подошел к столу регистрации посетителей, за

которым со скучающим видом сидела девушка-администратор.

— У меня назначена встреча с Барбарой Стрэтфорд. Меня зовут мистер Грин.

— А может, мистер Браун? — переспросила девушка с тем же выражением скуки на лице.

— То есть да, — поправился я, покраснев, — мистер Браун.

Девушка понажимала какие-то кнопки, глядя в экран своего компьютера, потом сказала:

— Присядьте. Барбара сейчас к вам выйдет. Кофе хотите?

— Да! — воскликнули мы оба в унисон. Вот одна из причин моей любви к Энджи: у нас с ней общее наркотическое пристрастие к кофеину.

Администраторша — привлекательная латиноамериканка, старше нас на каких-то пару лет, одетая в таком первозданном стиле, что выглядела чуть ли не «хипстер-ретро», — кивнула, ненадолго исчезла и вернулась, неся в каждой руке по чашке с логотипом газеты.

Мы стали пить кофе и разглядывать снующих через приемную посетителей и работников газеты. Наконец за нами пришла Барбара, практически в том же прикиде, что я видел на ней прошлой ночью. Впрочем, в этих джинсах она

смотрелась очень неплохо. Увидев, что я с девушкой, Барбара насмешливо выгнула бровь.

— Привет, — поздоровался я. — Это, э-э-э…

— Мисс Браун, — быстренько сориентировалась Энджи, протягивая журналистке руку. Ну да, конечно, надо соблюдать конспирацию. — Работаю вместе с мистером Грином! — добавила Энджи, легонько толкая меня локтем в бок.

— Ладно, пошли, — сказала Барбара и привела нас в комнату для совещаний с высокими стеклянными панелями, закрытыми жалюзи. Она поставила перед нами блюдо с органическими клонами печенья «Орео» из магазина «Хоул-Фудс», положила рядом цифровой диктофон и неизменный блокнот в желтой обложке.

— Не возражаешь, если эту беседу я тоже запишу? — спросила она меня.

Хм, об этом я не подумал. Конечно, аудиозапись пригодилась бы на случай, если мне вдруг понадобится оспорить будущую публикацию Барбары. Однако в моем положении выбирать не приходится. Либо я целиком доверяю ей, либо своими откровениями подписываю собственный приговор.

— Нет, не возражаю, — ответил я.

— Хорошо, тогда начнем. Юная леди, меня зо-

вут Барбара Стрэтфорд, я работаю в газете «Бэй Гардиан» и в данный момент занимаюсь журналистским расследованием. А теперь позвольте полюбопытствовать, кто вы такая и с какой целью находитесь здесь.

— Я занимаюсь икснетом вместе с Маркусом, — без тени смущения ответила Энджи. — Вам обязательно знать мою фамилию?

— Пока нет, — сказала Барбара. — Можете оставаться безымянной, если хотите. Маркус, я попросила тебя рассказать об икснете, чтобы лучше понять, какое отношение это имеет к истории Даррела и содержанию записки, что ты мне показал. Похоже, обе части хорошо дополняют одна другую; я могла бы обыграть то, что с вами приключилось, как первопричину возникновения икснета — «они нажили себе непримиримого врага» — или что-то в подобном духе. Но, если честно, я бы предпочла вообще не затрагивать этот аспект без необходимости. Я бы ограничилась хорошим, законченным очерком о секретной тюрьме, расположенной у самого порога нашего дома, чтобы не провоцировать обвинения в адрес некоторых заключенных этой тюрьмы, которые, дескать, выйдя на свободу, тут же организуют подпольную организацию с ве-

роятной целью дестабилизировать федеральное правительство. Ты наверняка поймешь, что я имею в виду.

Я понял. Если к нашим злоключениям подвязать события, связанные с икснетом, то найдутся люди, которые скажут: вот видите, таких надо сажать за решетку, а то они все вверх дном перевернут!

— Вы автор публикации, так что решайте сами, — сказал я. — Главное, как мне кажется, чтобы весь мир узнал о Дарреле. Когда появится ваша статья, дээнбисты поймут, что я заговорил, и начнут на меня охоту. Возможно, они догадаются о моей связи с икснетом или даже вычислят, что я и есть M1k3y. То есть я хочу сказать, что как только вы опубликуете материал о Дарреле, для меня так или иначе все будет, наверное, кончено. Я уже с этим в общем-то смирился.

— Ну что ж, как говорится, двум смертям не бывать, а одной не миновать, — подытожила Барбара. — М-да… Ладно, решено. Тогда, вы двое, расскажите мне все о создании и сути икснета, и хорошо бы увидеть его в действии. Я хочу знать, для каких целей вы его применяете, кто еще им пользуется, как производится подключение, кто создал программу — короче, все!

— На это понадобится время, — заметила Энджи.

— Время у меня найдется, — ответила ей Барбара. Она съела поддельное «орео» и запила его кофе. — Эта статья может стать величайшей публикацией за весь период «войны против террора». Эта статья может опрокинуть американское правительство. Когда тебе в руки попадает такая информация, с ней надо обращаться не спеша и аккуратно.

Глава 17

И мы рассказали ей все. Мне самому стало интересно. Оказывается, это кайф — обучать других пользоваться современными технологиями. Классно, когда у тебя на глазах люди начинают понимать, как посредством доступных им устройств сделать свою жизнь лучше, разнообразнее. Энджи здорово помогла мне — из нас двоих получилась отличная команда. Мы по очереди разъясняли журналистке икснетовскую кухню. Барбара, конечно, тоже молодец, все схватывала на лету.

Оказалось, что она в прошлом писала о криптовойнах в начале девяностых, когда правозащитные организации типа «Фонда электронных рубежей» боролись за право американцев пользоваться передовой шифровальной технологией. До сих пор у меня было смутное представление об этом периоде, но Барбара сумела рассказать мне о нем так потрясно, что я даже покрылся гусиной кожей.

Сейчас трудно поверить, но в то время правительство приравнивало криптографию к

боеприпасам и по соображениям национальной безопасности считало противозаконным продажу за границу знаний в этой области, а также использование их в личных целях граждан. Нет, вы понимаете? В нашей стране поставили вне закона *математику!*

Инициатором этого запрета стало Агентство национальной безопасности США. Оно разработало шифровальный стандарт, который, по утверждению руководства АНБ, был достаточно защищен для использования банками и их клиентами, но все же не настолько, чтобы позволить мафии сохранить в секрете от агентства свою бухгалтерию. Утверждали также, что взломать стандарт DES-56 практически невозможно. И тогда один из миллионеров-соучредителей «Фонда электронных рубежей» заплатил 250 тысяч долларов за создание дешифровщика, который раскалывал стандарт DES-56 всего за два часа.

Агентство национальной безопасности продолжало настаивать на том, что у американских граждан не должно быть секретов, в которые оно не имело бы доступа. Вот тогда «Фонд электронных рубежей» нанес свой смертельный удар. В 1995 году фонд представлял в суде интересы студента выпускного курса математики

университета в Беркли Дэна Бернштейна, автора наставления по шифровальному делу, в котором приводился компьютерный код для создания шифра в миллионы раз прочнее, чем DES-56. Естественно, для Агентства национальной безопасности такая публикация все равно что выстрел в спину, а потому оно запретило ее.

Наверное, непросто растолковать судье суть и предназначение криптографии, но оказалось, что обычный американский апелляционный суд не горит желанием указывать университетским выпускникам, какие статьи им писать разрешено, а какие нет. И криптовойны завершились победой [хороших парней, когда 9th Circuit Appellate Division Court поста]новил, что компьютерный код является формой выражения, а следовательно, защищен Первой поправкой к Конституции: «Конгресс не должен издавать ни одного закона, ограничивающего свободу слова». Если вам когда-нибудь доводилось делать покупки в интернет-магазине, или посылать секретное сообщение, или проверять свой счет в банке, значит, вы пользовались шифром, узаконенным «Фондом электронных рубежей». Поэтому слава богу, что в Агентстве национальной безопасности служат не слишком продвинутые чиновники. И

кстати, если уж им под силу взломать какой-то шифр, то, будьте уверены, террористы и гангстеры проделают то же самое не хуже.

Барбара была среди журналистов, освещавших криптовойны и судебный процесс, и заработала на этом солидный авторитет. Кроме того, она собаку съела на правозащитном движении в Сан-Франциско, застав последние его всплески, и потому сумела разглядеть общую суть борьбы за сохранение Конституции в реальном мире и в киберпространстве.

Короче, Барбара прониклась идеями икснета. Вряд ли мне удалось бы растолковать их моим родителям, но с Барбарой проблем не возникло. Она задавала правильные вопросы о наших криптографических протоколах и процедурах соблюдения секретности, и я иногда не знал, как на них ответить. Барбара даже указала на несколько слабых мест в защищенности икснета, выпавших из нашего поля зрения.

Мы включили иксбокс и вошли в сеть. Из редакционной комнаты нам удалось засечь четыре открытых Wi-Fi источника, и я дал команду программе задействовать их вперемешку через произвольные интервалы. Барбара и тут быстро сориентировалась; и вообще, икснет — тот же

Интернет, только кое в чем помедленнее, но зато анонимный и неотслеживаемый.

— Дальше что? — спросил я, полностью выдохшись к завершению нашего «семинара». После кофе меня мучила жуткая изжога. А тут еще Энджи все время пожимала мне под столом руку таким манером, что мне хотелось увести ее в какое-нибудь укромное место и довести до конца процесс примирения после нашей первой ссоры.

— Дальше начинается журналистика. Вы двое отправляйтесь домой, а я займусь перепроверкой и дополнением, насколько возможно, всего, что вы мне рассказали. Когда будет готов проект статьи, я дам вам его почитать. Вы также узнаете, на какую дату намечена публикация. И хорошо бы вам больше ни с кем не общаться на эту тему, потому что это настоящая сенсация, и она не должна быть запачкана домыслами прессы и дезинформацией ДНБ. Мне *придется* обратиться в ДНБ с просьбой прокомментировать материал, прежде чем отправить его в набор, но я приму все доступные меры предосторожности, чтоб не засветить вас. Об этом вы тоже узнаете заблаговременно, можете не сомневаться.

Барбара несколько секунд поразмышляла и заявила:

— И вот еще что: имейте в виду, эта история уже не ваша. Она моя. Я постараюсь отблагодарить вас за очень щедрый подарок, но вы теперь не вправе издавать предоставленную мне информацию без моего участия, изменять содержание или отнимать ее у меня. Колесо завертелось, и его уже не остановить. Вам это понятно?

Мне ничего подобного даже в голову не приходило, но после того, как Барбара произнесла это вслух, я понял, что согласен с ней без всяких оговорок. Естественно, слово не воробей, вылетело — не поймаешь. Оно, как запущенная боевая ракета, может попасть в цель или отклониться от курса, но назад уже не повернет. И довольно скоро мир узнает, что доселе никому не известный старшеклассник по имени Маркус Йаллоу накатил на ДНБ. Со всеми вытекающими последствиями.

Я стану ходячим трупом.

Похоже, примерно такие же мысли посетили Энджи, потому что лицо у нее вдруг приобрело зеленоватый оттенок.

— Пошли отсюда, — произнесла она сдавленным голосом.

Мама и сестра Энджи по обыкновению отсутствовали, так что вопрос, где нам провести вечер,

решился сам собой. Мои родители, зная, что после школы я встречаюсь с Барбарой, наверняка уже поужинали и вряд ли станут напрягать меня, если задержусь еще немного.

Поднявшись вместе с Энджи к ней в комнату, я не испытал ни малейшей охоты включить иксбокс. После сегодняшней порции икснета я был сыт им по горло. Весь окружающий мир для меня сосредоточился на одной только Энджи, Энджи, Энджи! Эти несколько дней жизни без Энджи, мучительное, паническое состояние при мысли, что она больше не любит меня, никогда не поцелует, не заговорит со мной, пробудили во мне по отношению к ней какое-то звериное желание, похожее на многодневный голод, на жажду, когда три часа без передыху гоняешь футбольный мяч и уже грезишь о стакане воды.

Я видел, что Энджи чувствует то же самое. Я понял это из ее взгляда, когда она закрыла за нами дверь своей спальни и посмотрела мне в глаза.

Наше взаимное влечение росло. Ничего подобного со мной еще не происходило. Мне хотелось поглотить ее тело, ее плоть, слиться с ней в единое целое.

До сих пор в наших эротических играх тон задавала Энджи. Она создавала сексуальный настрой,

первой дотрагивалась до меня, стаскивала с меня футболку, притягивала к себе мое лицо.

Но сегодня я не мог и не хотел играть роль пассивного партнера.

Как только щелкнул замок на двери спальни, я буквально сдернул с Энджи футболку, так что она едва успела поднять руки. Потом я также торопливо стянул с себя собственную рубашку, затрещавшую по швам.

Глаза Энджи сияли, рот приоткрылся, дыхание стало частым и шумным. Я тоже пыхтел, как паровоз, и сердце бешено колотилось в груди.

Мои руки продолжали поспешно раздевать нас обоих; на полу выросла кучка белья, словно приготовленная для стирки. Одним движением я смел в сторону наваленные на кровать книги и бумаги. Не снимая покрывала, мы повалились в постель, стискивая друг друга в объятиях, ошеломленные сладостным ощущением близости и тепла наших тел, мыча от наслаждения прижатыми ртами. Мои голосовые связки завибрировали от стона Энджи, и я словил такой кайф, что меня будто подстегнуло.

Энджи вдруг повернулась и протянула руку к прикроватной тумбочке. Выдернув ящик, она достала белую сумочку-аптечку и сунула мне. Я

заглянул внутрь — презервативы! «Троджаны». Спермицидные. Дюжина в нераспечатанной упаковке. Я с улыбкой посмотрел на Энджи, и она улыбнулась в ответ. Я вскрыл упаковку.

Сколько раз я представлял себе, как это будет! Сто тысяч, а может, миллион. Бывали дни, когда я вообще ни о чем другом не думал.

Но все случилось не так, как я ожидал. В чем-то лучше, а в чем-то — намного хуже. Пока мы делали это, время, казалось, остановилось. А когда все кончилось, вроде бы и секунды не прошло.

И еще что-то изменилось — во мне и между нами. То есть я чувствовал, что я — это я, но какой-то другой.

Но самое непонятное, нам обоим внезапно стало очень неловко. Мы молча собрали с пола и натянули на себя одежду, старательно избегая касаться друг друга и встречаться взглядами. Я достал салфетку из коробки «клинекса» на тумбочке и завернул в нее использованный презерватив, а в ванной обмотал еще туалетной бумагой и засунул поглубже в мусорное ведро.

Вернувшись в комнату, я увидел, что Энджи сидит на кровати и играет со своим иксбоксом. Я присел рядом и осторожно взял ее за руку. Она посмотрела на меня и улыбнулась. Мы оба ис-

пытывали странную физическую слабость, даже руки дрожали.

— Спасибо, — сказал я.

Энджи продолжала молча смотреть и улыбаться, только на глазах выступили две круглые слезинки и скатились по щекам. Я обнял ее, а она вдруг прижалась ко мне и прошептала:

— Ты хороший, Маркус Йаллоу. Спасибо тебе.

Я не знал, что ответить, и только обнял ее покрепче. Когда мы наконец расцепились, слез на глазах у Энджи больше не было, а улыбка осталась.

Она показала мне на мой иксбокс, лежащий на полу у кровати, я понял намек и спустя минуту уже подключился к икснету.

Все было как обычно. Куча сообщений в почтовом ящике. На блогах, которые я обычно читал, поток новых постов. Спам. Бог мой, сколько же спама я получал! Мой шведский почтовый ящик лапали все кому не лень, указывая его в качестве обратного адреса для рекламы и прочей ерунды, рассылаемой на сотни миллионов интернетовских аккаунтов, поэтому весь отфутболенный спам и возмущенные комментарии получал я. Не знаю, кто этим занимался. Возможно, ДНБ пытался забить до отказа мой почтовый ящик. Или

просто народ прикалывался. Впрочем, сервер Партии Пиратов был оснащен довольно хорошими фильтрами, а желающим предоставлялись пять сотен гигабайт памяти для хранения входящей почты. Так что утопить меня в ней было не так-то просто.

На удаление мусора ушло немало времени. И вообще, для почты, зашифрованной моим открытым ключом, у меня есть отдельный ящик, поскольку в ней может находиться конфиденциальная информация. До сих пор эта система работала — слава богу, распространители спама еще не сообразили, что использование открытых ключей сделало бы их рассылку более правдоподобной.

По сети доверия поступило с четверть сотни зашифрованных сообщений. Я бегло просмотрел их — к одним прилагались фото и видеоматериалы о злоупотреблениях ДНБ, другие представляли собой щекочущие нервы рассказы из серии «чуть не попался», третьи содержали нелицеприятные комментарии по поводу моего заявления на блоге — в общем, все, как обычно.

Тут я наткнулся на послание, зашифрованное *только* моим открытым ключом. То есть больше никто не мог прочитать его, но автор оставался

мне неизвестен. Отправителем значилась «Маша», однако я не понял, это ник или настоящее имя.

> M1k3y

> Я знаю тебя, а ты меня — нет.

> Меня арестовали в тот день, когда взорвали мост. Меня допрашивали. Но в итоге решили, что я ни при чем. Мне предложили сотрудничать, чтобы поймать террористов, убивших моих соседей.

> Предложение мне понравилось — поначалу. Тогда я еще не догадывалась, что в мои обязанности будет входить слежка за ребятами, которые выступали против превращения Сан-Франциско в концлагерь.

> Я проникла в икснет в первый же день его возникновения. Ты бы узнал меня, если бы я послала е-мейл с известного тебе адреса. Даже с трех адресов. Я пользуюсь твоим полным доверием, как любой другой семнадцатилетний подросток в сети икснет. С подачи моих кураторов я не раз подбрасывала тебе тщательно подготовленную дезинформацию.

> Они еще не знают, кто ты, но кольцо вокруг тебя сжимается. Продолжается активная вербовка икснетовцев, которые по неопытности вляпываются в неприятные истории. ДНБ копается в содержимом сайтов социальных служб, шантажирует проблемных подростков и обращает их в стукачей. Уже сейчас на ДНБ работают сотни икснетовцев. Я располагаю их именами, электронными адресами и шифровальными ключами — открытыми и личными.

> Вскоре после создания икснета мы занялись взломом «параноид-линукса». Пока существенных успехов не достигнуто, но хак неизбежен, это лишь вопрос времени. Как только взломают систему, тебе конец.

> Если мои кураторы узнают об этом послании, меня упекут в «Гуантанамо» до самой старости.

> На случай, если им не удастся взломать «параноид-линукс», в сеть уже выложены тысячи зараженных дистрибутивов. Конечно, подставу можно вычислить по несовпадению контроль-

ных сумм, но кто на них смотрит, кроме нас с тобой! Многие пользователи икснета уже погибли, хотя сами они еще не знают об этом.

> Мои кураторы сожрут тебя, как только наступит подходящий момент, чтобы раздуть шумиху в прессе. И это произойдет — рано или поздно, поверь мне.

> Тебя наверняка интересует, что меня дернуло за язык?

> Сама удивляюсь.

> На самом деле, я собиралась воевать с террористами, а получилось, что я занимаюсь слежкой за американцами, которые не нравятся ДНБ. И не то чтобы эти американцы планировали взрывать мосты, они просто не согласны с дээнбистскими методами. Не хочу больше стучать!

> Но и тебе надо срочно завязывать, иначе будет слишком поздно — ты ничего не сможешь сделать, когда тебя в наручниках привезут на Остров Сокровищ. Не «если», а «когда»! Это лишь вопрос времени.

> А я ухожу на дно. У меня есть знако-

мые в Лос-Анджелесе, которые обещали помочь, если я захочу выйти из игры.

> А я хочу выйти из игры!

> Хочешь, слиняем вместе. Лучше оставаться борцом, чем стать мучеником. Мы можем вместе подумать, как их победить. Поверь, я не глупее тебя.

> Ну, что скажешь?

> Вот мой открытый ключ.

> Маша

Если страшно, непонятно — деру дай, вопя невнятно!

Вы когда-нибудь слышали этот стишок? Совет не самый лучший, но по меньшей мере легко выполнимый. Я соскочил с кровати и заметался взад-вперед по комнате. У меня опять заколотилось сердце и зашумело в ушах — так же, как час тому назад, но по причине вовсе не из приятных. Не половое влечение, а животный инстинкт самосохранения впрыснул мне в кровь порцию адреналина.

— Что? — тревожно спросила Энджи. — Что?!

Я показал на экран с моей стороны кровати. Энджи перекатилась на живот, схватила иксбокс и поводила пальцем по тачпаду. С минуту она

молча читала.

Я вышагивал по комнате.

— Бред какой-то, — наконец сказала Энджи. — Дээнбисты тебе мозги пудрят.

Я внимательно посмотрел не нее. Энджи прикусила губу с таким видом, будто сама не верила своим словам.

— Думаешь?

— Конечно. Поняли, что им тебя не достать, вот и давят на психику.

— Угу.

Я сел на кровать, учащенно дыша.

— Да успокойся ты, — сказала Энджи. — Говорю тебе, мозги пудрят. Вот, смотри!

До сих пор она никогда не позволяла себе отвечать вместо меня на мою корреспонденцию, но теперь между нами возникла совершенно иная близость. Энджи застучала пальцами по кнопкам, печатая и отправляя ответ.

> Не гони туфту.

Энджи писала от имени M1k3y. Нас стало объединять нечто большее, чем прежде.

— Давай подписывай! Посмотрим, что она на это скажет.

У меня не было уверенности, что мне оно надо,

но подписал текст, а потом зашифровал его моим личным ключом и открытым ключом, полученным от «Маши».

Она ответила моментально.

> Я ожидала от тебя чего-то в этом духе.
> Вот тебе хак, до которого ты сам не додумался. Я могу анонимно транслировать видео по протоколу DNS. Вот ссылки на клипы. Рекомендую сначала посмотреть их, а потом решать, туфта это или нет. Эти люди следят друг за другом и собирают компромат, боятся, как бы свои не подставили, поэтому достать их записи — раз плюнуть.
> Маша

В приложении был текст небольшой программы, которая выполняла именно то, что сказала Маша: собирала видеопоток, используя недокументированные возможности протокола DNS.

Позвольте сделать небольшое отступление и кое-что пояснить. Каждый интернет-протокол по своей сути есть последовательность текстовых символов, посылаемых взад-вперед в определенном порядке. Это примерно как взять грузовик и в кузов поставить легковой автомобиль, а в его ба-

гажник сунуть мотоцикл, к которому прицепить велосипед, а на него подвесить пару роликовых коньков. С одним только отличием, что здесь к роликам можно прицепить грузовик.

Рассмотрим для наглядности простой протокол передачи почты, SMTP, используемый для пересылки е-мейла.

Если, к примеру, я пошлю сообщение самому себе, то между мной и моим сервером, в переводе на человеческий язык, состоится вот такая электронная беседа:

> *ПРИВЕТ* littlebrother.com.se
>
250
mail.pirateparty.org.se
mail.pirateparty.org.se, *приятно познакомиться*
>
ПИСЬМО ОТ: m1k3y@littlebrother.com.se
> 250 2.1.0 m1k3y@littlebrother.com.se… *Отправитель известен*
>
ПОЛУЧАТЕЛЬ: m1k3y@littlebrother.com.se
> 250 2.1.5 m1k3y@littIebrother.com.se… *Получатель известен*

> *ДАННЫЕ*

>354 *Передавайте письмо, закончив его точкой на пустой строке*

> Если страшно, непонятно — деру дай, вопя невнятно

>.

> 250 2.0.0 K5SMW0xQ006174 *Сообщение принято к доставке*

>ВЫХОД

> 221 2.0.0 mail.pirateparty.org.se *закрыл соединение*

>Соединение закрыто внешним хост-компьютером.

Правила таких переговоров были разработаны в 1982 году Джоном Постелом, одним из легендарных праотцев Интернета. Он лично управлял самыми важными сетевыми серверами, держа их под своим рабочим столом в университете Южной Калифорнии в палеолитическую эпоху Интернета.

А теперь вообразите, что вы подключились к почтовому серверу с помощью программы чата. Вы посылаете ему моментальное сообщение следующего содержания: «ПРИВЕТ littlebrother.com.se», на которое тот ответит: «250 mail.pirateparty.org.se

Привет mail.pirateparty.org.se, приятно познакомиться». Иными словами, вы с одинаковым успехом осуществите точно такую же беседу, как и посредством почтовой программы, действующей по протоколу SMTP. И вообще, если кое-что правильно подработать, то всю почтовую переписку можно вести через чат. Или во время сеанса веб-связи. Или еще чего-нибудь.

Такой способ получил название «туннелирование». Вы пропускаете SMTP через чатовый «туннель». Точно так же можно воспользоваться туннелем SMTP для переговоров в чате, если вам захочется поэкспериментировать и проложить туннель в туннеле.

По сути, любой интернет-протокол можно приспособить под туннелизацию. И это круто, поскольку расширяет ваши возможности. К примеру, пусть вы имеете выход в Интернет, ограниченный только доступом к веб-сайтам; тогда вы можете получать по этому туннелю почту или играть в игры. Вы даже можете «затуннелить» по нему икснет (хотя икснет сам по себе является туннелем для десятков протоколов).

DNS — один из самых старых и интересных интернет-протоколов. Он создан еще в 1983 году. С его помощью ваш компьютер переводит имя

другого компьютера (например, pirateparty.org.se) в IP-адрес (скажем, 204.11.50.136), который фактически используется компьютерами для общения между собой в сети. На первый взгляд это происходит как по волшебству, однако на самом деле в процессе заняты миллионы электронных и механических деталей. У каждого интернет-провайдера, а также у правительств многих стран и бесчисленных частных операторов имеются собственные DNS-серверы, которые непрерывно переговариваются, подают и выполняют заявки. И каким бы заковыристым ни было имя адресата, введенного вами в ваш компьютер, он все равно сумеет перевести его на язык цифр.

До появления протокола DNS существовал файл HOSTS. Хотите верьте, хотите нет, но это был единственный документ со списком имен и адресов *всех до единого* компьютеров, имеющих выход в Интернет. И каждый из этих компьютеров имел в памяти копию HOSTS. Когда файл вырос настолько, что стал совершенно неподъемным, изобрели DNS и отвели под него отдельный сервер, стоявший под письменным столом Джона Постела. И если уборщица случайно выдергивала шваброй штекер, весь Интернет замирал, теряя способность отыскать самого себя. На полном

серьезе!

Особенность современного протокола DNS заключается в том, что он есть везде. Каждая сеть имеет свой личный DNS-сервер, а вместе эти серверы образуют конфигурацию, обеспечивающую им возможность общаться друг с другом и всеми желающими в Интернете.

Заслуга Маши в том, что она додумалась, как через DNS «затуннелить» потоковое видео. Она дробила видеоклип на миллиарды частичек и прятала их в обычном послании на DNS-сервер. Используя ее код, я с необычайной скоростью собирал эти частички обратно в единое целое с разбросанных по Интернету DNS-серверов. Естественно, моя сетевая гистограмма при этом выглядела довольно странно, будто я разыскиваю адреса всех существующих в мире компьютеров.

Зато у Машиной программы было два преимущества, которые я сразу оценил. Во-первых, молниеносная быстрота — стоило мне щелкнуть мышью на первой же ссылке, как моментально появилась картинка в полный экран, без искажений, полос и каких-либо указаний на адрес отправителя. То есть — второе преимущество — программа работала абсолютно анонимно.

Поначалу я просто не врубился в содержание

видео, настолько обалдел от крутизны самого хака. Гнать видео через DNS? Это было до *извращенности* необычно и клево.

Но постепенно до меня начал доходить смысл происходящего на экране.

В маленькой комнате стоит длинный стол для совещаний, на стене висит зеркало. Комната хорошо мне знакома. Здесь дама с топорной стрижкой требовала от меня назвать ей пароль моей почты. Вокруг стола в роскошных офисных креслах удобно расположились пять человек, все в дээнбистской форме. Я узнал командующего ДНБ в зоне залива, генерал-майора Грэма Сазерленда. Рядом с ним — Топорная Стрижка. Остальных троих я видел впервые. Все повернули головы в направлении монитора, стоящего на краю стола. На экране было лицо, известное мне гораздо лучше других.

Вся страна знала Курта Руни как ведущего политического стратега президента США. Благодаря его усилиям партия в третий раз подряд победила на президентских выборах и безудержно продвигалась к четвертому сроку правления. За решительность и жесткий стиль руководства Курта Руни прозвали Тараном. Я видел в одном телевизионном репортаже, в каких ежовых ру-

кавицах он держит своих подчиненных, следит за каждым их движением, контролирует любой шаг, виснет на телефоне, рассылает указания. Старик с изборожденным морщинами лицом, бледно-серыми глазами и приплюснутым носом с широкими, раздувающимися ноздрями, он, казалось, все время чуял что-то неладное.

Сейчас это лицо смотрело с экрана монитора. Таран говорил, а присутствующие в комнате слушали с умным видом и стучали по кнопкам ноутбуков, будто конспектировали лекцию.

— …выражают недовольство властью, а мы должны убедить народ, что вину надо возлагать на террористов, а не на правительство. Понятно излагаю? Американский народ не любит Сан-Франциско. Для большинства американцев этот город — Содом и Гоморра, пристанище педерастов и безбожников, чье место в геенне огненной. Если кто-то и прислушивается к новостям из Сан-Франциско, то лишь потому, что исламские террористы совершили там доброе дело и взорвали их к чертовой матери! Наглость этих икснетовских ублюдков играет нам на руку. Чем радикальнее они будут себя вести, тем очевиднее станет, что угроза безопасности исходит не только извне, но ее источник находится здесь,

дома, под боком.

Клацанье клавиатурных кнопок стихло.

— Думаю, скоро мы сумеем установить над ними полный контроль, — сказала Топорная Стрижка. — Наши агенты в икснете увеличивают свое влияние. «Маньчжурские блогеры», каждый из которых ведет не меньше пятидесяти блогов, совместными действиями перенасыщают чатовые каналы. Они просто занимают так называемую тусовочную линию связи, созданную M1k3y. В то же время они уже доказали свою способность спровоцировать икснетовцев на радикальные действия, даже вопреки попыткам M1k3y спустить дело на тормозах.

Генерал-майор Сазерленд утвердительно кивнул.

— Мы планировали пока позволить им вести подпольное существование и прикрыть примерно за месяц до промежуточных… — Я догадался, что речь идет о промежуточных выборах в конгресс, а не о школьных полугодовых экзаменах. — …но, похоже, этот первоначальный план придется…

— У нас есть другие планы к промежуточным, — сказал Руни. — Пока не буду раскрывать их перед вами из соображений секретности, но вы

все-таки воздержитесь от длительных отъездов за месяц до выборов. А тем временем отпустите поводья — чем радикальнее они действуют, тем лучше. Политически умеренный икснет представляет для нас реальную помеху!

Видеоклип закончился.

Мы молча сидели на краю кровати, уставясь на экран монитора. Потом Энджи протянула руку и запустила видео с самого начала. Смотреть во второй раз было еще тяжелее.

Я отбросил клавиатуру в сторону и вскочил на ноги.

— Да пошли они все! Мне уже *осточертело* бояться! Отнесу это Барбаре, пусть она раструбит на весь мир! Размещу в Интернете на всеобщее обозрение! И пусть арестовывают — по крайней мере буду знать, что меня ждет. Хоть что-то в моей жизни станет определеннее!

Энджи схватила меня за руку, притянула к себе, обняла, стала гладить, успокаивать.

— Знаю, малыш, знаю. Это все так ужасно… Но ты видишь только плохое и не замечаешь хорошего. Ты создал целое движение. Ты оказался сильнее придурков в Белом доме и уродов в дээнбистской форме. Ты вплотную приблизился к победному мгновению, когда сумеешь вывести

на чистую воду весь этот прогнивший ДНБ с его тюрьмами и репрессиями.

— Да, они охотятся за тобой. А как же иначе! А ты надеялся, что нет? Я никогда в этом не сомневалась. Но, Маркус, они *не знают, кто ты!* Сам подумай! Целая армия взрослых людей с деньгами, оружием и шпионами против одного тебя, семнадцатилетнего школьника — и ты их опустил! Они не знают про Барбару. Они не знают про Зеба. Ты не позволил им хозяйничать на улицах Сан-Франциско и опозорил на весь мир. Так перестань распускать слюни! Ты же победитель!

— Но они все равно меня достанут. Ты же понимаешь. И навечно упекут за решетку. И даже не за решетку, а просто в никуда. Исчезну, как Даррел. Или еще хуже. Увезут куда-нибудь в Сирию. Какой им смысл оставлять меня в Сан-Франциско и вообще в Штатах? Здесь я им мешаю.

Энджи села на кровать рядом со мной.

— Ну да, — сказала она, — в этом все дело.

— В этом все дело.

— Тогда ты знаешь, что тебе делать, верно?

— Что?

Энджи показала глазами на иксбокс. По ее щекам скатились две слезинки.

— Ну нет! У тебя что, крыша съехала? Неужели

ты действительно думаешь, что я куплюсь на туфту какой-то интернетовской шизы, да вдобавок еще и дээнбистской шпионки?

— Ты придумал что-нибудь получше?

Я пнул ногой кучку одежды, валяющейся на полу.

— Ну и ладно! Очень хорошо! Я с ней обязательно поговорю!

— Да, поговори. Скажи ей, что ты со своей девушкой выходишь из игры.

— Что?

— Заткнись, тупица! Думаешь, только тебе светит тюрьма? Я в не меньшей опасности, Маркус! Это называется сообщничество. Если ты решишь смыться, я сбегу вместе с тобой. — Энджи упрямо выпятила подбородок. — Мы с тобой повязаны одной веревочкой, пойми!

Мы молча посидели рядышком на кровати.

— Если, конечно, ты хочешь, чтобы я была с тобой, — тихим голосом добавила Энджи.

— Это шутка?

— Мне не до шуток!

— Энджи, у меня нет ни малейшего желания расставаться с тобой! Я бы ни за что не решился позвать тебя с собой, но раз ты сама предложила бежать вместе, для меня это счастье!

Энджи улыбнулась и подала мне клавиатуру.

— Сообщи этой Маше. Посмотрим, что она дальше скажет.

Я написал сообщение, зашифровал и послал по электронной почте. Пока мы ждали ответа, Энджи прижалась ко мне, принялась целовать и гладить, я тоже не отставал и в итоге возбудился, как черт. От недавней неловкости после секса не осталось и следа — наверное, чувство общей опасности и решение бежать вместе сблизило нас еще больше.

К той минуте, когда пришел ответ от Маши, мы уже наполовину разделись.

> Ты не один? Боже, будто и без того не было забот!

> Значит, так. Я не могу сорваться с места до тех пор, пока кураторы не пошлют меня в полевую разведку после крупного события в икснете. Понятно? Они следят за каждым моим движением, но спускают с поводка, если икснетовцы затевают что-то из ряда вон выходящее. Тогда меня посылают в «поле».

> Тебе надо организовать что-нибудь большое. Меня отправят на разведку. Я

вытащу нас обоих. Ну, или троих, если ты настаиваешь.

> Только не затягивай слишком. У меня нет возможности вести с тобой слишком объемную переписку. За мной следят, понимаешь? Они подбираются к тебе все ближе. У тебя не так уж много времени. Вероятно, счет идет уже даже не на недели, а на дни.

> Ты нужен мне, чтобы спастись самой. Вот почему я это делаю — на случай, если у тебя есть сомнения. В одиночку мне не уйти. Надо, чтобы в икснете случилось ЧП. Эта часть работы возлагается на тебя. Не подведи меня, M1k3y! Иначе нам обоим несдобровать. И твоей подружке тоже.

> Маша

Резко зазвонил мой телефон, и мы оба вздрогнули от неожиданности. Мама спрашивала, не пора ли мне домой. Я ответил, что уже еду. Она ни словом не обмолвилась о Барбаре. Мы заранее договорились не обсуждать это дело по телефону, причем по предложению папы — он, оказывается, подвержен шизе не меньше меня.

— Ладно, мне надо топать, — сказал я Энджеле.

— Слушай, а наши родители…

— Знаю, — перебил я ее. — Я видел, как мои перепсиховали, решив, что меня убили. А если подамся в бега, им легче не будет. Но все-таки лучше в бегах, чем в тюрьме. Я так думаю. Зато, когда мы исчезнем, Барбара сможет спокойно публиковать свою статью, не опасаясь нас подставить.

Мы остановились в дверях комнаты и поцеловались — не как обычно, самозабвенно и страстно, а нежно, не спеша. Как перед долгим расставанием.

Поездки в метро хороши для самоанализа. Вагон катится по рельсам, укачивает тебя, а ты сидишь, избегая взглядов других пассажиров, отводя глаза от рекламы пластической хирургии, залогового поручительства и тестов на СПИД, стараясь не смотреть на граффити и бог знает что, втертое ногами в ковролиновое покрытие на полу; и вот тогда твой мозг принимается за работу.

Ты раскачиваешься туда-сюда вместе с вагоном, а в твоем сознании всплывают все подробности минувших событий, не удостоенные своевременного внимания; мелькают кадры киноленты твоей жизни, в которых тебе выпала далеко не героическая роль подлеца или лоха.

И в мозгу твоем рождаются разные теории типа следующей:

Если ДНБ стремится схватить М1k3у, то для этого разве не лучше всего выманить его на открытое место, заставить паниковать и спровоцировать на проведение широкомасштабного публичного выступления в икснете? И неужели ради успеха не стоит пожертвовать одной видеозаписью, в какой-то степени компрометирующей ДНБ и правительство?

Подобные догадки посещают тебя в метро, даже если поездка длится всего две-три остановки. Ты выходишь из вагона, начинаешь двигать поршнями, ускоряется кровообращение, и тут-то иногда и наступает озарение.

Так что, бывает, твоя бестолковка не только создает тебе проблемы, но и преподносит их решения.

Глава 18

Было время, когда больше всего на свете мне нравилось закутаться в плащ, изображая вампира-невидимку, и тусоваться в таком виде в гостиницах под ошарашенными взглядами гостей.

Это занятие в действительности требует умения и не такое глупое, как кажется. Несценическое лицедейство сочетает в себе лучшие аспекты настольной игры «Подземелья и драконы» и школьного драмкружка и к тому же предусматривает присутствие на конференциях писателей-фантастов.

Осмелюсь предположить, что ролевые игры не покажутся вам настолько привлекательным, какими были для меня в четырнадцатилетнем возрасте.

Самые лучшие битвы происходили в загородных бойскаутских лагерях. Автобусы с сотнями подростков, мальчишек и девчонок, часами ползли через пробки пятничного вечера, однако юные пассажиры не скучали, обменивались интересными рассказами, бахвалились друг перед

другом, развлекались электронными игрушками. По прибытии выстраивались на зеленой травке перед старшими участниками лицедейства, мужчинами и женщинами в крутых самодельных доспехах, покрытых вмятинами и царапинами. Именно такой и выглядела в старину боевая броня настоящего воина после месяца сражений, а не блестящей и гладкой, как показывают в кино.

В принципе этим людям что-то там платили за проведение игр, однако на такую работу брали только тех, кто проделывает ее не за деньги. Нас уже поделили на команды с учетом заранее заполненных анкет, и теперь для каждой определялось место дислокации — примерно так же перед началом бейсбольного матча тренер расставляет по площадке игроков.

Потом все участники получали секретные пакеты со своим вымышленным именем, заданием и конфиденциальной информацией о команде — в общем, прямо как в кино про шпионов.

Затем наступало время ужина с ревущим пламенем костров, с мясом на шампурах, с треском раскаленных капель жира в огне, с тофу, шкварчащим на больших сковородах с длинными ручками — вы на севере Калифорнии, так что забудьте о вегетарианской пище. И едят здесь в

стиле «люблю повеселиться, особенно пожрать».

Некоторые фанаты уже начинали вживаться в свою роль. В моей первой игре мне досталась роль чародея вместе с мешком фасоли, расфасованной по пакетикам — это были мои «заклятия». Бросая пакетик с фасолью в игрока, изображающего «монстра», я выкрикивал заклятие (коих насчитывалось три вида: молния, магический луч и колдовской камень) и если попадал, тот валился с ног. Или не валился, и в таком случае решающее слово в споре оставалось за арбитром. Но подобное происходило редко; большинство участников предпочитали играть честно и не желали «высуживать» себе преимущества.

К отбою в лагере уже не оставалось игрока, не вошедшего в образ. В четырнадцать лет я не был достаточно уверен, что знаю, как надо исполнять роль чародея, и в основном подражал персонажам кинофильмов и прочитанных мной книг — старался говорить медленно и монотонно, сохранять на лице загадочное выражение и даже думать пытался только на мистические темы.

Нашей команде выпала довольно непростая миссия победить орка, задолбавшего своими наездами местное население, и вернуть похищенную им священную реликвию. Но вообще-то мне

до этого пришибленного переростка было как до фонаря. Гораздо большее значение имело мое личное задание — поймать и приручить бесенка, сделав из него своего ближайшего помощника, и наказать кровного врага — игрока нашей команды, который в прошлом, когда я был совсем маленьким, участвовал во вражеском нападении и убил всех моих родственников. Он, естественно, не знал, что я выжил и пришел отомстить. И конечно же, кто-то из команды замыслил такую же подлянку против меня, поэтому, несмотря на наши товарищеские отношения, приходилось все время оставаться начеку в ожидании удара ножом в спину или подсыпанной в еду смертельной порции яда.

На протяжении двух выходных дней мы разыгрывали этот сценарий. На каком-то этапе игра напоминала прятки, их сменяли своего рода упражнения на выживание в условиях дикой природы, потом наступала очередь кроссвордов и головоломок. В целом, устроители игры великолепно все организовали. И члены команды успели по-настоящему сдружиться. Первой жертвой моей кровной мести стал Даррел. Я хорошо узнал его, готовясь к свершению возмездия. Хороший парень оказался. Жалко было убивать.

Я поразил его «молнией», когда он разыскивал сокровище, спрятанное орками. Накануне мы расправились с толпой орков, а перед этим разыграли с каждым из них в «камень-ножницы-бумагу», кто выйдет победителем в поединке. И не такая уж это лажа, как может показаться на первый взгляд.

Мой первый выезд на ролевые игры запомнился мне чем-то вроде летнего лагеря для фанатов школьного драмкружка. С наступлением темноты мы смотрели на звезды, болтали в палатках допоздна; в жаркий полдень купались в речке, отбивались от комаров. Здесь рождалась нерушимая дружба и вечная вражда.

До сих пор не понимаю, почему родители Чарльза решили отправить его вместе с нами. Он не из тех, кто увлекается ролевыми играми. Ему бы что-нибудь попроще и с садистским уклоном, типа обрывать крылышки у мух. Ладно, может, я передергиваю. Во всяком случае, бегать в театральном костюме по лесу — это не его. Оба дня он, всем недовольный, со скучающим видом слонялся по лагерю и жаловался на тоску, хотя все остальные отрывались со страшной силой. Вам, несомненно, встречались подобные типы, которые сами не умеют веселиться и другим

портят настроение.

Еще одна особенность Чарльза была в том, что ему не дано врубиться в суть *имитации* поединка. Вообще любая военизированная игра, когда подстерегаешь кого-то в засаде или гонишься за ним по лесу, заводит тебя настолько, что, кажется, готов ему зубами в горло вцепиться. Такое состояние особенно опасно, если ты вооружен бутафорским мечом, дубинкой, пикой или еще каким оружием. Вот почему в несценическом лицедействе первым правилом является строжайший запрет наносить настоящие удары партнеру по игре. А если противостояние вплотную приближается к драке, то отношения быстренько выясняются посредством пары раундов в «камень-ножницы-бумагу» с поправкой на опыт, вооружение и физические данные соперников. Справедливость решения гарантирует арбитр из взрослых. Все происходит вполне цивилизованно, хотя если наблюдать со стороны, то, наверное, немного стремно. Сначала один бежит за другим по лесу, настигает, оба принимаются гнать волну и тут же мирно садятся за партию в «рошамбо». Прибабах, конечно, зато без мордобоя и порчи кайфа.

Вот это и было недоступно пониманию Чарльза.

То есть он понимал, что контактная махаловка в принципе под запретом, но, по его разумению, это правило на него почему-то не распространялось, а значит, и выполнять его не стоило. Арбитры уже неоднократно делали ему замечание, и Чарльз каждый раз обещал придерживаться правила, но нарушал его снова и снова. Он уже тогда был физически более развитым, чем большинство сверстников, и получал удовольствие, «случайно» сбивая их с ног в завершение погони. Знаете, не слишком-то приятно с разбегу грохнуться на твердую, каменистую почву.

Я только что «сразил» Даррела на небольшой полянке, где он откапывал клад, и мы вместе немного посмеялись его подначкам по поводу моей чрезмерной крадучести. Ему теперь предстояло «монстрить» — «убитые» перевоплощались в монстров, которых по ходу игры разводилось вокруг все больше, а следовательно, возрастала опасность для остальных игроков, и ближе к концу обстановка только накалялась.

Чарльз неожиданно возник из леса за моей спиной и приемом из американского футбола швырнул меня на землю с такой силой, что у меня перехватило дыхание.

— Получи! — завопил он. До сих пор мы с ним

мало общались, и я бы и дальше прекрасно жил, его не замечая, но сейчас мне хотелось убить этого козла. Я медленно поднялся на ноги и посмотрел на него. Чарльз глубоко дышал полной грудью и счастливо улыбался. — Тебе капец, — констатировал он. — Я тебя достал.

Я тоже улыбнулся и почувствовал, что верхняя губа онемела и болит. Потрогав ушибленное место пальцем, я увидел на нем кровь. Из носа тоже стекала красная струйка. Когда он швырнул меня, я упал вниз лицом и раскроил себе губу о древесный корень, выступавший из земли.

Я вытер руку о штанину и опять улыбнулся — мол, до чего смешно получилось. Даже хохотнул. И сделал шаг в сторону Чарльза.

Однако он на мое веселье не купился и попятился с явным намерением исчезнуть в кустах. Даррел быстро зашел к нему с боку, я с другого. Чарльз резко развернулся и побежал, но Даррел успел подставить свою длинную ногу, и он растянулся на земле. Внезапный свисток арбитра предотвратил заслуженную расправу.

Арбитр не видел, как Чарльз обошелся со мной, но за два дня достаточно насмотрелся на его подлянки. Он велел ему прекратить игру и отправляться в лагерь. Чарльз принялся яростно

спорить, но, к нашему удовлетворению, арбитр остался непреклонен. Когда этот козел ушел, арбитр и нам прочитал лекцию о том, что побои в игре недопустимы даже в виде сдачи.

Ну и ладно. Вечером, после окончания игры, пока Чарльз принимал горячий душ в лагерном спальном домике, мы с Даррелом стащили его полотенце и одежду, связали в узел и засунули в писсуар. Перед ним сразу выстроилась очередь из желающих помочиться — настолько Чарльз достал всех своими подлянками.

До сих пор жалею, что не видел воочию, как Чарльз после душа искал одежду и обнаружил ее в писсуаре, а после мучился, принимая трудное решение: бежать до палатки через весь лагерь голышом или распутать и напялить на себя пропитанные мочой шмотки.

Он выбрал первое (я бы, наверное, тоже). Мы проводили его аплодисментами, образовав длинный живой коридор от душевой до палатки с рюкзаками. Я стоял во главе шеренги и хлопал громче всех.

Такие бойскаутские выходные случались лишь три-четыре раза за целый год, что ввергало нас с Даррелом, как и многих других фанатов ролевых игр, в состояние серьезной «ломки».

Отчасти нас спасали похожие игры из серии «Ненавистный дневной свет», которые мы проводили в городских гостиницах, руководствуясь довольно хитрыми правилами. Участники разделялись на соперничающие кланы вампиров и охотников на вампиров. Каждому вручалась колода игральных карт для выяснения отношений во время мелких стычек, поэтому действие постоянно сопровождалось стратегическими картежными партийками. Вампиры могли стать невидимыми — стоило им завернуться в плащ и скрестить руки на груди, — а остальные игроки притворялись, что не замечают их, и как ни в чем не бывало продолжали вслух посвящать друг друга в свои планы и прочие секреты. Хорошим исполнителем роли считался тот, кто с честью выдерживал это испытание и беспечно выбалтывал самые сокровенные тайны в присутствии «невидимого» соперника.

Большие игры «Ненавистного дневного света» проводились раза два в месяц. Организаторы поддерживали хорошие отношения с городскими отелями и заблаговременно сообщали, в какие выходные, начиная с вечера пятницы, они займут десять непроданных номеров для участников игры, чтобы те в течение двух дней носились

по коридорам, вокруг бассейна и в других гостиничных помещениях, питались в ресторане заведения и пользовались Wi-Fi. Днем в пятницу руководство отеля прекращало резервировать комнаты для прочей публики, давало организаторам отмашку по е-мейлу, и мы, не заходя домой, отправлялись туда сразу после школы с заранее приготовленными рюкзаками, перекусывали нездоровой ресторанной пищей, играли до трех утра, а потом спали по шесть-восемь человек в номере. Родители с одобрением относились к такому активному и безопасному времяпрепровождению своих отпрысков.

Устроители игр принадлежали к хорошо известной благотворительной организации в области распространения грамотности. В ее ведении находились также детские студии писательского мастерства, драматургии и тому подобные. Уже десять лет они занимались ролевыми играми, и до сих пор не случалось никаких неприятностей. Действовал строжайший запрет на алкоголь и наркотики, и вообще, организаторы не давали ни малейшего повода обвинить их в растлении несовершеннолетних. Одна игра собирала от десяти до ста участников, в зависимости от сезонных и прочих условий, и те получали два с половиной

дня полноценного отдыха в свое удовольствие по стоимости пары киносеансов.

Однажды, впрочем, устроителей угораздило снять для нас несколько номеров в отеле «Монако», расположенном в злачном районе Тендерлойн. Он отличался роскошным, несколько старомодным убранством комнат, в каждой из которых стояло по аквариуму с золотыми рыбками. В гостиничном холле всегда толклись великолепные старички и старушки в изысканных нарядах — ходячая выставка достижений пластической хирургии.

Обычно «простые смертные» (постояльцы гостиницы — в отличие от нас, вампирчиков) просто не обращали на нас внимания: ну, резвятся детки, и бог с ними! Но в тот раз среди них оказался издатель итальянского туристического журнала, который профессионально заинтересовался происходящим. Он вырос передо мной в то время, когда я, невидимый, замер со скрещенными на груди руками в холле отеля, высматривая повелителя соперничающего вампирского клана, чтобы наброситься на него и обескровить. Итальянец на ломаном английском поинтересовался, что я и мои друзья делаем в гостинице в этот уик-энд.

Я попытался просто отмахнуться от него, но не тут-то было, итальянец прилип как банный лист. Тогда я решил навешать ему лапши, чтоб он, наконец, отвалил.

Мне тогда и в голову не могло прийти, что серьезный заграничный журнал опубликует реальную туфту, а американская пресса ее подхватит.

— Мы здесь потому, что наш принц умер. И теперь мы странствуем в поисках нового правителя.

— Ваш принц? — заинтриговано переспросил итальянец.

— Да, — подтвердил я, входя в новую роль. — Мы — Древний народ. Мы пришли в Америку в шестнадцатом столетии и с тех пор обосновались в диких лесах Пенсильвании. Нами правит королевская семья. Мы живем очень просто и не пользуемся современной техникой. Наш принц был последним из правящей династии, но на прошлой неделе он умер после ужасной, неизлечимой болезни. Все юноши Древнего народа отправились на розыски потомков одного из членов королевской семьи, ушедшего жить в большой мир во времена моего прадеда. Говорят, он оставил после себя наследников; мы найдем

прямого потомка его рода и возвратим на законную вотчину.

Все это я без труда выпалил одним духом благодаря уйме прочитанных мной фэнтезийных романов.

— Мы повстречали женщину, которой известны потомки королевской семьи. Один из них, по ее словам, остановился в этой гостинице; мы пришли за ним. Однако нас выследили воины враждебного клана. Они хотят воспрепятствовать возвращению принца и возрождению нашей мощи, чтобы властвовать над нами. Мы должны держаться вместе и как можно меньше общаться с Новым народом. Вот почему мой разговор с вами представляет для меня нелегкое испытание.

Итальянец слушал как зачарованный. Я забылся и опустил руки, став «видимым» для вампиров-соперников. Одна вампирша как раз медленно подбиралась к нам. В последний момент я обернулся и увидел ее, когда она уже со страшным шипением раскинула руки; надо признать, у нее это здорово получилось.

Я тоже растопырил свои грабли и зашипел в ответ. Воспользовавшись ее мимолетным замешательством, я сиганул через кожаный диван, чуть не опрокинул кадку с пятнистым фикусом

и бросился наутек через весь холл. Вампирша не отставала. Краем глаза я заметил дверь на лестницу, ведущую в подвальное помещение спортзала, и метнулся к ней, оставив преследовательницу позади.

Больше я того итальянца не видел, но рассказал эту историю в виде хохмы друзьям-ролевикам. Те не преминули распространить ее еще шире, приукрасив вымышленными подробностями.

Одна из сотрудниц итальянского туристического журнала защитила докторскую диссертацию о проживающих в пенсильванской глубинке общинах амишей, противников научно-технического прогресса. Она купилась на информацию, услышанную от своего шефа, дополнила ее заметками и записями интервью, привезенными им из Сан-Франциско, и написала восторженную, душещипательную статью о трогательно несовременных юных приверженцах древних традиций, путешествующих по Америке в поисках своего принца. В наши дни люди готовы напечатать любой бред.

А другие читают его и, ничтоже сумняшеся, гонят дальше. Сначала статью перепечатали итальянские блогеры, потом американские; откуда ни возьмись, появились «очевидцы», побывав-

шие в поселениях Древнего народа, — я только не понял, то ли они сознательно гнали, то ли запали на игру.

Долго ли, коротко ли, историей заинтересовалась «Нью-Йорк таймс», известная своим бзиком на тему перепроверки информации. Получившего это задание корреспондента ниточка привела в отель «Монако», а оттуда — к устроителям «Ненавистного дневного света», которые со смехом растолковали ему, в чем тут дело.

После этого популярность ролевых игр резко пошла на убыль. Ролевики прославились по всей стране как выдающиеся, патологические, прибабахнутые фуфлогоны. Пресса, купившаяся на наш нечаянный пурген о Древнем народе, жаждала отыграться за свой прокол и мстительно изображала фанатов ролевых игр невменяемыми укурками. У нас в школе мне и Даррелу проходу не давали, во многом благодаря стараниям Чарльза.

В общем, неудачный выдался сезон. Некоторые ролевики не обращали внимания на насмешки и нападки, но только не мы с Даррелом. Нас в школе совсем задолбали, и руководил этой кампанией Чарльз. Я находил у себя в сумке пластмассовые клыки, мелюзга в коридорах блеяла мне вслед

наподобие мультяшных вампиров, другие в моем присутствии громко переговаривались с деланным трансильванским акцентом.

Вот тогда-то мы с Даррелом и переключились на компьютерные игры в альтернативной реальности. В чем-то они даже интереснее, но, конечно, не такие прикольные, как ролевые. Я до сих пор иногда с ностальгией вспоминаю свою накидку и гостиничные тусовки по выходным.

В отличие от esprit d'escalier, все случаи, когда ты здорово облажался в жизни, возникают в твоем сознании даже по прошествии долгого времени. Лично я могу припомнить каждое свое идиотское слово или поступок и с фотографической точностью восстановить в памяти обстоятельства моего позора. Всякий раз, когда у меня на душе кошки скребут, я против воли мысленно возвращаюсь к тем ситуациям в прошлом, когда испытал похожее чувство, и пережитые унижения вереницей выстраиваются передо мной.

Так и сейчас, вместе с мрачными думами о Маше и нависшим над моей головой дамокловым мечом на ум непрошенно пришла та дурацкая история с Древним народом. Тогда я тоже находился в таком же угнетенном, обреченном состоянии, с тревогой наблюдая, как все новые средства мас-

совой информации принимаются издеваться над ролевиками и, казалось, вот-вот вычислят, кто именно навешал лапшу на уши отмороженному итальянскому издателю в фирменных джинсах с кривыми швами, в отутюженной рубашке без воротничка и больших очках в тонкой металлической оправе.

Однако полезно не только сожалеть о совершенных ошибках, но и учиться на них.

На словах, во всяком случае, звучит хорошо. Наверное, ваше подсознание потому и откапывает из памяти грустные видения прошлого, чтобы вы подвели под ними какую-то итоговую черту, после чего они смогут с миром почить в забвении. По крайней мере мое подсознание постоянно этим занимается, видимо, в тщетной надежде дождаться от меня решительных действий по самосовершенствованию.

Вот о чем я вспоминал и думал по дороге домой, а еще прикидывал, как подстраховаться на случай, если «Маша» окажется подставой. Мне требовались гарантии безопасности.

И к тому времени, как я добрался до дома и очутился в сочувственных объятиях мамы и папы, в моей голове созрело решение этой задачи.

Вся фишка в тонком расчете времени. Дей-

ствовать надо быстро, чтоб дээнбисты не успели опомниться, но при этом организовать по-настоящему массовое выступление икснетовцев.

Фишка в том, чтобы собрать большую толпу — тогда арестовать всех будет просто физически невозможно. Кроме того, акция должна состояться в людном месте, на виду у репортеров и взрослых. При таком раскладе у полиции рука не поднимется травить нас газом.

Фишка в том, чтобы придумать прикол типа поднятия в воздух Пентагона, на который клюнет пресса. И чтоб вокруг могла собраться плотная толпа, как те три тысячи студентов в Беркли, не позволившие увезти в полицейском фургоне их арестованного товарища.

Фишка — заставить прессу сказать правду о действиях полиции, как это произошло в 1968 году в Чикаго.

Вот это будет конкретная фишка!

На следующий день я сорвался из школы за час до конца уроков, использовав свои фирменные приемы. Меня не колебало, что дээнбисты, возможно, установили в школе какие-нибудь новые следящие примочки, и завтра моих предков вызовет Бенсон.

Даже если это случится, после того, что про-

изойдет днем позже, родителям уже будут до фонаря мои неприятности в школе.

Мы встретились с Энджи у нее дома. Она ушла из школы еще раньше — просто притворилась, что вот-вот грохнется в обморок от жуткой боли в животе, и ее отпустили.

Мы принялись рассылать информацию в икснете — отправили письма всем, кому доверяли, и связались в чате с самыми надежными икснетовцами. Мы заглянули во все трюмы и злачные притоны «Пиратов» и забили стрелку пиратской братве. Было непросто выдать ровно столько информации, чтобы собрать всех, и при этом не привлечь внимание ДНБ, но, думаю, я все предусмотрел:

> Завтра играем в «ВампМоб»!

> Если ты гот, оденься в черное. Если ты не гот, найди гота и одолжи у него прикид. Короче, будем косить под вампиров.

> Игра начнется РОВНО В ВОСЕМЬ УТРА. Сразу после сбора разделимся на команды. Игра продлится 30 минут, так что у нас будет куча времени успеть в школу.

> Место тусовки сообщу завтра. Отправь свой открытый ключ по е-мейлу

на m1k3y@littlebrother.pirateparty.org.se и проверь почту утром не позже семи. Если для тебя это слишком рано, вообще не ложись спать сегодня — лично мы так и сделаем.

> Гарантирован улетный прикол!..
> За базар отвечаю
> M1k3y

После этого я послал короткое сообщение Маше.

> Завтра.
> M1k3y

Спустя минуту от нее пришел ответ:

> Я так и думала. Значит, вампмоб? Ты времени зря не теряешь! Надень красную кепку. Много барахла с собой не бери.

Как думаете, что из вещей надо брать с собой, когда пускаешься в бега? Я перетаскал достаточно неподъемных рюкзаков по бойскаутским лагерям, чтобы понять — каждый лишний грамм с каждым очередным шагом врезается в плечи с сокрушительной силой земного притяжения. Это уже не просто грамм, это один грамм, помножен-

ный на миллион шагов — итого тонна!

— Все правильно, — сказала Энджи. — Мудро. Брать в дорогу больше трех смен белья — ненужная роскошь. Грязное всегда можно сполоснуть в рукомойнике. Лучше ходить с пятном на футболке, чем с чемоданом, который слишком велик и тяжел, чтобы поместиться под сиденьем в самолете.

Она достала и бросила на кровать свою курьерскую сумку из баллистического нейлона, которую обычно носила на плече так, что ремень проходил наискосок у нее между грудей (от этого зрелища мне всегда становилось жарко). Рядом стала расти небрежная кучка вещей.

— Та-ак — три футболки, запасные джинсы, шорты, трое трусов, три пары носков, свитер — этого, полагаю, достаточно.

Энджи вытряхнула на кровать содержимое сумки, с которой ходила в школьный спортзал, и собрала туалетные принадлежности.

— Не забыть бы завтра перед уходом захватить зубную щетку…

Наблюдая за Энджи, я испытывал довольно стремное чувство. Жутко подумать, что завтра нам предстоит надолго, а может, и навсегда покинуть родной дом. А Энджи вела себя так, будто

собиралась за город на выходные.

— Слушай, а иксбокс мне брать? — спросила она. — У меня на винчестере куча информации. Не хочется, чтобы это попало в чужие руки.

— Пусть попадает, — сказал я. — Вся информация зашифрована, это программный стандарт «параноид-иксбоксов». Оставь, в Лос-Анджелесе их полно, найдем себе новые. Просто создай почтовый адрес на сервере Партии Пиратов и отправь на него образ жесткого диска. Я дома со своим то же самое сделаю.

Энджи взялась за дело, и вскоре файл образа жесткого диска встал в очередь к отправке по электронной почте. Пройдет часа два, пока информация целиком протиснется через соседское Wi-Fi подключение к Интернету и улетит в Швецию.

Энджи закрыла клапан сумки и стянула уплотняющие лямки. Сумка сжалась до размеров футбольного мяча. Я восхищенно смотрел на результат, полученный Энджи. Теперь она могла повесить это на плечо, выйти на улицу, и никто даже не обернется — девчонка просто идет в школу.

— Да, вот еще что, — сказала Энджи, подошла к прикроватной тумбочке, выдвинула ящик и

достала коробку с презервативами. Вынула из нее ленточки квадратных упаковок, снова открыла сумку и сунула их внутрь, после чего шлепнула меня по заднице.

— Что дальше? — спросил я.

— Теперь пошли к тебе. Соберешь свои шмотки. И потом — надо же мне когда-то познакомиться с твоими родителями, так или нет?

Энджи оставила сумку лежать посреди раскиданной по полу одежды и прочего барахла. Она без колебаний бросала все и уходила — просто чтоб быть со мной, поддержать меня в трудный час. Черт, это дорогого стоит! Мне и самому захотелось совершить что-нибудь такое же самоотверженное.

Мы застали маму на кухне. Она сидела перед раскрытым ноутбуком, отвечала на почту и одновременно говорила в микрофон гарнитуры мобильника, объясняя какому-то несчастному йоркширцу, как ему со своей семьей свыкнуться с новой жизнью в Луизиане.

Я вошел первым, Энджи — за мной, держась за руку, — с широченной улыбкой, но сжимая мне пальцы с такой силой, что костяшкам больно. Чего она психовала — непонятно; даже если встреча не пройдет в атмосфере дружбы и взаи-

мопонимания, ей все равно больше никогда не тусоваться с моими предками.

Едва завидев нас, мама тут же отключила йоркширца, забыв попрощаться.

— Привет, Маркус, — сказала она и поцеловала меня в щёку. — Кто это с тобой?

— Ма, познакомься с Энджи. Энджи, это моя мама, Лилиан.

Мама встала и обняла Энджи.

— Рада познакомиться с тобой, дорогая, — сказала мама, оглядывая Энджи с головы до ног. Та, по-моему, смотрелась вполне приемлемо. Одета хорошо, не вызывающе, и вообще сразу было видно, что она очень продвинутая девчонка.

— Мне тоже очень приятно познакомиться с вами, миссис Йаллоу, — твердым, уверенным голосом произнесла Энджи. Не то что я, когда знакомился с ее мамой.

— Зови меня просто Лилиан, милая, — сказала мама, продолжая изучать Энджи. — Ты поужинаешь с нами?

— С большим удовольствием.

— Ты не против мясного? — Мама уже вполне освоилась с особенностями жизни в Калифорнии.

— Я ем все, что не успевает съесть меня, — от-

ветила Энджи.

— Она помешана на остром соусе, — вставил я. — Съест даже старые покрышки, если ты подашь их ей под сальсой.

Энджи игриво ткнула меня кулаком в плечо.

— Я как раз собиралась заказать еду в тайском ресторане, — сказала мама. — Попрошу их включить пару фирменных блюд, помеченных пятью стручками.

Энджи вежливо поблагодарила, и мама принялась хлопотать по кухне, налила нам по стакану сока, поставила тарелку с печеньем и раза три предложила чаю. Я внутренне напрягся.

— Ма, спасибо. Мы поднимемся ко мне в комнату ненадолго.

Мама на мгновение прищурились, но тут же заулыбалась.

— Очень хорошо, — сказала она. — Через час приедет отец, тогда и поужинаем.

Мой вампирский прикид валялся где-то в дальнем углу шкафа. Пока Энджи заинтересованно разглядывала его, я занялся сбором в дорогу — не слишком, впрочем, дальнюю, всего-то до Лос-Анджелеса. Там полно магазинов, а в них шмотки, какие хочешь. Я только отложил три или четыре любимые футболки, не менее любимые джинсы,

дезодорант и моток нити для чистки зубов.

— Деньги! — вдруг вспомнил я.

— В порядке, — сказала Энджи. — На обратном пути сниму в банкомате со своего счета. У меня там сотен пять накопилось.

— Уверена?

— А на что мне их тратить? С появлением икснета перестала даже за Интернет платить.

— У меня, думаю, сотни три всего.

— Ну и нормально. Снимешь завтра утром по пути в Сивик-сентер.

У меня имелся большой школьный ранец на случай необходимости тащить через город много учебников или еще какой балласт. Он не так бросался в глаза по сравнению с моим походным рюкзаком. Энджи провела инспекцию приготовленных мною вещей и безжалостно отсортировала то, что ей не понравилось.

Закончив со сборами, я засунул ранец под кровать, и мы оба присели на нее.

— Завтра вставать ни свет ни заря, — сказала Энджи.

— Да, денек предстоит, — вздохнул я.

Наш план заключался в следующем. Завтра икснетовцы получат письма с указанием разных мест сбора — достаточно укромных и находящих-

ся неподалеку от Сивик-сентра. Часов в пять утра в этих местах мы с Энджи нарисуем аэрозольной краской через уже вырезанные нами из картона трафареты очень простые указатели **«ВАМПМОБ СИВИК-СЕНТЕР** — > —>». Таким образом, у ДНБ не возникнет повода закрыть Сивик-сентер до того, как все там соберутся. Я уже настроил почтового бота на семь утра для рассылки сообщений, надо лишь включить иксбокс перед уходом из дома, и тот сам проделает всю работу.

— Как думаешь, надолго… — Голос Энджи дрогнул и затих.

— Не знаю. — Я догадался, о чем она. — Может, и надолго. Однако кто знает, как все повернется после публикации статьи Барбары. — Я включил в завтрашнюю рассылку и ее электронный адрес. — Глядишь, недели через две мы с тобой станем национальными героями.

— Да уж, — вздохнула Энджи.

Я обнял ее рукой за плечи и почувствовал, как они дрожат.

— Мне тоже страшно, — сказал я. — Надо быть идиотом, чтоб не бояться в нашем положении.

— Да. — Энджи опять вздохнула. — Да.

Мама позвала нас ужинать. Папа поздоровался с Энджи за руку. На его небритом лице лежала

печать усталости и тревоги, оставшаяся с той ночи, когда мы ездили домой к Барбаре, однако в присутствии Энджи он немного взбодрился. Получив поцелуй в щеку, папа настоял, чтобы она обращалась к нему по имени, Дрю.

Ужин по-настоящему удался. Атмосфера за столом сразу потеплела после того, как Энджи извлекла распылитель взрывоопасной приправы, сдобрила ею свою порцию и рассказала про шкалу Сковилла. Папа для пробы зачерпнул вилкой с ее тарелки и помчался в ванную полоскать рот, а затем выпил целый галлон молока. Хотите верьте, хотите нет, но даже после этого мама тоже попробовала и всем своим видом выразила удовольствие. Как оказалось, она от природы обладает пристрастием к острой пище, просто до сих пор не было подходящего случая, чтобы это проявилось.

Перед уходом Энджи почти силой заставила маму принять в подарок убийственный баллончик.

— У меня дома есть запасной, — объяснила она в ответ на возражения мамы. Я видел, как Энджи сунула его в свою дорожную сумку. — Видимо, таким женщинам, как мы с вами, полезно иметь это при себе.

Глава 19

Вот текст письма, запущенного в семь утра следующего дня, пока мы с Энджи выводили краской из баллончиков **«ВАМПМОБ СИВИК-СЕНТЕР** — > —>» в пунктах сбора икснетовцев.

> ПРАВИЛА ИГРЫ «ВАМПМОБ»

> Вы член клана необычных вампиров. Вам открылась тайна выживания в смертоносных лучах солнца. Секрет кроется в каннибализме: кровь другого вампира наделяет вас способностью существовать среди живых людей.

> Чтобы оставаться в игре, вам необходимо постоянно находить и кусать вампиров. Если за минуту вы не сделаете ни одного укуса, то выбываете из игры. Очутившись вне игры, вы становитесь арбитром-наблюдателем. Для этого переоденьте свою футболку задом наперед и проследите за двумя-тремя вампирами, чтобы те вовремя раздавали укусы.

> Чтобы укусить другого вампира, вам надо пять раз подряд произнести слово

«укус!» быстрее вашего соперника. То есть подбегаете к нему, поворачиваете к себе и кричите ему в лицо «укус-укус-укус-укус-укус!». И если вам удастся произнести это раньше него, вы остаетесь жить, а он обращается в прах.

> Вы образуете единую команду с вампирами, которых встретите в пункте сбора. Это ваш клан. Кровь соплеменников не принесет вам желанного продления жизни.

> Вампир может стать невидимым, если замрет на месте со скрещенными на груди руками. Никто не может укусить невидимого вампира, равно как и ему не дано никого укусить.

> Эта игра основана на честности участников. Ее цель — не победить, а оторваться и реализовать свои вампирские наклонности.

> По мере исчезновения вампиров приближается завершающий этап игры, о чем участники будут оповещены устно. В нужное время организаторы игры прошепчут условную фразу, которую также ШЕПОТОМ надо как можно быстрее пере-

дать по цепочке и после этого дожидаться сигнала.

> M1k3y

> Укус-укус-укус-укус-укус!

Мы с Энджи рассчитывали примерно на сотню желающих сыграть в «ВампМоб» и разослали по двести приглашений каждый. Но когда я, сонный, вскочил по будильнику в четыре утра и первым делом схватил иксбокс, в моем почтовом ящике лежало уже более четырехсот заявок. *Более четырехсот!*

Я скормил их адреса боту и стал прокрадываться к выходу из дома. На лестнице услышал храп отца в родительской комнате и скрип кровати, когда мама беспокойно ворочалась с боку на бок. Я запер за собой входную дверь.

В четверть пятого на Портеро-Хилл царила прямо-таки деревенская тишина. Откуда-то издалека едва доносился гул моторов с оживленного шоссе, а здесь лишь раз мимо меня проехал случайный автомобиль. Я подошел к банкомату, получил 320 долларов двадцатками, скатал их в рулон, стянул резинкой и спрятал в карман на молнии сбоку чуть выше колена моих вампирских штанов.

Я снова щеголял в короткой накидке, рубашке с кружевным жабо и черных брюках со множе-

ством дополнительно нашитых карманов, чтоб было куда рассовать всякую полезную мелочь. На остроносых ботинках красовались серебряные пряжки в виде человеческих черепов, а взлохмаченные волосы стояли дыбом, будто почерневший одуванчик. Энджи обещала намазать мне лицо белым гримом, обвести глаза черными тенями, а ногти покрасить черным лаком. А почему бы и нет? Выпадет ли еще когда-нибудь такая возможность перевоплотиться в вампира?

Мы встретились на улице перед домом Энджи. На ней были колготки в сетку, кружевное готическое платьице, белый грим на лице, глаза тщательно подведены в стиле японского театра кабуки, пальцы и шея унизаны серебряными побрякушками. Сумка, как обычно, висела на плече ремнем через грудь.

— Ты выглядишь *потрясно!* — сказали мы друг другу одновременно, оба негромко засмеялись и, будто два привидения, нырнули в предутренний сумрак улиц Сан-Франциско, держа наготове в карманах баллончики с краской.

Я смотрел на Сивик-сентер и пытался представить себе, что здесь будет твориться, когда нагрянут сразу четыреста «вампмоберов». Через десять минут они должны появиться перед вхо-

дом в городскую администрацию. Большую плазу — площадь, застроенную магазинчиками — уже наводнили прибывшие из пригородов на работу служащие. Они старательно обходили устроившихся прямо на панелях бездомных попрошаек.

Мне никогда не нравился Сивик-сентер, его широченные тротуары и похожие на огромные белые свадебные торты здания судов, музеев, муниципальных подразделений и самого Сити-Холла. В путеводителях по Сан-Франциско эта часть города снята как-то нереально — вылитый Эпкот-сентер с его скупой, футуристической архитектурой, а в действительности она грязная и отталкивающая. На уличных скамейках в любое время суток отсыпаются бомжи. Здесь нет жилых домов, и после шести вечера не встретишь никого, кроме алкашей и наркоманов — с закрытием казенных учреждений торчать тут нормальному человеку нет никакого смысла, особенно когда стемнеет. В общем, это скорее специфическая торговая зона, где днем продают поручительские залоги для временного освобождения всякой швали из-под стражи, а ночью — алкоголь для все той же швали, облюбовавшей себе под ночлег местные скамейки.

Истинное понимание того, что здесь происхо-

дит, пришло ко мне после прочтения интервью Джейн Джекобс, специалиста по городскому планированию, обладающей богатым опытом градостроительства. Она первой поняла, почему нельзя кромсать города скоростными автомагистралями, сгонять бедняков в обособленные жилые новостройки и, пользуясь зональным законодательством, жестко указывать, кто, где и что будет строить.

Джекобс считает, что социальные составляющие больших городов — богатые и бедные, белые и цветные, англосаксы и латины, жилье, торговля и даже промышленное производство — органично взаимосвязаны. В городских районах, где такая связь не нарушена, в любое время дня и ночи на улицах находятся самые разные люди и тем самым создают спрос на всевозможные товары и услуги, вытесняют криминогенные элементы, выполняют функцию глаз и ушей местной общины.

Вам наверняка доводилось бывать в таких местах. Вы прогуливались по старинным улочкам какого-нибудь большого города, где полно всяких потрясных магазинчиков, прилично и модно одетых прохожих, фешенебельных ресторанов и кафешек с прикольным интерьером; возможно,

вам попался один кинотеатрик, а дома были выкрашены в причудливые цвета. Вероятно, не обошлось и без «Старбакса», зато вы набрели на чудесный фруктовый рыночек или цветочный магазин, которому уже лет триста, и флористка выставляла в витрине аккуратно подрезанные букеты. У таких городских районов нет ничего общего со спланированными застройками вроде пешеходных торговых зон. Они живые, они *растут* сами по себе.

Их полную противоположность являет собой наш Сивик-сентер. В своем интервью Джекобс рассказала, что ради его постройки снесли прекрасный старинный уголок города — именно такой живой райончик, возникший без планов, указаний и разрешений.

Она также напророчила, что через несколько лет Сивик-сентер станет одним из самых отвратительных районов Сан-Франциско, где жизнь едва теплится безлюдными ночами, обеспечивая убогое существование лишь редким лавчонкам, торгующим выпивкой, да дешевым мотелям. Джекобс говорила об этом без тени мстительного злорадства, скорее с грустью, как об умирающем друге.

Но теперь, в час пик, жизнь в Сивик-сентре

била ключом. Помимо станции метро, здесь пересекаются сразу несколько трамвайных линий, поэтому много транзитных пассажиров пересаживаются с одного вида транспорта на другой. К восьми утра тысячи людей спускаются и поднимаются по лестнице подземки, садятся и выходят из такси или салонов автобусов. Человеческий поток протискивается сквозь контрольно-пропускные пункты ДНБ возле административных зданий, огибает места скоплений бесцеремонных попрошаек, распространяет вокруг запах шампуней и дезодорантов, покачивает на ходу чемоданчиками и сумками ноутбуков. В восемь утра Сивик-сентер превращается в центр деловой активности.

А вот и первые вампиры. Десятка два приближается по улице Ван-Несс, еще столько же — по Маркет-стрит. А вон пошли и с другой стороны Маркет-стрит, и еще больше шагает по Ван-Несс, выныривают из-за углов зданий — белые лица, черные тени вокруг глаз, черная одежда, кожаные куртки, тяжелые ботинки на толстой подошве, на руках — сеточные перчатки без пальцев.

Вампиры начали заполнять плазу. Мужчины в деловых костюмах косились на них и тут же отворачивались — извращенцы какие-то, кто

знает, что может взбрести им в голову, лучше уж держаться от них подальше. Вампиры бродили по плазе, как капли пролитой нефти, только не растекались, а, наоборот, скапливались в большие, черные группы, спрашивали друг друга, когда и как начнется игра. У многих ребят на головах сидели старомодные черные цилиндры и котелки. Девочки красовались в готических нарядах и туфлях на высоченных платформах.

Я попытался сосчитать — получилось человек двести, но через несколько минут прибавилась еще сотня, потом еще… Итого — четыреста, а вампиры все прибывали и прибывали — ребята привели своих друзей.

Сзади кто-то сжал в пальцах мою ягодицу. Я обернулся и увидел Энджи. Она хохотала с такой силой, что схватилась обеими руками за бедра и согнулась пополам.

— Только посмотри, сколько их собралось, ты только посмотри, сколько их! — сквозь смех с трудом выговаривала Энджи. Толпа на площади удвоилась по сравнению с той, что была всего несколько минут назад. Я уже не мог с точностью определить число икснетовцев, пришедших на мою маленькую тусовку, но, без всяких сомнений, их оказалось не меньше тысячи. О черт!

Полицейские и агенты ДНБ засуетились, начали переговариваться по рациям и сбиваться в кучки. Вдалеке послышался вой сирен.

— Ну все! — Я тряхнул Энджи за плечо, приводя ее в чувство. — Все, все! Пора!

Мы нырнули в толпу и первым же попавшимся навстречу вампирам выкрикнули прямо в лицо:

— Укус-укус-укус-укус-укус!

Моя жертва, прикольная девчонка с разрисованными паутиной кистями рук и потекшим гримом на лице, обалдев от неожиданности, пробормотала: — Вот дерьмо! — и отошла в сторону, как бы признавая, что я ее поимел.

Кровожадный клич «укус-укус-укус-укус-укус!» побежал через толпу, как круги по воде. Кто-то из вампиров нападал, другие пускались наутек, искали убежища. «Напившись крови» первой жертвы, я получил свою минуту и временно ретировался, прячась за спинами «простых смертных». Вокруг уже стоял сплошной гул от возгласов «укус-укус-укус-укус-укус!», смеха и чертыханий.

Теперь уже все икснетовцы поняли, что старт дан, и мгновенно заразились вирусом игры. Собравшиеся в группки вампиры падали, как мухи, потом со смехом и руганью расходились, по пути

оповещая наименее сообразительных о начале «кровавого пиршества». Между тем продолжали прибывать все новые участники.

Восемь часов шестнадцать минут. Пора мне попить кровушки очередной жертвы. Я присел на корточки и двинулся гусиным шагом между ногами ничего не подозревающих людей, спешащих к метро. Наткнувшись на меня, они ошалело шарахались в сторону. Я уперся взглядом в чьи-то черные туфли на платформе, со стальными ящерицами на носках, как вдруг, совершенно неожиданно для себя, столкнулся нос к носу с другим вампиром, пацаном лет пятнадцати-шестнадцати — пропитанные гелем волосы прилизаны назад, поверх черной синтетической куртки «Мэрилин Мэнсон» висят ожерелья из искусственных клыков с выгравированными на них замысловатыми символами.

— Укус-укус-укус-… — затараторил вампир, но тут о него запнулся «простой смертный», и они оба повалились на тротуар. Я подскочил к сопернику и прежде, чем тот успел опомниться, протявкал свое «укус-укус-укус-укус-укус!».

Вся площадь была переполнена вампирами, и деловые костюмы не на шутку струхнули. Игра выплеснулась на тротуары, докатилась до улицы

Ван-Несс и подступала к Маркет-стрит. Гудели автомобили, а трамваи сердито тренькали звонками. Полицейские сирены завывали громче, но затор на проезжей части образовался уже во всех направлениях.

У меня захватило дух от восторга. Вот это тусовка!

— УКУС-УКУС-УКУС-УКУС-УКУС!

Сотни голосов, непрерывно повторяющих один и тот же возглас, слились в монотонный, яростный гул. Сотни мальчишек и девчонок с самозабвенным неистовством отдавались игре. Я осмелился распрямиться и обнаружил, что стою посреди столпотворения вампиров, простирающегося во все стороны, насколько хватал глаз.

— УКУС-УКУС-УКУС-УКУС-УКУС!

Тусовка получилась почище концерта в парке Долорес. Там отрывались под звуки рока и выкрики лозунгов, а здесь… Здесь просто отрывались! Мы будто высыпали на школьную игровую площадку на большой перемене в нежаркий полдень и затеяли одно из эпохальных костюмированных сражений. Сотни подростков гонялись друг за другом сломя голову, а присутствие незнакомых взрослых и автомобильные пробки только добавляли веселья, еще больше смешили.

Вот именно, нам было *смешно!* Все просто покатывались со смеху.

Однако копы явно не собирались веселиться вместе с нами. Они подтягивали подкрепление. Я слышал, как стрекочут подлетающие вертолеты. Неотвратимо приближалась развязка. Наступило время завершающего этапа игры.

Я бросился к ближайшему вампиру.

— Конец игры: когда полиция прикажет разойтись, притворись, будто тебя отравили газом. Передай следующему. Повтори, что я сказал!

Вампир оказался низкорослой, тщедушной девчонкой, поначалу вообще показавшейся мне малолеткой, но по улыбке и выражению лица я понял, что ей лет семнадцать-восемнадцать.

— Ух ты, прикольно! — восхитилась она.

— Повтори, что я сказал!

— Конец игры: когда полиция прикажет разойтись, притворись, будто тебя отравили газом. Передай следующему. Повтори, что я сказала!

— Все правильно, — подтвердил я. — Передай следующему!

Девчонка растворилась в толпе. Я приблизился к другому вампиру, повторил заготовленную фразу, и тот отправился выполнять поручение.

Я знал, что где-то в толпе Энджи занималась

тем же. Конечно, мы могли запросто нарваться на дээнбистских агентов, проникших в ряды честных икснетовцев, но какая им польза от того, что они узнают о нашем плане? Копам так или иначе придется приказать нам разойтись, у них нет выбора. Стопроцентная гарантия!

Надо найти Энджи. Мы договорились встретиться у статуи Основателей на плазе, но добраться туда будет нелегко. Передвигаться по толпе больше не было никакой возможности, *она несла,* как морской прилив. Мне невольно вспомнился день взрыва, когда людской поток так же безудержно влек меня под землю, на станцию метро. Я уже начал протискиваться сквозь плотно стоящие тела, когда с вертолета раздался голос, усиленный громкоговорителями:

— ГОВОРИТ ДЕПАРТАМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.
ПРИКАЗЫВАЕМ ВАМ НЕМЕДЛЕННО РАЗОЙТИСЬ!

Сотни вампиров вокруг меня повалились на землю, судорожно хватаясь за горло, закрывая руками глаза, кашляя и задыхаясь. Имитировать отравление газом совсем не трудно. У нас было достаточно времени изучить симптомы по телерепортажам из парка Мишн-Долорес, когда зрители концерта корчились в тумане перечного

спрея.

— НЕМЕДЛЕННО РАЗОЙДИТЕСЬ!

Я упал на землю, подмяв под себя свой ранец, чтоб не потерять, вытянул засунутую под ремень красную бейсболку и нахлобучил ее на голову. После этого тоже схватился за горло и принялся жутко хрипеть и давиться, будто меня выворачивает наружу.

В стоячем положении остались только «простые смертные» — обычные служащие, пытающиеся добраться до работы. Изображая адские муки, я не забывал внимательно наблюдать за ними.

— ГОВОРИТ ДЕПАРТАМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.
ПРИКАЗЫВАЕМ ВАМ НЕМЕДЛЕННО РАЗОЙТИСЬ! НЕМЕДЛЕННО РАЗОЙДИТЕСЬ! — Глас божий отдавался у меня в зубах, в тазу, в позвоночнике. От него кишки заворачивались.

Служащие сдрейфили и беспорядочно метались по площади, усеянной корчившимися в агонии телами, но вертолет, казалось, все равно висел прямо над головой, сколько от него ни убегай. Копы двинулись по направлению к толпе, на ходу надевая шлемы. Некоторые держали перед собой щиты. Другие были в противогазах. Мне и

впрямь стало труднее дышать.

Служащие побежали. Меня и самого подмывало вскочить на ноги и броситься наутек. На моих глазах какой-то клерк, пробираясь в сторону Мишн, сорвал с себя пятисотдолларовый пиджак, скомкал и прижал к лицу, но запнулся о лежащего вампира и тоже растянулся во весь рост. Его ругательства слились со стонами «отравленных» икснетовцев.

Произошло непредвиденное. Мы хотели просто произвести тягостное впечатление на окружающих, ну, самое большее, привести их в замешательство, однако они приняли нашу инсценировку за чистую монету и запаниковали.

Началось что-то невообразимое — воздух наполнился душераздирающими воплями, такими знакомыми мне после той ночи в парке. Так кричат только насмерть перепуганные люди, готовые бежать напролом ради своего спасения. Толпа на площади заметалась еще бестолковее, служащие сталкивались и опрокидывали друг друга.

И тут заревели сирены воздушной тревоги.

Я не слышал их со дня, когда взорвали мост, но мне уже никогда не забыть этого звука. Он пронзил меня насквозь до самой мошонки и спу-

стился в пятки, отчего ноги стали ватными. Меня обуял такой ужас, что я вскочил с неодолимым желанием бежать отсюда без оглядки. В голове моей с надетой на нее красной бейсболкой вертелась только одна мысль — добраться до статуи Основателей и встретиться с Энджи.

Теперь уже все повскакивали на ноги и носились туда-сюда как угорелые. Я целенаправленно бежал к статуе, расталкивая встречных, держась за свои ранец и красную бейсболку. Меня искала Маша, а я душой и телом стремился к Энджи.

Я толкался и чертыхался. Отпихнул кого-то локтем. Какой-то парень своим тяжеленным ботинком обрушился мне на ступню, так что в ней даже хрустнуло; я с силой оттолкнул его, и он грохнулся на землю; попытался встать, но опять повалился под ногами бегущих. Что с ним было дальше, я не видел, устремившись вперед, толкая и отпихивая всех, кто попадался мне на пути.

Я вытянул руку, убирая в сторону очередную помеху, и тут чьи-то сильные пальцы вцепились в запястье и локоть и резко заломили мне ее за спину, чуть не вывихнув плечевой сустав. Я согнулся пополам, завопив от боли, но меня почти не было слышно в реве толпы, вое сирен и грохоте лопастей вертолетных винтов.

Те же сильные руки распрямили меня, как марионетку. Я не мог не то что вырваться из железного захвата, но даже просто пошевелиться, и двигался только по приказанию этих рук, позабыв о толпе, вертолетах и Энджи. С большим трудом вывернув голову, я покосился на своего противника.

Это была девчонка с острым крысиным лицом, наполовину спрятанным под огромными темными очками, над которыми вздымалась всклокоченная ярко-розовая шевелюра.

— Ты! — вырвалось у меня. Я вспомнил ее. Это она сфотографировала меня и пригрозила настучать на школьный блог прогульщиков, а через пять минут после этого завыли сирены. Та самая, коварная и безжалостная. Она и ее подруги первыми сбежали с места нашей встречи в Тендерлойне, но, похоже, как и мы, попали в лапы ДНБ. Только я повел себя не так, как хотелось дээнбистам, и стал их врагом.

А она — Маша — союзником.

— Привет, M1k3y, — чуть ли не интимно прошептала Маша мне на ухо, так что у меня по спине пробежал холодок. Она ослабила хватку, и я рывком высвободил свою руку.

— Это ты, — тупо повторил я. — Вот черт!

— Да, я, — невозмутимо подтвердила Маша. — Минуты через две начнется газовая атака. Линяем отсюда!

— Меня ждут! Моя девушка, она у статуи Освободителей.

Маша бросила взгляд поверх толпы.

— Бесполезно. Не успеем. Говорю же, через две минуты здесь все зальют газом.

Я встал как вкопанный.

— Без Энджи не пойду!

— Да ради бога, — пожала плечами Маша и опять наклонилась к моему уху: — Желаешь отсосать — пожалуйста!

И начала протискиваться сквозь толпу в северном направлении, к центру города. Я продолжил свой путь к статуе Освободителей, но секундой позже снова вскрикнул от боли в руке, скрученной в чудовищном захвате. Маша развернула меня и стала толкать перед собой.

— Ты слишком много знаешь, дебил! — яростно приговаривала она сквозь зубы. — Ты видел меня в лицо. Со мной пойдешь!

Я упирался как мог, кричал, выворачивался так, что, казалось, вот-вот выскочит сустав, но боль пересиливала, и Маше удавалось вести меня вперед. С каждым шагом мне было все труднее

ступать на ушибленную ногу, и вместе с болью в руке я испытывал такие муки, что совсем потерял волю к сопротивлению.

Используя меня как таран, Маша довольно быстро пробиралась через толпу. К реву вертолетных двигателей добавился какой-то новый звук. Маша отпустила мою руку и сильно подтолкнула в спину.

— Беги! — выкрикнула она. — Начинается!

Толпа тоже зазвучала по-иному. Тональность криков резко подпрыгнула и начала срываться на кашель и хрипы. Я уже слышал это паническое многоголосие. Тогда, в парке. Газ струями опускался на площадь. Я задержал дыхание и *побежал.*

Мы выбрались из гущи толпы. Я как мог быстро захромал по тротуару среди поредевших прохожих, тряся затекшей рукой. Впереди стояла группа дээнбистов в шлемах, противогазах и со щитами в руках. При нашем приближении они выдвинулись, загораживая нам дорогу, но стоило Маше показать им свой значок, тут же ретировались, будто услышали голос Оби-Ван Кеноби: «Это не те дроиды, которые вам нужны».

— Слушай, ты, сучка! — прорычал я, ковыляя рядом с Машей по Маркет-стрит. — Мы должны

вернуться за Энджи!

Она упрямо поджала губы и отрицательно помотала головой.

— Сочувствую тебе, приятель. Я со своим бойфрендом не встречалась уже несколько месяцев. Он, наверное, думает, что меня нет в живых. На войне как на войне. Если мы вернемся за Энджи, нам конец. Если будем действовать целенаправленно, есть надежда спастись. Пока есть надежда у нас, она есть и у твоей подружки. Из тех ребят, что на площади, не всех отправят в «Гуантанамо». Пару сотен, может, заберут, чтоб допросить, а остальных отпустят домой.

Мы продолжали шагать по Маркет-стрит мимо стрип-клубов и расположившихся неподалеку наркоманов и вонючих бомжей. Девица затащила меня в нишу входной двери закрытого стрип-клуба, сняла с себя куртку, вывернула ее наизнанку и снова надела. Подкладка была в неяркую полоску, и сидела куртка совершенно иначе. Маша извлекла из кармана шерстяную шапочку и натянула поверх своей броской шевелюры; островерхая макушка озорно покосилась на сторону. Потом с помощью влажных салфеток для снятия макияжа Маша стерла косметику с лица и лак с ногтей. Через минуту ее внешность

совершенно преобразилась.

— Смена гардероба, — подытожила она. — Теперь твоя очередь. Снимай к чертям ботинки, куртку и кепку! — В этом был резон. Копы не обойдут вниманием никого, кто сколько-нибудь похож на вампмобера. Бейсболку я просто выбросил — не нравятся они мне! Куртку запихнул в ранец, предварительно достав из него футболку с длинными рукавами и портретом Розы Люксембург, которую и надел поверх своей черной футболки. Потом Маша вытерла с меня грим и лак с ногтей, довершив мое перевоплощение.

— Отключи телефон, — велела она мне. — У тебя есть при себе что-нибудь с арфидами?

У меня было с собой школьное удостоверение, банковская карточка и фастпасс. Все это я сложил в протянутую мне Машей серебристую сумочку, в которой узнал «мошонку Фарадея», непроницаемую для радиоволн. И только когда она убрала сумочку в карман куртки, сообразил, что отдал ей все свои документы. Если Маша продолжает работать на ДНБ…

До меня начала доходить вся значимость случившегося на площади. Как мне сейчас не хватало Энджи! Во-первых, нас стало бы двое против одной, а кроме того, она подсказала бы

мне то, чего я, возможно, не заметил. Например, если Маша чего-то недоговаривает.

— Вот тебе гравий, насыпь в кроссовки, прежде чем наденешь…

— Не надо. Я ступню потянул. Ни одна система идентификации по походке меня теперь не узнает.

Маша кивнула мне, как профессионал профессионалу, и закинула за спину рюкзак. Я сделал то же со своим ранцем, и мы пустились в дорогу. Переодевание заняло меньше минуты. Из подворотни вышли два совершенно иных человека.

Маша посмотрела на свои наручные часы и озабоченно покачала головой.

— Пошли скорей, — сказала она. — Нам надо успеть на рандеву. И не вздумай сбежать! Выбор у тебя небогатый — либо со мной, либо в тюрьму. В ДНБ теперь несколько дней будут регистрировать по видеозаписи участников сборища, пока всех до единого не занесут в базу данных. Наше отсутствие не пройдет незамеченным. Считай, что нас обоих уже объявили в розыск.

На следующем перекрестке Маша свернула с Маркет-стрит в сторону Тендерлойна. Местность для меня знакомая. Именно здесь я со своей командой разыскивал источник Wi-Fi излучения в

старое доброе время «Харадзюку-Фан-Мэднес».

— Куда мы? — спросил я Машу.

— Куда надо, — огрызнулась она. — Заткнись и не мешай думать!

Мы шагали очень быстро, и скоро по всему моему телу пот струился ручьями, со лба налицо, по груди и спине, просачивался между ягодицами и ниже, так что даже ноги стали мокрыми. Ступня разболелась по-черному, и мне казалось, что долго я не протяну и, наверное, в последний раз в жизни вижу улицы родного Сан-Франциско.

Как нарочно, мы все время поднимались в гору. Постепенно захудалость Тендерлойна сменялась великолепием Ноб-Хилла. Дыхание вырывалось из моей груди с мучительным хрипом. Маша вела меня по закоулкам; мы появлялись на больших улицах только для того, чтобы снова нырнуть в какой-то незаметный переход.

Свернув в один из таких переулков под названием Сабин-плейс, мы услышали позади себя чей-то голос:

— Стоять! Не двигаться! — В нем звучало нескрываемое злорадство. Мы с Машей разом остановились, будто в стену уперлись, и обернулись.

В начале переулка маячил Чарльз в наскоро по-

добранном наряде вампмобера: черные футболка и джинсы, белый грим на лице.

— Привет, Маркус, — сказал он. — Куда намылился? — Его рот расползся в широкой гаденькой ухмылке. — А это что за деваха с тобой?

— Чего тебе, Чарльз?

— А вот чего. Я засек, как ты раздавал в школе дивиди, и с тех пор следил за тобой в икснете. Когда ты дал сигнал о проведении вампмоба, я решил потусоваться поблизости, посмотреть, чем ты будешь заниматься. И знаешь, что я видел?

Я молчал. Чарльз держал в руке мобильник, направленный на нас объективом видеокамеры. Он записывал. Может, уже набрал девять-один-один. Маша рядом со мной будто окаменела.

— Я видел, что ты *руководил* беспорядками. И я снял все на видео. А сейчас я позвоню в полицию, и мы дождемся ее прямо здесь. Тебя упекут на долгий-долгий срок туда, где нехорошие дяди будут долго-долго трахать тебя в жопу!

Маша выступила вперед.

— Стой где стоишь, цыпа! — предостерег ее Чарльз. — Я видел, как ты помогла ему выбраться. Я видел все…

Маша быстро шагнула и выхватила мобильник из руки Чарльза. Другой рукой она моментально

достала из-за спины бумажник со значком и раскрыла у него перед носом.

— ДНБ, говнюк! Я выполняла спецзадание, пасла этого лоха, чтобы выйти на его заказчиков, а ты, придурок, сорвал всю операцию. Знаешь, как это называется? «Создание препятствий выполнению служебных обязанностей по обеспечению национальной безопасности». Уголовно наказуемое преступление. Обещаю, что ты еще не раз услышишь эту формулировку.

Чарльз попятился, испуганно подняв перед собой руки. Даже сквозь белый грим было видно, как он побледнел.

— Что? Нет! То есть… я не знал! Я только хотел помочь!

— Расскажешь это на суде. А мы как-нибудь обойдемся без дилетантской помощи сопляков из числа доморощенных сыщиков!

Чарльз стал пятиться быстрее, но Маша оказалась проворнее, железной хваткой вцепилась ему в запястье и вывернула руку тем же дзюдоистским приемом, каким заломала и меня в Сивик-сентре. Своей свободной рукой она извлекла из кармана пластиковую ленту, используемую вместо наручников, и в мгновение ока обмотала ею запястья Чарльза.

После этого я развернулся и бросился бежать что было мочи.

Со своей больной ногой и тяжелым ранцем я успел доковылять только до противоположного конца переулка, когда Маша догнала меня, набросилась сзади и повалила на землю. Я с размаху грохнулся мордой об асфальт и ободрал полщеки.

— Идиот ты чертов! — выругалась Маша. — Ты уже *вообще* ничего не соображаешь?

Сердце колотилось у меня в груди, как птичка в клетке. Маша еще минуту посидела на моей спине, потом медленно слезла.

— Хочешь, чтоб я и тебя связала?

Я с трудом поднялся на ноги. На мне живого места не осталось. Хотелось сдохнуть тут же, на месте.

— Шагай, — сказала Маша. — Это уже недалеко.

«Это» стояло на одной из укромных боковых улочек Ноб-Хилла — восьмиосная фура, очень похожая на ощетиненные антеннами дээнбистские грузовики, не исчезающие с перекрестков Сан-Франциско.

На борту этого фургона, однако, была надпись:

«Три спеца — доставка до крыльца». Все трое специалистов были тут же — сновали между своим транспортным средством и высоким многоквартирным домом с зеленой полотняной маркизой над входом. Они таскали мебель и коробки с надписями, аккуратно поднимали в кузов и укладывали в штабель.

Маша и я обошли по периметру весь квартал, но ей, очевидно, что-то не понравилось, и мы сделали еще один круг. Только убедившись, что опасности нет, Маша кивнула мужику, сторожившему фуру, — пожилому негру, подпоясанному широченным, как у штангиста, ремнем и в рабочих рукавицах. Вблизи у него оказалось доброе лицо, и он улыбнулся, когда мы с Машей быстро и уверенно прошли мимо к трехступенчатой лесенке и поднялись по ней в кузов фуры.

— Под большим столом, — обронил нам негр. — Мы там оставили свободное место.

Вся передняя половина кузова уже была занята штабелями мебели, но оставался узкий проход вокруг огромного стола, накрытого толстым стеганым одеялом, с ножками, обернутыми пузыристой упаковочной пленкой.

Маша затолкала меня под стол и залезла следом. Пыльный воздух застоялся, мне захотелось

чихнуть, и я еле сдержался. Мы забились в тесное пространство между коробками, плотно прижавшись друг к другу. Места для Энджи здесь явно не было.

— Сучка, — бросил я Маше в лицо.

— Заткнись, неблагодарный! Ты должен мне ботинки лизать. Если бы не я, тебя бы захомутали через неделю, самое большее — через две, и отвезли бы не в «Гуантанамо», а куда подальше, в Сирию, например. Кажется, именно туда ссылают тех, кому надлежит исчезнуть без следа.

Я опустил голову на подтянутые к груди колени и принялся глубоко дышать.

— И вообще, какой бес тебя попутал объявлять войну ДНБ?

И я рассказал ей. Все. Про наш арест, про Даррела. Маша похлопала себя по карманам и нащупала мобильник, но это оказался телефон Чарльза.

— Ошибочка вышла. — Она достала другой, включила, и наше маленькое убежище озарилось фантастическим сиянием. Повозившись немного, Маша показала мне дисплей.

На нем был снимок, сделанный ею в тот день накануне взрыва бомб, где я стоял вместе с Джолу, Ван и… Даррелом.

В своей руке я держал документальное подтверждение тому, что Даррел не погиб во время взрыва, а был жив, здоров и находился вместе с нами за несколько минут до того, как нас схватили дээнбисты!

— Мне нужна копия этого снимка, — сказал я Маше. — Очень нужна.

— Скопируешь, когда доберемся до Лос-Анджелеса, — ответила она, выхватив у меня мобильник. — И когда я растолкую тебе, как себя вести, чтобы не подставить нас обоих и уберечь наши задницы от Сирии. А то вдруг клюнет жареный петух попытаться спасти этого парня. А это не надо ни мне, ни ему. Он сейчас в большей безопасности там, где находится. Пока, во всяком случае.

У меня мелькнула мысль силой отобрать мобильник у Маши, но я тут же забыл о ней. Если уж эта девчонка разобралась с таким амбалом, как Чарльз… У нее, наверное, черный пояс или типа того.

Мы сидели в темноте и слушали, как «три спеца» с натужным кряхтеньем грузили в фуру коробку за коробкой, обвязывали штабеля. Потом Маша захрапела. Железные нервы! Я чувствовал, что тоже не прочь бы вздремнуть, но не полу-

чалось.

Через узкий коридор, ведущий к свежему воздуху и больше похожий на непролазную щель, все еще пробивался дневной свет. Я смотрел на него из темноты под столом и вспоминал Энджи.

Мою Энджи. Ее волосы, скользящие по плечам, когда она качает головой и смеется над моей выходкой. Ее лицо, мельком увиденное мной в Сивик-сентре в последний раз, пока я падал, притворяясь отравленным газом. Тут мои мысли перескочили на то, как вампмоберы корчились на асфальте, а затем вспомнилась похожая агония в парке и наступающие дээнбисты с дубинками. Я подумал о тех, кто якобы пропал без вести.

О Дарреле. Его, с зашитой ножевой раной в боку, продолжают таскать на бесконечные, бессмысленные допросы, выпытывая сведения о неизвестных ему террористах.

Отец Даррела. Небритый, раздавленный горем и выпивкой. Посвежевший, в военной форме — «для газеты». Плачущий, как ребенок.

Мой папа и произошедшие в нем перемены после исчезновения сына. Он, как и отец Даррела, по-своему сломался. И его лицо, когда я рассказал об Острове Сокровищ.

Вот тогда я твердо понял, что мне бежать нель-

зя.

Я совершенно отчетливо осознал, что должен остаться и бороться до конца.

Маша дышала равномерно и глубоко, но когда я с величайшей осторожностью, медленно-медленно засунул руку ей в карман за телефоном, всхрапнула и зашевелилась. Я окаменел и затаил дыхание на целых две минуты, пересчитывая гиппопотамов.

Постепенно сонное сопение восстановилось. Я миллиметр за миллиметром вытягивал мобильник из кармана, так что у меня от напряжения начали подрагивать пальцы и заныло онемевшее плечо.

Наконец маленький предмет в форме шоколадного батончика очутился у меня в руке.

Я уж хотел было начать пробираться к свету, но тут вдруг вспомнил, как Чарльз издевался над нами, угрожал и все время тыкал в нашу сторону своим телефоном — именно в форме шоколадного батончика, только серебристого цвета, обклеенным десятком этикеток с фирменными логотипами спонсоров, субсидировавших через производителя покупку трубы. Перед каждым звонком с такого телефона приходится выслушивать рекламную запись.

У меня не получилось разглядеть мобильник в полумраке фуры, но я нащупал по бокам какие-то наклейки. Те самые, спонсорские? Ну конечно! Я вытащил из Машиного кармана телефон *Чарльза*|

Медленно-медленно я повернулся обратно к Маше и медленно-медленно-*медленно* опять просунул руку ей в карман. *Ее* телефон был заметно больше по размеру и тяжелее — наверное, в нем камера получше и кто знает какие еще навороты.

Второй раз проделать ту же операцию оказалось немного проще. Опять миллиметр за миллиметром извлекал я мобильник из кармана, замерев раза два, когда Маша беспокойно зашевелилась во сне.

Наконец, с зажатым в кулаке телефоном я начал выползать из-под стола. В то же мгновение молниеносным движением руки Маша схватила меня за кисть, и ее пальцы больно впились в чувствительные костяшки моего запястья.

Я испуганно охнул, обернулся и увидел ее широко раскрытые, злые глаза.

— Ну и козел же ты, — произнесла она ровным голосом, свободной рукой забрала у меня телефон и большим пальцем нажала несколько

кнопок. — Как ты собирался его разблокировать?

Я сглотнул и прикусил губу, сдерживая невольный стон от боли в сдавленной руке.

Маша продолжала сосредоточенно нажимать кнопки мобильника.

— Ты вот с этим хотел смыться? — Она показала мне дисплей со снимком, где я стою вместе с Даррелом, Джолу и Ванессой. — С этой фоткой?

Я молчал. Похоже, своей железной хваткой Маша способна раздробить мне кости.

— Чтоб у тебя больше не было соблазна, я просто-напросто ее сотру. — Она опять стала тыкать в кнопки большим пальцем. Когда программа спросила, действительно ли надо удалить снимок, Маша замешкалась, будто на мгновение позабыв нужную кнопку.

Настал мой черед действовать быстро и решительно. Стиснув в свободном кулаке телефон Чарльза, я размахнулся, больно ударившись костяшками пальцев о столешницу над головой, и со всей силы хрястнул им по сомкнутой на моем запястье руке Маши. Удар получился такой мощный, что телефон развалился, а Маша вскрикнула и сразу ослабила хватку. Не теряя времени, я вырвал из другой ее руки теперь уже разблокированный телефон — прямо из-под боль-

шого пальца, готового нажать нужную кнопку и подтвердить команду удаления. Ладонь Маши судорожно сжалась, но ухватила только пустоту.

Я выбрался из-под стола и так же, на четвереньках, зарысил по узкому проходу в сторону выхода. Маша хватала меня сзади за лодыжки, но я кое-как отбрыкивался. Пару раз мне пришлось отпихнуть с дороги штабеля мебели, нависающие по бокам, словно стены в гробнице фараона, несколько упаковок рухнули позади меня, и Маша опять болезненно охнула.

Подъемная задняя дверь фуры оставалась приоткрытой снизу, и я, не раздумывая, нырнул в эту щель. Лесенку уже убрали; я беспрепятственно выскользнул наружу и грохнулся макушкой об асфальт, так что в голове зазвенело. Ухватившись за бампер, я торопливо поднялся на ноги, повис на рукоятке двери и захлопнул ее. Изнутри раздался Машин вопль — очевидно, ей прищемило пальцы. Меня чуть не вырвало, но я сдержался.

Я быстро защелкнул висящий на двери замок.

Глава 20

Никого из «трех спецов» поблизости не было, поэтому я не стал терять времени и сделал ноги. Ушибленная макушка жутко болела, но когда я пощупал ее на предмет кровотечения, ладонь осталась чистой. Пока я сидел на корточках под столом, совсем перестал чувствовать онемевшую лодыжку, и теперь бежал, подскакивая на одной ноге, как сломанная марионетка, но остановился лишь раз — отменить введенную Машей команду удаления фото, временно отключить функцию телефонной связи, чтобы сберечь аккумулятор и не дать дээнбистам засечь меня, и установить таймер «сна» на максимально возможное время — два часа. Мобильник был устроен так, что при неактивности телефона таймер автоматически переводил его в «спящий режим» — блокировал клавиатуру, для разблокирования которой требовалось ввести пароль. Я попытался вовсе отключить таймер, но для этого опять был нужен пароль. Так что придется мне по меньшей мере раз в два часа нажимать какую-нибудь кнопку, чтоб не давать мобильнику «уснуть», пока не оты-

щется способ скачать из его памяти фотоснимок Даррела. И еще мне рано или поздно понадобится зарядник.

У меня не было плана действий. Мне не хватало инициативы. Хорошо бы сесть и все спокойно обдумать, рассчитать свои последующие шаги. Мне уже осточертело плясать под чужую дудку и поступать в зависимости от воли или действий окружающих — Маши, дээнбистов, отца… и… Энджи тоже? Что ж, вообще-то я не прочь слушаться Энджи. Пожалуй, мне это было бы даже приятно.

А теперь я бесцельно ковылял под горку, выбирая переулки побезлюднее или смешиваясь с толпой Тендерлойна. Каждые несколько минут я совал руку в карман куртки, который по-дурацки топорщился из-за открытой «раскладушки», и нажимал кнопки, не давая мобильнику уснуть.

Наконец я притормозил и обессиленно прислонился к стене какого-то здания. Куда меня занесло, черт возьми?

Улица О'Фаррел, неподалеку от перекрестка с Гайд-стрит. Я стоял прямо у входа в «Салон азиатского массажа». Ноги сами привели меня к месту, где все началось, снятому на мобильник Маши за секунды до взрыва на мосту Бэй-бридж, навсегда изменившего мою жизнь.

Мне хотелось опуститься на бордюр тротуара и жалобно завыть, да только легче от этого не стало бы. Надо позвонить Барбаре Стрэтфорд, рассказать обо всем, что случилось. И передать ей фото Даррела.

Черт, где были мои мозги! Надо обязательно показать Барбаре видеозапись, посланную мне Машей, на которой шеф аппарата президента США злорадствует по поводу теракта в Сан-Франциско и проговаривается, что знает, где и когда готовятся новые нападения, но не намерен воспрепятствовать им, так как это будет способствовать переизбранию его босса на второй срок!

Ну вот у меня и появился настоящий план действий: выйти на связь с Барбарой и передать ей документальные свидетельства для дальнейшей публикации. Наверное, вампмоберская тусовка здорово напугала обывателей, подтвердила их страхи в нашей принадлежности к террористам. Готовясь к тусовке, я только хотел приколоться и не подумал о том, как ее воспримет какой-нибудь простой работяга из Небраски.

Звонить Барбаре придется с соблюдением всех предосторожностей — из телефона-автомата, а еще надо поднять на голову капюшон, чтоб не узнали по видеозаписи с одной из вездесущих

камер наблюдения. Я выудил из кармана четвертак и потер обеими сторонами о рубашку, убирая отпечатки пальцев.

Потом опять зашагал под горку к станции метро, где стояли телефоны-автоматы. Возле трамвайной остановки на тротуаре сидел бездомный негр, а возле него высилась стопка сегодняшней «Бэй Гардиан». Мое внимание привлекли крупные буквы на первой странице.

— Заголовок можешь прочитать бесплатно, — с улыбкой сказал негр. — А газета стоит пятьдесят центов.

Такого огромного шрифта в газетном заголовке я не видел с одиннадцатого сентября.

УЗНИКИ «ГУАНТАНАМО»

И ниже, чуть помельче:

Как ДНБ упрятал наших детей и друзей в секретную
тюрьму у порога нашего дома.
Барбара Стрэтфорд, специально для «Бэй Гардиан».

Продавец газет покачал головой.

— Чувак, ты можешь в это поверить? И это про-

исходит прямо здесь, в Сан-Франциско! Чмошное у нас правительство!

Вообще-то «Гардиан» распространялась бесплатно, но этот бомж, очевидно, решил занять свободную нишу на местном рынке. Я бросил в его кружку четвертак, который продолжал держать в руке, и полез в карман за вторым. С этой монеты я уже не стал стирать отпечатки.

Нам говорят, что с тех пор, как неизвестные взорвали мост Бэй-бридж, мир изменился навек. В тот день погибли тысячи наших друзей и соседей. Спасти не удалось почти никого; их останки предположительно покоятся на дне городской бухты, однако невероятная история, рассказанная нашему корреспонденту молодым человеком, арестованным ДНБ спустя несколько минут после взрыва, дает основания полагать, что многие из тех, кого мы считали погибшими, живы. Наше собственное правительство противозаконно содержит их под стражей на Острове Сокровищ, который объявили закрытой зоной вскоре после взрыва и эвакуации с него всех гражданских лиц…

Я присел на скамейку — по случайному совпадению, ту самую, на которую мы положили

Даррела, выбравшись со станции метро. От этого открытия у меня по всей коже мурашки поползли. Я дочитал статью до конца и едва сдержался, чтоб не разреветься. Барбара откопала где-то фотографии, где мы с Даррелом прикалываемся вместе, и разместила их вдоль текста. Снимки были сделаны год назад, но мне на них не дашь на вид больше лет десяти-одиннадцати. И вообще, за последние два месяца я здорово повзрослел.

Барбара справилась с работой на сто процентов. Пока я читал, меня не покидало чувство возмущения по поводу несправедливостей, творимых в отношении бедолаг, о которых она рассказывала, и лишь потом вспомнил, что речь шла обо мне. Почти полстраницы занимала увеличенная фотография записки Зеба с его бисерным почерком. Барбара нарыла дополнительную информацию о других подростках, пропавших без вести и считавшихся погибшими, составила длинный список и задала вопрос, скольких из них держали на острове всего в нескольких милях от родного дома.

Я достал было из кармана еще четвертак, но задумался. А вдруг дээнбисты поставили телефон Барбары на прослушку? Нет, звонить ей напрямую никак нельзя. Нам надо встретиться в

укромном месте, и чтоб кто-то третий связался и договорился с ней об этом. Вот и планируй тут!

Мне позарез нужен выход в икснет.

Где же отыскать доступ к сети? Вайфайндер на моем телефоне мигал индикатором, как сумасшедший — повсюду находились сотни точек доступа к Интернету, — но я ничего не мог сделать без иксбокса, монитора и диска с «параноид-иксбоксом» для загрузки операционной системы!

И тут я заметил в толпе у входа в метро двух ребят, примерно моих ровесников.

Мое внимание привлекло то, что они как-то неестественно шныряли между приезжими и туристами, поминутно поглядывали друг на друга с заговорщическим видом и всякий раз безуспешно пытались спрятать невольную улыбку. Похоже, они джамили, но в толпе до них никому не было дела. В этом районе Сан-Франциско лучше вообще не поднимать глаза на окружающих, чтобы, не дай бог, к тебе не прицепился какой-нибудь псих или бомж, так что нормальные граждане стараются проскочить в метро, по возможности, не глядя по сторонам.

Я незаметно подгреб к одному из парней. Вблизи он казался чуть ли не ребенком, однако вряд ли был младше меня.

— Привет, — сказал я, нарисовавшись прямо перед ним. — Послушай, ты и твой приятель не могли бы отойти со мной в сторонку на секунду?

Он притворился, что не слышит, и с каменным лицом смотрел куда-то сквозь меня так же, как избегают встречаться взглядом с нищими.

— Ну же! — поторопил я его. — У меня мало времени. — Я вцепился ему в плечо и прошипел на ухо: — Я из икснета! Меня пасут копы!

Судя по изменившемуся лицу, парень со страшной силой перепугался и у него возникло неодолимое желание дать деру. Его приятель протискивался к нам.

— Нет, на полном серьезе, — настаивал я. — Вы только выслушайте меня!

К нам присоединился второй — высокий и полный, как Даррел.

— Привет, — сказал он. — Какая проблема?

Первый прошептал ему что-то на ухо. Теперь уже оба явно намылились сделать ноги.

Я выхватил из-под мышки номер «Бэй Гардиан» и потряс им перед их лицами.

— Да вот же, смотрите!

Они взяли газету, прочитали заголовок, увидели фотоснимки и посмотрели на меня, сравнивая.

— Ух ты! — восхищенно произнес первый. — Круто! — Он радостно заулыбался, а полный хлопнул меня ладонью по спине.

— Да ты чего, чувак! — воскликнул он с восторгом. — Ты, значит, и есть тот самый М…

Я зажал ему рот рукой.

— Отойдем в сторонку, ладно?

Я привел их обратно к своей скамейке и только теперь заметил под ней на асфальте бурое и, видно, давнишнее пятно. Кровь Даррела? У меня по коже пробежал озноб. Мы сели.

— Меня зовут Маркус, — через силу произнес я и тяжело сглотнул. Мое прикрытие провалено. Теперь те, кому я известен как M1k3y, знают и мое настоящее имя. Впрочем, статья в «Бэй Гардиан» уже протянула ко мне ниточку.

— Нейт, — представился тот, что поменьше. — Лайэм, — назвал себя второй, поамбалистей. — Ну, чувак, это круто, что мы встретились. Ты настоящий мужик…

— Кончай базар, — перебил я его. — На вас посмотреть со стороны, вы будто нарочно проситесь в «Гуантанамо». На карманников не похожи, значит, джамите.

Лайэм жалобно скривился, будто собирался заплакать.

— Ладно, не бойся, вас пока не застукали. После научу вас кое-каким приемчикам. — Лицо Лайэма опять посветлело. Самое стремное, что эти два лоха действительно держали M1k3y за своего кумира и были готовы выполнить любое мое приказание. У обоих лица сияли идиотскими улыбками. Мне стало и смешно, и страшно одновременно.

— Мужики, мне позарез нужен икснет, причем немедленно! К себе домой не могу — там опасно даже рядом показываться. А вы далеко отсюда живете?

— Я недалеко, — вызвался Нейт. — На Калифорнийской, на бугре. Правда, идти замудохаешься — горки крутые.

Я же только что спустился с них! И Маша была где-то там, наверху. Но все-таки мне, можно сказать, крупно повезло.

— Пошли, — сказал я.

Я поменялся с Нейтом куртками и одолжил у него бейсболку. Опознать меня по походке не было никакой возможности — лодыжка так разболелась, что я хромал, будто актер массовки в ковбойском фильме.

Огромная, с четырьмя спальнями квартира Нейта располагалась в доме на верхушке Ноб-

Хилл. У входа привратник в красной ливрее с золотым шитьем коснулся пальцами шляпы, назвал Нейта «мистер Нейт», а нас пригласил войти старомодным «пожалуйте». В квартире царила стерильная чистота и пахло мастикой для мебели. Такая хата стоила, наверное, пару лимонов баксов. Нейт, похоже, заметил, как у меня отвисла челюсть при виде этой роскоши.

— Папашке моему спасибо, — объяснил он. — При жизни финансировал инвестиционные проекты. Умер, когда мне было четырнадцать. С мамой развелся за несколько лет до смерти, но всю свою страховку завещал ей. А там было немало.

Через огромные, от пола до потолка окна открывался потрясающий вид на склон горы Ноб-Хилл, простирающийся до самой Рыбацкой пристани с муравейником портовых кранов и грузовиков, и дальше на залив с уродливой культей моста Бэй-бридж. Сквозь дымку едва проступали очертания Острова Сокровищ. Созерцание этой панорамы постепенно пробудило во мне бзик сигануть с высоты.

Я вышел в сеть с помощью иксбокса Нейта и огромного плазменного телевизора в гостиной. Высокое расположение квартиры имело свои

неоспоримые преимущества — программа засекла сразу два-три десятка источников Wi-Fi сигнала. Для икснетовца здесь рай земной.

На адрес M1k3y поступила *уйма* почты — порядка двадцати тысяч новых сообщений с того момента, как я разослал правила вампмобинга сегодня утром. Многие средства массовой информации просили меня прокомментировать последние события, но подавляющее большинство посланий направили икснетовцы. Они прочитали статью в «Гардиан» и выражали мне свою солидарность и готовность помочь, чем только могут.

Это стало последней каплей. Слезы потекли по моим щекам.

Нейт и Лайэм недоуменно переглянулись, но я ничего не мог с собой поделать и уже начал всхлипывать. Нейт подошел к дубовому серванту во всю стену и открыл дверцу бара, за которой мерцала разнокалиберная батарея бутылок. Он налил в стакан немного напитка янтарного цвета и принес мне.

— Редкое ирландское виски, — пояснил он, подавая стакан. — Мамино любимое.

Виски обжигало, будто золотистое пламя. У меня перехватило дыхание, и я чуть не закашлялся.

Вообще-то меня не привлекают крепкие напитки, но этот был восхитительным. Переводя дух, я несколько раз набрал полную грудь воздуха.

— Спасибо, Нейт, — просипел я, и он засиял, будто только что получил от меня медаль. Хороший мальчик.

— Так, посмотрим. — Окончательно взяв себя в руки, я засел за клавиатуру и принялся просматривать свою почту на гигантском экране. Оба парня наблюдали за мной, как завороженные.

Конечно, в первую очередь я искал сообщение от Энджи. Мне очень хотелось, чтобы она благополучно ускользнула с площади Сивик-сентра. Надежда невелика, но все-таки есть.

От Энджи ничего не было. Наверное, только такой идиот, как я, может еще надеяться в подобной ситуации. Мне ничего не оставалось, как заняться сортировкой писем: заявки прессы, послания фанатов, вопли недоброжелателей, спам…

Вот тут я и наткнулся на сообщение от Зеба.

> Разворачиваю сегодня утреннюю газету — и первым делом вижу свою записку, которую, по всем понятиям, ты должен был уничтожить. Не ожидал от тебя такой подлянки. Подставил ты меня.

>Но потом я понял, почему ты пошел на такой шаг. Не могу с уверенностью утверждать, что одобряю твою тактику, но в ней есть очевидный резон.

> Если ты сейчас читаешь мое послание, значит, скорее всего где-нибудь прячешься. А это дело непростое, уж я-то знаю. Я многому успел научиться.

> И могу помочь тебе. Даже должен. Ты ведь тоже мне по-своему помогаешь (пусть даже не спросив моего согласия).

> Если прочитал сообщение, ответь в обоих случаях: если ты в бегах и один, а также если тебя захомутали и обрабатывают наши друзья в «Гуантанамо», и это умерит их пыл. Если ты у них в лапах, они все равно тебя заставят, я знаю. И сознательно иду на этот риск.

> Ради тебя, M1k3y.

— У-у-ух ты-ы-ы! — выдохнул Лайэм. — Чува-а-ак! — У меня возникло дикое желание врезать ему по морде. Я уже обернулся, чтоб опустить этого козла парой междометий, но проглотил язык, увидев его глаза величиной с два блюдца, глядящие с таким выражением, будто он готов упасть на колени и молиться на меня.

— Маркус, можно мне сказать? — звенящим голосом произнес Нейт. — Я только хочу сказать, что для меня величайшая честь всей моей жизни помогать тебе! Вот и все, что я хочу сказать.

Наверное, мое лицо стало красным как помидор. Я ничем не заслужил такого почитания. Эти два парня просто привыкли считать меня звездой, а какая из меня звезда, ну сами подумайте! Скорее, черная дыра.

— Ребята, не могли бы вы… — Я неловко замялся. — Мне надо остаться одному на минуту.

Они убрались прочь, как нашкодившие щенки с поджатыми хвостами, и я почувствовал себя полным идиотом. Потом отбросил все эмоции в сторону и принялся печатать, как заводной.

> Зеб, я ушел от них. Теперь в бегах. Не откажусь от любой помощи. На этом пока все.

Я вспомнил, что надо поддерживать в рабочем состоянии Машин телефон, достал его из кармана и нажал кнопку.

Нейт пустил меня в душ, дал пару чистого белья, новый рюкзак и половину своего дежурного набора на случай землетрясения — энергетические батончики, лекарства, универсальные

гелевые компрессы. Лайэм принес для меня свой старый спальный мешок. Я был тронут, когда они сунули в рюкзак даже запасной иксбокс с уже установленным на нем «параноидом». Череда щедрых подношений продолжалась бы и дальше, но я прервал ее, отказавшись от сигнального пистолета.

В надежде дождаться ответа от Зеба я время от времени проверял почтовый ящик, а в промежутках отвечал на послания фанатов и журналистов. Ругательские письма в свой адрес просто удалял. Подсознательно ожидал получить что-нибудь от Маши, но она, наверное, уже на полпути в Лос-Анджелес, да и вряд ли может печатать разбитыми пальцами. Я опять надавил кнопку на ее телефоне.

Нейт и Лайэм предложили мне немного поспать, и на короткое, постыдное мгновение в моем ошизевшем мозгу мелькнула мысль, что эти двое хотят меня сдать, пока я в отрубе, — подозрение само по себе идиотское, поскольку они с тем же успехом могли бы заложить меня и в бодрствующем состоянии. Я просто никак не мог переварить тот факт, что совершенно не знакомые мне ребята готовы сделать так много для моей персоны. То есть я, конечно, осознавал

масштабы влияния M1k3y на умы своих последователей и воочию убедился в этом сегодня утром в Сивик-сентре, когда сотни вампиров послушно кричали один другому «укус-укус-укус», но эти двое не вампиры, а просто хорошие, заводные парни, которые любят поприкалываться и запросто могли бы оказаться в числе моих друзей доикснетовской эпохи. А теперь они добровольно вступили в армию — мою армию! И я несу за них ответственность. Если оставить их без присмотра, они неизбежно попадутся — это лишь вопрос времени. Очень уж неосторожные и доверчивые!

— Парни, послушайте-ка меня. Мне надо поговорить с вами кое о чем на полном серьезе.

Нейт и Лайэм замерли чуть ли не по стойке «смирно». Возможно, со стороны это выглядело забавно, но мне, честно говоря, стало страшно.

— Значит, так. Вы мне помогли, а потому в понимании дээнбистов стали моими сообщниками. Так что шутки кончились. Если вас возьмут, то и меня возьмут. Они сумеют вытянуть из вас все, что вы знаете… — Я поднял вверх руку, останавливая их протестующие возгласы. — Стоп, стоп! Вы там не были и не знаете. Все без исключения рано или поздно раскалываются. Запомните:

если попадетесь к ним в лапы — не молчите, говорите сразу, быстро и много. Иначе они развяжут вам языки. У них для этого есть отработанные приемы.

— Но вы не попадетесь, потому что отныне завязываете джамить. Вы переходите с активной службы в резерв. Вы становитесь… — Я напряг память, выискивая подходящий термин, почерпнутый из виденных мной шпионских фильмов. — Вы становитесь законсервированной ячейкой. Зря не высовывайтесь. Ведите себя так, будто вы обычные подростки. Так или иначе, но я с этими гадами разберусь, опущу их раз и навсегда. Или они со мной разберутся. Если в течение семидесяти двух часов не выйду с вами на связь, считайте, что со мной покончено. Тогда можете делать, что хотите. Естественно, что в случае успеха нашего дела необходимость джамить вообще отпадет. Но в последующие трое суток не высовывайтесь! Обещаете мне это?

Нейт и Лайэм с самым серьезным видом пообещали не высовываться. Я согласился прилечь поспать, взяв с них слово будить меня через каждый час, поскольку хотел без лишней задержки увидеть ответ Зеба, да и телефон Маши надо беспокоить, чтоб не отключился.

Наше рандеву состоялось в вагоне метро, напичканном камерами наблюдения, и это поначалу мне не понравилось. Но Зеб знал, что делал. Он назначил встречу в последнем вагоне конкретного поезда, отходящего от станции «Пуэлл-стрит» в такое время, когда в него битком набились пассажиры. Зеб подгреб ко мне сквозь толпу добропорядочных обывателей Сан-Франциско, которые послушно расступались, образуя, как обычно, свободное пространство вокруг бездомного.

— Привет, — едва слышно в шуме колес проговорил Зеб, глядя на мое отражение в застекленной двери. Я тоже смотрел в темное стекло и не видел никого, кто терся бы достаточно близко, чтобы подслушать нашу беседу без чувствительного микрофона. Впрочем, если дээнбисты пронюхали о нашей встрече, то нам и без прослушки конец.

— Здорово, братан, — сказал я. — Ты уж извини, что я тебя подставил.

— Ладно, проехали. Это ты меня извини. Очко маленько сыграло. Ну, так что ты решил? Удариться в бега? Исчезнуть?

— Как раз хотел поговорить с тобой об этом.

— Ну?

— Вообще-то у меня другие планы.

— Ого.

— Просто послушай, ладно? У меня есть фотоснимки и видео — по сути, документальные улики. — Я залез рукой в карман и потревожил Машин мобильник. По дороге в метро я купил на Юнион-сквер зарядное устройство и включил его, сидя в кафе, достаточно надолго, чтоб индикатор на дисплее показал четыре штриха из пяти. — Надо передать их в «Гардиан» Барбаре Стрэтфорд. Но за ней наверняка установлено наблюдение. Они ждут, когда я объявлюсь.

— А тебе не приходило в голову, что они меня тоже ждут? Если ты клонишь к тому, чтобы я передал той тетке твои вещдоки, то без мазы. Стоит мне нарисоваться в радиусе одной мили от ее дома или офиса…

— Я хочу, чтобы ты вызвал на встречу со мной Ванессу. Даррел когда-нибудь рассказывал тебе о Ванессе? Она…

— Да, говорил. Ну и что? Думаешь, ее не пасут? Так же, как тебя и всех, кого тогда арестовали?

— Думаю, пасут. Но не так, как меня. И потом, Ван не у дел, а значит, ее не подозревают. Она не сотрудничала со мной ни в одном… — Я запнулся, подыскивая слово. — …Из моих проектов. Так что Ванессу наверняка держат на длинном

поводке, и если она по телефону выразит желание объяснить «Бэй Гардиан», скажем, отчего я такой говнюк, дээнбисты, возможно, позволят ей сделать это.

Зеб некоторое время молча пялился на вагонную дверь.

— Ты знаешь, что будет, если они опять нас повяжут. — Это прозвучало как утверждение, а не вопрос.

Я кивнул.

— И тем не менее готов на это? Знаешь, коекого из заключенных при мне увезли с Острова Сокровищ на вертолетах. В противоположную от берега сторону. Есть страны, где Америка может позволить себе иметь офшорные зоны пыток. Оттуда нет пути назад, и там будешь гнить заживо до конца дней своих. Там пожелаешь только одного — чтоб тебе позволили вырыть могилу, поставили над ней и выстрелили в затылок, лишь бы покончить с этим.

Я тяжело сглотнул и снова кивнул.

— Тебя и это не останавливает? Мы с тобой можем залечь на дно прямо здесь, в Сан-Франциско, на долгое-долгое время и переждать, пока в нашей стране не наступят лучшие времена. Пока не вернется прежняя жизнь!

Я помотал головой.

— Ничто не придет и не наступит само собой. Ты правильно говоришь, это *наша* страна. И ее у нас отняли. Террористы, которые на нас напали, остались на свободе, а мы — нет! Я не могу прятаться год, десять лет, всю свою жизнь в ожидании, когда кто-то подарит мне свободу. Если хочешь быть свободным человеком, стань им!

В тот день Ван вышла из школы после окончания занятий и расположилась на заднем сиденье автобуса в тесном кружке подруг, болтая и хохоча, — в общем, все как обычно. Остальные пассажиры невольно обратили на нее внимание — во-первых, она вела себя очень шумно; а во-вторых, ее лицо чуть ли не полностью закрывали огромные мягкие поля дурацкой шляпы, будто забытой на голове после репетиции школьного спектакля о дамах и рыцарях эпохи Ренессанса. В какой-то момент подружки сбились в кучку, затем вдруг разом обернулись и стали смотреть через заднее стекло автобуса, показывая на что-то пальцами и хихикая. Огромная шляпа уже перекочевала на девочку одного роста с Ван и со спины очень похожую на нее.

И никому не было дела до маленькой, незаметной школьницы с азиатскими чертами лица и

скромно опущенными глазами, одетой в невзрачную школьную форму старого образца, когда она выходила из автобуса за две остановки до станции метро. Вдобавок как раз в этот момент та шебутная, в шляпе, что-то выкрикнула, а ее подруги рассмеялись так громко, что даже водитель не сразу тронул автобус с места, а обернулся со своего сиденья и бросил на озорниц строгий взгляд.

Ван с опущенной головой торопливо зашагала по улице; хвостик волос прыгал поверх воротника давно вышедшей из моды «дутой» куртки. Заранее подложенные в туфли подушечки под пятки сделали ее ростом на два дюйма выше, а походку — шаткой и неуверенной. Вместо контактных линз она надела свои нелюбимые очки с большими стеклами, закрывающими половину лица. Я не сразу узнал ее, поджидая под навесом автобусной остановки с противоположной стороны, а когда разглядел, встал со скамейки, пересек улицу и с полквартала шел следом на некотором удалении.

Встречные пешеходы, завидев меня, торопливо отворачивались от беспризорника в замызганной хламиде, с переполненным дряхлым рюкзаком за спиной и грязной картонкой на груди с неряшли-

во накорябанной просьбой о подаянии. Никто не хочет встречаться глазами с нищим подростком, а то, не дай бог, прилипнет как банный лист, начнет клянчить мелочь. Целый день я в таком виде бродил по Окленду, и за все время со мной заговорили только двое — свидетель Иеговы и сайентолог; оба святоши пытались обратить меня в свою веру. На душе после встречи с ними остался неприятный осадок, как будто ко мне на улице пристали извращенцы.

Ван в точности исполняла мои письменные инструкции. Зеб передал их ей тем же способом, каким подкинул мне у школы свою записку — «нечаянно» толкнул, когда она стояла на автобусной остановке, а потом долго извинялся. Я не старался подобрать слова, а просто изложил на бумаге то, что думал и чувствовал: «Знаю, ты против. Я все понимаю. Но мне нужна твоя помощь в этот самый важный момент в моей жизни. Прошу тебя. Очень прошу».

Она пришла. Я знал, что так будет. Очень многое сближает нас двоих — меня и Ванессу. Ей тоже не нравится то, что происходит в этом мире. Вдобавок, мелькнула у меня недобрая и даже злорадная мысль, после публикации статьи в «Бэй Гардиан» на Ван тоже падает подозрение.

Так я протопал за ней, не приближаясь, шесть или семь кварталов, исподтишка изучая пешеходов и проезжающие мимо автомобили. Зеб рассказал мне, как ведется наружное наблюдение сразу пятью агентами в штатском. Обнаружить такую слежку можно, только если выманить их в совершенно безлюдное место, где любой соглядатай будет сразу бросаться в глаза.

Эстакада автотрассы 880 находится всего в нескольких кварталах от станции метро «Колизеум», и сколько Ван ни петляла, мы довольно скоро оказались на месте. Над нашими головами оглушающе ревели автомобили. Я был вполне уверен, что никто, кроме нас, под эстакадой не обретался. Прежде чем назначить Ванессе встречу в этой дыре, я приехал сюда, тщательно осмотрел всю прилегающую территорию и убедился, что спрятаться здесь негде.

Как только Ван приблизилась к условленному месту, я ускорил шаг и догнал ее. Она посмотрела на меня из-за очков, подслеповато моргая.

— Маркус! — У нее сорвался голос, из глаз потекли слезы. Я вдруг понял, что тоже плачу. Никудышный из меня подпольщик. Слишком сентиментальный.

Ван обняла меня на удивление крепко, даже

дышать стало трудно. Я тоже обнял ее что было сил. И тут она меня поцеловала.

Не в щечку, по-сестрински, а нескончаемым поцелуем в губы — страстно, самозабвенно, запоем. Я так прибалдел, что…

Впрочем, нет, вру. Я пребывал в здравом уме и твердой памяти. И ответил Ванессе не менее горячим поцелуем.

Потом меня будто по башке стукнуло, и я почти оттолкнул ее от себя.

— Ван! — укоризненно вырвалось у меня сквозь частое дыхание.

— Ой-ой, — сказала она.

— Ван, — тупо повторил я.

— Прости, — сказала Ван. — Я…

И тут до меня дошло то, о чем мне следовало догадаться, наверное, уже давным-давно.

— Я что — нравлюсь тебе?

Ван жалобно закивала:

— Уже давно.

Ох, черт! Даррел годами тащился от Ван, а она все это время тайно тащилась от меня! А я в итоге выбрал Энджи, которая, по ее же словам, с Ван никогда не ладила. А сам я только бегаю, как козел, и гружу обеих своими проблемами, ничего не замечая.

— Ван… — пробормотал я. — Ван, прости меня.

— Все нормально, Маркус, — сказала она, отворачиваясь. — Я уже смирилась. Просто хотелось сделать это хоть разочек на случай, если больше… — Ван опустила голову, не договорив.

— Ван, у меня к тебе просьба. Дело очень важное. Мне надо, чтоб ты встретилась с журналисткой из «Бэй Гардиан», Барбарой Стрэтфорд. Это она написала сегодняшнюю статью. Ей нужно кое-что передать. — И я рассказал Ван о Машином телефоне и видео, которое она мне переслала.

— Зачем тебе это, Маркус? Кому от этого станет лучше?

— Ван, ты была права, хотя бы отчасти. Нельзя добиться справедливости для себя, ставя под удар других людей. Я могу исправить положение, лишь открыто рассказав, что знаю. Мне следовало поступить так в самом начале. Не разводить самодеятельность, а сразу после освобождения пойти к отцу Даррела. Но теперь у меня есть неопровержимые улики. Теперь я действительно могу изменить мир к лучшему. Пойми, это последняя и единственная надежда освободить Даррела и спастись самому от жалкого существования беглеца, всю жизнь скрывающегося от полиции.

— Но почему ты обратился ко мне?

— Ты что, шутишь? Да ты же профессионал! Я в этом еще раз убедился, пока наблюдал за тобой по дороге сюда. Из всей нашей команды ты лучший конспиратор! И единственный человек на свете, кому я могу доверить по-настоящему важное дело. Вот почему я обратился к тебе.

— А как же твоя подружка Энджи? — Ван произнесла это таким тоном, будто говорила не о человеке, а о бетонной плите.

У меня невольно вырвался тяжелый вздох.

— Я думал, ты знаешь. Ее арестовали. Она на Острове Сокровищ, в тюрьме, прозванной «Гуантанамо». Уже несколько дней.

До сих пор я старался не задумываться об Энджи и о том, что сейчас с ней происходит, но теперь, когда об этом зашла речь, у меня внутри будто поднялась горячая волна, сдавило грудь, так что выступили слезы и дыхание превратилось в судорожные всхлипы. В животе кольнуло, будто от сильного пинка, я схватился за него обеими руками, согнулся пополам и, не помня себя, с рыданиями повалился на острые камни, покрывающие землю под эстакадой.

Ван опустилась на колени рядом со мной.

— Дай сюда телефон! — велела она сердитым

голосом. Я послушно пошарил в кармане и отдал ей мобильник.

Мне стало стыдно. Я прекратил плакать и сел, вытирая с лица слезы и сопли. Ван посмотрела на меня с нескрываемым отвращением.

— Если он вырубится, без пароля не включить, — проговорил я. — Погоди, еще зарядное устройство. — Я покопался в рюкзаке. Из-за этого проклятого телефона мой ночной сон в последнее время состоял из полуторачасовых интервалов, прерываемых будильником для очередного нажатия кнопки. — И складывать его тоже нельзя.

— А видеозапись?

— С этим сложнее. Я переслал копию на свой почтовый адрес, но пользоваться икснетом сейчас не имею возможности. — В крайнем случае я, конечно, мог бы опять обратиться к Нейту и Лайэму и попользовать их иксбокс, но слишком велик был риск их подставить. — Послушай, я дам тебе свой логин и пароль к почтовому серверу Партии Пиратов. Подключайся через анонимайзер — дээнбисты наверняка отслеживают всех, кто пользуется сервером пиратов.

— Ты собираешься открыть мне свои логин и пароль? — удивленно переспросила Ван.

— Я верю тебе, Ван. Я знаю, что тебе можно

верить.

Она все еще недоверчиво покачала головой.

— Маркус, ты никогда никому не давал свои пароли.

— В данном случае это уже не имеет значения. Либо у тебя все получится, либо я… либо Маркус Йаллоу перестанет существовать. Мне придется взять новое имя и вообще стать другим человеком, но скорее всего дээнбисты выйдут на меня и повяжут. Знаешь, я, наверное, никогда не сомневался, что рано или поздно они меня схватят, и только сейчас понял это.

Тут уж Ван не на шутку разозлилась.

— Бред какой-то! Тогда для чего все это? Какой смысл в том, что ты до сих пор делал?

Ничего обиднее и правдивее она сказать не могла. Мне стало больно, будто я опять получил ногой в живот. Все это лажа, бессмыслица. Я уже потерял Даррела, Энджи и, возможно, больше никогда не увижу своих родителей. А долбаный ДНБ продолжает держать мой город, мою страну в состоянии животного страха и творить произвол, прикрываясь борьбой с терроризмом.

Ван выжидающе смотрела на меня, будто хотела услышать напоследок что-нибудь вразумительное, но не дождалась и ушла, оставив

меня в одиночестве.

К моему возвращению «домой» в Мишн Зеб припас для меня пиццу. Мы ночевали под автомобильной эстакадой в походной палатке военного образца, списанной из армейского имущества за ненадобностью. Трафаретные буквы у нее на боку возвещали: «Координационный совет Сан-Франциско по оказанию помощи бездомным».

Пицца была из «Домино», холодная и уже чуть подкисшая, но тем не менее необычайно вкусная.

— Тебе что, нравится пицца с ананасами? — спросил я Зеба. Он снисходительно улыбнулся.

— Нам, фриганам, выбирать не приходится.

— Каким еще фриганам?

— Знаешь, есть такие вегетарианцы, которые употребляют исключительно растительную пищу, так вот их называют веганами. А фриганы едят исключительно *свободную* еду.

— Что значит — «свободную»?

Зеб опять улыбнулся.

— Свободная значит ничейная. Подходи и бери.

— Ты что — спер эту пиццу?

— Да нет же, балда! Просто взял, но не с магазинного прилавка, а с другого, поменьше, того,

что позади магазина. Знаешь, черный такой, железный? С запашком?

— Ты подобрал это на помойке?!

Зеб заржал, запрокинув назад голову.

— Ясен болт! Видел бы ты сейчас свое лицо! Да не ссы, чувак, не отравишься. Ее выбросили не потому, что типа испорченная — нет, свеженькая, просто накрылся чей-то заказ. Правда, ближе к концу рабочего дня помойку поливают крысиным ядом, но если вовремя подсуетишься, ты в прибыли. Видел бы ты, что выбрасывают из бакалейных магазинов! Стоит одной несчастной клубничке замохнатиться, они избавляются от всей упаковки. Подожди до завтрака, приготовлю тебе такой фруктовый салат — язык проглотишь!

Я перестал его слушать. Ну и что, в самом деле, пицца как пицца. Она не стала заразной от того, что валялась в мусорном баке. А если и вызывала неприятное ощущение, то лишь потому, что ее сделали в «Домино», худшей пиццерии Сан-Франциско. Мне их еда никогда не нравилась, и я окончательно от нее отказался, когда узнал, что владельцы «Домино» спонсируют крезанутых политиков, по убеждению которых разговоры о глобальном потеплении климата или об эволю-

ции природы — происки сатаны.

Однако отделаться от неприятного ощущения не удавалось.

И все-таки в этой ситуации имелась своя положительная сторона. Зеб, сам того не желая, открыл для меня целый мир, не видимый со стороны, о существовании которого я никогда не задумывался. А ведь он существовал вне и независимо от официальной системы.

— Значит, фриганы, говоришь?

— Или взять еще йогурты, — сказал Зеб, отчаянно кивая головой. — Для фруктовых салатов. После истечения срока годности их тут же выбрасывают. Но они ведь не зеленеют в полночь, которая отделяет дату использования от следующего дня. Это же йогурт, он сам по себе уже прокисшее молоко, если уж на то пошло!

Я проглотил кусок пиццы со странным привкусом. Да еще этот разговор про крысиный яд, зеленый йогурт, мохнатую клубнику… К такому не скоро привыкнешь.

Я откусил еще и подумал, что пицца «Домино» на халяву не такая уж противная.

После долгого и полного изнурительных переживаний дня было приятно вытянуться в теплом спальном мешке Лайэма. Ван, конечно, уже встре-

тилась с Барбарой и передала ей видеозапись и фотоснимок Даррела. Утром я позвоню журналистке и спрошу, что она думает по поводу моих дальнейших действий. Когда материалы будут опубликованы, мне придется объявиться, чтобы лично засвидетельствовать их подлинность.

Уже погружаясь в сон, я видел, как иду сдаваться в одно из тех больших, с колоннадой при входе, зданий Сивик-сентра, а объективы многочисленных видеокамер провожают в последний путь злополучного M1k3y.

Подступающее забытье превратило неумолчный шум автомобильного потока над головой в океанский прибой. По соседству с нашей стояли другие палатки с бомжами. Днем я успел пообщаться кое с кем, но с наступлением темноты каждый жался поближе к собственному пристанищу. Все они были намного старше меня, угрюмые и неприветливые, но ни на психов, ни на насильников похожи не были. Просто неудачники, которым не повезло в жизни, или не хватило ума принять правильное решение, или то и другое одновременно.

Очевидно, я крепко уснул, потому что не помнил ничего до мгновения, когда в лицо мне ударил ослепительно яркий свет.

— Вот он, — произнес голос по ту сторону сияния.

— Взять его, — скомандовал второй, знакомый мне голос, часто звучавший в сновидениях — наставительный, требующий назвать пароли. Голос дамы с топорной стрижкой.

Мне тут же надели на голову мешок и затянули веревку на горле так туго, что меня вырвало, а пока я кашлял и задыхался в кашице из съеденной накануне фриганской пиццы, чьи-то сильные руки крепко связали мне запястья за спиной, потом щиколотки. Меня, как бревно, закатили на носилки, подняли и отнесли в машину — под ботинками носильщиков лязгнули две металлические ступеньки. Тут носилки опустили на пол, застеленный чем-то мягким. Дверь закрылась, и после этого я ничего не слышал, кроме моего пускания пузырей в собственной рвоте. Очевидно, салон или фургон был обит звуконепроницаемым материалом.

— Ну, что ж, со свиданьицем. — Топорная Стрижка. Я почувствовал, как под ее тяжестью качнулся пол машины, когда она поднялась внутрь. Мой рот был наполнен блевотиной, которая потихоньку просачивалась в горло. Я не мог нормально дышать, все время захлебывался

и кашлял.

— Не беспокойся, мы не дадим тебе умереть, — сказала Топорная Стрижка. — Если ты захлебнешься, мы сделаем искусственное дыхание.

Какие-то чудовищные всхлипы вырвались у меня изо рта и горла, когда я судорожно втянул в легкие вместе с рвотной массой толику воздуха. Все тело свело судорогой от мучительного, выворачивающего наизнанку кашля, и меня снова стошнило. Я стал хватать ртом воздух, и все повторилось.

— Видишь, у тебя получается, — сказала дээнбистка. — Не все так плохо. Добро пожаловать домой, M1k3y! Мы приготовили для тебя особое местечко.

Постепенно я как-то действительно приноровился и даже немного расслабился под плавное покачивание движущейся машины. Поначалу мне было дурно от невыносимого запаха полупереваренной пиццы, но, как это происходит с любыми сильными раздражителями, мозг мало-помалу подстроился и почти перестал его воспринимать. Лежать на мягко качающихся носилках стало почти приятно.

И вдруг произошло нечто невероятное. Вдруг нахлынул глубокий, блаженный покой, подхва-

тил меня, будто ласковая и теплая океанская волна с нагретого солнцем пляжа, и бережно, как ребенка, держа на плаву, понес дальше, в теплое море под теплым солнцем. После бесчисленных перипетий я все-таки попался, но это уже не имело никакого значения. Я передал информацию Барбаре. Я создал икснет. Я победил. А если даже и проиграл в чем-то, я сделал все, что было в моих силах. Мне удалось сделать больше, чем я мог надеяться когда-либо сделать в своей жизни. Лежа на полу дээнбистской машины, я перебирал в уме и раскладывал по полочкам собственные достижения — наши *общие* достижения! Мой город, мою страну, целый мир населяли люди, не желающие жить по указке ДНБ. Нашу борьбу не задушить. На нас всех тюрем не хватит.

Я счастливо вздохнул и улыбнулся.

Топорная Стрижка продолжала говорить. Я был так далеко, витая в счастливых грезах, что она почти исчезла из моего мировосприятия.

— …такому сообразительному парню, как ты. Казалось бы, уж кто-кто, но ты-то поостережешься выступать против нас. Мы присматривали за тобой с первого дня твоего освобождения. И арестовали бы тебя, даже если б ты не побежал плакаться этой журналистке — изменнице и

лесбиянке. Нет, это просто уму непостижимо! Я думала, у нас с тобой полное взаимопонимание…

Колеса громыхнули по металлическому настилу, амортизаторы просели, выправились, а вскоре пол начал колыхаться иначе — на морской волне. Мы плыли на Остров Сокровищ. Хо-хо, там Энджи! И Даррел тоже. Вероятно.

Мешок с головы сняли лишь после того, как меня принесли в камеру. Правда, развязать руки и ноги поленились — меня просто скатили с носилок на пол. Лампочка не горела, но при лунном свете, проникающем сквозь крошечное зарешеченное окошко под самым потолком, я разглядел, что на койке не было матраса. Кроме меня, голой койки, унитаза и умывальника в камере больше ничего и никого не было.

Я закрыл глаза, чтобы вновь уплыть на океанской волне — и действительно поплыл, а где-то далеко внизу осталось лежать мое тело. То, что произойдет дальше, не станет для меня открытием. Я написаю под себя. Опять. И все сопутствующие ощущения мне знакомы, потому что я уже писался. От меня будет плохо пахнуть. Кожа начнет чесаться. И я буду мучиться от бессилия и позора.

Но все это не смертельно.

Я засмеялся, и это прозвучало так неожиданно, что вернуло меня в действительность, обратно в мое тело. Я продолжал смеяться. Они уже поиздевались надо мной, как могли, но я выжил и не сломался. Зато в течение нескольких месяцев я чмырил их по-всякому и показал всем, какие они тупицы и деспоты. И вышел победителем.

Меня уже давно донимала резь в переполненном мочевом пузыре. Так чего тянуть? Я перестал сдерживаться.

Теплая океанская волна понесла меня прочь.

* * *

Утром ко мне в камеру пришли два охранника. Они деловито и равнодушно разрезали путы на моих руках и ногах. Идти сам я не мог — ноги подгибались, как у марионетки с оборванными нитями. Слишком долго находился в неподвижности. Охранники закинули мои руки себе на плечи и наполовину понесли, наполовину поволокли по знакомому коридору. Бумажки со штрихкодами на дверях отклеились и загнулись по краям на влажном морском воздухе.

Меня вдруг осенило.

— Энджи! — завопил я. — Даррел!

Охранники явно обеспокоились и прибавили ходу, не зная, как меня угомонить.

— Ребята, это я, Маркус! Держитесь, не сдавайтесь!

Из-за ближайшей двери послышался чей-то плач. За другой непонятно воскликнули, похоже, на арабском. Внезапно разразилась какофония сотен надрывно кричащих голосов.

Меня привели не в комнату для допросов, а в старую душевую комнату — судя по всему, давно не используемую по назначению. Из стен с заплесневелой плиткой торчали ржавые трубы с лейками.

— Доброе утро, M1k3y, — сказала Топорная Стрижка. — Похоже, ночь не обошлась для тебя без приключений. — Она с преувеличенной брезгливостью наморщила нос.

— Ага, я описался, — бодрым голосом сообщил я. — Незабываемое ощущение. Советую попробовать.

— Наверное, тебе стоит принять ванну. — Топорная Стрижка кивнула охранникам, те подтащили меня к какой-то широкой доске с лямками по всей длине и повалили на нее. Она была мокрая и холодная. Не успел я опомниться, как мои плечи, бедра и лодыжки оказались пристег-

нуты ремнями. Через минуту на мне затянули и оставшиеся три лямки. Охранники взялись за поручни по краям, щелкнули металлические запоры, и доска наклонилась так, что ноги у меня задрались выше головы.

— Начнем с самого простого, — объявила Топорная Стрижка. Я вывернул шею, чтоб посмотреть на нее. Она подошла к письменному столу, на котором стоял иксбокс и недешевого вида монитор с плоским экраном. — Будь добр, назови мне, пожалуйста, свой логин и пароль на почтовом сервере Партии Пиратов.

Я закрыл глаза, и океанская волна понесла меня с пляжа в открытое море.

— M1k3y, тебе не доводилось слышать про такую забаву, как ватербординг? — Ее голос вернул меня в действительность. — Твое тело закрепляют в неподвижности таким вот образом и льют воду на лицо. Ты не можешь перебороть дыхательный рефлекс, и вода попадает тебе в нос и рот. Эта процедура называется «имитация утопления», и судя потому, что я наблюдала, определение довольно точное. У испытуемого возникает полная иллюзия, что он умирает. И, знаешь, ощущение можно продлевать бесконечно.

Я задергался, безуспешно пытаясь высвободиться. Да, мне доводилось слышать о ватербординге. Это самая настоящая пытка, и мне еще только предстоит пройти через нее.

Мне не удалось высвободиться. И океанская волна не унесла меня в теплую даль. В груди что-то болезненно сжалось, веки судорожно затрепетали. Безумно зудела кожа по всему телу, липкая от мочи, пота, засохшей блевотины.

Топорная Стрижка подошла и встала так, чтоб я мог ее видеть.

— Начнем с логина к твоему почтовому ящику, — сказала она.

Я зажмурился.

— Дайте ему попить! — приказала Стрижка. Слышно было, как зашевелились охранники. Я набрал в грудь воздуха и задержал дыхание.

Охранник поднял надо мной полный ковш воды, и она тонкой струйкой полилась на мои губы, подбородок. Потекла в повернутые кверху ноздри. Просочилась в горло — мне захотелось кашлять, но чудовищным усилием я сдержался, и вода достигла легких, закрывая доступ воздуху. Я будто окаменел, только зажмурился еще крепче.

Из коридора послышалась какая-то возня, беспорядочный топот ног, сердитые, возмущенные

возгласы. Остаток воды в ковше охранник просто выплеснул мне на лицо.

Топорная Стрижка приглушенным голосом сказала что-то охранникам, потом, уже громко, обратилась ко мне:

— Только логин, Маркус! Это же так просто! Мне от него все равно никакой пользы.

На этот раз воды было целое ведро, она лилась сплошным, нескончаемым потоком — наверное, ведро какое-то гигантское. Я не сдержал дыхательного рефлекса и хватанул полный рот воды в легкие, закашлялся и втянул в себя новую порцию. Мое сознание говорило, что они не убьют меня, но тело отказывалось этому верить. Каждая клеточка организма кричала, что я умираю. Мне хотелось дико вопить, плакать, но под непрекращающимся водопадом я не мог сделать и этого.

Когда поток иссяк, я принялся надрывно кашлять, но лежал под таким углом, что избавиться от воды в легких долго не удавалось. Она стекала обратно в ноздри и обжигала носовые пазухи.

От бесконечного кашля начала болеть грудь, ребра и все кости, на которых я елозил по доске. Я ненавидел собственное тело за то, что оно предало меня, и свой мозг за то, что он не сумел подчинить тело, и себя самого за то, что ничего

не могу с этим поделать.

Наконец кашель понемногу прекратился, и у меня восстановилась способность воспринимать окружающую действительность. В комнате явно происходила потасовка, раздавались крики и звуки борьбы. Я открыл глаза, моргая от яркого света, и выгнул шею, закашлявшись от приложенного усилия.

Народу в комнате заметно прибавилось. На вновь прибывших были надеты бронежилеты и шлемы с затемненными прозрачными забралами. Они кричали на тюремных охранников, а те со вздутыми от напряжения венами на шеях кричали в ответ.

— Всем стоять! — командовал один из бронежилетов. — Не двигаться! Руки вверх! Вы арестованы!

Дама с топорной стрижкой говорила с кем-то по мобильнику. К ней подскочил бронежилет и рукой в черной перчатке выбил телефон. Тот по дуге пролетел через все помещение и грохнулся на пол, рассыпавшись на мелкие детали. Присутствующие проводили его взглядами во внезапно воцарившейся тишине.

Но ее тут же нарушили бронежилеты, рассыпавшиеся по комнате. По двое заломали каждого

из моих палачей. У меня почти получилось улыбнуться при виде лица Топорной Стрижки, когда один бронежилет развернул ее за плечи, а второй защелкнул на ней наручники.

Один из бронежилетов медленно двигался от двери с видеокамерой на плече — серьезной дурой с ослепительно-белой подсветкой. Он заснял все помещение и меня, обойдя вокруг водяной доски дважды. Я терпеливо лежал, будто позировал в фотоателье.

Наконец мне эта комедия надоела.

— Вам не кажется, что пора меня отвязать? — сказал я, только чуть-чуть кашлянув.

Ко мне подошли два бронежилета, один из которых оказался женщиной, и принялись расстегивать лямки, улыбаясь из-под поднятых забрал. Плечи и шлемы у них были помечены красными крестами.

Под крестами стояли буквы КДП — Калифорнийский дорожный патруль. Они из полиции штата!

Я начал было расспрашивать, как они здесь очутились, но тут в комнату буквально ворвалась Барбара Стрэтфорд. Ее, очевидно, долго не пропускали из коридора, но в итоге ей удалось протиснуться внутрь, растолкав копов.

— Вот ты где! — воскликнула Барбара, опустилась передо мной на колени, и мы оба замерли в самых долгих объятиях в моей жизни.

Вот тогда все окончательно прояснилось: «Гуантанамо» захвачена, а я спасен.

Глава 21

Нас с Барбарой оставили на время вдвоем. Я нашел один исправный душ и кое-как смыл с себя мочу и блевотину, а то очень уж стыдно стало перед женщиной. А когда закончил, у Барбары на глазах стояли слезы.

— Твои родители… — начала она.

Меня чуть снова не вырвало. Черт, до сих пор мне было как-то не до предков. А ведь страшно подумать, что они пережили за эти дни.

— Они здесь? — спросил я.

— Нет, — ответила Барбара. — Все не так просто.

— Что именно?

— Маркус, ты по-прежнему находишься под арестом. Как и все, кто в этом здании. Полиция не может просто распахнуть ворота настежь и выпустить заключенных на волю. Каждое дело будет расследовано в соответствии с установленной законом процедурой. Это может продлиться… ну… даже несколько месяцев.

— Мне что же — придется торчать здесь несколько месяцев?

Барбара взяла меня за обе руки.

— Нет, надеюсь, мы очень скоро добьемся, чтобы твое дело заслушал суд и освободил тебя под залог. Но «очень скоро» — понятие относительное. Вряд ли это удастся сделать уже сегодня. Но условия содержания под стражей, конечно же, изменятся — тебя будут нормально кормить, разрешат видеться с родными, и никаких зверств и допросов. ДНБ здесь больше не командует, но это не означает, что ты можешь спокойно отправляться домой. Пока мы лишь избавились от установленной здесь порочной версии правосудия и восстановили старую систему — с судьями, защитниками и открытыми судебными процессами. Мы, конечно, можем похлопотать, чтоб тебя перевели в исправительную колонию для несовершеннолетних, но, Маркус, там настоящий дурдом, поверь мне. Лучше побудь здесь, пока мы не освободим тебя под залог.

Да, конечно. Меня можно освободить только под залог. Я же преступник. Правда, мне еще не предъявили обвинение, но у них за этим дело не станет. О правительстве — как о покойнике: либо хорошо, либо ничего — иначе рискуешь оказаться вне закона.

Барбара, продолжая держать меня за руки,

крепко пожала их.

— Неприятно, конечно, но деваться некуда, таков порядок. Главное, все кончено. Губернатор вышвырнул ДНБ из Калифорнии, а в Сан-Франциско ликвидированы все контрольно-пропускные пункты. Генеральный прокурор штата подписал ордера на арест всех сотрудников правоохранительных органов, участвовавших в допросах «стрессовыми методами» и противозаконных лишениях свободы. Их посадят, Маркус, посадят благодаря тому, что ты сделал.

Я сидел, будто в ступоре, едва понимая значение слов Барбары. Да, вроде бы все кончено, однако ничего не кончено.

— Послушай, — попыталась растормошить меня Барбара. — У нас, возможно, есть час-другой, пока здесь все уляжется, и тебя снова посадят под замок. Чего бы тебе сейчас хотелось? Может, прогуляться у моря? Или поесть? У них тут невероятная столовая, просто рай для гурманов — я во время рейда видела.

Наконец-то я услышал вопрос, на который мог ответить.

— Я хочу разыскать Энджи. Я хочу разыскать Даррела.

Я попытался использовать их компьютер, чтоб

посмотреть номера камер, но без пароля не получилось. Пришлось просто ходить по коридорам, выкрикивая имена. Из-за дверей камер кричали в ответ, плакали, умоляли выпустить. Никто из заключенных не знал, что произошло несколько минут назад, не видел, как бывших тюремщиков уводили в наручниках под конвоем спецназовцев полиции штата.

— Энджи! — выкрикивал я поверх разноголосицы в тюремном коридоре. — Энджи Карвелли! Даррел Гловер! Это я, Маркус!

Мы с Барбарой обошли все тюремное здание, но они так и не отозвались. Мне хотелось плакать от отчаяния. Ясно, их увезли — может, в Сирию или еще подальше. Нам никогда больше не встретиться.

Я прислонился спиной к стене коридора, сполз на корточки и закрыл лицо обеими руками. Мне вспомнилась дама с топорной стрижкой, ее самодовольная ухмылка, с которой она выпытывала у меня логин. Это ее рук дело. Ей светит тюрьма, но по мне, так убить ее мало, честное слово! Она этого заслуживает.

— Маркус, вставай! — сказала Барбара. — Рано сдаваться. Надо искать. Мы еще вон там не были.

Действительно, мы прошли мимо всех старых,

ржавых дверей, сохранившихся со времени постройки военной базы, но в самом конце коридора находилась еще одна, новая дверь, толстенная, как толковый словарь, и оборудованная суперпадежными запорами. Она была приоткрыта; за ней начинался другой, очень темный коридор.

Мы вошли в него и обнаружили четыре запертые камеры без штрихкодов на дверях. Зато на каждой был установлен небольшой электронный замок с прорезью для электронного ключа.

— Даррел! — громко позвал я. — Энджи!

— Маркус?!

Это был голос Энджи, и звучал он из-за дальней двери. Энджи, моя Энджи, мой ангел!

— Энджи! Это я! Это я!

— О господи, Маркус! — Голос за дверью сорвался, и послышались рыдания.

Я принялся барабанить в остальные двери.

— Даррел! Даррел, ты здесь?

— Я здесь. — Голос был очень тихий и очень хриплый. — Я здесь. Пожалуйста, простите меня. Пожалуйста. Простите.

Таким голосом мог говорить только человек… сломленный. Раздавленный.

— Это я, Ди! — сказал я, прижимаясь к двери. — Я, Маркус. Все позади. Охранники арестованы.

Департамент национальной безопасности здесь больше не хозяин. Нас ждет открытый, справедливый суд. Мы будем свидетельствовать против них!

— Простите меня, — повторил Даррел. — Пожалуйста, простите.

К нам приблизились полицейские из калифорнийской патрульной службы. Они продолжали обход здания с включенной видеокамерой.

— Что тут происходит, мисс Стрэтфорд? — спросил один из них с поднятым пластиковым забралом на шлеме. Он выглядел, как любой другой коп, и вовсе не казался мне спасителем — скорее, наоборот, того и гляди, повяжет.

— Капитан Санчес, — обратилась к нему Барбара, — мы нашли двух заключенных, представляющих для нас особый интерес. Я прошу их освобождения в моем присутствии, чтобы лично засвидетельствовать, в каком состоянии они находятся.

— Мэм, мы пока не располагаем кодами к этим замкам, — ответил коп.

Барбара подняла руку в протестующем жесте.

— Сэр, у меня личная договоренность с губернатором о моем беспрепятственном доступе ко всем помещениям на территории базы! Мы не

сдвинемся с места, пока вы не откроете эти камеры! — Она говорила с твердой и спокойной уверенностью, не оставляющей места возражениям.

На усталом лице капитана появилось недовольное выражение.

— Сейчас разберемся, — пообещал он.

Спустя полчаса копы все-таки смогли с трех попыток отпереть дверные замки, по очереди вставляя в прорези пластиковые пропуска, отобранные у арестованных охранников.

Первой открыли камеру Энджи, оборудованную еще беднее, чем моя: повсюду только мягкая обивка, но нет ни кровати, ни умывальника, ни освещения. Энджи появилась в дверях, моргая ослепленными глазами. На ней был больничный халат, застегивающийся на спине. Полицейская видеокамера тут же направила в лицо Энджи яркий луч, но Барбара сделала шаг вперед и прикрыла ее собой. Энджи неуверенно ступила в коридор и чуть пошатнулась. Она плакала, но не это придавало ее глазам и лицу странное, незнакомое мне выражение.

— Я требовала адвоката, — сказала Энджи, — а они накачали меня наркотиками.

И вот тогда я обнял ее. Энджи бессильно повис-

ла на мне, но, хоть и слабенько, тоже обхватила обеими руками. От нее пахло немытым телом, да и я не благоухал цветочным ароматом, но мне не хотелось выпускать Энджи из своих объятий.

Потом отперли дверь камеры Даррела.

Он изодрал в клочья свой тонкий, как бумага, больничный халат и теперь забился в угол, голый, кое-как прикрываясь руками от видеокамеры и наших изумленных взглядов. Я подбежал к нему.

— Ди! — горячо прошептал я ему на ухо. — Ди, это я, Маркус! Не бойся, охранники арестованы. Теперь все позади. Нас освободят под залог, мы вернемся домой!

Даррел зажмурился, и его стала бить дрожь.

— Простите меня, — прошептал он и отвернулся к стене. После этого коп в бронежилете и Барбара отвели меня в камеру, заперли дверь, и я провел там ночь.

Я не слишком хорошо запомнил, как нас везли в суд. Меня сковали цепью с пятью другими заключенными, намотавшими на Острове Сокровищ гораздо больший срок, чем я. Один — пожилой, неудержимо дрожащий араб; он вообще не говорил по-английски. Остальные — молодые парни, из которых только я был белым. Когда узников собрали на палубе парома, я убедился, что почти

у всех у них темная кожа различных оттенков.

Единственная ночь, проведенная мной в тюрьме до отправки, показалась мне слишком долгой. Утро выдалось хмурое, шел мелкий дождик. Очутившись в такую погоду на улице, я обычно сутулюсь и втягиваю голову в плечи, но сегодня я вместе со всеми с удовольствием задрал ее к бескрайнему серому небу и подставил лицо обжигающей сырости, в то время как паром, набирая скорость, нес нас через залив к городской пристани.

Через город нас везли на автобусах. Взбираться по ступенькам в кандалах было неудобно, и погрузка затянулась. Но это никого не беспокоило. Решив нелегкую геометрическую задачку из шести человек, одной цепи и узкого прохода в салоне автобуса, мы просто сидели и балдели, пялясь в окошко улицы на городской пейзаж на склоне горы.

Больше меня всего радовало, что отыскались Даррел и Энджи, но сегодня я их еще не видел. Толпа была огромная, и нам запрещалось перемещаться самостоятельно. Копы из полиции штата, которые нас конвоировали, вели себя достаточно корректно, но все равно это были копы — парни с пушками и в бронежилетах. Мне то и

дело мерещилось, что в толпе мелькнул Даррел, но каждый раз это оказывался незнакомец, такой же сломленный и затравленный, каким я увидел своего друга в тюремной камере. Здесь многие не выдержали бесчеловечного обращения.

В здании суда всю нашу скованную цепью компанию завели в комнату для переговоров. Каждого выслушала женщина-адвокат из Американского союза за гражданские свободы и задала несколько вопросов. Когда очередь дошла до меня, она улыбнулась и назвала меня по имени. Потом нас отвели в зал судебных заседаний и выстроили перед судьей — в настоящей мантии и с явно хорошим настроением.

Как я понял, решение принималось очень просто: освобождали всех, за кого родственники могли внести залог; остальных отправляли обратно в тюрьму. Адвокатша из АСГС заступалась за каждого заключенного, упрашивала судью повременить несколько часов, пока прибудут в суд его родственники. Тот в большинстве случаев с готовностью шел навстречу, но когда я сообразил, что кое-кто из этих людей безвинно просидел взаперти со дня взрыва моста — без суда, в полной изоляции, подвергаясь ежедневным допросам, пыткам — и что близкие уже давно похоронили

их заочно, — у меня возникло желание своими руками разорвать на них цепи и отпустить на все четыре стороны.

Когда настал мой черед, судья снял очки и внимательно посмотрел на меня сверху вниз усталыми глазами. У адвокатши тоже были усталые глаза. И у судебного пристава, который выкрикнул мою фамилию, после чего в зале у меня за спиной вдруг поднялся гул голосов. Судья стукнул один раз молотком, успокаивая публику, но продолжал смотреть на меня. Потом утомленно потер виски и заговорил:

— Мистер Йаллоу, обвинение утверждает, что вы представляете угрозу для авиаперелетов. И думаю, не без основания. В любом случае за вами числится больше, так сказать, *подвигов,* чем за всеми присутствующими здесь. Я склонен оставить вас под стражей до полного расследования вашего дела и рассмотрения его в суде, независимо от размера залога, который готовы внести ваши родители.

Адвокатша хотела возразить, но судья остановил ее взглядом и снова потер виски.

— Что вы можете сказать? — обратился он ко мне.

— У меня была возможность скрыться, — ска-

зал я. — На прошлой неделе. Одна девушка предложила мне помочь уехать из города и легализоваться под новой фамилией. Вместо этого я украл у нее телефон, спрыгнул с грузовика и убежал. В памяти ее телефона была разоблачающая улика, фотография моего друга Даррела Гловера, и я передал его журналистке, а сам спрятался.

— Вы украли телефон?

— Я решил, что не должен прятаться от правосудия. Украденная свобода ничего не стоит, если мой город по-прежнему под властью ДНБ, мои друзья за решеткой, а меня считают преступником. Свободная страна мне важнее, чем личная свобода.

— Вы украли телефон?

Я согласно кивнул.

— Да, украл. Но верну его, если только мне удастся разыскать ту девушку.

— Что ж, благодарю вас, мистер Йаллоу. Вы хорошо владеете своим языком, молодой человек. — Судья сердито посмотрел на обвинителя. — Кое-кто сказал бы, что и нервами тоже. Сегодня утром в новостях показали некую видеозапись. Ее содержание предполагает, что у вас имелись определенные основания избегать властей. В свете этого и с учетом произнесенной вами короткой

речи я готов отпустить вас под залог, но прошу обвинителя добавить к иску обвинение в краже телефона. И, соответственно, увеличиваю сумму залога на пятьдесят тысяч долларов.

Он опять стукнул молотком, и адвокатша пожала мне руку.

Судья еще раз внимательно посмотрел на меня и надел обратно свои очки, дужками стряхнув с жестких, кудрявых волос маленький снегопад из перхоти, которая и без того обильно покрывала на плечах его мантию.

— Можете идти, молодой человек. И впредь постарайтесь избегать неприятностей.

Не успел я повернуться, как кто-то налетел на меня и чуть не сбил с ног. Оказалось, папа. Он по-медвежьи облапил меня, так что косточки затрещали, и буквально поднял в воздух. Мне сразу вспомнилось, как он обнимал меня в детстве — сначала стремительно вертел «самолетиком», отчего восторженно замирало сердце и тошнотворно кружилась голова, а в довершение подбрасывал высоко в воздух и ловил, вот так же больно сдавливая в своих объятиях.

Пара более нежных рук высвободила меня из его хватки — мама! Несколько мгновений она с расстояния молча всматривалась в мое лицо, буд-

то выискивая в нем что-то. По ее щекам катились слезы. Она улыбнулась, но тут же всхлипнула и прижала меня к себе, а папины руки обняли нас обоих.

Когда я наконец сумел перевести дыхание после родительских объятий, то первым делом спросил:

— Что с Даррелом?

— Я виделся с его отцом, — ответил папа. — Даррел в больнице.

— Поехали к нему!

— Мы как раз сейчас и собираемся это сделать, — сказал папа. — Только… — Он запнулся. — Впрочем, врачи говорят, что все будет в порядке, — добавил он сдавленным голосом.

— А Энджи?

— Мама забрала ее домой. Она хотела дождаться тебя, но…

Я все понял. И вообще, меня переполняло понимание того, что сейчас чувствуют все эти люди, насильно разлученные со своими близкими. Никакие судебные приставы не могли остановить слезы и объятия родственников бывших заключенных.

— Поехали к Даррелу! — сказал я папе. — Да, можно мне воспользоваться твоим телефоном?

Я позвонил Энджи по дороге в общегородскую больницу Сан-Франциско, которая находилась на той же улице. Мы договорились встретиться вечером, после ужина. Речь Энджи звучала в трубке приглушенно и торопливо. Ее мама еще не решила, стоит ли наказывать дочь, и Энджи не хотела без необходимости испытывать судьбу.

В коридоре перед палатой Даррела дежурили два копа из полиции штата. Они сдерживали легион репортеров, поднимавшихся на цыпочки, чтобы заглянуть им за плечи и сделать снимок. При нашем появлении нас ослепили десятки фотовспышек, и я невольно потряс головой, пытаясь восстановить зрение. По дороге на заднем сиденье машины я переоделся в чистое, которое привезли мне родители, а в туалете здания суда кое-как умылся и причесался, но так и не избавился от неприятного ощущения грязного тела и неопрятного вида.

Несколько журналистов окликнули меня по имени — ну да, конечно, я же теперь знаменитость! Копы тоже с интересом взглянули на меня — очевидно, узнали меня либо в лицо, либо услышав мою фамилию.

Отец Даррела встретил нас в дверях палаты, одетый в штатское — джинсы и свитер, в каких я

привык его видеть, — но с приколотыми на груди орденскими планками. Он говорил шепотом, чтоб не слышали газетчики:

— Спит! Недавно проснулся, заплакал и не мог остановиться. Врачи дали ему успокоительное.

Вслед за мистером Гловером мы подошли к кровати, на которой лежал его сын. Даррела помыли и причесали. В уголках его приоткрывшегося во сне рта белели капельки слизи. В палате стояла вторая кровать с лежащим на ней мужчиной лет сорока, арабской внешности. Я узнал в нем своего соседа по цепи, к которой нас приковали, увозя с Острова Сокровищ. Мы неловко помахали друг другу в знак приветствия.

Я повернулся к Даррелу и взял его за руку. Ногти на пальцах были обгрызены до мяса. Он и в детстве грыз ногти, но в средней школе избавился от этой привычки. Кажется, Ван отучила его, постоянно внушая, как мерзостно он выглядит с пальцем во рту.

У меня за спиной мои родители и мистер Гловер отошли в сторонку и задернули за собой занавеску, оставив нас с Даррелом вдвоем. Я опустил голову рядом с ним на подушку. На щеках и подбородке Даррела пробивалась редкая растительность, напомнившая мне бороденку Зеба.

— Привет, Ди, — сказал я тихо. — Все в порядке. Ты выкарабкаешься.

Он всхрапнул. У меня чуть не вырвалось: «Я люблю тебя!» — слова, только единожды сказанные мной не родному человеку — в смысле, не родственнику — и которые тем более стремно повторять в адрес другого парня. В итоге я ограничился тем, что еще раз пожал ему руку. Братишка Даррел!

Эпилог

Барбара позвонила мне на «работу» в выходные, совпавшие с Днем независимости. Людям по разным причинам приходится трудиться в праздничный уик-энд, но из всех этих бедолаг, наверное, только мне не позволили провести его за городом условия подписки о невыезде.

В результате юридической сделки с меня сняли обвинения в «электронном терроризме» и «провоцировании массовых беспорядков» в обмен на мое признание себя виновным в мелком воровстве — краже Машиного телефона. Меня осудили на три месяца принудительных работ с проживанием в реабилитационном центре для несовершеннолетних преступников у нас в Мишн. На практике это означало, что днем я был «свободен» и с утра отправлялся в офис, а ночевал в интернате в общей спальне с настоящими преступниками, урками и наркоманами. Среди них присутствовали реальные малолетние бандиты.

— Маркус, ее отпускают на свободу! — сказала Барбара.

— Кого?

— Кэрри Джонстон. Закрытый военный трибунал снял с нее обвинения в неправомерных действиях. Дело засекречено. Ее оставляют на действительной службе в ДНБ и командируют в Ирак.

Кэрри Джонстон… Так зовут даму с топорной стрижкой. Это выяснилось на предварительных слушаниях в Верховном суде штата Калифорния. А больше практически ничего не выяснилось. Топорная стрижка не сказала ни слова о том, кто отдавал ей приказы, в чем заключались ее служебные обязанности, кого и за что сажали в тюрьму. Она просто просиживала в зале суда день за днем и молчала, будто язык проглотила.

Фэбээровские начальники между тем ежедневно рвали и метали по поводу «одностороннего и противозаконного» решения губернатора штата прикрыть их гнездышко на Острове Сокровищ, а также выдворения из Сан-Франциско мэром города подразделений федеральной полиции. Многие из этих копов вместе с охранниками «Гуантанамо» очутились в тюрьмах штата.

И вдруг в один прекрасный день из Белого дома не раздалось очередного негодующего заявления. Молчал и Капитолий. А назавтра на ступеньках крыльца губернаторского особняка состоялась

немногословная, напряженная пресс-конференция, на которой хозяин дома и руководитель ДНБ объявили о достижении «взаимопонимания».

ДНБ брал на себя расследование «возможных ошибок в оценке ситуации», допущенных ведомством после взрыва моста Бэй-бридж, а по его итогам обязался вынести решение на закрытом военном трибунале, который воспользуется всеми предоставленными ему полномочиями, чтобы примерно наказать нарушителей закона. В обмен сенат законодательного собрания Калифорнии получал возможность контролировать оперативную деятельность ДНБ на территории штата, в том числе право закрывать, инспектировать и перепрофилировать любые ведомственные подразделения и службы.

Представители прессы встретили это объявление оглушительным протестующим ревом, и Барбара первой задала вопрос: «Мистер губернатор, при всем уважении, мы располагаем неопровержимым доказательством того, что сотрудники ДНБ, действуя, очевидно, по приказу из Белого дома, применили пытку, известную как „имитация утопления“, к Маркусу Йаллоу, гражданину и уроженцу нашего штата. Действительно ли власти штата намерены отбросить

всякую видимость свершения правосудия в интересах своих граждан, подвергающихся бесчеловечным и противозаконным пыткам?»

Голос Барбары возмущенно дрожал, но она сумела договорить до конца.

Губернатор примирительно развел руки в стороны: «Правосудие свершат военные трибуналы. Если мистер Йаллоу или любой другой гражданин, у которого есть претензии к Департаменту национальной безопасности, желает возмещения причиненного ущерба, он, конечно, имеет право востребовать компенсацию у федерального правительства в судебном порядке».

Именно этим я сейчас как раз и занимался. В течение недели после заявления губернатора в суды поступило более двадцати тысяч гражданских исков против ДНБ. Мое дело вели юристы АСГС. Они же подали в суды запросы на получение результатов закрытых заседаний военных трибуналов, и те пока что отнеслись к ним с пониманием. Но такого я никак не ожидал.

— Барбара, выходит, ей все сошло с рук?

— В пресс-релизе указано: «После тщательного расследования событий в Сан-Франциско и в специальном антитеррористическом центре предварительного заключения на Острове Со-

кровищ настоящий трибунал пришел к выводу, что действия мисс Джонстон не дают оснований для принятия в отношении нее дополнительных дисциплинарных мер». Получается, Маркус, что мисс Джонстон как бы уже наказана.

Я скептически хмыкнул. С тех пор как меня вызволили из «Гуантанамо», Кэрри Джонстон снилась мне чуть ли не каждую ночь. Ее лицо склонялось надо мной, рот скалился в гаденькой улыбочке и произносил: «Дайте ему попить!».

— Маркус… — хотела сказать мне что-то Барбара, но я перебил.

— Ничего-ничего. Все в порядке. Я сделаю об этом видеоклип. За выходные успею. Понедельник — лучший день для запуска вирусного видео. Все вернутся с праздничного уик-энда и примутся искать в Интернете что-нибудь забавное, чтоб потом посмотреть с друзьями в школе или офисе.

По правилам моего пребывания в реабилитационном центре я два раза в неделю ходил на прием к психотерапевту. И как только перестал видеть в этих беседах что-то вроде наказания, они сразу стали приносить мне реальную пользу. Врач научил меня мыслить и действовать конструктивно в трудные жизненные периоды, не позволять негативным эмоциям съедать меня

заживо. Работа над видеоклипами здорово этому способствовала.

— Мне надо работать. — Я старался говорить нормальным, ровным голосом.

— Береги себя, Маркус, — сказала на прощание Барбара. Я положил трубку, и Энджи обняла меня сзади.

— Я только что прочитала об этом в сети, — сообщила она.

Энджи прочитывала миллионы заголовков текущих новостей с помощью специальной программы «хедлайн-ридер», которая выдергивает их, едва они появляются в сети. Энджи выполняла функции нашего официального блогера и отлично справлялась со своим делом. Она выискивала интересные статьи и тут же публиковала их на блоге, будто повар в переполненном с утра кафе, отпускающий срочные завтраки.

Я развернулся, оставаясь в руках Энджи, и тоже обнял ее. Надо признаться, в тот день производительность нашего труда была невелика. Вечером после ужина мне не разрешалось покидать интернат, и Энджи тоже не могла навестить меня там. Мы встречались только в офисе, но в обычный рабочий день не станешь целоваться у всех на виду. Так что остаться на целый день вдвоем

— слишком большой соблазн. К тому же погода стояла жаркая и душная; мы оба были в майках и шортах и, работая вместе, постоянно соприкасались открытой кожей.

— Надо сделать видеоклип, — сказал я. — Хочу закончить и выпустить его прямо сегодня.

— Отлично, — ответила Энджи. — Сделаем!

Она стала читать пресс-релиз. Тем временем я составил небольшой монолог и совместил его со знаменитой видеозаписью, на которой я позирую копам, привязанный к ватерборду — дикие глаза в ослепительном луче света, из них текут слезы, волосы свалялись, и вся морда в засохшей блевотине.

Это я на ватерборде. Есть такая пытка, называется «имитация утопления». Моего палача зовут Кэрри Джонстон. Она работает на правительство. Возможно, вы помните ее по этому видеоклипу.

Здесь я вставил видео, посланное мне Машей. На нем Джонстон общается с Куртом Руни, руководителем аппарата и главным стратегом президента США.

Американский народ не любит Сан-Франциско. Для большинства американ-

цев этот город — Содом и Гоморра, пристанище педерастов и безбожников, чье место в геенне огненной. Если кто-то и прислушивается к новостям из Сан-Франциско, то лишь потому, что исламские террористы совершили там доброе дело и взорвали их к чертовой матери!

Руни говорит так о городе, в котором я живу. По последним подсчетам, в день взрыва погибли или «пропали без вести» четыре тысячи двести пятнадцать моих земляков. Но кто-то из них, возможно, остался жив и оказался в той же тюрьме, где пытали меня. Родители и дети, братья и сестры, близкие и любимые больше никогда не увидят дорогих им людей, которых незаконно бросили в камеры секретной тюрьмы на острове посреди залива Сан-Франциско, а позже сослали к черту на кулички. Все они тщательно учтены и задокументированы, но ключи к зашифрованной информации находятся у Кэрри Джонстон…

Я опять вернулся к видео, где Джонстон сидит за столом для совещаний перед экраном с изображением смеющегося Руни.

Потом я вставил запись ареста Джонстон.

Когда ее арестовали, я думал, что правосудие

свершилось для всех людей, кого она сломила морально и физически, для всех «пропавших без вести». Но президент США… *(тут я поместил фотографию, где он, довольный и смеющийся, играет в гольф в один из его многочисленных отпусков)* …и его стратегический советник… *(теперь — снимок Руни, пожимающего руку известному лидеру террористов, когда-то считавшемуся нашим союзником)* …вмешались в судебное расследование. Они передали дело Джонстон в секретный военный трибунал, и тот ее полностью оправдал. Генералы и полковники просто не увидели ничего плохого в том, что она творила.

Я вставил коллаж из снимков сотен заключенных в камерах «Гуантанамо», опубликованный Барбарой Стрэтфорд в «Бэй Гардиан» в день нашего освобождения.

Мы избрали этих людей нашими руководителями. Мы платим им жалованье. Следовательно, они должны быть на нашей стороне. Они должны защищать наши свободы. Но эти люди… *(одна за другой мелькают фотографии Джонстон и ей подобных, взятых под крылышко трибунала)* …предали нас и наше доверие. Через четыре месяца нам предстоят очередные выборы. У нас

еще есть достаточно времени, чтобы обойти пятерых своих соседей, пятерых избирателей, которые перестали голосовать, потому что их выбор — против всех. Поговорите с ними. Возьмите с них обещание проголосовать. Возьмите с них обещание вызволить страну из рук палачей и душителей свободы, отобрать ее у тех, кто насмехался над моими друзьями, погребенными под водами залива, когда еще не высохли слезы их близких. Возьмите с них обещание поговорить, в свою очередь, с другими соседями.

Против всех — выбор большинства из нас. И он нам ничего не дает. Вы должны проголосовать и выбрать свободу.

Меня зовут Маркус Йаллоу. Меня подвергли пыткам на моей родине, но я все равно люблю ее. Мне семнадцать лет. Я хочу стать взрослым в свободной стране. Я хочу жить в свободной стране.

Изображение медленно растворилось, уступив место логотипу веб-сайта. Его нарисовала Энджи с помощью Джолу, и он же выхлопотал нам неограниченный бесплатный хостинг на «Пигсплине».

Благотворительная некоммерческая организация, в которой я работал, носила официальное наименование «Коалиция избирателей за свобод-

ную Америку», но все звали нас «икснетерами». Ее учредила Барбара вместе со своими друзьями-юристами сразу после нашего освобождения Острова Сокровищ. Первые взносы сделали спонсоры, заработавшие свои миллионы на капиталовложениях в высокотехнологичное производство, потрясенные тем, что кучка малолетних хакеров сумела надрать задницу самому ДНБ. Иногда они возили нас куда-нибудь в глубь полуострова по Сэнд-Хиллроуд, где расположились все спекулянты на инвестициях, чтобы сделать для них маленькую презентацию икснета — уйма народу желала заработать на нем.

Ну и на здоровье — меня это никак не колышет. Мне достаточно своего рабочего стола в офисе на Валенсия-стрит со входом через небольшой склад, где бесплатно раздавались диски с операционной системой «параноид-иксбокс» и проводились практические семинары по улучшению качества беспроводного подключения к сети. Поразительно много обычных посетителей добровольно оказывали нам материальную помощь как техникой *(«параноид-линукс»* можно установить почти на любую машину, не только на «иксбокс-универсалы»), так и наличными деньгами — просто из любви к икснетерам.

У нас был грандиозный план по запуску в сентябре собственной игры в альтернативной реальности, приуроченный к завершающему этапу предвыборной кампании. Мы рассчитывали активизировать избирателей, заинтересовать их в участии в голосовании. На последних выборах в Америке на пункты голосования явились только 42 процента избирателей. То есть те, кто не голосовал, составляют большинство. Я неоднократно приглашал Даррела и Ванессу на наши планерки, но всякий раз получал отказ под разными предлогами. Они теперь много времени проводят вместе, но Ван упорно не признает их встречи романтическими свиданиями. Даррел со мной почти не общается, хотя шлет длинные письма, в которых пишет о чем угодно, кроме Ван, терроризма и тюрем.

Пальцы Энджи сжались на моей руке.

— Господи, как я ненавижу эту женщину!

Я согласно кивнул.

— Еще одна подлянка, которую наше правительство подбрасывает Ираку. Если б ее прислали в мой город, я бы подался в террористы.

— Ты и так подался в террористы, когда ее прислали в твой город, — заметила Энджи.

— Вот именно, — опять согласился я.

— Ты пойдешь на слушание дела мисс Галвез?

— Конечно!

Я познакомил Энджи с мисс Галвез недели две назад, когда моя бывшая учительница пригласила меня на ужин. Профсоюз учителей добился пересмотра решения о ее увольнении в Совете объединенного школьного округа Сан-Франциско. Говорят, Фред Бенсон собственной персоной явится, чтобы выступить против восстановления мисс Галвез в прежней должности, хотя сам уже вышел (досрочно) на пенсию. Мне было интересно, чем дело кончится, да и повидать мисс Галвез очень хотелось.

— А не ударить ли нам по буррито?

— С удовольствием!

— Погоди, захвачу свою приправу!

Перед уходом я еще раз проверил свой старый почтовый ящик на сервере Партии Пиратов. Туда еще стекала струйка сообщений от икснетовцев, которые по каким-то причинам до сих пор не знали моего адреса в «Коалиции избирателей».

Самое последнее сообщение поступило с какого-то левого ящика, расположенного на одном из недавно вылупившихся бразильских серверов, гарантирующих анонимность своим пользователям.

> Я нашел ее, спасибо. Не ожидал, что она такая цыпа!

— А *это* от кого? — спросила Энджи. Я засмеялся.

— От Зеба. Помнишь его? Я дал ему адрес Маши, пусть, думаю, познакомятся, раз оба пустились в бега.

— Это он *Машу* называет *цыпой?!*

— Не суди парня строго, просто он не той головой думает.

— А ты?

— Что — я?

— Ты тоже не той головой думаешь?

Я отстранил от себя Энджи и, будто изучая получше, несколько раз обвел ее взглядом с головы до ног и обратно. Потом взял ее щеки в свои ладони и всмотрелся через толстые стекла очков в большие, лукаво прищуренные глаза. После перевел взгляд на волосы и погладил их, разделив пальцами на прядки.

— Энджи, еще никогда в жизни мои мозги не соображали так хорошо, как сейчас.

И тогда она поцеловала меня, а я — ее, и мы с ней не сразу выбрались за буррито.

Послесловие Брюса Шнейера

Я специалист по охранным системам. Моя работа — обеспечивать безопасность людей.

Я придумываю сначала охранные системы, затем способы взломать их, а после — как сделать эти системы еще надежнее. Компьютерные системы безопасности. Системы наблюдения. Системы безопасности самолетов, компьютеров для подсчета голосов избирателей, арфидных чипов и всего остального.

Кори пригласил меня на последние страницы своей книги, чтобы я рассказал вам, насколько интересно заниматься охранными системами. Невероятно интересно! Это как кошка с мышкой, кто кого перехитрит, игра в охотника и добычу. По мне, так это самое захватывающее занятие в мире. Если вам было интересно читать о том, как Маркус, насыпав в ботинки камешки, перехитрил систему идентификации личности по походке, то представьте себе, насколько интереснее самому додуматься до этого!

Работа с охранными системами требует глубоких технических знаний — к примеру, ком-

пьютерных и сетевых технологий, принципов функционирования систем видеонаблюдения, методов химического распознавания взрывчатых веществ и так далее. Но по большому счету прежде всего важен склад ума. Направленность мышления. Маркус являет собой отличный образец такой направленности мышления. Он постоянно выискивает слабые места в охранных системах. Могу поспорить, входя в магазин, он думает, как стащить с прилавка товар, чтоб его не застукала охранная система. Однако это не значит, что он украдет — заметьте разницу между пониманием, как обмануть охранную систему, и действительным обманом, — но будет знать, что может сделать это и остаться незамеченным.

Таков склад ума всех специалистов в области безопасности. Мы постоянно смотрим на охранные системы и думаем, как их обмануть. И нас уже не исправить.

Для специалиста такой способ мышления важен, независимо от того, по какую сторону охраняемого объекта он находится. Если вас наняли защитить супермаркет от магазинных воров, вы должны уметь незаметно красть вещи с прилавков. Если вы конструируете видеосистему идентификации личности по походке, вам стоит

предусмотреть, что люди могут подсыпать себе камешки в ботинки — поскольку, если вы не сделаете этого, ничего путного у вас не получится.

Не поленитесь и выберите минутку взглянуть повнимательнее на охранные системы, окружающие вас повсюду. Вот видеокамеры в магазине, где вы обычно затовариваетесь. (Способны ли они предотвратить кражу или просто отпугивают вора в соседний магазин?) Приглядитесь, как работает ресторан. (Если посетители оплачивают свой обед после того, как съедят его, то почему они не уходят, не заплатив?) Обратите внимание на систему безопасности аэропорта. (Можно ли пронести в самолет оружие?) Подсмотрите за кассиром в банке. (Банковская система безопасности должна предотвращать воровство со стороны кассиров не хуже, чем защищать банк от грабителей.) Понаблюдайте за муравейником. (Насекомые — прирожденные охранники.) Почитайте Конституцию и найдите все способы, какими она защищает народ от правительства. Оглянитесь вокруг: светофоры, дверные замки и системы безопасности, которые вы видите в реальной жизни и в кино, — от чего они защищают и от чего нет, как работают их предохранительные системы, почему дают сбои и можно ли этим

воспользоваться?

Попробуйте настроиться на такой образ мыслей, и через некоторое время вы будете иначе воспринимать окружающий мир. Вы поймете, что многие из увиденных вами охранных систем в действительности не выполняют свою главную функцию и что наша национальная безопасность по большей части представляет собой пустую трату денег. Вам станет ясно, что неприкосновенность личности — не помеха безопасности, а ее необходимое условие. Вы перестанете заботиться о том, что беспокоит других людей, и начнете переживать по поводам, о которых остальные даже не задумываются.

Вы обретете способность замечать в охранных системах то, что до вас никому не приходило в голову. И, может быть, откроете новый способ взломать какую-нибудь систему безопасности.

Вот так всего несколько лет назад кто-то додумался до фишинга.

Меня часто поражает, насколько просто взломать ставшие довольно известными охранные системы. Причин этому множество, но главная заключается в том, что нельзя гарантировать стопроцентную защиту. Можно лишь попытаться взломать ее, и если вам это не удастся, вы докаже-

те, что защита стопроцентно надежна против *вас*. А если найдется умелец получше, чем вы? Любой способен создать систему безопасности достаточно крепкую, чтобы себе самому обломать зубы.

Эта мысль не сразу укладывается в голове. Задумайтесь на секунду — ведь ни один конструктор не обладает достаточной квалификацией, чтобы выявить огрехи в созданной им системе защиты, иначе увидел бы их в процессе работы и устранил. Анализ должен проводить только посторонний специалист, способный увидеть то, что скрыто от конструктора в силу его собственной ограниченности.

Следовательно, всем нам не возбраняется присмотреться к существующим вокруг охранным системам. На удивление часто кто-то из нас отыскивает дыру в одной из них. И находки Маркуса вовсе не кажутся притянутыми за уши — в жизни они случаются постоянно. Зайдите в Интернет и поищите информацию по запросам «bump key» или «Bic pen Kryptonite lock». Вы найдете пару очень интересных историй о том, как с помощью примитивного инструмента удавалось вскрыть, казалось бы, достаточно надежную охранную систему.

И если на вашу долю выпадет подобная удача,

незамедлительно опубликуйте эту информацию где-нибудь в Интернете. Секретность и безопасность — не одно и то же, как может показаться на первый взгляд. Только никчемная система безопасности уповает на секретность; хорошая выполняет свою функцию, даже если вся ее структура и принципы широко известны.

А когда слабые места охранной системы становятся широко известны, конструкторы вынуждены улучшать ее, а мы повышаем свой уровень потребителей услуг безопасности. Если вы купили велосипедный замок фирмы «Криптонит», который можно открыть биковской шариковой ручкой, то вам за ваши деньги подсунули низкокачественную охранную систему. Точно так же, если несколько смышленых ребят способны одолеть антитеррористическую технологию ДНБ, тогда она не годится и в борьбе против настоящих террористов.

Глупо жертвовать личной неприкосновенностью ради своей безопасности; еще глупее в результате этой сделки так и не обрести эффективного обеспечения безопасности.

Так что закрывайте книгу, и вперед! Мир полон охранных систем. Взломайте хотя бы одну.

Брюс Шнейер www.schneier.com

Послесловие Эндрю «Банни» Хуана, хакера иксбокса

Хакеры — это первопроходцы, пионеры освоения цифровых технологий. Им не привыкать ставить под сомнение устоявшиеся стереотипы и браться за решение самых трудных задач. Любая сложная система — забава для хакера; отсюда, как побочный эффект, его естественный интерес к проблемам, связанным с безопасностью. Общество являет собой большую сложную систему, а значит, представляет особый интерес для хакеров. В итоге о них зачастую складывается представление как об иконоборцах и социальных маргиналах, которые по своей беспокойной натуре и другим покоя не дают. Когда я в 2002 году, будучи студентом Массачусетского технологического университета, «расколол» иксбокс, у меня и в мыслях не было бунтовать или наносить кому-то ущерб; я только следовал внутреннему бессознательному влечению, какое возникает, когда берешься ремонтировать сломанный айпод или из любопытства лезешь на крыши и в туннели МТУ.

К сожалению, тот факт, что хакеры не вписываются в рамки социальных норм, в сочетании с их «опасным» умением считывать информацию с пластиковых карт и вскрывать замки, вызывает у части населения боязливое отношение к ним. Однако типичная мотивация хакера проста, как у любого инженера: я создаю конструкции, потому что мне нравится это делать. Меня часто спрашивают: «Зачем вы взломали систему защиты иксбокса?» Ответить на этот вопрос нетрудно. Во-первых, вещи, которые я покупаю, становятся моей собственностью. Если кто-то говорит мне, что можно и что нельзя делать с моей аппаратурой, значит, это не моя аппаратура. Во-вторых, потому что руки чешутся. Икс-бокс — достаточно сложная система, следовательно, представляет интерес. Мне было очень приятно копаться в ней по ночам, отдыхая от работы над моей диссертацией.

Мне повезло. Тот факт, что я хакнул иксбокс, когда учился на выпускном курсе аспирантуры МТУ, оправдал мой поступок в глазах нужных людей. Однако право быть хакером не должно ограничиваться студентами вузов. Я начал заниматься этим совсем мальчишкой, учеником начальной школы, и, к немалому огорчению

родителей, разбирал на детали любой электрический прибор, какой попадался мне под руки. Мое домашнее чтение включало книги по ракетному моделированию, артиллерии, ядерному оружию, а также изготовлению взрывчатки — их я брал в нашей школьной библиотеке (думаю, существенное влияние на библиотечный выбор в государственных школах оказала холодная война). Кроме того, я вдоволь наигрался с самодельными фейерверками и излазил все открытые стройплощадки тогда еще только возводящегося жилья в моем районе Мидвестерн — занятия, возможно, не самые благоразумные, однако наделившие меня ценным опытом, который пригодился в более зрелом возрасте. Опять же терпимость и доверительное отношение родителей и соседей воспитали во мне свободомыслие.

Жизненные реальности оказались не слишком благоприятными для начинающих хакеров. Сюжет «Младшего брата» показывает, насколько внезапно мы можем переместиться из сегодняшней действительности в мир, где умирает социальная терпимость к новым, непривычным мыслям. Недавнее событие продемонстрировало, как близко подошли мы к черте, отделяющей нас от ситуации, описанной в «Младшем брате».

Мне посчастливилось прочитать самый первый вариант книги еще в ноябре 2006-го. Спустя каких-то два месяца, в конце января 2007 года, бостонская полиция обнаружила предполагаемые взрывные устройства и закрыла город на целый день. Устройства оказались всего лишь электронными платами с мигающими светодиодами, рекламой мультипликационного шоу на «Картун-Нетворк». Художников, сотворивших это урбанистическое граффити, арестовали и завели на них уголовное дело. В итоге продюсеры телешоу раскошелились на два миллиона долларов штрафа, а руководитель «Картун-Нетворк» был вынужден со скандалом уйти в отставку.

Так что же, получается, террор победил? Неужели мы настолько запуганы, что легко готовы разглядеть террористов в разного рода фанатах, граффитчиках, хакерах, иконоборцах, в никому не мешающей группе подростков, увлеченной игрой в «Харадзюку-Фан-Мэднес»?

Подобная дисфункция обозначается в медицине термином «автоиммунная болезнь» — когда защитная система организма впадает в такой раж, что перестает узнавать родные клетки и атакует их. В результате организм саморазрушается. Именно сейчас Америка находится на грани

анафилактического шока, пресытившись своими свободами, и нам необходимо сделать самим себе предохранительную прививку. От этой паранойи не излечит научно-технический прогресс, напротив — прогресс способен усугубить ее. По сути, он превращает нас в заложников собственной изобретательности. Не решает проблему и принуждение миллионов людей ежедневно снимать с себя обувь и верхнюю одежду и проходить в таком виде через рамки металлоискателей. Это лишь в очередной раз напоминает населению, что им есть чего бояться, а для целеустремленного противника создает не более чем легко преодолимую преграду.

Истина же заключается в том, что мы не можем ждать и надеяться, когда кто-то придет и вернет нам утерянное ощущение свободы. Нет, никакой M1k3y не объявится и не спасет нас в тот день, когда свобода уступит место паранойе.

Потому что M1k3y сидит в тебе и во мне. «Младший брат» — это напоминание нам, что каким бы непредсказуемым ни было наше будущее, свобода не добывается посредством охранных систем, криптографии, допросов и выборочных обысков. Свобода завоевывается храбростью и самоотверженной решимостью жить свободно

и оставаться свободным обществом, невзирая на грозовые тучи, скопившиеся на горизонте.

Будь таким, как M1k3y! Выйди в мир и стань свободным!

Библиография

Ни один писатель не начинает творить на пустом месте — в любой своей деятельности мы, по выражению Исаака Ньютона, «стоим на плечах гигантов». Мы занимаемся заимствованием, римейками и ремиксами образцов искусства и культуры, существующих вокруг нас и созданных нашими литературными предшественниками.

Если вам понравилась эта книга, и вы хотите узнать больше, то обратитесь к многочисленным источникам информации в Интернете, в вашей местной библиотеке или в книжном магазине.

О хакинге говорят очень много. Развитие любой науки зиждется на проверке результатов, приобретении опыта и совершенствовании технологии. Хакинг как раз и представляет собой именно такой процесс, а потому на эту тему существует несметное количество публикаций.

Начните с книги Эндрю «Банни» Хуана «Как я расколол иксбокс» (No Starch Press, 2003). Это удивительная повесть о том, как Банни, тогда еще студент МТУ, разобрал по косточкам защиту иксбокса и проложил дорогу для всех последую-

щих крутых хаков платформы. Эта книга стала своего рода библией реверс-инжиниринга и «железного» хакинга.

Книги Брюса Шнейера «Секреты и ложь» (Wiley, 2000) и «Вне страха» (Copernicus, 2003) представляют собой отличные пособия для новичка, разъясняющие понятие «безопасность» и обучающие мыслить о нем критически. А его «Прикладная криптография» (Wiley, 1995) остается авторитетным первоисточником для изучения шифровального дела. У Брюса есть свой замечательный блог и лист рассылки по адресу schneier.com/blog. Криптография и безопасность — царство талантливых любителей; в движении «шифропанков» участвует множество школьников, домохозяек, пап и мам, юристов и представителей других профессий и социальных групп, и каждый по-своему долбит шифры и криптографические протоколы.

Есть великолепные журналы, пишущие о хакинге, но лучшие из них — это «2600: The Hacker Quarterly», в котором вы найдете уйму псевдонимов и восторженных рассказов о победных взломах, а также публикуемый издательством O'Рейли журнал «Make» с дельными советами по реализации ваших домашних хардвэр-проектов.

Мир электронных публикаций переполнен материалами такого рода. Два фантастических профи в области инжиниринга из Принстонского университета, Эд Фелтен и Алекс Дж. Холдерман ведут блог под названием «Свобода мастерить» (www.freedom-to-tinker.com), на котором подробно рассказывают о безопасности, подслушивающих устройствах, антипиратских технологиях и криптографии.

Не пропустите сайт «Одичавшие роботы» (xdesign.ucsd.edu/feralrobots/) Натали Джеремидженко из Калифорнийского университета в Сан-Диего. Натали и ее студенты «дрессируют» управляемых игрушечных собачек производства фирмы «Тойз-ар-ас», и те превращаются в великолепные детекторы токсических отходов. Собачек выпускают погулять в общественных парках, разбитых на территории бывших промышленных могильников, и те наглядно демонстрируют прессе, насколько отравлена там почва.

Как многие хаки, упомянутые в этой книге, DNS-туннелирование реально осуществимо. Дэн Камински, специалист первой величины в области туннелирования, опубликовал подробную инструкцию в 2004 году (www.doxpara.com/bo2003.ppt).

Гуру «гражданской журналистики» и нынешний руководитель Центра гражданских СМИ в Гарварде и Калифорнийском университете в Беркли Дэн Гилмор тоже написал потрясную книгу на эту тему. Книга называется «Мы, СМИ» (O'Reilly, 2004).

Если хотите узнать побольше о том, как хакать арфиды, то начните с опубликованной в Интернете статьи Аннали Ньюитц «The RFID Hacking Underground» (www.wirednews.com/wired/archive/14.05/rfid.html). Книга Адама Гринфилда «Everyware» (New Riders Press, 2006) — это холодящее кровь повествование об опасностях в мире арфидов.

Лаборатория Нила Гершенфелда «Fab Lab» в МТУ (fab.cba.mit.edu) в настоящее время взламывает первые в мире по-настоящему дешевые трехмерные принтеры, которые могут выдать любое изображение, о каком вы только мечтаете. Хак задокументирован в замечательной книге Гершенфелда «Fab» (Basic Books, 2005).

Книга Брюса Стерлинга «Shaping Things» (MIT Press, 2005) рассказывает, как можно использовать арфиды и фабы, чтобы заставить промышленные компании производить продукцию, которая не отравляет окружающую среду.

Кстати, о Брюсе Стерлинге. Он первым написал великолепную книгу о хакерах и законодательстве — «The Hacker Crackdown» (Bantam, 1993), которая также стала первой крупной публикацией в Интернете (копию можно найти по многим адресам, например, stuff.mit.edu/hacker/hacker.html). Именно прочтение этой книги побудило меня к сотрудничеству с «Фондом электронных рубежей», в котором я имел честь работать в течение четырех лет.

«Фонд электронных рубежей» (www.eff.org) является благотворительной организацией с участием студентов. Деньги от частных спонсоров идут на обеспечение в Интернете принципов свободы личности и слова, соблюдения законного судопроизводства и прочих зафиксированных в Декларации прав. ФЭР успешнее всех борется за свободу в Интернете, и вы можете присоединиться к этой деятельности, просто подписавшись на их рассылку и заявив письменный протест избранным вами правителям, если тем взбредет в голову предать вас под предлогом борьбы с терроризмом, пиратством, мафией и любым другим из нынешних надуманных жупелов. ФЭР также координирует работу многих анонимайзеров, которые представляют собой реальную

технологию, имеющуюся в вашем распоряжении *здесь и сейчас,* чтобы ускользнуть от цензорского файервола вашего правительства, школы или библиотеки (tor.eff.org).

ФЭР располагает огромным веб-сайтом с изумительной информацией, рассчитанной на широкую аудиторию — так же, как и «Американский союз за гражданские свободы» (aclu.org), «Общественное знание» (publicknowledge.org), «Свободная культура» (freeculture.org) и «Творческие общины» (creativecommons.org). Все эти организации заслуживают вашей поддержки. «Свободная культура» — международное движение учащихся, которое активно привлекает к сотрудничеству школьников и студентов и создает свои местные отделения в школах и вузах. Это дает возможность каждому школьнику и студенту ощутить свою причастность и изменить себя к лучшему.

Многие сайты ведут хронологию борьбы за киберсвободы, но считанные делают это с таким задором, как сайт «Слэш-дот» в своих «Новостях для фанатов о важном» (slashdot.org).

И, конечно же, вы просто обязаны заглядывать в «Википедию» — энциклопедию, написанную интернетовским авторским коллективом, в ре-

дактировании которой может принять участие каждый желающий. В ней только на английском языке насчитывается больше миллиона статей. Темы хакинга и контркультуры раскрыты в «Википедии» с потрясающей глубиной, а информация актуальна до последней наносекунды. Одно предостережение: по-настоящему важно не только прочитать саму статью, но и ознакомиться с «Историей» и «Дискуссией» в шапке каждой страницы «Википедии», чтоб понять, как сформировалась текущая версия, оценить различия в точках зрения и сделать собственный вывод, чья информация заслуживает большего доверия.

Но если вы хотите почерпнуть действительно запретных знаний, вам прямая дорога на «Криптом» (cryptome.org), пользующийся всемирной славой архив секретной, закрытой и освобожденной информации. Отважные издатели «Криптома» собирают и публикуют материалы, полученные у госчиновников на основании Акта о свободе информации, иди просочившиеся в результате организованных и случайных утечек.

Лучшим художественно-литературным произведением об истории криптографии, бесспорно, является «Криптономикон» Нила Стивенсона (Avon, 2002). Рассказывая об Алане Тьюринге

и шифровальной машине нацистов «Энигма», автор создал захватывающий военный роман, от которого невозможно оторваться.

Упомянутая в «Младшем брате» Партия Пиратов реально существует и в период написания этой книги (июль 2006) преуспевала в Швеции (www.piratpartiet.se), Дании, США и во Франции. Они, конечно, от нас далековато, но движение всеобъемлющее.

Продолжая о тех, кто далеко: Эбби Хоффман и йиппи действительно хотели поднять в воздух Пентагон, выбрасывали деньги на фондовую биржу и работали с группой, именовавшей себя «К стенке, мазэфакеры». Классическое произведение Эбби Хоффмана «Укради эту книгу» (Four Walls Eight Windows, 2002) снова в печати, а также в онлайне на коллективном вики для тех, кто хочет попытаться актуализировать его (stealthiswiki.nine9pages.com).

Автобиография Хоффмана, озаглавленная «Скоро на широком экране» (в бумажном виде издана Four Walls Eight Windows), является моими любимыми мемуарами и написана в ярком художественном стиле. Хоффман вообще был потрясающий рассказчик и, как великий активист, обладал невероятной интуицией. Но если

вы действительно хотите знать, как он прожил свою жизнь, почитайте «Укради эту мечту» Ларри Сломана (Doubleday, 1998).

А вот еще порция контркультуры ради развлечения: роман «В дороге» Джека Керуака можно приобрести практически в любом букинистическом магазине за пару баксов. «Вопль» Аллена Гинзберга есть на многих сайтах, а также в авторском исполнении в формате MP3 на archive.org. В качестве бонуса предлагаю вам найти альбом «Tenderness Junction» в исполнении «Fugs», который включает аудиозапись церемонии вознесения Пентагона Алленом Гинзбергом и Эбби Хоффманом.

Эта книга не была бы написана, если бы не «1984» — грандиозный, судьбоносный роман-антиутопия Джорджа Оруэлла о том, что может случиться, если в обществе все пойдет наперекосяк. Я впервые прочитал его в двенадцать лет и после перечитывал раз тридцать или сорок, неизменно познавая что-то новое для себя. Оруэлл был мастер сочинять сказки и явно не переваривал тоталитарный режим, возникший в Советском Союзе. «1984» и в наши дни занимает заметное место среди «ужастиков» научной фантастики и относится к литературным произведениям, ко-

торые буквально изменили мир. Сегодня эпитет «оруэллский» является синонимом государства, в котором практикуются двуличие, поголовная слежка и пытки.

Многие авторы более подробно останавливались на темах, затронутых в «Младшем брате». Выдающийся юмористический шедевр Даниэла Пинкуотера «Алан Мендельсон — мальчик с Марса» (в настоящее время готовится к переизданию в составе сборника «Пять повестей», FarrarStraus Giroux, 1997) должен прочитать каждый компьютерный фанат. Если ты когда-нибудь чувствовал себя отверженным или слишком умным, или непохожим на других, ПРОЧТИ ЭТУ КНИГУ! Она изменила мою жизнь.

Из более современных произведений рекомендую книгу Скотта Вестерфельда «Настолько вчера» (Razorbill, 2004), повествующую о приключениях крутых охотников и джамеров от контркультуры. Скотт и его жена Джастин Ларбалестьер — а вместе с ними и Кейт Коджа — отчасти вдохновили меня написать книгу для молодых взрослых. Спасибо, друзья.